

Е. В. ГИЛЕВА, В. Б. ПОНОМАРЕВ

ВЫПУСКНИКИ – ГОРДОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА

к 70-летию НГТУ НЭТИ

НОВОСИБИРСК
2021

ББК 74.484.4(2Рос-4Нос)

Г 47

Гилева Е.В.

Г 47 Выпускники – гордость университета. К 70-летию НГТУ НЭТИ / Е.В. Гилева, В.Б. Пономарев. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2021. – 402 с.

ISBN 978-5-7782-4402-3

Книга содержит очерки о выпускниках НГТУ НЭТИ, представленных в галерее «Выпускники – гордость университета» на третьем этаже первого учебного корпуса.

Каждый очерк основан на продолжительном разговоре авторов с его героем и отражает его личный взгляд на события своей жизни.

Мы считаем, что знакомство читателей, в первую очередь студентов НГТУ НЭТИ, с выдающимися выпускниками, внесшими несомненный вклад в развитие как региона, так и всей страны, будет полезным.

Издание подготовлено и осуществлено за счет средств региональной общественной организации «Ассоциация выпускников НГТУ-НЭТИ» и является ее подарком к 70-летию Alma mater.

ББК 74.484.4(2Рос-4Нос)

ISBN 978-5-7782-4402-3

© Гилева Е.В., Пономарев В.Б., 2021

© Новосибирский государственный
технический университет, 2021

Воспитание... лучших черт человеческого характера, убежденности, преданности делу нельзя восполнить или подменить даже самой высокой профессиональной подготовкой.

Лыщинский Г.П. – ректор НЭТИ с 1955 по 1990 год, профессор, почетный гражданин города Новосибирска

ПРЕДИСЛОВИЕ

19 августа 1950 г. И.В. Сталин подписал постановление Совета министров СССР о создании Новосибирского электротехнического института (с 24 декабря 1992 г. – Новосибирский государственный технический университет).

1 сентября 1953 г. к занятиям приступили первые студенты НЭТИ – 75 человек на электромеханическом факультете и 75 человек на радиотехническом факультете.

Был дан старт славной истории становления и развития одного из лучших высших технических учебных заведений страны.

Руководивший НЭТИ с 1955 по 1990 г. профессор Георгий Павлович Лыщинский был явным и несомненным лидером этого исторического процесса.

В левобережной части Новосибирска на бывшем картофельном поле вырос прекрасный вузовский городок с многочисленными учебными корпусами, общежитиями, спортивными и культурными сооружениями.

Первый выпуск НЭТИ состоялся в 1958 г. На 2020 г. вузом подготовлено порядка 180 тысяч высококлассных специалистов (диплом НЭТИ получили 35 выпусков, диплом НГТУ – 28 выпусков). Есть среди них и те, кем по праву вуз может гордиться. Три года назад Ассоциация выпускников НГТУ-НЭТИ провела работу по созданию в первом учебном корпусе галереи «Выпускники – гордость университета», в которой представлены портреты 100 выдающихся выпускников – представителей науки, промышленных предприятий, бизнеса, государственной и муниципальной власти, спорта.

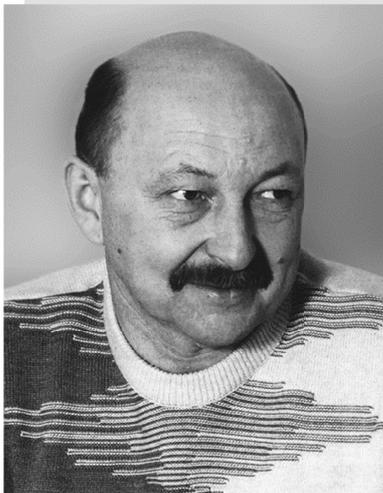
Очень важно понимать, что основная «продукция» вуза – это выпускники.

Чем бóльших высот они достигают, тем выше рейтинг университета, его значимость и ценность для государства.

Два года назад по предложению директора Совет Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ принял важное решение – подготовить к 70-му юбилею alma-mater книгу очерков о выдающихся выпускниках. Перед вами результат этой работы. Надеюсь, что каждому читателю будет интересно узнать реальную жизненную историю тех выпускников, чья жизнь и судьба являются примером для подражания, служения выбранному делу и желания сделать жизнь других людей лучше.

Сожалею, что не удалось сделать очерки обо всех представленных в галерее выпускниках – это следующий этап работы Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ.

*Директор Ассоциации выпускников
НГТУ-НЭТИ В.Б. Пономарев*

АБАЛАКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

**Выпускник 1982 года,
факультет автоматики
и вычислительной техники (АВТФ)**

Основатель (1989) и председатель Совета директоров ГК «F1». Депутат Государственной думы Федерального собрания РФ VI созыва (2011–2016). Депутат Новосибирского областного Совета (2005–2010). Вице-президент Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ. В Группу компаний «F1» входят более 40 предприятий и структурных подразделений, в которых трудятся более 2000 человек.

«Мне всегда везло на хороших людей рядом»

Историю своей жизни Александр Николаевич начинает с рассказа об учителях: учитель математики научил мыслить логически, учитель русского языка – мыслить системно (до сочинения следовало написать его план), учительница химии в благодарность за выигранную олимпиаду отсыпала из школьных запасов магния и марганцовки, чтобы юный Александр Николаевич мог делать бомбочки, а учитель начальной военной подготовки подарил шахматы с напутствием: «Саша, умея правильно играть в жизни».

Потом он говорит о преподавателях вуза: с ними всегда можно было поговорить и поспорить, более того, они провоцировали дискуссии на своих занятиях. Из курса «Экономика отрасли» Александр Николаевич усвоил: необходимо привлекать ресурсы только тогда, когда они тебе нужны. Сегодня он удивляется: «Ведь это противоречило плановой экономике! Это говорилось в 1981 году! Прибор тебе нужен две минуты, а все остальное время он должен быть в общем пользовании...»

И тогда он понял, что инженеру необходимо понимать экономику и что суть многих мировых проблем не в идеологии, а в организации системы управления.

Александр Николаевич рассказывает, как кто-то из преподавателей однажды дал сложную задачу и сказал: «Кто ее решит за пятнадцать минут, тому поставлю "автомат" – пятерку». Александр Николаевич с другом решили.

Дипломная работа выростала на кафедре информационно-измерительной техники, ее машинный зал находился тогда в 4-м корпусе на 3-м этаже. Александр Николаевич говорит: «С тех пор прошло сорок лет, а мне до сих пор перед началом работы нравится представлять эту атмосферу: вечер, гул машин, приглушенный свет, окно выходит в пустой двор НЭТИ, где между вторым и четвертым корпусами еще ничего нет...»

Александр Николаевич вспоминает, как в то время почти всей лабораторией голографических методов измерения подрабатывали в оперном театре монтировщиками декораций: «Нам сильно не нравилась опера – там всегда было много декораций, особенно не по душе была опера "Садко" – там был большой корабль, мы сидели внутри и таскали его по сцене. Тогда мы полюбили балет».

После каждой истории он говорит сегодня о том, как важно, чтобы человеку было интересно учиться и работать, он цитирует Конфуция: «Найдите работу, в которую влюбитесь, и вам больше не придется трудиться ни одного дня в жизни».

* * *

Александр Николаевич родился в Алтайском крае в с. Сорокино, в школе побеждал в олимпиадах по математике и физике, интересовался радиотехникой. Живя в деревне, он собирал любительские радиоприемники: «В 1974 году на АТС¹ списали старое оборудование, мы тогда столько всего себе набрали!» В 9-м классе вдвоем с одноклассником Александр Николаевич сделал самую настоящую автоматическую «бегущую строку» с лампочками, чтобы девчонок поздравить с 8 Марта.

¹ АТС – автоматическая телефонная станция.

* * *

Распределение Александр Николаевич получил в трест «Химэлектромонтаж», где одним из руководителей был Анатолий Романович Шеховцов².

Свои первые шаги в профессии Александр Николаевич описывает так: «Есть чья-то хорошая фраза: “Когда вы приходите на новое предприятие, вы знаете, как его переделать, усовершенствовать его работу. В этом случае начните со своего рабочего места”. Как в той шутке: “Все знают, как управлять страной. Жаль, что все они работают таксистами». Так вот, мне тогда тоже казалось, что я все знаю”.

Под руководством Юрия Владимировича Бабушкина³ Александр Николаевич участвовал во внедрении автоматических систем управления на предприятиях среднего машиностроения (в рамках развития атомной энергетики). Тогда впервые система управления стала рассматриваться в качестве фрагмента производственной технологии. В начале 1980-х гг. это воспринималось как революционное событие. Александр Николаевич говорит: «Мне посчастливилось работать рядом с людьми, которые в своем деле были лучшими в стране, внедряли программные системы мирового уровня».

Далее Александр Николаевич продолжает: «Бабушкин мне объяснил, что “все люди хорошие, но все люди разные”. Он всегда позволял людям проявить себя с лучшей стороны, всегда давал шанс сделать что-то настоящее, давал шанс ошибаться и учиться. Я проработал в тресте только три месяца – а меня уже отправили в Томск с серьезным заданием...»

Потом в составе команды ведущих специалистов (во главе с Ю.В. Бабушкиным и Б.В. Брусиловским) Александр Николаевич покинул трест, будучи несогласным с кадровой политикой предприятия.

В 1989 г. они создали кооператив «КОКОС»⁴ («Компьютерные комплексные системы»). В 1990 г. судьба свела Алек-

² См. в этой книге очерк об Анатолии Романовиче Шеховцове «Фрагменты географии».

³ Бабушкин Ю.В. (р. 1952 г.) – один из ведущих исследователей в области применения математических методов в системах управления.

⁴ Эволюционировал в многопрофильное предприятие «Группа компаний F1».

сандра Николаевича с А.Р. Шеховцовым, об этой встрече он рассказывает так: «Наш кооператив покупал у треста помещение, и в процессе переговоров мы сблизились с Анатолием Романовичем. Ранее, в тресте, мы с ним никак не пересекались: он тогда уже был великим небожителем, а я молодым специалистом. Теперь, когда я познакомился с ним, я понял, как глубоко я ошибался прежде, когда думал, что знаю, как все исправить, когда считал, что “начальники ничего не понимают”... В Шеховцове объединены знания, образованность, ум, прекрасные личные качества – эдакий человек “из другого, звездного” мира. Я горжусь знакомством с ним. Если вы напишете о нем что-то хорошее, я под всем подпишусь. Он научил меня вставать на место других людей».

В 2016 г. в сквере НГТУ НЭТИ Александр Николаевич и Анатолий Романович Шеховцов посадили голубые ели рядом. Александр Николаевич говорит: «Моя криво растет, но ничего, вытянется»...

* * *

«Потом благодаря Анатолию Евгеньевичу Локтю я попал в Государственную думу, пять лет там проработал, – вспоминает Александр Николаевич. – На предприятии ты сам создаешь коллектив, а там приходится работать с теми, кто оказался рядом. Там отношений нет, есть только интересы. И работа там учила меня видеть интересы отдельных людей и групп, распознавать их истинные намерения. Я понял, что нет ни одного закона, который принимался бы просто так, от глупости. Дума научила меня слышать то, чего обычно не слышишь.

Говорят, что надо всё делать вместе, дружно, сообща... Я работал в комитете по ЖКХ. Попробуйте провести собрание жильцов дома! Грубо говоря, 90 % жильцов всё равно, 5 % говорят, но не знают, как делать, 5 % хотят на этом “нажиться”.

Любой принятый закон – это результат учета многих интересов. В нем всегда проявляются базовые ценности общества.

И последнее: избираются те, кого избрали.

Был я молодой, думал: “Вот был бы я начальник, я бы чего...” Я сейчас начальник. И чего? И ничего... Знаешь, как управлять государством? Для начала проведи собрание жильцов большого дома».

* * *

Главным делом Александр Николаевич считает, кажется, все дела разом – чтобы они были в порядке. Он говорит: «Надо уйти так, чтобы никому не оставить и не создать проблем». Он говорит о том, что каждому его сотруднику должно быть интересно и что у каждого должен быть шанс проявить себя.

Он рассказывает о человеке, который однажды пришел в один из магазинов компании стажером, а через десять лет, в 31 год, стал генеральным директором Группы компаний F1: «Я уходил тогда в Думу, надо было кого-то вместо себя оставить»... Увлеченно он говорит о «соцсоревновании» на предприятиях, составляющих группу компаний: победивший коллектив может за счет группы компаний отправить на отдых за границу до 10 человек. Александр Николаевич сетует: «Мне некоторые говорят, что я опошляю идею социалистических соревнований. А я говорю: люди съездили, люди рады, организуйте сами для людей что-нибудь такое и тогда называйте как хотите».

В 1998 г., летом, перед дефолтом, Александр Николаевич организовал на своем предприятии «группу по подготовке к тяжелым временам», привлекли в нее нескольких студентов-экономистов из «нархоза»⁵: «Мы готовились к повышению курса доллара, разработали три сценария: умеренный (до 7 руб. за 1 доллар), реалистичный (до 9 руб. за 1 доллар) и невероятный (до 12 руб. за 1 доллар). Мы погасили все наши валютные обязательства, перестали закупать за доллары комплектующие компьютеров, закупили много расходных материалов, приготовились и “сели ждать”. Курс вырос до 21 руб. за 1 доллар, но нам всё равно удалось удержаться и даже немного заработать. В 2008 г. было хуже, у нас были инвестиции в недвижимость, цены упали... Но всё равно выжили».

За 30 лет существования предприятия количество работающих на нем людей выросло с 8 до 2000 человек. Профиль работы расширился: к торговле компьютерами и программным

⁵ «Нархоз» – распространенное сокращенное название Новосибирского университета экономики и управления (бывший Новосибирский институт народного хозяйства).

обеспечением добавились строительство зданий и сооружений, полиграфия, торговля канцелярскими товарами и автомобильными деталями, производство упаковки.

* * *

...В 1981 г. около НЭТИ сажали аллею в честь юбилея полета Ю.А. Гагарина и выбросили одну совсем молодую яблоню: мол, «не приживется». Александр Николаевич посадил ее под окном общежития № 6, где он тогда жил. Сегодня он рассказывает: «Она уже старая. Я иногда хожу на нее смотреть, фотографирую. Аллеи той уже нет, а она растет».

* * *

Александр Николаевич говорит: «Я состою из одной работы, и вся она интересная. Еще ходим с друзьями в горы, но что тут рассказать – ходим да ходим... На Белухе были, на Актуру... Выше 5000 метров я не поднимался. Был на Камчатке, в Южной Африке, два раза поднимался на вулкан, видел Авачинскую бухту. Был в Киргизии, в горах, там высота, слышу: птички летают – “Фрр! Фрр!” А это, оказывается, не птички, это камни – он летит и вращается, и звук – будто птичка крыльями быстро-быстро машет... Каждый год, когда спускаюсь с гор, сбрываю усы, просто так... Мечта у меня простая – выспаться. Был бы шанс второй раз прожить жизнь – оставил бы все как есть».

АЛЬТ ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ

**Выпускник 1969 года,
факультет автоматике
и вычислительной техники
(АВТФ)**

Академик РАН, доктор технических наук, профессор. Руководитель (с 1992 года) Сибирского физико-технического института аграрных проблем Сибирского федерального центра агробιοтехнологий РАН. Заслуженный деятель науки РФ. Награжден орденом Почета, медалью «За доблестный труд».

«Природу надо понимать, ценить и любить...»

Виктор Валентинович родился в городе Сретенске Читинской области. Рассказывает, что в школе учился «по-разному»: любил алгебру, побеждал в физико-математических олимпиадах, но по литературе имел четверки, а по русскому языку – тройки. В девятом классе он участвовал в первой всесибирской олимпиаде школьников, которую проводило Сибирское отделение Академии наук. Виктор Валентинович вспоминает: «Первый этап был заочный. Я сразу решил, что мне там делать нечего, но учительница мне сказала: “Будешь решать и отправлять”, и я отправил. Из нашей школы во второй тур прошли я и еще один парень. Мы приехали в Читу, нас там поселили, выдали нам талоны на питание. Я до сих пор помню, что один талон стоил 5 рублей 20 копеек. Получается, я один в неделю на этой олимпиаде ел за 36 рублей 40 копеек, а у меня папа в месяц зарплату получал 120 рублей...

После олимпиады нас, 7 победителей, привезли в Новосибирск, в Академгородок, на летнюю школу и почему-то почти

сразу отправили на субботник мыть окна в большом зале какого-то научного института. Нас приветствовал сам академик М.А. Лаврентьев¹, потом нас разделили по отрядам, к каждому отряду в кураторы назначили какого-нибудь ученого. Я помню, как нас великий математик Сергей Львович Соболев² с супругой угощали чаем на веранде. У Соболева был дома телескоп, и мы сквозь него вечерами смотрели на звезды...

Нам за месяц прочитали лекции по математике за первый и половину второго курса, нас возили на экскурсии во все вузы Новосибирска. Меня заинтересовали НИИГАиК³ и НЭТИ. Я долго колебался и выбрал НЭТИ, новую по тем временам специальность "Автоматические приборы и устройства". За вступительный экзамен по русскому языку я получил "три", по литературе – "четыре", математику устно сдал на "пять", а за математику письменно получил "четыре". Я сказал, что уверен, что всё решил правильно. Мою работу посмотрели еще раз. Дама-преподаватель говорит: "Он тут какие-то интегралы пишет...", а председатель комиссии увидел, что ответ-то в итоге верный получился, хоть и способ решения – не тот, которому учат в школе, и говорит: "Если он интегралы знает, так его надо давно принять!" И исправили оценку на пятерку.

Последним экзаменом был английский язык. А в школе сложилось так, что учителя по английскому я видел только в девятом классе... И вот стою я перед экзаменом, а рядом со мной моряк, недавно демобилизовавшийся, тоже стоит, экзамен сдает. Он меня спрашивает:

– Скажи, как по-английски "дом"?

Я говорю:

– Home.

Он спрашивает:

– А лошадь как?

¹ Академик Михаил Алексеевич Лаврентьев (1900–1980) – известный математик и механик, основатель Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН) и новосибирского Академгородка.

² Сергей Львович Соболев (1908–1989) – известный математик, академик АН СССР. Работал в области математического анализа и дифференциальных уравнений в частных производных.

³ Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, ныне Сибирский государственный университет геосистем и технологий.

Я говорю:

– Horse.

Он говорит:

– Не забыть бы!

И пошел он сдавать передо мной. Выходит, я спрашиваю, как сдал. Он говорит: “Хорошо”, и тогда я понял, что я-то, наверное, точно знаю на “отлично”! Сел сдавать – дали текст, я с трудом два первых предложения перевел. Подхожу к преподавателю, она первое предложение спросила и дальше спрашивать не стала. А вторая часть экзамена – пересказ. Преподаватель меня спрашивает, что я могу сказать о вожде Л.И. Брежнев. А мы в школе учили на английском языке текст про XXII съезд ЦК КПСС, я первую фразу из него даже во сне мог выразительно воспроизвести, сейчас уже не помню ее... Ну, я эту первую фразу и воспроизвел, что-то вроде “Генеральный секретарь нашей партии Леонид Ильич Брежнев открыл заседание XXII съезда Коммунистической Партии Советского Союза...” Преподаватель мне говорит: “Отлично!” А рядом сидела девчонка, с преподавателем на английском языке разговаривала, читала в подлиннике Шекспира. Ей четверку поставили...

Поступили. Началась реформа высшей школы. Студенты первого курса должны были прямо в первом семестре пройти производственную практику. Нас отправили на 89-й почтовый ящик – так назывался Новосибирский завод имени Коминтерна. Там я получил квалификацию “кабельщик-шнуровщик 1-го разряда”, заработал 150 рублей за две недели. Но это мне так повезло, остальные мои одноклассники получили по 15 рублей. Я поехал домой на каникулы, полетел на самолете – билет стоил 35 рублей. У меня в чемодане было три бутылки коньяка и для отца табак, “Капитанский” и “Золотое руно”.

И со второго курса я пошел работать на кафедру на полставки лаборанта, плюс на нашем факультете была самая высокая стипендия в НЭТИ, да еще мне родители раз в два месяца присылали по 20 рублей. У меня в месяц до 80 рублей получалось, а родители вдвоем на 100 рублей жили, и тем не менее я считался тогда малообеспеченным студентом и жил в общежитии. Меня привлекли к участию в студсовете, потому что я хорошо писал плакатным пером стенгазеты.

Я жил с самыми разгильдяйскими пятикурсниками, но тем не менее многому у них научился. Во время сессии режим у нас был жесткий: в 23:00 – отбой, в 4:00 – подъем. Учились только во время сессии, но сдавали исключительно на пятерки! У одного соседа была феноменальная зрительная память! А у меня еще в школе было такое свойство: если не мог решить задачу, ложился спать, а тетрадку с карандашом клал рядом на табуретку, ночью просыпался и в темноте записывал решение. У меня голова сама думает, как бы отдельно от меня. Мне специально готовиться, сидеть, даже не надо. Просто если есть какая-то задача, ее решение будто бы само в голове вызревает, даже когда над этой задачей и не думаешь.

Вот однажды, недавно, надо было сделать доклад, а я к нему не готовился. И вот выхожу, на доске что-то рисую, всё системно излагаю, всё прекрасно, сажусь на место, говорю коллеге: «Срисуй, а то я завтра забуду». Потом этот материал вошел в мою докторскую диссертацию.

Или еще пример. Лет десять назад у меня появилась идея, я ее на листочке изложил, заинтересованным людям рассказал. Они взяли мой листочек и хотели перепечатать текст и чертеж с него, но листочек потеряли. На следующий день ко мне приходят и просят еще раз нарисовать, а я не могу, я уже не помню! Недавно нашли этот листочек, так я на его основе статью написал!

Наука – это плод труда, который копится-копится, а потом его результат, когда вызревает, будто бы сам прорывается наружу. Наука развивается не последовательным сложением «кирпичика к кирпичику». Да, в основание исследования надо положить много кирпичиков, но сложатся они не в то здание, которое ты задумал, а в то, до которого еще никто не додумался. Как это ни парадоксально звучит, но величайшие архитекторы не знают, что именно они проектируют, в процессе работы замысел меняется!»

* * *

Виктор Валентинович размышляет об организации науки и производства, говорит быстро, чуть запальчиво: «Плановая

экономика в СССР всегда ориентировалась на вчерашний день, тормозила, потому что планы на новый год составлялись по предыдущему году! В такие планы нельзя было заложить ничего принципиально нового... Мой папа прожил 94 года, он говорил, что Сталин – самый лучший руководитель, потому что каждый год к 7 ноября в магазинах были уценки, и что при Хрущеве масло с 2 рублей 10 копеек подскочило до 3 рублей 10 копеек, так снижения цен и не было... Я это к чему говорю? Так рассуждает простой человек!.. Но ученый должен видеть шире. Задача ученого – принять такое решение, которое не сможет принять ни один чиновник. Ученый может прогнозировать будущее, он может оценить возможные границы полезности чего-либо. И не может эффективно руководить наукой человек, далекий от научной деятельности... О какой сиюминутной выгоде можно говорить применительно к открытию Д.С. Менделеева, если его таблица до сих пор до конца не заполнена? Проходит время, и то, что в предыдущие десятилетия казалось пустой интеллектуальной забавой, становится основой актуальных технологий! Не каждый результат научного труда можно адекватно оценить в тот момент, когда этот результат получен, особенно если речь идет об оценке его полезности».

* * *

Виктор Валентинович рассказывает: «Я более 50 лет работаю в системе ВАСХНИЛ. Когда мы защищали диплом, председателем государственной экзаменационной комиссии был сам Борис Васильевич Павлов, директор сибирского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института механизации сельского хозяйства Российской академии сельскохозяйственных наук (НИИ ВИМ). Павлов занимался акустической диагностикой, на одной из кафедр НЭТИ была целая лаборатория, которая занималась разработками в этой сфере, и я со второго до пятого курса там работал. Меня распределили в Красноярский политехнический институт ассистентом, но я туда не поехал и остался в сибирском филиале НИИ ВИМ. Так я попал в сельское хозяйство...

Потом наш институт и СибНИИА⁴ работали над проектом корабля «Буран»⁵, создавали систему контроля качества материалов гермокабины методом акустической эмиссии. За полет «Бурана» наш институт наградили золотым знаком.

В начале 1970-х на ВДНХ мы представили акустический тестер, он понравился тогдашнему Председателю Совета министров А.Н. Косыгину, он порекомендовал нас министру обороны А.А. Гречко, тот выделил нам производственные площадки на ленинградском заводе «Звезда» и еще на нескольких военных заводах, и про сельское хозяйство мы, по сути, забыли...

В 1972 г. создали Специальное опытное проектно-конструкторско-технологическое бюро СО ВАСХНИЛ. Предыстория такова. Ряд наших академиков летят на самолете в Норильск, а у самолета на крыле есть кисточка (разрядник). И вот на одном крыле кисточка трясется, а на другом – нет. В Норильске оказалось, что та кисточка, что тряслась, отломилась. После этого было принято решение о создании нашего бюро. Инициатором стал Иракий Иванович Синягин, человек уникальный: растениевод, агрохимик, автор сельскохозяйственного справочника на восьми языках...

Потом мы много работали с АвтоВАЗом, делали диагностическое оборудование гипоидной передачи заднего моста, МКПП, сделали робот для обкатки товарных автомобилей по европейскому и американскому ездовым циклам, приблизились к созданию автоматической системы управления автомобилем. Для автомобиля ВАЗ 2108 мы сделали линию обкатки двигателей, попытались автоматизировать процесс, но не смогли решить социальную проблему: через два дня оказалось, что рабочие сломали отвертками автоматические счетчики. Они вместо необходимых 15 минут тестировали двигатели по 3–5 минут, а в оставшееся время ходили чай пить или бездельничать. В итоге эти недообкатанные двигатели автоматическая система контроля не пропускала. Рабочие, чтобы обма-

⁴ Сибирский научно-исследовательский институт авиации им. С.А. Чаплыгина.

⁵ «Буран» – советский многоразовый орбитальный космический корабль.

нуть систему, отрезали провода, идущие к вычислителю... И всё тогда вернулось на круги своя, наше новаторство не сработало. Это были 1980-е годы, сейчас-то на АвтоВАЗе подобная система, конечно, есть...

Всего мы внедрили в России 22 системы анализа рабочего процесса. Аналогичные австрийские системы стоили от 100 000 до 300 000 долларов. Наши стоили около 120 000 рублей. Тогда это была небольшая разница, курс доллара близок к курсу рубля, но валюта многим предприятиям была недоступна. Наши системы работали почти на всех заводах России, где выпускали двигатели.

Ну, а в области сельского хозяйства мы тоже сделали много нового. Первыми в сельскохозяйственной науке, больше двадцати лет назад, занялись цифровизацией: стали создавать электронные базы данных по болезням животных, вредителям, сорнякам и т. д.; приборы для оценки технологичности ягодных культур, которые измеряют усилие отрыва ягодки; мы создали биотроны, позволяющие в помещении скрещивать растения и получать по три урожая в год, в два с половиной раза сократили время селекции...»

* * *

В заключение беседы Виктор Валентинович говорит об отношении к природе: «Там, где я родился, – тайга! Я ружье в руки взял в седьмом классе. Мой отец тоже был охотником, он говорил: “Я не могу понять, почему на копытных животных разрешена охота зимой? Они в это время ходят с телятами! Поэтому повсюду говорят, что надо отстреливать самцов. Но, если так делать, хорошей породы-то на следующий год не будет! Почему нельзя отстреливать их летом, когда телята уже самостоятельные и могут выживать сами?..” Я с детства усвоил, что природу надо понимать, ценить и любить. Черпать большой ложкой из нее нельзя.

Простой пример: есть колодец с прекрасной родниковой водой, если ее черпать ведрами – ее будет мало, если поставить насос – вода уйдет. Брать надо только ту толику, которая восполняется, и не более.

Сегодня самое страшное в природе – пожары. В советское время их тушили не только специалисты – с ними боролись всем миром, это было большое человеческое горе. Даже когда я был школьником, нас привлекали весной к пожаротушению. Никто из нас, из детей, тогда не сгорел, но после такой практики никто и не поджигал, потому что сами тушили, и у людей было другое отношение...»

* * *

Виктор Валентинович торопится в аэропорт кого-то встречать, убегает в солнечный январский день. У него бакенбарды, похожие на те, что носили в XIX веке аристократы, и галстук голубой, как небо.

АРАНОВСКИЙ ВИКТОР АНТОНОВИЧ

**Выпускник 1969 года,
машиностроительный
факультет (МСФ)**

Генеральный директор ПО «Тяж- станкогидропресс» (затем ОАО «ПАО «Тяжстанкогидропресс») с 1984 по 2017 г. Директор Новосибирского инструментального завода с 1974 по 1984 г. Заслуженный машиностроитель РФ. Награжден орденом «Знак Почета». ПАО «Тяжстанкогидропресс» является крупнейшим российским производителем металлорежущих горизонтально-расточных и продольно-обрабатывающих станков, гидравлических прессов, смесителей и технологической оснастки различного назначения. Предприятие выпускает продукцию, полностью соответствующую требованиям рынка по уровню применения технологических решений, что подтверждается интересом к продукции завода со стороны российских и иностранных заказчиков.

«Свою работу надо любить...»

Даниил Гранин в одном из своих романов так описывал великого советского генетика Н.В. Тимофеева-Ресовского: «...В кресле сидел Зубр. Могучая его голова... Густая седая грива его лохматилась. Он был, конечно, стар, но годы не источили его, а, скорее, задубили. Он был тяжел и тверд, как мореный дуб... Воинственно выпяченная нижняя губа придавала лицу и грубость, и породистость. В нем это сочеталось – мужицкое и утонченное. Зверское и аристократическое». Кажется, это описание подходит и к Виктору Антоновичу Арановскому.

Рассказывая о себе, он кладет ладони на стол так, как мог класть руки на карту первооткрыватель Арктики: вздув-

шиеся вены кажутся реками. Он водит ладонями по столу, будто бы прочерчивает долины на собственной, портативной земле.

* * *

Виктор Антонович родился в поселке Дамбуки Зейского района Амурской области. В июне там повсюду цветет розовыми цветами багульник. А в сентябре первый снег ложится на последнюю ярко-красную бруснику. «И когда катишься с горы, за тобою остается красная брусничная полоса, и ты приходишь домой с ног до головы в переспелой бруснике», – так рассказывает о своем детстве Виктор Антонович.

«История моя не такая длинная, – начинает он. – Там, где я родился, – прииски. Поселки Дамбуки, Могот, Гальчима, Инагорда. Лес. Эвенки. Летом – покос. Осень, зима, весна – охота... В конце 1940-х – начале 1950-х гг. еще можно было самим добывать золото и сдавать государству. Почему-то тогда ни у кого не возникало мысли присваивать его, прятать. Бывало, что за день мы намывали семьей 10–12 граммов... А медведей там водилось – как людей. Вышел за поселок – вот тебе и медведь».

Таежное детство учило слышать и лес, и зверя, и человека. Таежное детство воспитывало волю. Однажды на охоте Виктор Антонович уснул у костра, и резиновый сапог оплавился и слился с ногой настолько, что снять его смогли только с кожей. «Да это разве приключение? – говорит он сегодня. – Так, мелочи жизни. Это и тогда не казалось чем-то серьезным».

Виктор Антонович рассказывает, как после войны появились машины «студебеккеры» и как поселковые мальчишки в них забирались иногда тайком от водителя. Он увозил их километром за десять от поселка – на лесозаготовки или прииски. Там мальчишки слезли и шли пешком по тайге обратно. «Нагуляешься так, – говорит Виктор Антонович, – придешь домой, а там отец уже за тебя двор метет. Ему тогда было немного за пятьдесят, у него была борода. Я думал: “Какой же он старый!” А теперь мне уже под восемьдесят, а я всё еще хожу...»

* * *

В шестидесятые годы многие ехали с Дальнего Востока учиться именно в Новосибирск – молодой город, с заводами, научными институтами, в кузницу инженерных кадров. Приехал и Виктор Антонович. Он вспоминает: «В Новосибирске у меня никого не было. Мы с другом приехали одни, поступать. Оказались на площади Маркса. А там ничего нет, только башня и поодаль – авиационный техникум. Так мы решили пойти в авиацию».

После окончания техникума Виктор Антонович работал в СибНИИА¹, потом на заводе им. Чкалова², затем на Инструментальном заводе. «На Инструментальный завод, – говорит Виктор Антонович, – я ушел не потому, что хотел, а потому, что ездить из Октябрьского района на завод им. Чкалова было невозможно: только трамвай ходил, полный, ехать долго...»

В 1962 г. Виктор Антонович был призван в армию, служил в Ташкенте, в 1965 г. вернулся. Перед армией он успел поступить на вечернее отделение в НЭТИ и отучился почти год. Сегодня он вспоминает: «Я окончил в Ташкенте школу младших командиров. Служить мне предстояло в Чирчике... Приехали мы туда. Холодно, непривычно. Вызвали к начальнику строевой части. Он спрашивает: “Как у тебя с мозгами?” Я говорю, что техникум окончил, поступил в НЭТИ, маленько соображаю... Он говорит, что заканчивает институт по гражданской специальности, не может диплом сделать, просит помочь ему. Я говорю: “Если смогу, то помогу. Но и ты мне помоги”. Он удивился: “Чем?” Я ему рассказываю, что я учился в НЭТИ и хочу как-то продолжать, пусть заочно или экстерном... Он с кем-то переговорил, и мне разрешили учиться в Ташкентском политехническом институте на вечернем отделении. Корпус института и наш гарнизон разделял арык. Мне выписали пропуск, и я ходил учился. Ну, и начальнику этому диплом сделать помог».

В Ташкенте Виктор Антонович закончил два курса института, был круглым отличником. После дембеля вернулся на

¹ Сибирский научно-исследовательский институт авиации им. С.А. Чаплыгина.

² Новосибирский авиационный завод им. В.П. Чкалова.

Инструментальный завод. Пришел в НЭТИ, где его приняли неохотно, так как инженерная школа Ташкентского политехнического института считалась слабее. «Меня отправили поговорить с деканом, – рассказывает Виктор Антонович. – Он сказал: “Ладно”, только то и то надо досдать. Я досдал». В 1969 г. Виктор Антонович окончил вечернее отделение НЭТИ по специальности «Технология машиностроения», он был первым студентом-вечерником НЭТИ, получившим красный диплом.

После защиты диплома его назначили на заводе начальником самого крупного цеха, в его подчинении находилось больше тысячи человек. С 1970 по 1974 г. Виктор Антонович был на заводе секретарем парткома, в 1974 г. его назначили главным инженером. С 1975 по 1984 г. он возглавлял Инструментальный завод. Сегодня он вспоминает: «Мне было немного за тридцать. Помню, вызвали меня, секретарь райкома партии говорит: “Ну что, доверим этому пацану завод или не доверим?” и смотрит на меня. Я говорю: “Мне за тридцать. Хотите доверяйте, не хотите – не доверяйте”».

А в 1984 г. его внезапно вызвали в обком партии и предложили возглавить завод «Тяжстанкогидропресс», он отказался. Его отправили в Москву, в ЦК, там машиностроением занимался некто Григорьев. Виктор Антонович рассказывает: «Я пришел к нему в кабинет. Ему секретарь чай приносит, бублики на тарелочке, а мне ничего не дает. Григорьев бублик грызет и начинает: “Вы, директора, заелись. Вы такие-сякие... Чего ты ко мне пришел?” Я говорю: “Я не пришел. Вызвали, вот я и пришел. Скажете ‘уйди’, я уйду”. Он мне: “А! Ты и здесь выдерживаешься!” Я говорю: “Ничего я не выдерживаюсь. Я никуда не прошусь, ничего мне не надо”. Поговорили с ним. Он мне чаю, кстати, так и не налил. Напоследок сказал: “Ладно, всё, иди отсюда. Мы с тобой больше разговаривать не будем”. Я вернулся в Новосибирск. Меня вызвали в обком, я думал: скажут, что я в Москве не прошел собеседование, и я буду доволен, останусь на Инструментальном. А меня всё равно на “Тяжстанкогидропресс” назначили. Дали два дня, чтобы на Инструментальном дела сдать».

Потом Виктору Антоновичу предлагали ехать в Москву учиться на два года в Академию народного хозяйства. Он согласился лишь на сокращенный курс – на шесть месяцев:

«Я не хотел в Москву, не хотел "идти наверх". Я хотел работать на заводе, с людьми, а не с бумажками, я хотел заниматься настоящими делами».

* * *

О первом дне в роли директора «Тяжстанкогидропресса» Виктор Антонович говорит: «Пришел я. Завод не знаю, людей не знаю. Там собрали зал, человек двести. А что я им скажу? Говорю: "Вот я такой, какой есть. Хотите – принимайте, не хотите – не принимайте". Ну, приняли... Так и отрулил заводом тридцать лет и три года».

В 1990 г. Виктор Антонович был делегатом последнего в истории XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Именно на этом съезде Б.Н. Ельцин первым из членов партии демонстративно сдал партбилет. И Виктор Антонович случайно попал на одно из исторических фото с этого съезда – сидящим за спиной Ельцина, через ряд от него.

Виктор Антонович рассказывает: «Когда началась приватизация, мне в Москве сказали: "Мы ваш завод отпускаем сразу". Я говорю: "А почему?" И слышу в ответ: "Всё, что вы попросите, я сделаю, потому что я понимаю, что ваш завод погибнет одним из первых". И я понял: надо всё пережить. У нас другого выхода нет».

Тогда в стране было три завода тяжелого станкостроения: в Новосибирске, в Коломне и в Ульяновске. Ульяновский давно не существует, Коломенский завод в последние годы делает попытки возрождения. Сохранился лишь новосибирский «Тяжстанкогидропресс».

В советское время продукцией «Тяжстанкогидропресса» ведал непосредственно Госплан. Завод обслуживал военно-промышленный комплекс, атомную энергетику, судостроение, железнодорожную сферу. Годовой план в общих чертах выглядел так: 15 станков, 20 прессов. Каждый из них мог быть весом 300...500 тонн, высота – с двух- или трехэтажный дом. Чтобы выполнить этот план, завод, на котором трудилось около 5000 человек, работал в три смены. На этих колоссальных, величественных станках изготавливались большие детали для судов, детали турбин АЭС, рельсы и стрелочные переводы для железных дорог и прочее.

* * *

На вопрос «Чем вы увлекаетесь?» Виктор Антонович отвечает: «Работой», говорит: «Свою работу надо любить. Если этого нет, то ничего не получится».

Ему удалось сохранить завод. После перестройки, в 1995–1997 гг., когда повсеместно были ликвидированы предприятия очереди на жилье, завод активно строил дома для своих рабочих: «Люди приходили работать, получали квартиры (мы всех работников обеспечили жильем!). Люди приватизировали квартиры и уходили работать туда, где зарплата больше». До настоящего времени завод сохранил все социальные службы и даже подсобное хозяйство (базу отдыха и профилакторий).

В 1990-е и 2000-е гг. завод работал на полную мощность, почти все станки и прессы производились для заказчиков из Китая и для российских заводов железнодорожной сферы. В качестве одного из самых интересных проектов Виктор Антонович называет пресс для алюминиевого профиля, использующийся в авиационной промышленности: «Это было дело!» – говорит он.

В 2017 г. Виктор Антонович ушел с поста директора завода. «Возраст», – объясняет он и хитро улыбается.

* * *

Супругу он ласково называет «моя бабушка», говорит: «Первая любовь – она же и последняя. Мы вместе с 1961 г., со школы... Это что получается? Получается, что мы уже давно золотую свадьбу пережили?.. Так получается?»

* * *

Случайно Виктор Антонович упоминает, что был в Америке еще в 1989 г. Его посылали туда от Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР на месяц учиться в Финансовой академии в Нью-Йорке. «Ничего меня там не удивило, особенно не заинтересовало. Всё время думал, что там по большому счету всё так же, как у нас».

* * *

На вопрос: «Случались ли у вас в жизни моменты абсолютного счастья?» Виктор Антонович отвечает: «Мне было тридцать лет. Я купил первую в жизни машину – запорожец небесно-голубого цвета!»

* * *

А еще он всю жизнь любит охоту, рыбалку... – природу. До сих пор часто ходит в тир упражняться в стрельбе. «Ружья, – говорит Виктор Антонович, – как произведения искусства. У меня их десять. Мне нравится их рассматривать, чистить... А никого убивать и не надо. Приедешь на охоту – болотом пахнет, лесом. Посидишь дня три-четыре... Хорошо! Или зимой на рыбалку – на Обское море на снегоходе...»

* * *

В 2017 г., оставив завод, Виктор Антонович занялся сельским хозяйством. В небольшой деревне Тогучинского района Новосибирской области у него 370 коров и засеянные поля. «Мне интересно, – говорит он, – можно ли сделать что-нибудь, чтобы удаленная от трассы маленькая деревня жила? Не только эта конкретная деревня. А вообще, что бы такое сделать, чтобы русская деревня жила? А она должна жить, она нужна. Как нам без деревни? Порой кажется, что вскоре останутся одни города, а между ними – пустоши... Сейчас вот мучаюсь, решаю проблему: надо два комбайна купить – хлеб убирать...»

БАЙБУЗА КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ

**Выпускник 1986 года,
электромеханический факультет
(ЭМФ)**

Основатель (1991) и генеральный директор ЗАО «ГЕБА». С 1986 по 1991 г. работал в НПО «Сибсельмаш». ЗАО «ГЕБА» работает в сфере оптовой торговли продуктами питания (кондитерские изделия, бакалейная продукция). Компания входит в 100 крупнейших налогоплательщиков НСО.

«Чем больше людей рядом, тем лучше...»

«Идешь, – говорит Константин Иванович, – и кажется, что под тобой не тротуар, а беговая дорожка. И она движется всё быстрее».

* * *

Константин Иванович рассказывает: «В детстве очень любил рыбалку: рано встать, поехать на зорьку, с вечера готовиться, все эти крючочки, грузила... Лет в шестнадцать почему-то перестал любить...

У меня день рождения в сентябре. И всегда в эти дни копали картошку, все уставшие – ни петь, ни свистеть...

Было обычное деревенское детство: зимой на лыжах, летом футбол».

* * *

Родился Константин Иванович в Черепановском районе в Новосибирской области. Его мама и папа окончили сельскохозяйственный институт, папа был директором совхоза. Констан-

тин Иванович рассказывает, как, проснувшись после выпускного вечера в шесть утра, задумался о том, куда поступать: "А мама говорит: "Сынок, только не в сельхозинститут". Она хотела вытолкать меня в город, а мне в деревне нравилось... А папа говорит: "Поехали в город". У его друзей сыновья поступали в НЭТИ на ЭМФ на специальность "Электропривод". А что такое этот "электропривод" – мне было непонятно. Вот приезжаем, заходим в приемную комиссию, а там много всего про самолеты, про трамваи. Я говорю: "Пап, мне нравятся самолеты, давай я буду строить самолеты?" А он мне: "Тебе же сказали – надо на электропривод". Мы приходим, а там стоит макет – какая-то невнятная бандура. Я думаю, зачем мне это надо? Но вижу, что конкурс "на электропривод" один из самых высоких. Я и поступил».

Учился Константин Иванович хорошо, хотя учиться было настолько трудно, что со специальности отчислялись даже выпускники ФМШ¹: "Все мне говорили, мол, студенческие годы самые лучшие. А я думал: где они лучшие? Первые полтора-два года приходилось учиться всё время, беспросветно. На третьем курсе стало поинтереснее. На четвертом меня в числе четырех лучших студентов нашей кафедры отправили на практику в Германию. А я не то чтобы был прямо самым лучшим, да и в комсомольских делах особенно активно себя не проявлял... На собеседовании мой преподаватель говорит: "Во-первых, он учится хорошо, а во-вторых, просто хороший человек, которого я рекомендую". Так в 1986 г. я съездил в Карл-Маркс-Штадт²...»

* * *

В 1984 г. Константин Иванович побывал со стройотрядом на Сахалине: «Жили недалеко от океана в недостроенном детском саду, который мы достраивали... Работа с 9 утра до 8 вечера, заливали бетон... Эти 45 дней мне запомнились на всю жизнь. На обед нам выдавали картошку и тушенку. Мы ходили

¹ ФМШ – Физико-математическая школа им. М.А. Лаврентьева при НГУ, среднее учебное заведение (9–11-й классы) с углубленным изучением естественно-научных предметов.

² Карл-Маркс-Штадт – так с 1953 по 1990 г. назывался город Хемниц в ГДР.

на рыбалку, ловили красную рыбу, но этой рыбы не хватало не только нам, но, вероятно, и медведям. Однажды мы вытащили сеть, подняли глаза и видим, что из кустов на нас смотрит мишка. Мы спешно ретировались и успокоились только в базовом лагере».

* * *

Константин Иванович рассказывает: «А еще была военная кафедра. Присяга, отъезд на сборы, дивизионы ПВО под Ачинском, экзамены, торжественный проход с ведром водки по коридору общежития № 4... Я жил на 3-м этаже в комнате на пятерых... Еще были выезды в Дубровино на теплоходе на двух теплоходах – один от НЭТИ, второй от торгового института. Три дня костры, палатки, художественная самодеятельность!..»

* * *

Константин Иванович распределился на «Сибсельмаш» – в новый цех на наладку и обслуживание станков с программным управлением: «Диплом у меня был 4,8 балла. Я думал, что все знаю, что приду на предприятие и всё переверну. А оказалось совсем иначе: все говорят не то и не так, как мне представлялось. Но это ощущение быстро прошло, примерно за год... Тогда могли вызвать на работу и ночью. Когда станок вдруг вставал, за мной присылали даже служебный автобус. Два года я прожил в общежитии. После него комната на подселении казалась раем».

* * *

На заводе для молодых инженеров-электриков была организована «Школа генерального директора», чтобы готовить кадры на должности начальников цехов и отделов. Тогда В.П. Муха³ был генеральным директором завода. Для обучения выбрали около двадцати молодых специалистов. Попал в этот список и Константин Иванович.

³ Муха Виталий Петрович (1936–2005) – первый секретарь Новосибирского обкома КПСС (1988–1990), губернатор Новосибирской области (1991–1993, 1995–1999).

Через год ему предложили стать заместителем начальника цеха по технической части. Другой цех, другой профиль цеха... Константин Иванович поначалу отказался, но начальники переубедили. Как он сегодня иронично вспоминает, «мне объяснили, что так отказываться не принято, мол "партия сказала 'надо', и комсомол должен ответить 'есть'"...»

Константин Иванович рассказывает: «Я погрузился в работу, лез везде день и ночь... А еще я в это время женился, мы снимали квартиру на ул. Доватора. До завода надо было добираться часа полтора на трех видах транспорта. Жена мне рассказывает: "Ты тогда приходил, ел и падал спать". Года полтора я так проработал, пришел ко мне один старший товарищ и говорит: "Костя, давай искать для тебя новую должность", я удивился, а он объяснил: в цехе вредное производство, линия цианистого цинкования: "Ты молодой, не надо тебе в эту химию лезть"...»

* * *

В «Школе генерального директора» постигали науку управления, иностранные языки, читали западные книги по маркетингу, в том числе Филипа Котлера⁴. Вдохновившись, Константин Иванович и двое его товарищей организовали инициативную группу. Константин Иванович рассказывает: «Было самое-самое начало 1990-х, сильного развала еще не было. Мы предложили руководству завода создать отдел маркетинга. Нас спросили:

– А что это такое?

– Нужно производить то, что будет покупаться, – объясняем мы. А нам отвечают:

– У нас нет проблем со сбытом. У нас и так всё сметают.

– Ситуация меняется... – пытаемся объяснить мы...

Чтобы совсем уж не губить нашу инициативу, нам дали в руководители старшего товарища из отдела ОТК⁵».

⁴ Котлер Филип (р. 1931) – американский классик в области маркетинга, профессор международного маркетинга Высшей школы менеджмента Дж.Л. Келлога при Северо-Западном Университете США, доктор философии. Почетный доктор ряда ведущих мировых университетов, в том числе Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

⁵ ОТК – отдел технического контроля.

В это же время возникла Сибирская торговая биржа, и инициативная группа решила в ней участвовать. Константин Иванович рассказывает: «А на заводе нам говорят: “Мы не можем представить там продукцию, потому что она вся уже распределена”. Мы говорим: “Это рынок! Мы продадим дороже! Вот сеялка продается условно за 3600 рублей, мы продадим ее в 10–15 раз дороже”. На нас все смотрели словно на безумцев. Мы продали каждую сеялку за 50 000 рублей. Так же хорошо пошла потом за безумные деньги мебель – кухни “Мария” и стенки “Галактика”. Нам даже выписали премию за высокую эффективность труда».

* * *

В 1994 г. Константину Ивановичу пришлось уволиться с завода, начали задерживать зарплату. Он рассказывает: «Это был непростой шаг. Психологически было тяжело оторваться от завода. В те времена иметь только одну запись в трудовой книжке было почетно, это была ценность. А когда рождаются дети, понимаешь, что ты в ответе не только за себя, но и за них».

Константин Иванович с коллегами учредили свое предприятие. Сначала привезли из Улан-Удэ и продали в Новосибирске несколько пресс-подборщиков для сена, потом – дело случая – закупили в Дании полконтейнера жевательной резинки, потом шоколадную плитку... Константин Иванович вспоминает: «Я могу отчитаться за каждый заработанный мною миллион, кроме первого»⁶. И резюмирует: «В 20 лет ты знаешь всё, в 35–40 начинаешь в чем-то сомневаться. Когда тебе за 50 – понимаешь, что многого не знаешь, но жизненный опыт помогает решать важные вопросы. Ну и с возрастом утрачивается право на ошибку, потому что сокращается время на ее исправление».

Константин Иванович рассказывает о 1990-х гг.: «Тогда можно было из Новосибирска полететь в Москву, купить у валютчиков доллары, прилететь в тот же день в Новосибирск и обменять эти доллары обратно на рубли. Так окупались самолет, командировка, и еще оставалась прибыль. При этом

⁶ Автор высказывания Джон Рокфеллер (1839–1937) – американский предприниматель, первый долларовый миллиардер в истории.

суммы, которыми оперировали, были примерно 2000 долларов. Банки тогда выделяли кредиты под 30...40 % годовых!

В 1998 г., когда курс доллара резко вырос, мы платили поставщикам за товар в долларах, а продавали здесь в рублях... Цены менялись каждый день. А у меня уже было двое маленьких детей! Мы тогда потеряли две трети активов, возникли огромные долги. Но всё же мы со всеми в итоге рассчитались. Кому-то предлагали забрать товар обратно, с кем-то договаривались о рассрочке, кто-то угрожал нам какими-то бандитами... В числе прочих мы были должны одной чеченской компании, и мы договорились, что постепенно будем им возвращать долг в долларах, и я вырученные рубли менял здесь на доллары и лично возил под одеждой в Москву. Банковская система была тогда практически парализована, возить большие суммы налички в чемодане опасно... Когда мы рассчитались, их руководитель поблагодарил нас и сказал, что мы оказались единственной компанией, которая тогда поступила с ними честно. С тех пор мы друзья».

Константин Иванович говорит: «В конечном счете выигрывает тот, кто работает честно. Попытки перехитрить чаще всего заканчиваются не очень хорошо. Когда мне сегодня иногда говорят, мол, "кризис-кризис", я вспоминаю, что мы пережили и 1998-й, и 2004-й, мы уже научились справляться с кризисом. Куда страшнее было нашим родителям, когда после развала СССР они потеряли и все свои накопления, и привычный мир».

* * *

Константин Иванович увлекается горными лыжами, говорит: «Лучше гор могут быть только горы». За сезон вместе с семьей четыре раза в год выезжает в Шерегеш, катался и в Альпах, и в Пиренеях. Занимается и беговыми лыжами, раз в два дня ходит в бассейн. Рассказывает: «Люблю путешествовать в познавательных целях. Видел Европу, азиатские страны, восточное побережье Америки, сейчас хочу увидеть западное. Вообще люблю жить. Очень мне нравится это мероприятие».

Люблю общаться с друзьями, люблю камин, люблю шашлыки. Каждый год с друзьями ездим с семьями в Горный Алтай, играем в волейбол, говорим, люблю дачу в Шарапе.

В детстве любимой книжкой была «Небо войны» Александра Покрышкина. Я прочел ее три раза.

Мне интересно читать об авиации, о самолетах, об их тактико-технических данных. Может быть, в детстве я мечтал быть летчиком?..

Еще читал Б. Акунина, кроме последних книг... Регулярно читаю "Forbes".

Люблю слушать Александра Розенбаума и сам люблю петь. Олега Митяева люблю: "Лето – это маленькая жизнь", "Крепитесь люди, скоро лето"... Мне дети говорят: "Пятнадцать лет ездим на Алтай – пятнадцать лет слушаем в дороге про это лето..."»

* * *

Свой рассказ Константин Иванович заканчивает так: «Хочу свою компанию сделать современной, технологичной, сделать так, чтобы она оказалась в доставке товара до потребителя не посредником, а инструментом.

Мечтаю, как и любой папа, чтобы у детей всё сложилось хорошо, мечтаю нянчить внуков.

Так приятно любить работу, отдыхать, встречаться с семьей...

Я не хочу осчастливить мир. Хочу быть счастливым и сделать счастливыми своих близких. Мне кажется, чем больше людей рядом со мной будут счастливы, тем лучше будет в мире».

БАТАЕВ АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

**Выпускник 1979 года,
машиностроительный
факультет (МСФ)**

Ректор Новосибирского государственного технического университета с 2015 г. Доктор технических наук, профессор. Специалист в области материаловедения. Научную карьеру начал в 1983 г. младшим научным сотрудником кафедры технологии металлов и металловедения. В 1997 г. стал заведующим кафедрой материаловедения в машиностроении. С 2002 по 2007 г. был деканом механико-технологического факультета, а с 2007 по 2015 г. – проректором по учебной работе. Действительный член Международной академии наук высшей школы.

«Я ни разу не отдыхал на море»

Анатолий Андреевич родился на Дальнем Востоке – на станции Дактуй в Амурской области, близ Благовещенска. Он говорит: «Почти ничего оттуда не помню. Разве что как один из дядек нас, детей, катал на мотоцикле. Я тогда сидел на баке... Моя мама родилась на Дальнем Востоке, а ее предки, вероятно, были с Украины, отец – из Алтайского края. Он был участником войны – попал в последний призыв и успел месяц повоевать с японцами».

Большую часть детства Анатолий Андреевич провел в поселке Чебалсу недалеко от Междуреченска – туда переехали его родители. Он рассказывает: «Купили домик в пойме Томи, каждую весну на полу стояла вода. А вокруг красота была неопишная! Я не могу представить снега глубже, чем в Горной Шории! В нем можно было буквально утонуть с головой».

В детстве мы были очень самостоятельными: два раза я тонул, в четыре-пять лет с друзьями ходил в лес есть колбу¹, не думали ни о каких клещах... До самой весны мы катались на санках. Мне было не больше пяти, санки провалились в реку Томь, мальчишка – на год старше – меня вытащил...

В четыре года я чуть не сжег дом: играл со спичками, поджигал их и кидал в подпол, а там была сухая стружка... Потом, когда дым пошел, испугался, побежал к соседям...

Летом над полями и лесами летал самолет, дустом травили насекомых-вредителей. Я до сих пор помню этот запах дуста...

Отец говорил, что когда у него появятся внуки, он заведет "коняшку" или "коровку"... И завел. Так в тридцать лет я научился косить сено вручную... Взрослыми мы редко туда приезжали...»

* * *

Школьником Анатолий Андреевич занимался беговыми лыжами, учился в детской спортивной школе. Вспоминает: «Учителя физкультуры устраивали летом походы, мы дней по 10 плыли на плотках по реке, даже проходили пороги... С 6-го по 9-й класс наши тренеры организовывали велопробеги с палатками по Алтаю, мы стояли на Телецком озере... Такая же поездка у нас была на Обское море, стояли в Бердске, в сосновом бору, ездили в Академгородок на экскурсию. Я тогда начал задумываться о том, что поступать в институт буду в Новосибирске. Из моей школы ребята в основном ехали в Кемерово, в Новокузнецк, в Томск... А мне понравился Новосибирск – красивый город, и добираться до него проще, чем до Томска. К тому же команда КВН НЭТИ играла в центральном КВНе, ее показывали по телевизору».

Средний балл школьного аттестата был 4,7, за вступительные экзамены были две четверки и две пятёрки. Самыми популярными факультетами были тогда самолетостроительный и физико-технический. Анатолий Андреевич признается: «Я побоялся рисковать и поступил на машино-

¹ Колба – многолетняя трава семейства луковых растений. Также известна как черемша, дикий чеснок и т. д.

строительный факультет. Думал, что буду строить машины, т. е. автомобили... Тогда ведь Интернета не было, общая эрудиция у нас была, наверное, ниже, чем у современных ребят, но математику, физику, химию мы знали тогда очень хорошо. Институт я, кстати, окончил всего с одной четверкой – за курсовой проект по теории механизмов и машин, остальные были пятерки».

* * *

На первом курсе в числе других новоиспеченных студентов Анатолий Андреевич по распространенному тогда обычаю был отправлен на уборку зерна в Коченёво. На веялку². Он вспоминает: «В тот год в сентябре выпал снег, поэтому кого-то из наших отпустили чуть пораньше, а мы, 6-7 человек, остались. Мы заработали там по 180 рублей!.. Мой отец работал шофером, получал 140–160 рублей в месяц, мама и 100 рублей не зарабатывала. А тут 180!.. А в конце всей этой эпопеи нам сообщили, что надо срочно ехать в Новосибирск, потому что нам не дали общежитие. Мы были огорошены этой новостью и не знали, что делать. Нам сказали: “Ищите квартиру”... В те времена найти квартиру можно было только в пригороде и в частном секторе. Мы сошли на станции Новосибирск-Западный, нашли какого-то мужика, который сказал, что у него есть пустой дом, который он на следующий год собирается перестраивать, и мы поселились в этом доме на улице Озерной. Там была печка, нужны были дрова и уголь, но мы как-то пережили зиму, не покупая топлива, топили какими-то обломками заборов, угольной пылью. Если бы моя мама увидела, как мы жили, она бы забрала меня домой. Днем мы ходили по дому и ведром ловили мышей». Потом конечно, получили комнату в общежитии.

Анатолий Андреевич планировал продолжить занятия лыжами, но в команде НЭТИ было много более талантливых в этом деле ребят, настоящих спортсменов, а учеба оказалась тяжелой и отнимала много времени. Однажды Анатолий

² Веялка – сельскохозяйственная машина, предназначенная для отделения зерна от мякины и насекомых-вредителей.

Андреевич увидел из окна общежития тренировку по гандболу и записался в команду.

Студенты тогда часто ходили на «калым» – на заработки, это бывало и трудно, и весело. Анатолий Андреевич рассказывает, как ночью разгружали что-то на хлебном заводе и притащили в общежитие хлеб и целый саквояж кондитерского мака. Еще говорит: «Только поступили в НЭТИ, поселились в общежитии, занятия еще не начались – ходить некуда, делать нечего. Мы прочитали объявление, что приглашаются молодые люди на разгрузку вагонов в речной порт. Разгружали цемент в мешках ночью вдвоем с каким-то солдатом. Пыльно, грязно. Я потом утром в душ сходил, голову высушил – а у меня на волосах шапка цемента застыла, я бегом в парикмахерскую... Тогда стали появляться и другие способы заработать... Были такие ребята – фарцовщики, они доставали и продавали зарубежный винил, джинсы... Я считал, что гораздо честнее разгружать вагоны».

С третьего курса он начал серьезно заниматься наукой на кафедре технологии машиностроения под руководством Владимира Григорьевича Бурова и Бориса Моисеевича Крейчмана. На кафедре тогда было много молодых специалистов – кандидатов наук и аспирантов, которые к своим исследованиям привлекали студентов... Сегодня Анатолий Андреевич говорит: «Я считаю, что кафедра без молодежи – это верный путь к вымиранию научного коллектива, о молодежи надо постоянно заботиться. Студентом я получал заработную плату за хоздоговорную работу примерно 40–50 рублей. Это был своеобразный “кредит доверия”. Наверное, я тех денег тогда не зарабатывал... Мне нравится известная шутка: “От студента в науке польза сомнительная, а вред очевиден”. Наверное, отчасти эту шутку можно было отнести и ко мне».

На четвертом курсе Анатолий Андреевич женился. Чтобы получить квартиру, устроился работать дворником – подметал часть 3-й Оловозаводской улицы. Каждый день, отработав положенное, он к 8:00 ехал на трамвае в НЭТИ, где работал, как он говорит, «на должности старшего лаборанта при старшем аспиранте» своего научного руководителя. Анатолий Андреевич рассказывает: «Мой руководитель Тушинский

Леонид Иннокентьевич³ ровно в 8 утра делал обход лабораторий, проверял, все ли на месте, и не дай бог было опоздать. Зато он считал, что "летом аспирант должен отдохнуть", и с конца июля до конца августа по его распоряжению печатали лаборатории. Но аспиранты все равно приходили работать, отковыривали ножом эти печати... Раз в две недели на протяжении лет пятидесяти в четверг ровно в 9 утра на кафедре был семинар: слушали выступления аспирантов, обсуждали актуальные разработки, приходили специалисты с заводов... Через какое-то время мне как аспиранту дали комнату в общежитии № 7 на первом этаже. А у Тушинского была собака, пудель, которую он рано утром выгуливал, и он приходил под мое окно и стучал в него палкой, мол, пора вставать».

* * *

Анатолий Андреевич рассуждает о том, что научные школы должны постоянно расти: «Если вам сегодня 35–50 лет – самый прекрасный возраст для науки, – вы должны думать не только о своих исследованиях, но и о своих учениках, иначе после вас останутся пустоши. Нужно воспитать пятерых, чтобы осталось два. Я считаю, что мы все должны быть ответственными не только за себя и за свою семью, но и за место, которым мы кормимся... Так получилось, что за годы НГТУ НЭТИ стал моим вторым домом. Моя супруга шутит: "Не вторым, а первым". И это, наверное, отчасти правильно, потому что в семье мужик должен думать о работе, о зарплате и поэтому должен отвечать за свое предприятие. Хотя я понимаю, конечно, что возможны разные варианты, и, может быть, я не прав, но мой вариант – этот».

³ Тушинский Леонид Иннокентьевич (1926–2010) – д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой технологии металлов и материаловедения. Заслуженный деятель науки России, член-корреспондент Сибирского отделения Академии наук высшей школы, почетный доктор Силезского технического университета, заслуженный работник НГТУ. За время работы Леонид Иннокентьевич Тушинский подготовил трех докторов и 26 кандидатов технических наук.

* * *

На вопрос о том, как он стал ректором, Анатолий Андреевич начинает отвечать издали.

Перед самым распадом СССР его отправили в ГДР, в Технический университет Карл-Маркс-Штадта⁴ на длительную стажировку. Он рассказывает: «Встал вопрос о том, чем я буду заниматься... У меня был куратор Гюнтер Тучки, он нашел мне команду по гандболу и записал меня в библиотеку. Я читал статьи и диссертации по своей теме, учил язык.

Когда вернулся назад, тут начался полный бардак: работы нет, на первый курс набрали 7 человек... Появилась докторантура – я пошел в докторантуру. Мне очень помогли те исследования, с которыми я познакомился в Германии. В 1995 г. защитился.

Так я получил степень доктора... А вообще всё, чего я достиг, это в значительной степени достижения и моей супруги. Благодаря ей я смог посвятить столько времени работе... Супруга работала конструктором на заводе «Востокбурвод», стояла там на очереди на квартиру, ее обещали лет 10. Наконец, дом построили, квартиру дали, и завод развалился. А мне, я помню, так не хотелось из общежития переезжать, я к нему привык... Так что повторяю известную мудрость: "генералов делают их жены", а чтобы стать женой генерала, надо сначала помотаться по гарнизонам...»

* * *

Анатолий Андреевич рассказывает: «Лет семь назад решили купить дачу. А то у всех дачи, а у нас ни кола ни двора. Искали, смотрели: везде земли мало, заборы косые, дачи ветхие. Наконец нашли участок по трассе в сторону Томска, 12 соток, построили баню, превратили ее в дом. На участке цветы, дорожки. Каждое лето я привожу оттуда помидоры ведрами, раздаю коллегам, аспирантам.

Мне хочется, чтобы городская среда тоже была ухоженной и красивой, как наши дачи...

Я ни разу не отдыхал на море. Я этим не горжусь, но меня это и не огорчает. Студентом я видел Каспийское море, но мне

⁴ Ныне город Хемниц.

оно не понравилось, потому что его штормило, вода была мутная, на берег выбрасывало водоросли... Аспирантом был один день в командировке в Одессе, и Черное море тоже штормило, и вода была мутная... Может быть, если бы я увидел море, прозрачное на 10 метров глубины, меня бы оно восхитило...

Недавно я начал осваивать такой раздел материаловедения, как кристаллография. Мне давно это было интересно, просто раньше руки не доходили. Я собрал большую библиотеку работ по кристаллографии, теперь на досуге осваиваю.

Университет обладает таким свойством – внутренней свободой и правом работать в отпуске и в выходные дни».

БЕЗРУКОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ

**Выпускник 1978 года,
электромеханический
факультет (ЭМФ)**

Основатель (1992) и генеральный директор ООО «ЭПОС-инжиниринг». Кандидат технических наук. Автор 38 патентов. ООО «ЭПОС-инжиниринг» специализируется на разработке и создании уникального электротермического оборудования, вакуумного оборудования, электрометаллургических технологий и процессов, проектировании и инжиниринге металлургических и литейных производств, создании автоматизированных систем управления.

«У нас есть наработки мирового уровня...»

Иван Андреевич говорит: «Я родился 9 мая в Алтайском крае в деревне, состоящей из десяти дворов. Мне рассказывали, что когда папа вез нас с мамой домой из роддома, он сорвал какой-то синий цветочек – василёк не василёк, колокольчик не колокольчик – и дал мне попробовать сладкий нектар. Папа работал директором школы, а мама – учительницей».

Потом семья переехала в Кемеровскую область, в г. Мыски. Иван Андреевич окончил школу с одной четверкой, да и та была по русскому языку. Он вспоминает: «Не ладили с учительницей, не к месту возражал. Например, как-то мы писали сочинение на тему “Чем мне близок образ Катерины?”. А я написал, чем мне не близок образ Катерины и почему я к ней плохо отношусь. Скандал!»

Не было такого вида спорта, которым я бы не занимался в школе! И потом, уже после института, спорт меня сопровождал всегда. Помню, мы катались с гор на беговых лыжах,

ломали по несколько пар "деревяшек" за сезон. В 1977 г. на базе двигателя от мотороллера "Тула" сами сделали подъемник. В 1978 г. захотел полетать на дельтаплане. В журнале "Техника молодежи" увидел маленькое "буржуйское" фото: человек двигается за катером на дельтавидном крыле. Я проштудировал и "Технику молодежи", и "Моделист-конструктор", и другие. Выискивал схемки, рисунки, читал книжки по аэродинамике и сам сконструировал "на коленках" в рабочем общежитии дельтаплан. Я тогда работал в СО РАН, мы разбирали и снимали для своих установок оборудование со списанных самолетов, и мне разрешили взять немного деталей с "мертвых" самолетов: трубы, тросы... Я собрал дельтаплан, выбрал гору покруче над рекой Иней и полетел!..

А поступать в НЭТИ я решил потому, что там учились несколько знакомых ребят. Они приезжали на каникулы, рассказывали. Ну, я и поступил. Родители, правда, утверждают, что в детстве я еще хотел быть летчиком, но я такой мечты не помню».

Иван Андреевич оживает, когда рассказывает, в какую профессиональную среду он попал в институте. В 1973 г. в Новосибирске открывался завод электротермического оборудования, в НЭТИ создавалась специальная кафедра, которая объединила прекрасных практиков. Иван Андреевич так увлекся профессией, что ему предложили работать на кафедре лаборантом и участвовать в создании экспериментальных установок. Он рассказывает: «У меня стипендия была 37 рублей, потом повышенная 57 рублей, и еще на кафедре дали два раза по полставки, и я вообще стал крезом¹ – получал плюс 150 рублей к стипендии. Таких денег я даже потом, уже будучи инженером, и то не получал!»

Иван Андреевич окончил институт с красным дипломом, ему предложили остаться на кафедре, но в то время при Институте теплофизики СО РАН формировалось новое отделе-

¹ Сокращенный вариант выражения «богат, как Крész». В СССР распространился разговорный вариант произнесения имени «Крész» через «е». Крész был одним из малоазиатских правителей VI в. до н. э. Вел захватнические войны, чеканил монеты своей страны из золота и серебра, считался самым богатым человеком в мире.

ние – физико-технических проблем металлургии, и он ушел туда, как говорит, «создавать много и интересного».

В 1982 г. приехали коллеги из Семипалатинска, с ядерного полигона, они проводили там не очень успешные испытания плазменного оборудования. Ивану Андреевичу предложили поучаствовать в этом проекте. Он вспоминает: «С 1983 г. я работал в Семипалатинске-21 (Курчатове) на берегу Иртыша, между Семипалатинском и Павлодаром». Этот небольшой секретный город в степи за колючей проволокой имел много названий: Москва-400, станция Дегелен, Берег, Конечная, Надежда... Иван Андреевич рассказывает: «Рядом был аэродром. В выходные дни мы просыпались в 4 утра от гула самолета, привозившего очередное изделие. В 4 утра гудит самолет, а в 6 утра трясется земля от привезенной "игрушки" – своеобразный воскресный будильник...»

О проведении ядерных испытаний он рассказывает: «Бурится скважина в прочных породах глубиной 200...300 метров. В Семипалатинской области прочные граниты, массив Дегелен. Объект с зарядом опускается в скважину, заливается твердеющим раствором, наружу выводятся пучки кабеля. Потом заряд подрывается. Колебания почвы на расстоянии 50 километров – около четырех баллов. В четырехэтажных домах качаются люстры, иногда падают телевизоры. После подрыва образуется полость диаметром 10...25 метров, внутри она очень красивая: сталактиты и сталагмиты из расплавленного гранита сияют всеми цветами радуги!.. Неподалеку там есть так называемое "атомное" озеро, где проводили испытания: была маленькая речка под землей и маленькая – на поверхности. Отрабатывали модели получения искусственных водоемов с помощью атомного взрыва. Озеро получилось глубокое, с крутыми скальными берегами. Вода – чистая. Я там купался, там хорошая рыба, но берега с радиацией...»

Иван Андреевич участвовал в создании крупнейших в мире плазменных стендов, он объясняет: «На них проводили испытания сборок тепловыделяющих элементов ядерных ракетных двигателей. Во время работы установки ясной ночью можно было видеть, как пламя из двигателя поднимается на 70 метров в высоту. Оно было заметно за много десятков километров. Думаю, что мы тогда продвинулись в разработках дальше всех в мире. У нас было много патентов.

После 1986–1987 гг. всё пошло по ниспадающей: заказы, объемы работ... Было очень смешно, когда в прессе появилось упоминание о том, что два американских химика разработали холодный термояд² – это была модная тема. Как-то мне начальник сказал, что и в России трое ученых его обнаружили и ездят повсюду, в США и Канаде провели цикл лекций. Я сказал, что физику не обманешь и что не верю ни в какой холодный термояд. Он отправил меня в Москву в тот институт, где авторы открытия работали. Мне там показали созданную установку. Потом за крепким чаем мы с ними поняли, что мы друг друга понимаем и понимаем, в чем состоит афера эксперимента. Никакого отношения к термояду это не имело. А ребята эти снова собирались в Америку на два месяца с циклом лекций... Когда я в Семипалатинск вернулся и начальник меня спросил, что они там изобрели, я ответил, что не понял, не разобрался: “прибор наличие нейтронов регистрирует”»...

В 1992 г. семье Ивана Андреевича, чтобы нормально существовать, пришлось создать частное предприятие. Иван Андреевич вспоминает: «Хороших времен для бизнеса не было ни тогда, ни сейчас – с волны на волну. Мы начали потихонечку поднимать предприятие. В Казахстане тогда было много негосударственных пенсионных фондов, руководитель одного из них как раз искал, куда бы вложить деньги, в итоге вложил в наше предприятие и забрал контрольный пакет акций. Мы делали вакуумное оборудование для декоративного напыления на изделия из стекла и металла, напыляли покрытия на посуду, а сбытом должен был заниматься наш инвестор. За несколько месяцев ничего не продалось, наш инвестор посчитал вложение неудачным, я выкупил его долю, наладил сбыт – и дело пошло».

Работало предприятие Ивана Андреевича и с Объединенной экспедицией НПО «Луч», которая превратилась в Национальный ядерный центр Республики Казахстан. В середине

² Холодный ядерный синтез (ХЯС) — предполагаемая возможность осуществления ядерной реакции синтеза в химических (атомно-молекулярных) системах без значительного нагрева рабочего вещества.

1990-х там стали строить небольшой токамак³, предложили Ивану Андреевичу техническое руководство, но он отказался: условия не подошли...

Потом в связи с реформами в Республике Казахстан предприятию Ивана Андреевича пришлось поменять профиль деятельности и перебазироваться в Россию. Он рассказывает: «В 1995 г. мне в Казахстане даже предлагали стать акимом⁴ города Курчатова, но я отказался. Чиновник должен быть человеком команды, а мне хотелось быть самим собой, чтобы моя работа соответствовала моему мировоззрению, чтобы жить по своим моральным установкам и ценностям. Хотя и руководство предприятием – тоже всегда компромисс... Что бы ни было, ты обязан снабдить семьи своих сотрудников средствами к существованию».

В то время значимым направлением исследования для предприятия стали разработки в сфере обеспечения безопасности атомных установок гражданского и военного назначения. В Казахстане такие работы вел Национальный ядерный центр при участии известной японской фирмы Marubeni, этим же занималась лаборатория в Лос-Аламосе в США: разрабатывалось специальное оборудование для имитации аварии на АЭС и изучения ее последствий. Иван Андреевич вспоминает: «В конце 1990-х гг., когда мы (ООО «ЭПОС-Инжиниринг») наряду с американцами и японцами выдвигали свои предложения Национальному ядерному центру Республики Казахстан, нас игнорировали. А когда проекты иностранцев не принесли результата, заказ получили мы и разработали и изготовили для Казахстана полный комплект плазменного оборудования, осуществили наладку. После этого мы стали работать со сложными наукоемкими технологиями. Позже еще появились заказы по электротермии и станкостроению».

На сегодняшний день ООО «ЭПОС-Инжиниринг» создало более 250 разнообразных технологических установок, каждая из которых уникальна. Среди научно-исследовательских

³ Токамак – тороидальная установка для магнитного удержания плазмы с целью достижения условий, необходимых для протекания управляемого термоядерного синтеза.

⁴ Аким – глава местного исполнительного органа государственной власти в Казахстане.

направлений предприятия – собственные аддитивные порошки и оборудование для 3D-печати из металла, альтернативные плазменные электротехнологии для рудно-термических установок и утилизации отходов, новые высокоэффективные восстановители, электротермическое оборудование (электрошлаковые, рудно-термические, плазменные печи), вакуумные и электронно-лучевые технологии, вакуумно-плазменная обработка и т. д. Иван Андреевич говорит: «В этих областях у нас есть наработки мирового уровня. Например, известная фирма Schlumberger использует наше экспериментальное оборудование для изучения механизма гидроразрыва пластов, мы им сделали пробор для определения позиционирования бурового инструмента... Наши плазменные технологии и высокоэффективные восстановители на основе дешевых марок углей для металлургии показали выдающиеся результаты. Технологии запатентованы. Если бы еще была в стране какая-то действительно рабочая схема продвижения отечественных разработок!.. А то в прошлом году к нам партнеры из Германии приехали, посмотрели на наши технологии и говорят: “Снимайтесь и переезжайте всем коллективом к нам”... Высокотехнологичное производство очень дорогое, поэтому успешные проекты в конечном счете или заканчиваются “отверточной сборкой”, или в их презентации фигурируют известные яркие имена брендов-гигантов, которые всех поглощают».

Иван Андреевич замечает: «К сожалению, отечественная промышленность делает мало заказов по финансовым причинам, и при этом многое заказывается за рубежом. Когда мы в конце 1990-х гг. делали разработки для атомной промышленности, они не имели аналогов в мире... Но лучшее покупается крайне редко. Промышленность, даже когда очень нужно, покупает продукт не новый, никто не рискует. Многим знакомо такое мнение: “У нас нет прорывных технологий, давайте купим их на Западе... или украдем...” Но мы всегда могли и можем сделать лучше – нужны условия.

С начала 2000-х гг. выделялось много денег для повсеместного обновления научного и медицинского оборудования и закупалась зарубежная продукция. Причина проста: выделялись фантастические деньги, и покупать надо было быстро, а отечественное производство, которому было раньше под силу это оборудование изготовить, пребывало в руинах... Конку-

рировать, соревноваться – это не значит предложить меньшую цену! Надо понимать, из чего эта цена складывается. Если я покупаю что-то дешевле за рубежом, я делаю вклад в экономику страны-производителя. Если я покупаю дороже здесь, я делаю вклад в поддержание нескольких сотен высокооплачиваемых рабочих мест, вклад в образование и здоровье детей, которые растут в семьях разработчиков, в конечном счете – вклад в свою страну... Представьте себе поединок двух спортсменов – один тренировался, а второй десятилетия сидел в подвале в цепях. Второго выпустили на несколько часов и сказали ему, мол, иди, соревнуйся, ты же говорил, что ты не хуже. Вот и вся конкурентоспособность... Это вопиюще неравные условия. Например, кредиты: японцы и китайцы получают под "минус-процент", европейцы – под 1-2 %...»

* * *

Иван Андреевич резюмирует: «Для выпуска продукции по нашим разработкам можно создать два-три современных предприятия с оборотами в миллиарды долларов, но у нас нет для них схемы финансирования и реализации. Хотелось бы хоть один из проектов при жизни увидеть реализованным здесь, в России».

В 1992 г. руководитель Лос-Аламосской национальной лаборатории предлагал Ивану Андреевичу переехать в США, обещал коттедж и 80 000 долларов. Иван Андреевич говорит: «Я не принял предложение. Я подумал: где родился, там и сгодился. И детям своим говорю то же самое. Сыновья со мной работают. Работа у нас очень сложная и очень интересная. Прорвемся».

БЕЛЕНЬКИЙ ВАЛЕРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

**Выпускник 1985 года,
Радиотехнический факультет
(РТФ)**

Ректор Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ) с 2014 по 2019 г. Заместитель директора – коммерческий директор макрорегионального филиала «Сибирь» ОАО «Ростелеком» (2011–2014). Коммерческий директор ОАО «Сибирьтелеком» (2009–2011). Кандидат технических наук, доцент.

«Мне повезло...»

В конце 1950-х гг. комсомольцы со всего Советского Союза устремились на строительство Братской ГЭС. Отец Валерия Григорьевича приехал с Западной Украины, из Хмельницкой области, а мать – из Белоруссии, с Витебщины. Валерий Григорьевич рассказывает: «Город был молодой, много детей. Мама долго не могла пристроить меня в школу, потому что все классы были переполнены. Наконец меня записали в 1 «Ж», в классе было больше сорока человек. Примерно к восьмому классу я понял, что после школы уеду учиться в другой город.

На меня очень повлияла учительница по математике Вера Васильевна, она еще вела шахматный кружок. Она привила мне любовь к математике. Уже студентом я приезжал в Братск на каникулы, ходил к ней в гости. Однажды после второго курса встретил ее и узнал, что она, оказывается, курит. Года через полтора я тоже начал курить».

Из Братска многие ехали учиться в Иркутск, в Новосибирск, в Красноярск... Валерий Григорьевич выбрал Новосибирск, потому что понравилось название города. О НЭТИ

узнал из листовок, которые распространялись по почтовым ящикам, там публиковались названия факультетов и специальностей, информация о вступительных экзаменах и проходных баллах. Валерий Григорьевич подумал: «Пойду на радиотехнический – научусь делать роботов»...

В июне 1980 г. он приехал в Новосибирск вместе с приятелем. Теперь вспоминает: «Город меня ошарашил. Это был вечер пятницы. Мимо железнодорожного вокзала ходил трамвай... Мы стали у всех спрашивать, как доехать до НЭТИ, но никто не знал. Наконец мы дошли до Дома офицеров и увидели автобус № 39, конечная остановка которого называлась «НЭТИ». Мы сели и поехали. Хорошо хоть угадали, в какую сторону ехать, а то бы неизвестно куда уехали!

К шести вечера мы добрались до шестого корпуса. Всё было закрыто. Нас отправили в общежитие № 6 к коменданту, а там был вечер пятницы: лето, сессия, народ буйствует, коменданта нет. Вахтер вызвал председателя студсовета, нас поселили: пять человек в маленькой комнате, а по соседству первый и второй курсы отмечали окончание сессии, и в два часа ночи они пришли нас воспитывать. Слава богу, до драки дело не дошло, а утром нас уже поселили по-человечески.

Когда я приехал в августе уже учиться, оказалось, что в общежитии свободных мест нет. Я не знал, куда обратиться, был очень стеснительным, и неделю жил на вокзале. Потом мне в деканате посоветовали идти и искать квартиру. Я спросил: «А как ее искать?» Мне ответили: «Иди в частный сектор и там спрашивай». А в параллельной группе был еще один парень в такой ситуации. Я к нему подошел, и мне хватило духа сказать: «А давай вместе искать квартиру». Мне сейчас кажется, что если бы не его разговорчивость, я бы так и жил на вокзале... В итоге мы снимали комнату в частном секторе, одна кровать на троих. Во втором семестре дали общагу.

Жизнь в общаге меня многому научила. Я был домашним мальчиком: не пил, не курил, первый и второй семестры окончил на одни пятерки. Потом была учебная практика на заводе «Электросигнал», его тогда называли «свисток». В отделе,

в который я попал, работала девушка Светлана, тоже выпускница НЭТИ. Однажды она спросила меня:

– Как ты учишься?

Я хотел похвастаться, ответил:

– Хорошо. Отлично.

А она мне говорит:

– Ну и дурак.

Она была очень убедительна, и после этого я к учебе стал относиться намного спокойнее.

Я думаю, многое в общежитии зависит от соседей. У нас в комнате двое были после армии и трое – после школы. Суббота считалась “святым” днем: дискотека-танцы, покупали по 20 литров пива. Я сейчас с трудом представляю, как и зачем его употреблять в таком количестве!.. После 11 вечера пиво заканчивалось, мы бежали к таксистам – у них тогда можно было купить ночью спиртное. Меня никогда на это дело не посылали, потому что у меня было слишком детское лицо, и оно не внушало таксистам доверия.

За этим пивом у нас было столько философских разговоров о жизни, о том, что такое любовь!.. И эти разговоры никогда не были пустышкой. В комнату набивалось много людей, говорили до утра, до хрипоты спорили... Когда я приехал в Новосибирск, у меня не было взглядов на жизнь, я был “чистая доска”, а в общежитии я повзрослел. И первые в жизни похороны я тоже увидел в общежитии: парня звали Сергеем, внезапно ночью он упал с кровати, у него случился инфаркт, он умер на наших глазах...

В общежитии я увидел много удивительных людей, которые не ходили на лекции, читали в ночь перед экзаменом чужие конспекты и всегда получали хорошие оценки.

Отдельная история – стройотряд. Наш назывался “КОМОС” – “Коммунистический отряд студентов”. Я записался в него после второго курса, потому что подумал, что если поеду на каникулы домой в Братск, то умру там со скуки. И вот мы с отрядом отправились в село Марусино, недалеко от Новосибирска, строили там дома, ферму. Я начал заниматься общественной работой: агитбригады, стенгазеты, песни! Я стал комсоргом группы, факультета, председателем профкома факультета... На следующий год у нас сложился отряд “Лесные Робинзоны”: мы, пять-шесть человек, после третьего курса взяли тридцать

трудных подростков и выехали с ними в лес жить в палатках, работать в лесничестве – вырубать сухостой, осветлять делянки в лесу. Мы набрали разнополых детей от 13 до 17 лет, а нам самим было лет 19-20... Это было безумство! В первую же ночь в лесу к нам пришли ребята из местной глухой деревни, и мы с ними до трех часов ночи выясняли отношения. Топоры, комары... Слава богу, все выжили, даже не дрались. Сегодня немного смешно это вспоминать. Потом мы долго шефствовали над интернатом, в котором жили эти дети, было неудобно их бросать после лета, мы вели у них по вечерам какие-то кружки...

На пятом курсе в стройотряде я встретился со своей супругой. У нас в НЭТИ была шутка: «все радисты женятся на АСУ». И я тоже женился на девочке со специальности «Автоматизированные системы управления» – классика жанра. Мы тогда работали в селе Верх-Ирмень, в колхозе «Большевик», строили дома и здание администрации. Сейчас я иногда туда приезжаю, смотрю на свой косой угол...»

* * *

Валерий Григорьевич говорит, что за годы студенчества общественная работа ему поднадоела, он распределился в НИИ измерительных приборов и хотел заниматься наукой и производством. Но случилось так, что его наградили Почетной грамотной ЦК ВЛКСМ. Пришлось войти в комитет комсомола и в профсоюзный комитет НИИ измерительных приборов. Валерий Григорьевич вспоминает: «Я тогда спросил, можно ли отказать, а мне ответили, что нельзя».

Работа в НИИ была очень интересной. У НИИ был свой самолет, который два раза в неделю вылетал на площадки, полигоны, в Казахстан – в Сарышаган и на Эмбу. Тогда велись разработки системы ПВО, зенитно-ракетных комплексов С-300.

К 1989 г. всё «сдулось», пришлось заново определяться. «Я случайно наткнулся на книжку Б.Ю. Капилевича «Волноводные диэлектрические фильтры», нашел его, и оказалось, что он заведует кафедрой в НЭИС¹, и я поступил к нему в аспирантуру».

¹ Новосибирский электротехнический институт связи (НЭИС) – прежнее название «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (СибГУТИ).

В 1990-е гг. НИИИП от банкротства спасало то, что его помещения находились в центре города и многие из них сдавались в аренду коммерческим предприятиям. Валерий Григорьевич занимался наукой в НИИ и в аспирантуре. В 1995 г. защитил диссертацию, стал в НИИ старшим инженером, потом старшим научным сотрудником. Научный руководитель предложил ему попробовать себя в качестве преподавателя НЭИС по новому направлению «Системы связи с подвижными объектами», даже стать членом государственной аттестационной комиссии (ГАК) и ежегодно заслушивать защиты студенческих дипломов.

* * *

В 2001 г. председатель ГАК и генеральный директор ЗАО «Новосибирская сотовая связь 450» («НСС-450») Тамара Ивановна Болдырева предложила Валерию Григорьевичу должность технического директора в ее компании. Валерий Григорьевич размышляет: «Я был тогда обычным преподавателем и ничего не смыслил в бизнесе, и меня он немного смущал, но я согласился, решил попробовать.

Вообще не так много сфер, которые бурно развивались в России после перестройки. Можно похвастаться разве что сотовой связью да Интернетом. К сожалению, перестройка убила промышленность, а то могло бы появиться и отечественное оборудование. Стала активно разрабатываться нефть, появились деньги, все начали закупать оборудование в Китае и в других странах... На наш рынок пришли Ericsson, Siemens, Nokia, Huawei. Китайские фирмы поступали хитро: оборудование стоило копейки, а техподдержка – очень дорого... Отечественного оборудования нет до сих пор. И всё равно в современной России качество связи и доступность Интернета одни из самых высоких в мире. Посмотрите, китайская фирма Huawei и новосибирский завод ELTEX возникли примерно в одно время, они работают в одной сфере, занимаются схожими разработками. И насколько сейчас известен Huawei, и насколько ELTEX? Я думаю, это вопрос о государственной поддержке. Активно производство отечественного оборудования стало развиваться только в последние годы – когда заговорили о безопасности, возможности масштабного отслеживания разговоров в рамках оперативно-разыскных мероприятий...»

Вскоре Татьяна Николаевна ушла в «Сибирьтелеком», управлявшую всеми компаниями сферы электросвязи в Сибирском федеральном округе, а Валерий Григорьевич стал генеральным директором ЗАО «НСС-450», у которого «Сибирьтелеком» была соучредителем. Когда предприятие «Сибирьтелеком» внезапно вышло из состава акционеров, от одного из начальников Валерий Григорьевич услышал: «Ваша компания убыточна, она нас больше не интересует. В вашей компании интересны только несколько человек, один из них – вы». После этого Валерия Григорьевича пригласили на пост коммерческого директора в «Сибирьтелеком».

Он вспоминает: «Я тогда долго колебался, на мне была ответственность за людей, которые работали в “НСС-450”, но всё же я ушел и начал работу в крупной компании, где в подчинении десятки тысяч человек, а обороты – десятки миллиардов рублей. Это был 2004 г., отрасль активно развивалась. Я сам выдумывал тарифы, было интересно: сработает или не сработает? Чаше срабатывало».

* * *

Валерий Григорьевич рассказывает о том, что заниматься бизнесом в конце 1990-х – начале 2000-х было непросто, он говорит: «Я слышал страшные вопросы: “Ты думаешь, что ты вечный? Или жена твоя вечная? Или дети? Ты думаешь, что твой дом или твоя машина не могут загореться?” Конечно, это было крайне неприятно... Я познакомился тогда с руководителями “Байкалвесткома” и “Енисейтелекома”. Они оба были немного старше меня – два зубра, сильных, имеющих колоссальный опыт выживания в суровых условиях российского рынка. Я увидел, что эти люди крепко стоят на земле и не занимаются праздным сочинением теорий, как я. И тут оказалось, что я – их начальник... А они – любители снегоходов, охоты. Пришлось и мне вместе с ними осваивать эти “суровые мужские забавы”, которыми я никогда в жизни не занимался. Этот опыт мне многое дал. Я до этого представлял жизнь менее суровой, чем она есть».

И еще “Сибирьтелеком” стал для меня школой руководителя. Компания большая: во всём есть подтекст, подставы, некоторые люди умели интриги плести на десять ходов вперед не только себе на пользу, но и ради общего дела...»

Когда в 2008 г. в «Сибирьтелекоме» сменилось руководство (из Москвы приехали новые управленцы), Валерий Григорьевич решил, что пришла пора уходить из компании. Его прежний начальник посоветовал: «Пересиди. Они же не навечно сюда приехали». И Валерий Григорьевич послушал его – два года проработал коммерческим директором в кемеровском филиале. Он вспоминает: «Там было интересно, большая ответственность. Губернатор Аман Гумирович Тулеев – человек-глыба. Я помню, он регулярно проводил дистанционные совещания с главами районов, а мы обеспечивали связь. Однажды гендиректор филиала и технический директор оказались в отпуске, пришлось мне присутствовать на совещании, как бы от связистов, и вдруг звук исчез. Аман Гумирович сразу строжится: “Где связисты? Что случилось?” А я знать не знаю, ведать не ведаю, что там случилось, и все на меня смотрят... Оказалось, что руководитель района попросту кнопку “микрофон” не нажал...»

* * *

В 2009 г. Валерий Григорьевич вернулся в Новосибирск и пять лет был коммерческим директором всего Сибирского филиала компании «Ростелеком», занимался продажами. Он говорит: «Мы разрабатывали программы того, как менеджерам вести себя с абонентами: их первая фраза, вторая фраза... Проводили тренинги по продажам. Это такая работа: тебе надо расположить к себе клиента и что-то ему “втюхать”. Это ужасно, но там по-другому было нельзя.

Мне тогда было уже не двадцать пять и не тридцать лет, мне было уже за пятьдесят. Нельзя в таком возрасте быть коммерсантом, возраст требует более широкого и глубокого взгляда на мир...»

...А по субботам он продолжал преподавать в СибГУТИ. Преподавал и тогда, когда работал в Кемерове: приезжал в пятницу вечером, в субботу утром вел занятия, а потом ехал обратно. Валерий Григорьевич признается: «Мне было неудобно, но меня на кафедре простили остаться. У меня язык не поворачивался отказать».

* * *

Он говорит, что ректором СибГУТИ стал случайно, рассказывает: «Летом мне по поручению «Россвязи» позвонил из головного офиса «Ростелекома» директор по HR... Мне предложили стать ректором. Я представлял, что это будет одно, а получилось другое... Я хотел до глубокой старости сеять разумное, доброе, вечное, хотел заниматься с молодежью, думал, что ректор должен заниматься в вузе учебным и научным процессом. А оказалось, что ректор – это в первую очередь завхоз и общественный деятель, с этим знанием как-то надо было жить. И за спиной 1000 сотрудников и 3500 студентов, и за всех я в ответе. Как будто я вернулся в свой стройотряд, в то лето, когда мы с подростками были «лесными робинзонами»...

У ГПНТБ часто проходят какие-то митинги, и почему-то я должен был быть ответственным за то, чтобы студенты СибГУТИ в них не участвовали. И это, конечно, правильно, но нельзя же обнести колючей проволокой вуз и общежитие! Да и у каждого человека, я считаю, должен быть какой-то свой жизненный опыт, свои ошибки... Одним словом, мне пост ректора принес большую ответственность, но не принес ни высокой зарплаты, ни уважения.

Единственное, что важно, так это то, что месяца через два после моего назначения на должность ректора мне позвонила из Братска мама и сказала: «Я так рада! Я так рада!» И я не стал ее разубеждать...»

И с поста ректора я ушел сам потому, что понял: это не мое место. И знаете, оказывается, за стенами офиса есть жизнь, и она интересная! Сейчас я открываю для себя многое: наконец-то написал для студентов учебное пособие, на которое много лет не хватало времени, я научился встречать утро без суеты, стал замечать, как тихонько зимой падает снег... Мне повезло: я был в компании на топовых позициях, мне есть чем обеспечить свою жизнь. Мне повезло».

БЕРНАДСКИЙ ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

**Выпускник 1982 года,
машиностроительный
факультет (МСФ)**

Генеральный директор МАРП (с 1994 года). Президент Новосибирской городской торгово-промышленной палаты (с 2004 года). Председатель Новосибирского городского Совета (1992–1993). Кандидат экономических наук. Писатель, поэт.

Автор девяти книг. Член Союза писателей и Союза журналистов РФ. Лауреат международного литературного конкурса «Национальная премия «Золотое перо Руси»». Мастер спорта по греко-римской борьбе.

«Вы рассказчика не троньте...»

О себе Юрию Ивановичу удобнее говорить стихами. У него их много: за девять лет он опубликовал восемь сборников поэзии, в большинстве из них более трехсот страниц, в некоторые вложены диски с песнями на стихи, опубликованные в книгах. «На мои стихи написано и спето больше ста песен. Тимур Гордеев, Игорь Малинин, Энвер Байтемиров... Андрей Климяк написал на мои стихи целый альбом – «Наш паровоз»».

Услышав очередной вопрос о своей жизни, Юрий Иванович подолгу листает книги и читает стихи, которые могли бы стать ответом. Он читает, улыбается и то и дело поднимает от книги взгляд – следит за реакцией слушателя. Он любит эти стихи и, кажется, дорожит ими, говорит: «Проза пишется «пятой точкой», а стихи – настроением».

Он не хочет рассказывать о себе, отсылает к десятистраничному интервью, записанному с ним журналистом Галиной

Троицкой в 2003 г., говорит: «Там обо мне всё есть, а всё, что было потом, я вам расскажу», и опять читает:

*...И со времен еще Кучума
Мой предок о любви радел...
Но что-то, видно, недодумал,
Не дочитал... не доглядел.*

*И вот, на две ноги хромая,
Начав без повода блажить,
Мы будто бы не понимаем,
Что без любви нам не прожить.*

<...>

*Советам недругов послушны,
Мы меч и плуг свезли на слом.
К судьбе соседа равнодушны,
Живем неряшливо и зло...*

Свою первую книжку Юрий Иванович издал в пятьдесят лет, хотя первое стихотворение написал еще в школе и по-немногу сочинял всю жизнь – то больше, то меньше. Рассказывает, что всегда писал о себе, о чувствах и печатался везде, от «Мурзилки» до «Литературной газеты», в журналах «Смена», «Молодая гвардия», «Огонек», «Работница», «Сибирские огни». Его стихи – о любви, о родине:

*Роднее места нет под небесами.
Суровый край, но сердцу дорогой.
Обласкан солнцем, окружен лесами,
На крутояре поднят над рекой.*

Юрий Иванович написал большой поэтический цикл, в котором каждое стихотворение посвящено одной букве кириллицы. «Как много смысла в одной только букве!» – восклицает он и читает стихотворение о букве «зело»: «*Без времени, вне рамок, в чертогах солнечного храма, за гранью взора и ума, неопишима весьма... Оценка высшая всего и Абсолюта самого*» и комментирует: «Это многообразие одной буквы! Вы можете себе представить! Это не выдумка! Это моя попытка записать все эти образы». Он рассказывает, как однажды открыл

«Месяцеслов» и удивился, что, оказывается, каждый день имеет особый смысл. Юрий Иванович увлеченно говорит о большой работе – создании «Славянского поэтического календаря».

Заголовки его книг пронизаны любовью к родине: «На Капиновом мосту», «Забывшие проселки», «Обычайная Русь»...

Юрий Иванович говорит: «У меня есть только одно стихотворение о войне» и читает:

*Вы рассказчика не троньте.
Он свое отвоевал...
Тем легко судить о фронте,
Кто на фронте не бывал...*

* * *

Родился Юрий Иванович в Таллине, но детство провел в Новосибирске, летом ездил к бабушке в деревню в Кемеровскую область. «Кто в меня что вложил? – рассказывает он. – Мама, отец, бабушка. Они, наверное, тоже есть в моих книгах. У бабушки были удивительные присказки, которые теперь нигде не услышишь! Глядя в окно на снег, бабушка говорила: “И зимой бы съел грибок, да снег глубокий”. Может быть, этого нам сейчас не хватает, потому что мы кинулись (а уж в науке – особенно!) засорять наш язык иностранными словами. А наше истинное то, что составляет суть русского человека независимо от того, какой он национальности... Потому что русский – это общность тех, кто думает на русском языке, соблюдает русские традиции, отмечает праздники, поет русские песни. В каждом из нас намешано столько, что в этом и семи мудрецам не разобратся».

Юрий Иванович вспоминает, как недавно был в компании, где было много молодежи, где слушали современную музыку и «много того, что будоражит и заводит», а потом «ехали обратно – дорога дальняя, настроение хорошее» и запели и «про дубинушку, и про «мороз-мороз»... Юрий Иванович размышляет: «Даже если мы отказываемся от этого, это в нас живет».

Инженер по образованию, экономист по роду деятельности, он увлечен филологическими и историческими изысканиями: «“Ра” – это “солнце”, причем на славянском, а не на египетском... Когда начал копаться, откуда что взялось, понял, что каждая буква имеет значение».

...И ценным, и важным на всю жизнь становится то, как бежал на речку пескарей ловить, как «курей гоняли» по ограде, как «свинья опоросилась в лесу, и искали ее два дня», как сидели и слушали, открыв рот, как родители во время застолья песни пели.

* * *

«Я не профессиональный писатель», – говорит Юрий Иванович. Рукопись своей второй книги он в 2011 г. отправил в Союз писателей России в Москву. Председателем тогда был Валерий Николаевич Ганичев. Юрий Иванович получил литературную премию и приглашение вступить в Союз писателей России.

Он говорит, что не любит творческих вечеров. На презентацию книги «Забытые проселки» в библиотеке собрались его друзья, и каждый читал вслух из книги те стихи, которые хотел.

Часть тиража каждой новой книги Юрий Иванович приносит в Новосибирскую государственную областную научную библиотеку для рассылки по школам и библиотекам Новосибирской области.

Однажды в городе Карасуке, в одной из школ, ученики поставили трехчасовой спектакль на стихи Юрия Ивановича. «Что я чувствовал? – вспоминает он. – Оторопь. Что я еще мог чувствовать?»

* * *

В начале 1980-х гг. Юрий Иванович был одним из инициаторов создававшихся тогда под эгидой комсомола МЖК – молодежных жилищных кооперативов.

Согласно принятой в то время государственной программе всем гражданам страны, нуждающимся в улучшении жилищных условий, было обещано в течение 20 лет обеспечить их квартирами. Вероятно, молодые семьи не слишком верили этому, потому что порой прием в жилищные кооперативы велся на конкурсной основе: принимали тех, кто заработает больше баллов за участие в строительстве. Рядом с рабочими-строителями, получавшими заработную плату, на стройке в

качестве стропалей, монтажников, отделочников и т. д. работали члены кооперативов, сражаясь за те самые баллы, которые, возможно, приблизят их к получению жилья. Кто знает, что руководило ими больше – энтузиазм общественного труда или трагически приземленная в эпоху космонавтики мечта получить отдельную квартиру, мечта, в которой нередко заключались благополучие и сохранность семьи. При разговорах об этих стройках вспоминается известный фильм «Гараж» режиссера Эльдара Рязанова.

Юрий Иванович был одним из лидеров кооперативного движения, секретарем комсомольской организации домостроительного комбината. Ему приходилось ходить по кабинетам, убеждать, организовывать.

Когда МЖК был построен, а Юрий Иванович стал довольно известным и авторитетным человеком, масштабы его деятельности стали расширяться. Он рассказывает: «У меня хватило наглости выставить свою кандидатуру одновременно на выборы в депутаты Кировского районного Совета и Новосибирского городского. В условиях жесткой конкуренции я прошел и в тот и в другой». Юрий Иванович принялся создавать на МЖК систему местного самоуправления – первые ТОСы¹.

Ему исполнился всего 31 год, когда он возглавил Новосибирский городской Совет, став самым молодым из председателей горсоветов России.

Осенью 1993 г. после расстрела Белого дома в Москве президент Борис Ельцин издал Указ о прекращении полномочий всех представительных органов. В числе прочих многих прекратил свое существование Новосибирский городской Совет, который возглавлял Юрий Иванович.

В 1994 г. он был приглашен возглавить Межрегиональную Ассоциацию руководителей предприятий Сибири (МАРП). «Наше главное дело, – говорит Юрий Иванович, – отстаивать интересы сибирского бизнеса, защищать интересы людей, работающих на предприятиях».

С 2004 г. Юрий Иванович руководит Новосибирской городской торгово-промышленной палатой. На ее сайте написано: «В интересах бизнеса, во благо России». Миссия палаты –

¹ ТОС – территориальное общественное самоуправление.

«формирование благоприятных условий для развития производства и предпринимательства, обеспечение роста социально ориентированной экономики и повышения качества жизни населения региона».

* * *

Юрий Иванович признается: «Хочется достучаться, чтобы поняли и дети, и взрослые, что в мире есть что-то сокровенное. Я всегда хотел, чтобы хоть одно мое четверостишие грело людям душу, когда меня не будет. То, что у меня будет столько книг, я даже представить себе не мог...»

БУКРЕЕВ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

**Выпускник 1970 года,
факультет электронной техники
(ФЭТ)**

Создатель (1991) и генеральный директор научно-производственного предприятия АО «Радио и Микроэлектроника» (АО «РиМ») и сформированного на его основе научно-производственного объединения (НПО «Радио и Микроэлектроника»). В НПО входят 16 предприятий, обеспечивающих полный цикл разработки, производства, сбыта, монтажа, пусконаладки и сопровождения в эксплуатации оборудования и систем радиоэлектронного приборостроения, включая разработку программного обеспечения. Награжден орденом Дружбы народов и медалью «За трудовые отличия»

«У меня нет ностальгии по прошлому»

Евгений Валерьевич говорит: «Ей-богу, не знаю, что сказать о себе. Давайте начнем просто: учился. Учился легко. Любил книжки. Мне говорили: “Не читай лёжа – ослепнешь”, и вот смотрю: к семидесяти годам зрение действительно стало портиться...

После четвертого класса услышал, что ребята разговаривают про какие-то детекторные приемники. Достал книжку Сметанина “Юный радиоловитель”¹, разобрался, сам начал делать эти приемники. Однажды отец вернулся из Москвы и рассказал о телевидении, я не поверил, что оно существует. О радиоволнах я в книжке читал, но не мог представить, как можно передавать картинку! А через три года телевидение

¹ Сметанин Б.М. Юный радиоловитель. – М.: Молодая Гвардия, 1956.

пришло и к нам. Сначала телевизор появился у соседей – всей улицей ходили к ним смотреть, а наш первый телевизор отец привез из Алма-Аты...

В шестом классе пошел на Станцию юных техников, там меня не взяли, сказали, что берут только с седьмого класса, но я добился – со второго полугодия стал ходить в радиокружок и занимался там до института. Так что у меня не было вопроса, куда поступать». Занятия на Станции юных техников были интересными. Ребята писали статьи в журналы «Радио» и «Юный техник», каждое лето выезжали «в поля»: ставили радиоточки на полевых станах², собирали приборы по измерению жирности молока, однажды составляли карту электропроводности почвы Новосибирской области, которая потом даже представлялась на ВДНХ. Изделия юных техников отличались актуальностью: они работали на транзисторах³, а не на распространенных еще в те годы электронных лампах. В поисках деталей ребята регулярно посещали свалку завода полупроводниковых приборов в Нижней Ельцовке, добывали линзы на свалке завода им. Ленина⁴ на улице Дуси Ковальчук... Евгений Валерьевич рассказывает: «Когда занимался на Станции юных техников, мне выделили радиостанцию РСИУ-4 от самолета ТУ-104, и я мог с другими радиолюбителями в пределах города на разрешенных частотах связываться. У меня был позывной “УА9КОД” – “Ульяна-Анна-Девятка-Киловатт-Ольга-Дмитрий”...»

А еще Евгений Валерьевич занимался боксом, ходил на тренировки пять дней в неделю.

Евгений Валерьевич рассказывает о детстве в частном секторе на ул. Хакасской в трехстах метрах от Оби, о том, как летом ходили на рыбалку ловить ершей, пескарей, стерлядей: «Чернышевский спуск, пески. Через Обь, кроме железнодо-

² Полевой стан – временная производственная и хозяйственная база, расположенная вдали от селения. Во время посевной или уборочной страды на полевых станах жили колхозники. Там же располагались загоны для рабочего скота, полевая кухня, навесы для техники, хранилища для продуктов и горючего.

³ За исследования транзисторного эффекта в 1956 г. была выдана Нобелевская премия по физике. Транзисторы вытесняли электронные лампы из электроники вплоть до 1980-х гг.

⁴ Он же завод № 69 им. Ленина, ныне Новосибирский приборостроительный завод (НЗП), ОАО «Швабе – защита и оборона».

рожного, был только понтонный мост...» И еще говорит: «Тогда в магазинах было всё: и вкусные соки, и конфеты... После седьмого класса мы ездили в Москву, зашли в московский радиоклуб и там купили пять килограммов всяких полупроводниковых приборов».

Евгений Валерьевич окончил школу с серебряной медалью и поступил в НЭТИ на направление «Диэлектрики и полупроводники», а по окончании пошел работать в НПО «Восток». Он говорит: «Мне всегда нравилось конструировать самому, а не повторять чужие работы». И вспоминает: «Поработал там инженером, потом призвали в армию. Служил в Пашино, там "работал старшим лейтенантом", научился подчиняться и командовать. Потом вернулся в НПО, доработал до начальника отдела. Директор мне говорил: "Не спеши быть начальником"... Парторгом у нас был небезызвестный Иван Иванович Индинок⁵, мы с ним сдружились. Я вступил в партию, потом стал членом райкома, но меня эта деятельность не увлекала. Я и пионером был неактивным, и комсомольцем... За всё время учебы один раз в самодеятельности участвовал, на каком-то празднике роль старика Хоттабыча играл, у меня борода болталась – и все хохотали. Может, поэтому и бороду ношу, еще в институте отрастил, потом лет в двадцать восемь, и с тех пор два раза сбрасывал, и то на спор».

* * *

Евгений Валерьевич вспоминает: «В НПО "Восток" мы одними из первых в стране сделали интегральные схемы памяти, за них я получил медаль "За трудовые отличия". Потом мы программировали память для орбитального корабля "Буран". Наградили орденом Дружбы народов – "За успехи в XI пятилетке"... Еще делали микроЭВМ⁶...» Евгений Валерьевич был начальником первой «чистой комнаты» – специального помещения, где делают интегральные схемы. В 1986 г. Евгений Валерьевич ушел из НПО «Восток», говорит: «Устал и уволился». Его пригласили главным инженером в СКТБ Производственного

⁵ Иван Иванович Индинок (1938 г. р.) – глава администрации г. Новосибирска (1991–1993) и Новосибирской области (1993–1995).

⁶ Так называли с конца 1970-х до конца 1980-х гг. компьютеры, выполненные на основе микропроцессора.

объединения «Вега», крупнейшего производителя бытовой радиотехники в СССР. «В конце 1980-х гг. мы делали лазерный проигрыватель компакт-дисков, это было интересно...»

Евгений Валерьевич с досадой вспоминает о том, что в одном из выпусков популярной тогда передачи «Прожектор перестройки» на центральном телевидении рассказывалось о том, что на «Веге» работают ретрограды, которые не поддерживают молодежь. Евгений Валерьевич говорит: «А мы поддерживали, мы работали. Но у них был заказ – показать большое предприятие именно так. Известный Владимир Познер тогда выступал за то, что надо разваливать ВПК потому, что там собрались ретрограды, которые только и делают, что осваивают государственные деньги... Мы создали компанию «Адрон», в нее вошли пять больших предприятий (два НИИ, три завода с ОКБ), я стал заместителем руководителя по науке, а потом всё развалилось, заказы перестали поступать. Вы знаете, что такое адрон? Это термин из атомной физики. Так называют большие тяжелые частицы с малым временем жизни...»

* * *

А потом Евгений Валерьевич вдруг улыбается и рассказывает, что еще в школе освоил рабочую специальность «штукатур-маляр»: «Однажды дачу свою отштукатурил. Лопатой. Отлично получилось»...

* * *

В 1989 г. Евгений Валерьевич с тремя коллегами с «Веги» создал сначала АО «Степ» в Риге, а в 1991 г. в Новосибирске – ЗАО «Радио и Микроэлектроника» («РиМ»).

Евгений Валерьевич рассказывает: «Новосибирский метрополитен мы перевели на электронные пластиковые карточки в 1993 г. Мы были единственными в стране, кто выпускал собственные электронные карточки. Кристаллы делал «Восток», потом были кристаллы Siemens, пластмассу давал новосибирский «Точмаш», программное обеспечение у нас было свое. Мы сделали около 10 000 карточек и всю систему для работы с ними: контроллеры, считывающие устройства, аппараты для автоматической оплаты и зарядки карты. Мы подготовили

кадры, создали лабораторию, чтобы можно было следить за пассажиропотоком, выделять группы льготников, регулировать расписание поездов... Эта система, конечно, модернизированная, работает до сих пор.

Кроме того, вот уже двадцать лет, как мы разработали интеллектуальные приборы учета электроэнергии и автоматизированную измерительную систему. Это оборудование мы поставляем в разные регионы России и за рубеж. Мы разработали систему, которая сегодня стала стандартом отрасли. Мы выпустили более 2 000 000 счетчиков.

Лет семнадцать назад мы сделали интегральные схемы безопасности системы контроля доступа в ГУ Центробанка РФ по Новосибирской и Кемеровской областям. Тогда это была самая лучшая система. Сейчас, конечно, есть и другие.

Мы разработали и внедрили систему электронного контроля прохода пассажиров по билетам со штрих-кодом на пригородных поездах Западно-Сибирской железной дороги. Наших рук дело и мобильные терминалы для оплаты проезда на городском транспорте в Новосибирске».

«РиМ» развивался по типу холдинга, сегодня он объединяет 16 предприятий – это более 600 человек.

* * *

Евгений Валерьевич смеется: «В свое время один старший товарищ меня учил: “Чтобы быть счастливым, надо не иметь начальников, никому не завидовать и быть осторожным с женщинами, так как они становятся меркантильными и мешают так же, как и начальники”...»

БУЧИК СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**Выпускник 1995 года,
факультет прикладной
математики и информатики
(ФПМИ)**

Основатель (1997) и генеральный директор ООО «NPM Group». ООО «NPM Group» – высокотехнологичная компания с собственным отделом разработок и производством площадью 12 тыс. м², разрабатывающая и производящая устройства разлива и IT-продукты для бизнеса. Продукты для разлива пива считаются № 1 в мире. Компания обслуживает 85 % рынка.

«Нужно делать то, чего никто еще не делает...»

«Моя жизнь, – говорит Сергей Александрович, – делится на два больших этапа: до 2010 г. и с 2010 г. по сегодняшний день». Первый этап он называет «классическим путем предпринимателя в эпоху зарождения рыночной экономики». Второй не называет никак, но рассказывает о нем так, как, бывает, люди говорят о мечте...

* * *

Сергей Александрович родился на Украине, потом переехал с родителями в Якутию, в Нерюнгри. Там через дорогу от дома начиналась тайга, ходил туда гулять, за грибами, за ягодами.

Он рассказывает, что с детства в нем воспитывали самостоятельность. Когда ему было десять лет, отец поехал в командировку в Москву и взял его с собой. Показал Воробьевы горы, Лужники, Красную площадь, Мавзолей, Вечный огонь,

Царь-пушку и ВДНХ. Через полгода, когда в такую поездку взяли и шестилетнюю сестру Сергея Александровича, отец ему сказал: «Я занят весь день. Съезди с сестрой, покажи ей все места, где мы с тобой были. В пять часов вечера встретимся на ВДНХ возле павильона космонавтики». Сергей Александрович говорит: «Отец потом рассказывал, как без пятнадцати пять подходил к павильону космонавтики, внутренне готовый к чему угодно, прокручивая в голове, где и как ему искать в Москве детей... Но, когда увидел дочь, сидящую на лавочке, и спросил ее: "А где Серега?", а она ответила: "Пошел за мороженым", я понял, что зря волновался. Это удивительно, как нам тогда доверяли родители! Это воспитывало ответственность за свои поступки и решения. За это я очень им благодарен».

* * *

В 1990 г. Сергей Александрович окончил школу, приехал в Новосибирск и поступил в НЭТИ, и уже в 1995 г., получая второе экономическое образование в НИИЖТе¹, в самый разгар становления рыночной экономики начал создавать бизнес. Сергей Александрович рассказывает: «Первые три года я занимался куплей-продажей и работал на рынке ценных бумаг и финансовых инструментов. Но некоторые события в жизни, в частности кризис 1998 г., привели меня к мысли о том, что надо не просто зарабатывать деньги, а создавать то, что может изменить мир и жизнь людей к лучшему. К тому же если ты просто покупаешь и продаешь, то не можешь повлиять на качество или свойства продаваемого продукта, а мне хотелось работать с тем, на что я могу влиять. Именно поэтому в 1998-м я занялся производством».

Созданная компания занялась производством оборудования для розлива газировки, пива и бутилирования воды. Однако рынок этого оборудования оказался небольшим по объему и конкурентным, поэтому пришлось искать новую нишу, на которой не было бы конкуренции и была бы возможность стать

¹ Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта. Ныне Сибирский университет путей сообщения.

первыми. Спустя два года такой сегмент рынка нашелся. Сергей Александрович рассказывает: «Мы стали единственными в мире разработчиками и производителями пеногасителей (сокращенно «ПЕГАС») – оборудования для беспенного розлива пива в точках продаж. Так был фактически создан новый рынок – рынок магазинов розливного пива. Раньше этот рынок был небольшим и очень проблемным: существовали пивные ларьки с множеством неудобств для продавцов и покупателей. Постоянные очереди и обязательная табличка “Ждите отстоя пены” были неизменным атрибутом того бизнеса. Люди по пятнадцать-двадцать минут ждали, когда при розливе пива пена осядет. Мы эту проблему увидели и предложили торговым точкам решение, которое упрощает работу продавца и делает процесс обслуживания покупателя быстрым и удобным.

Изначально планировалось производить оборудование в России, но себестоимость одного крана не выходила меньше 2900 руб., а эластичность спроса не позволяла продавать их дороже 3500 руб. В итоге мы нашли подрядчиков в Китае, снизили себестоимость комплектующих до 400 руб. и решили в России организовать только сборку и упаковку. Это позволило крепко встать на ноги и начать зарабатывать. А в 2010 г., когда бизнес уже набрал обороты, цены выросли в четыре раза, а нас перестало устраивать качество производимых в Китае комплектующих, мы решили перенести производство в Россию и построить здесь полноценный завод. Спустя три года мы переехали в новое здание и стали оснащать производство оборудованием, и уже с 2016 г. 95 % комплектующих мы стали производить сами».

С 2004 г. в стране открылось порядка 100 000 новых точек продажи пива, были построены новые пивные заводы. Сегодня Сергей Александрович говорит: «И хотя изначально мало кто верил в успех нашего предприятия: партнеры и технические специалисты сомневались в возможности изготовить оборудование для розлива массово и дешево, маркетологи говорили, что объем продаж будет очень ограниченный, поэтому решение идти в этот рынок было принято правильно. В итоге нам удалось снизить себестоимость оборудования от начального в семь раз, а рынок оказался в двести раз больше,

чем мы предполагали. С тех пор я редко слушаю маркетологов и больше доверяю своей интуиции. Часто бывает, что если 99 % людей говорят, что так делать не надо, то скорее всего именно так и надо делать. Известный маркетолог Джек Траут писал: «Если вы не можете стать первым в категории, создайте новую категорию, в которой вы сможете быть первым». Поэтому, когда вы выбираете свое дело, думайте о тех продуктах и сервисах, которые никто не делает, выходите в свой голубой океан... Сейчас, когда на нашем рынке появляются конкуренты и начинают отбирать у нас долю рынка, надо опять создавать новый рынок, чтобы и дальше оставаться первыми».

* * *

Сергей Александрович рассказывает: «В 2010 г. этот бизнес стал меня душить. Как-то на планерке я осознал, что у меня 17 топ-менеджеров, что на месяц надо согласовать 270 задач, что вокруг рутина управления, и нет ни радости, ни творческого подъема, одно зарабатывание денег. Спустя два месяца я ушел из оперативного управления бизнесом. Оставил исполнительного директора управлять компанией, а сам в это время занялся строительством завода и саморазвитием».

За пять лет Сергей Александрович объехал около 40 стран, он говорит: «Я побывал в большинстве мест, которые люди называют "местами силы", общался с духовными учителями, много читал... Нашел простые ответы на вопросы о смысле жизни».

Я понял, что общество и взаимодействие людей могут быть и должны быть организованы иначе, чем сейчас. В 2015 г., когда я вернулся в компанию, мне захотелось построить бизнес, основанный на новых принципах, когда сотрудники не только работают за заработную плату, но и вовлечены в дела компании. Я думаю, это следующий этап развития бизнеса вообще, когда ответственно и осознанно работает не только руководитель, а каждый сотрудник, когда в команде есть синергетический эффект от слаженной работы во имя общего результата. Есть хорошая книжка Фредерика Лалу «Открывая организации будущего», в ней описан прекрасный опыт компаний, которые тоже идут этим путем...

Меня очень впечатлили экскурсии в Google, Apple, Facebook, Amazon, Netflix... И, вдохновленный их примером, наблюдая за их развитием, я пришел к тому, что нужно сделать так, чтобы человек на рабочем месте мог быть счастливым, мог творить и развиваться. Но мало понять, как именно должен быть устроен новый мир. Чтобы в нем жить – надо каждому поменять себя. Главная беда в том, что людям никогда не говорили, что они могут быть свободными, и, оказываясь свободными, они организуют себе новое рабство... Передо мной сейчас стоит задача привести свой бизнес в соответствие с новыми принципами».

**ВАНДАКУРОВ
АНАТОЛИЙ
НИКОЛАЕВИЧ
(1962–2019)**

**Выпускник 1985 года,
электротехнический факультет
(ЭЛТФ)**

Генеральный директор ОАО «Новосибирский механический завод «Искра»» с 2007 по 2017 г. Генеральный директор ПАО «Октава» с 2017 по 2019 г. Депутат Законодательного собрания Новосибирской области с 2012 по 2019 г. Награжден медалью «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Завод «Искра» является производителем широкой номенклатуры средств инициирования: неэлектрические системы инициирования, детонирующие шнуры, электродетонаторы, капсули-воспламенители, охотничьи и спортивные патроны и т. д. Специфика работы предприятия связана с использованием достижений науки и техники, высокоточной механики и современной химии.

«Хочу посмотреть замки Шотландии»

Анатолий Николаевич родился в городе Куйбышеве Новосибирской области. Его супруга Светлана Анатольевна рассказывает: «Семья была простая: мама работала на химзаводе, а отец был водителем... Толя рассказывал, что в детстве они с друзьями часто ходили на берег реки Омки, с 14 лет курили, иногда, как и все мальчишки, дрались. Он много читал: приключения, классику – особенно любил Достоевского, Чехова, Теодора Драйзера, ему нравилась классическая фантастика Айзека Азимова и Роберта Хайнлайна, он с удовольствием читал детективы Рэймонда Чандлера и Агаты Кристи. Он просто всегда много читал. В последние годы регулярно читал профессиональную литературу, журналы типа «Генеральный директор», из современных писателей ценил Сергея Лукьяненко.

Ему с детства хорошо давались технические науки. Много ребят с его двора учились в НЭТИ на электротехническом факультете. Наверное, поэтому он решил сюда поступать».

* * *

В трудовой книжке Анатолия Николаевича первая запись такая: «Плотник. Куйбышевский химический завод». Он работал там один год после школы перед поступлением в институт. На этот же завод он после института вернулся инженером и в 23 года получил должность старшего инженера завода, позднее стал начальником электроцеха.

В 1990-е гг. с завода уволился бывший начальник финансового отдела, и директор завода попросил Анатолия Николаевича хотя бы временно занять его место. Чтобы разобраться в новом деле, Анатолий Николаевич пошел получать второе высшее экономическое образование, потом закончил курсы антикризисного управления. Светлана Анатольевна рассказывает: «На этих курсах у них была психологическая проверка обучающихся. И оказалось, что по психологическим качествам он для этой деятельности "безусловно рекомендован". Потом фонд Сороса¹ организовывал обучение инвестиционному проектированию. Со всей Сибири тогда отобрали 45 человек, из них 15 лучших были отправлены на месяц на обучение в Москву, а потом они должны были ехать на год на стажировку в Бельгию, Германию и куда-то еще, но случился кризис 1998 г., проект был закрыт, Толя вернулся из Москвы. Он был в кадровом резерве на место директора химзавода.

Потом он разрабатывал инвестиционные проекты, что-то было удачным... В нем была авантюрная жилка.

Когда в Куйбышеве в филиале Новосибирского педагогического института открылся факультет иностранных языков, мы с ним поспорили. Он сказал: "Ты не поступишь", а я отве-

¹ Институт «Открытое общество», или фонд Сороса, — международная благотворительная организация. Иницирует и поддерживает программы в области образования, культуры и искусства, здравоохранения, гражданских инициатив, развивающих демократические идеи. Представительства Фонда работают более чем в 30 странах. Руководящие органы расположены в Нью-Йорке и Будапеште. Фонд активно работал в России с 1995 по 2003 г.

тила, что поступлю. И через две недели поступила, очно. Мне было 29 лет, у нас был ребенок. Толя сказал: “Увольняйся с работы и иди учись”. Так в дополнение к высшему техническому (НИИЖТ²) образованию я стала преподавателем иностранного языка.

Точно так же – в одночасье – мы потом собрались и поехали из Куйбышева жить в Новосибирск...»

Анатолию Николаевичу тогда предложили стать директором завода в Брянске, потом в Бийске, и потом, в 2007 г., пришло предложение возглавить Новосибирский механический завод «Искра». Светлана Анатольевна вспоминает: «Ему было интересно: новые задачи, новое производство, пришлось во всё вникать. Завод производил тогда и сейчас производит средства инициирования взрывов для промышленных нужд – для карьеров, шахт... Чтобы предприятие было на плаву, нужно было модернизировать средства производства. Они закупали новые линии в Австрии, были партнеры в Швейцарии, Бельгии, Италии...»

В 2015 г. в интервью журналу «Сибирская столица» Анатолий Николаевич говорил: «Когда я возглавил завод “Искра”, предстояло решать большой комплекс задач. Нужно было убедить коллектив предприятия с богатой историей и сложившимися традициями, что в самой тяжелой экономической ситуации необходимо развиваться, находя внутренние резервы для модернизации производства и внедрения новых форм организации труда... Я благодарен коллективу за поддержку и сотрудничество. Главное достояние любого производства – работающие на нем люди. Без осознания этой простой мысли ни у одного руководителя успеха не будет... Нам удалось убедить потребительский рынок в главенстве качества продукции, и я считаю это очень важным достижением. Цена товара – весомый фактор, но уже после качества. Конечно, нужно стремиться к снижению цены, но это должно происходить за счет новых технологий, оптимизации и автоматизации, но никак не за счет качества....»

² Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, ныне Сибирский государственный университет путей сообщения.

* * *

Светлана Анатольевна рассказывает о депутатской деятельности Анатолия Николаевича: “Как депутат, он сам вел прием населения на своем округе, всегда все людям терпеливо объяснял. Я его спрашивала: “Почему ты просто не можешь сказать, что это нельзя сделать по закону, и всё?” Он отвечал: “Это люди, им нужно объяснить подробно... Я работаю на государственном предприятии. Мне лично от депутатской деятельности ничего не надо”. Но он всё делал добросовестно...»

* * *

В 2017 г. должность генерального директора на заводе была заменена должностью исполнительного директора, и Анатолий Николаевич ушел и возглавил ПАО «Октава» – завод микроэлектронной техники. Светлана Анатольевна вспоминает: «Он отработал там всего несколько месяцев, и у него случился обширный инфаркт, а потом он заболел... Ему еще предлагали несколько должностей, но все они требовали сил и здоровья.

В последнее время он смотрел много фильмов BBC про разные уголки мира, про животных, об истории. Говорил: “Хочу посмотреть Лондон и замки Шотландии вокруг Эдинбурга. Посмотри туры, в которых надо было бы поменьше ходить”. Мы думали, что, если ему станет легче, к весне обязательно поедem...

А вообще он любил ходить пешком... И вот, когда в 2017 г. он уволился, мы начали путешествовать. В 2018 г. мы съездили на 12 дней в Рим, в Неаполь, в Ватикан. В день проходили тогда по 15–17 км. Когда были в Помпеях, он сказал: “Видно, что тут настоящая история. А у нас иногда в музей зайдешь: городу триста лет, бобры хатку построили – вот и город”...

Как-то мы гуляли по Москве, по Питеру, просто ходили...

Часто ездили на Алтай. Ему нравилось сидеть за рулем. В первые годы, когда мы поженились, у него был “Москвич 412”, он сам его ремонтировал. И вообще он перестал этим заниматься только тогда, когда появились современные машины со

сложной электроникой, для ремонта которой уже нужно было специальное оборудование».

* * *

Светлана Анатольевна говорит: «Иногда мы смотрели кино. Ему нравились сериалы про Перри Мейсона, про Ниро Вульфа, про Эркюля Пуаро, про мисс Марпл. Он любил советские фильмы, из зарубежных с удовольствием смотрел и пересматривал "Вам письмо", "Неспящие в Сиэтле", "Реальная любовь", который начинается словами: "Любовь вокруг нас. Она реально повсюду"... Он предпочитал спокойные фильмы, без драк, без стрельбы.

Много читал, перечитывал книгу Я. Гашека "Похождения бравого солдата Швейка"...

Часто играл с внучкой в какие-то сюжетные игры, которые они сами придумывали: что-то о жизни драконов, о том, как они куда-то летали, где-то гуляли, как их поджидала засада, в которой сидели мягкие игрушки... Учил внучку ездить на двухколесном велосипеде...

Сына родил, дом построил, деревья посадил на даче. У него любимое дерево – русский клен. Мы его посадили, но он пока маленький, чуть больше метра. Еще дуб посадили, года за четыре он вырос метра на два. У нас много рябин, декоративных кустарников...

Одно время, недолго, он курил трубки, собрал их целую коллекцию, еще у него были сигары в красивых шкатулках, в которых сохраняется специальный уровень влажности...

У него было хорошее охотничье ружье. Пару раз он привозил с охоты уточек...

У него были любимая кофта и пара любимых рубашек. Он говорил, что ему в них удобнее, и иногда, если они от времени теряли вид, я эти рубашки прятала, чтобы он надевал более новые... Хотя у него было много одежды, соответствующей его статусу.

Когда приходил с работы, иногда вечером от усталости засыпал на диване перед телевизором...

Он говорил: "Когда появится время, буду рисовать". Ему нравился чем-то старый, страшненький трехэтажный дом между Октябрьским мостом и автовокзалом. Ободранный дом в

окружении деревьев. Казалось, что его скоро снесут. Толя сфотографировал его с нескольких точек. Пока болел, успел сделать картину в карандаше, не закончил.

Он любил пельмени и пироги, плов, мясо, картошку. Никогда не ел морепродукты, даже не пробовал. С подозрением относился к экзотическим фруктам. Любил пиццу. Когда ездили в Италию, специально два раза в день мы ходили в маленькую пиццерию...

Он любил музыку – старый рок. Любил песню “Есть только миг”. Он ее иногда пел, хотя петь не умел и врал мелодию со страшной силой...»

ВЕРБА ИГОРЬ ИОСИФОВИЧ

**Выпускник 1973 года,
факультет автоматизированных
систем управления (АСУ)**

Основатель (1995) и директор ООО «Сиб-Лувр». Заместитель генерального директора ПО «Запсибзолото» по строительству (1988–1995). Заместитель начальника строительного управления «Электрострой» (1976–1988).

Член Совета Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ. Генеральный спонсор джаз-оркестра НГТУ. Компания «Сиб-Лувр» занимается техническим сопровождением крупных строительных объектов в качестве генподрядчика и техзаказчика. В частности, она строит по территории всей Сибири торговые центры «Метро Кэш энд Кэрри».

«Стройка похожа на оркестр»

Его бабушка и дедушка были родом из Иркутска, оба врачи. В 1930-е гг. они приехали в Новосибирск участвовать в ликвидации эпидемии вшей, тут и остались. Дед стал главным врачом новосибирской горбольницы¹. А бабушка была полковником медицинской службы, во время Великой Отечественной войны служила на границе с Китаем, выучилась там иглотерапии. Игорь Иосифович говорит: «Когда я ходил в институт и наступало время экзаменов, мне бабушка делала иглоукалывание. После этого появлялось много сил, и первые два-три курса я совсем не уставал – ходил в институт как на праздник. А еще у бабушки лечился один знаменитый боксер, чемпион Европы. У него после травмы развилась астма, и бабушка

¹ Горбольницей в обиходе жители Новосибирска называют городскую клиническую больницу № 1 на ул. Залесского.

лечила его иглотерапией и пчелами и вылечила. Он снова стал чемпионом Европы, принес и подарил бабушке свою медаль, а бабушка подарила ее мне».

Игорь Иосифович вспоминает: «Мама моя училась в мединституте, одна тетя была директором медучилища, другая – врачом. Меня окружали врачи. Только папа был инженером». 20 июня 1941 г. отец Игоря Иосифовича получил диплом Одесского политехнического института. Через неделю после начала войны он был отправлен в Новосибирск на завод «Сибсельмаш», где тогда изготавливались снаряды для «Катюш». Игорь Иосифович рассказывает: «Так он и осел в Новосибирске. Дорос до директора завода. Единственный беспартийный еврей-одессит в Министерстве среднего машиностроения. Я пошел в инженеры по примеру отца».

* * *

Игорь Иосифович вспоминает: «До института я вообще не понимал, что такого особенного в национальности, я не видел никакого отличия. А студентом как-то ехал в НЭТИ на троллейбусе. Вдруг человек рядом со мной толкает меня плечом, кивает головой на другого человека, говорит: "О, смотри, еврей!" Я ничего ему не ответил. А что я должен был сказать? Я даже не понял, это с его стороны было оскорбление или констатация факта... После этого случая я подумал, что, наверное, надо про это хоть что-нибудь узнать».

* * *

Еще в школе Игорь Иосифович увлекся музыкой, играл в оркестре. И продолжил это увлечение, поступив в НЭТИ. Он рассказывает: «А еще в НЭТИ учился мой двоюродный брат Марк, приехавший с Украины, внешне от был копией Кобзона. Как-то я играл на фортепиано с оркестром на танцах на Первомайке, и Марк ко мне приехал. Ребята твердили: «Смотри, к Игорю Кобзон приехал!» Кстати, интересно, что они с Кобзоном были родом из одной деревни».

Даже участие в студенческих стройотрядах для Игоря Иосифовича оборачивалось приключениями на фоне музыки – в стройотряд ездили от НЭТИ целым оркестром.

В одно лето работали на острове Шикотан на рыбоперерабатывающем заводе. Вечерами играли на танцах. Игорь Иосифович рассказывает: «А там красиво! Сопки кругом, много вольнонаемных женщин. И вот как-то мы пришли к танцплощадке, народ стоит у кассы, и смотрим: издали приближается что-то невероятное – лошадь, верхом на которой будто бы сидит еще одна лошадь, огромная. Когда объект приблизился, оказалось, что в седле сидит очень большая женщина, ее ноги едва не волочились по земле. Она сошла с этой лошади, народ отпрянул, она без очереди прошла к кассе, купила билет, села на лошадь и уехала. Местные рассказывали, что это олимпийская чемпионка, метательница молота Тамара Пресс², что она на Олимпиаде кого-то случайно ударила и убила, и теперь здесь. В числе стройотрядовцев приехал некий парень из Московского строительного института, гитарист, с нами играл, и после каждого концерта он спасался бегством от вольнонаемных женщин. А эта женщина его полюбила, она покупала билет, приходила, тихо садилась в стороне и слушала... И защищала этого парня от других женщин».

В другое лето за два месяца работы на мысе Шмидта³ на добыче золота на прииске Полярном оркестр НЭТИ дал восемь концертов. Игорь Иосифович вспоминает: «Обратно возвращались через Магадан. Мы заработали, были при больших деньгах и зашли в ресторан, попросили у местного оркестра разрешения сыграть. Одним словом, напились с тамошним оркестром, подружились. Оказалось, что они из Киева. Они нам говорят: "Останьтесь тут за нас на месяц. Тут заработок, старатели приходят при деньгах. А то мы сидим седьмой месяц безвылазно, надо хоть домой съездить". А мы тогда закончили четвертый курс, приближался сентябрь... Мы остались – весь сентябрь играли в магаданском ресторане. Я потом поехал в Москву и на заработанные деньги купил себе трехклавиатур-

² Эта женщина в действительности не могла быть Тамарой Пресс. Трехкратная олимпийская чемпионка Т.Н. Пресс (1937 г.р.), легендарная легкоатлетка, метательница диска и толкательница ядра, заслуженный мастер спорта СССР, награжденная многими орденами, после окончания спортивной карьеры занялась тренерской и научной работой, которую продолжает и ныне.

³ Мыс Шмидта – поселок на берегу Чукотского моря, в 18 км от Северного Ледовитого океана.

ный орган, который по тем временам стоил столько же, сколько, наверное, квартира».

Одно время, еще студентом, Игорь Иосифович даже возглавлял оркестр знаменитого в городе клуба «Отдых»⁴. Много играл в кафе, в ресторанах, один раз даже подрабатывал – играл на похоронах на литаврах, это называлось «ходить на жмурá»... Игорь Иосифович вспоминает: «А отец, наверное, почувствовал, что меня уносит от инженерной стези к музыкальной. Он меня спрашивает: “Ты всю жизнь собираешься в ресторане играть?” Так закончилась музыкальная эпоха моей жизни».

* * *

Игорь Иосифович рассуждает: «Спустя много лет мы, ветераны джаз-оркестра НЭТИ, решили его возродить – создали “Джаз-клуб НГТУ-НЭТИ”, который развивает джаз-оркестр НГТУ и организует джазовые фестивали. В России больших джаз-оркестров по пальцам пересчитать: в Екатеринбурге, Ижевске, Москве, Хабаровске Томске, Новосибирске. Джаз-оркестр НГТУ – один из лучших в стране.

Я считаю, что студент, который кроме учебы занимается еще чем-то, развивается как профессионал намного быстрее остальных, вынужден грамотно управлять своим рабочим временем. Раньше в джаз-оркестр не брали тех, кто учился хуже, чем на “четыре” и “пять”. Музыка позволяет технарю развивать в себе творчество, учиться чему-то большему, чем то, что могут сегодня выполнять роботы.

Классика успокаивает, она строится на однородных ритмах. Джаз – это демократичная музыка, которая может никогда повториться. Джазовый ритм, синкопа, дает человеку свободу, которую можно распространить и на профессиональную деятельность.

Я когда-то читал, что одно время в технических вузах Америки начали создавать кафедры джазовой музыки».

⁴ Клуб «Отдых» находился на ул. Богдана Хмельницкого, рядом с ЛДС «Сибирь», был открыт в середине 1960-х гг. Танцпол клуба вмещал больше 1000 человек. В разное время в клубе выступали «ДДТ», «Сплин», «Мумий тролль», «Агата Кристи», Алла Пугачева, Roxette и др. Здание клуба снесено в 2016 г.

* * *

«Для меня всегда, – говорит Игорь Иосифович, – было интересно работать на стройке. И хотя последний курс я окончил на “Автоматизированных системах управления”, поступал-то на инженера-электрика”. Работал заместителем начальника Строительного управления № 2, потом заместителем начальника управления “Союзэлектронстрой”: “Мы обстраивали все заводы Минэлектронпрома: НЭВЗ, “Экран”, Искитимский какой-то завод... Мы были по тем временам самой продвинутой строительной компанией. Я тогда понял, что стройка похожа на оркестр. И оркестр, и спортивная команда, как и строительная компания, – это не команда одной звезды, а команда звезд».

Тогда же Игорь Иосифович попробовал себя в качестве предпринимателя. Для строительства нужен был материал для облицовки зданий – туф. Игорь Иосифович рассказывает: «Выпускается он преимущественно в Армении, туда я и поехал, в город Эчмиадзин. Там мне показали завод, и в одном из цехов я увидел интересную штуку – аппарат, похожий на паровоз. С одной стороны в него загружают полиэтиленовую крошку ценой 80 копеек, а с другой из него выходят пляжные тапочки ценой 13 рублей. Цена самого аппарата – две или две с половиной тысячи рублей. А у меня еще со студенческих времен, с подработок, были накопления на квартиру. Я потратил их на этот аппарат, привез его в Новосибирск, установил... Пошли деньги. Меня вызвали в райком партии. Я отвечаю, мол, Гобачев же сказал, что передовые коммунисты должны заниматься предпринимательством. А мне говорят: либо партбилет, либо предпринимательство. Я решил тогда, что партбилет дороже, продал установку и до середины 1990-х о предпринимательстве больше не думал. И не жалею, что тогда так получилось. Думаю, меня Бог миловал. Те, кто тогда начинали, где они теперь?..»

* * *

В конце 1980-х гг. Игорь Иосифович работал заместителем генерального директора компании «Запсибзолото», занимался обустройством, строительством и ремонтом приисков и рудников. Он рассказывает: «Как-то прибыли два американца,

которые якобы хотели организовать совместное предприятие. Мы решили свозить их на рудник Веселый в местечке Сейка (все называли его "Сейка веселая") в Горном Алтае. Вызвали вертолет, полетели, в Сейке сели на футбольное поле. Народ собрался смотреть на вертолет и американцев... А они оказались никакими не бизнесменами, а так, иностранными туристами. Мы тогда стали придумывать всякие интересные проекты – приглашать иностранных туристов, чтобы они приезжали как бы на аттракцион мыть золото старинными способами. Я ездил в "Росдрагмет" за официальным разрешением, чтобы люди могли намыть песочек, заплатить за него в кассу государству и спокойно увезти добытое... Так это и не состоялось, а я начал работать на себя».

* * *

В 1995 г. Игорь Иосифович создал компанию "Сиб-Лувр": «У меня тогда были связи с банком, которого уже нет, и с руководителем этого банка, которого тоже уже нет. Он позвонил мне и рассказал, что ему, в свою очередь, позвонили из французского банка... История такова, что французы прислали в Россию пятнадцать контейнеров водки и арманьяка, которые стоят на таможне. Французы попросили этого нашего банкира им помочь, а он позвонил мне и говорит: "Надо помочь". А я не могу понять, чем я вообще могу им помочь. А банкир мне: "Ты разберись, подумай. Мы денег дадим"... Приехал француз Люсьен, представитель мировой компании Pernod Ricard⁵, и я решил, что фортуна в жизни дает шанс только один раз, и надо им пользоваться не раздумывая. Мы поехали на таможню. Оказалось, что бутылки без этикеток. Мы поговорили, создали совместную компанию. Водку назвали "Монарх", а коньяк – Prince d'Arignac, сняли рекламу в Питере в каком-то театре. Всё начиналось хорошо! Приехал французский барон, сын основателя компании Pernod Ricard, но банкир повел себя некорректно, и барон отказался от сотрудничества. Дальнейшая судьба этих бутылок прошла мимо меня, а компания осталась».

⁵ Pernod Ricard (Перно́ Рика́р) – известный производитель и дистрибьютор алкогольных напитков. История компании начинается с 1805 г. Штаб-квартира находится в Париже.

Сегодня ООО «Сиб-Лувр» занимается строительством. Им построено в Сибири тринадцать торговых центров: METRO Cash and Carry, рестораны KFC и несколько логистических центров. Игорь Иосифович рассказывает: «Работа с иностранными торговыми сетями дала опыт дисциплинированной и профессиональной работы. Генеральный подряд – это как дирижер в оркестре. Необязательно самому играть, важно знать партитуру и то, что именно каждый участник может. Работа в команде учит понимать, когда ты должен вступить в общее действие. Стройка – одно из самых глобальных производств, даже при возведении небольшого объекта в ней участвует много групп людей».

* * *

На прощание Игорь Иосифович говорит: «Я считаю, что лучшие инвестиции – в своих детей. Сейчас всё больше и больше молодых людей, которые не просто учатся, а к чему-то стремятся, учатся сознательно. У меня сын уже взрослый – адвокат, юрист. Две дочки учатся, и моя мечта – увидеть, как сложится их жизнь. Одна дочь учится в Музыкальном колледже Беркли в Бостоне, она джазовая певица и продюсер, помогает мне проводить в Новосибирске Международный джазовый фестиваль. Вторая учится в Лондоне моделированию и 3D-анимации, она художница, в тринадцать лет у нее была первая персональная выставка». Обе дочери собираются после учебы вернуться в Россию.

ВОСТРЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

**Выпускник 1977 года,
радиотехнический
факультет (РТФ)**

Проректор НГТУ по научной работе (2001–2020). Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой конструирования и технологии радиоэлектронных средств (КТРС). Заведующий лабораторией криогенной электроники НГТУ. Главный редактор научного журнала «Доклады Академии наук высшей школы РФ». Председатель Восточной секции редакционного Совета научного журнала «Известия вузов России. Радиоэлектроника». Заслуженный деятель науки РФ.

«Если бы я не был профессором, стал бы, наверное, дальнобойщиком...»

Алексей Геннадьевич говорит: «Началось всё правильно: закончил школу с золотой медалью, поступил в институт на радиотехнический факультет. Сначала, правда, хотел в НГУ на математику, но четверо моих друзей пошли в НЭТИ на радиотехнический, потому что в НГУ на математику не тянули. И я пошел с ними.

Я из семьи радиоинженеров, папа и мама в свое время окончили техникум, папа потом еще учился в Уральском политехническом институте... Дома, сколько себя помню, всегда стоял запах канифоли и паяльника».

Учился Алексей Геннадьевич на отлично, получал Ленинскую стипендию, после института три года отработал инженером, поступил в аспирантуру в Ленинградский электротехнический институт, в 1983 г. защитил кандидатскую

диссертацию... Рассказывает: «Всё было гладко. С докторской диссертацией я, правда, немного подзадержался...» И вдруг вспоминает о школе: как в седьмом классе познакомился с одним из друзей отца, профессиональным гитаристом, как был пленен живыми звуками классической гитары, как попросился к другу отца в ученики, как потом поступил в детскую музыкальную школу по классу гитары. Алексей Геннадьевич говорит: «В девятом классе нас перевели на вторую смену, и музыкальная школа тоже была во вторую смену. Я собрал всех заинтересованных ребят из параллельных классов, мы устроили забастовку, примерно неделю не ходили в школу, но добиться нам ничего не удалось, и я решил школу сменить. Пришел в другую, походил в нее два дня, потом вернулся в свою, а в музыкальной школе уговорил всех, чтобы меня перевели в первую смену. А в десятом классе занятия математикой и техникой всё-таки перевесили это увлечение... Мой друг, который начинал заниматься гитарой вместе со мной, уже будучи студентом НЭТИ, продолжал посещать музыкальную школу, но после первой сессии из института отчислился, сходил в армию, вернулся и получил высшее музыкальное образование, и сейчас преподает в музыкальной школе. А на первом курсе у нас с ним даже был гитарный дуэт, мы выступали, о нас писала газета "Энергия", до сих пор у меня хранится номер со статьей о нас.

Когда я занялся наукой, я понял, что по-настоящему сил хватает только на что-то одно. И вот уже лет двадцать не занимаюсь гитарой. Когда-то думал: куплю себе гитару получше, буду играть... Был в Испании, купил испанскую гитару, не пожалел денег. Так она у меня сейчас и лежит. Я устаю, когда играю».

* * *

«Кстати, школьные годы, наверное, были намного богаче, – размышляет Алексей Геннадьевич. – Я занимался самбо. Чтобы меня взяли в секцию, я прибавил себе три года. Потом, когда поступал в НЭТИ, медкомиссия признала, что я не годен к учебе на военной кафедре, и поэтому меня не должны были принимать. Мне после этого была открыта дорога только в медицинский, в педагогический и в НГУ. Я попытался из заклю-

чения медкомиссии в слове "не годен" вывести "не" перекисью водорода с голубого бланка. На месте "не" образовалось белое пятно – там было прямо видно, что что-то было написано... Тогда я взял ножницы и вырезал это белое пятно, оно было с краю. Приношу справку, у меня спрашивают:

– А что у тебя тут вырезано?

Я отвечаю:

– Не знаю. Какую дали, такую дали...

Мне повезло. Я поступил, но на военную подготовку не ходил. У меня был целый свободный день для учебы, я пошел в школу переводчиков, играл в ансамбле...»

* * *

«Из научных, скажем так... проектов, – рассказывает Алексей Геннадьевич, – больше всего запомнилась работа над миноискателем в составе коллектива под руководством А.А. Спектора¹ и А.Н. Яковлева². Я тогда только окончил институт и пришел работать в НЭТИ же, в научно-исследовательскую лабораторию радиотехнических устройств (НИЛ РТУ, сектор № 10). Мы разрабатывали устройство, способное обнаружить взрывчатые вещества под водой. Принцип был такой (сейчас это уже не секретно): если взрывчатые вещества есть, то при облучении нейтронами во вторичном спектре появляются признаки присутствия азотосодержащих веществ, и их надо было обнаружить. Над этой проблемой работало в СССР, кроме головного оборонного института, еще три организации: ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова³ в Ленинграде, еще какой-то московский институт Академии наук и мы. В Ленинграде создали систему обнаружения на базе цифровой вычислительной машины 15ВСМ-5, т. е. они разработали цифровую систему,

¹ Александр Аншелевич Спектор – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретических основ радиотехники НГТУ.

² Альберт Николаевич Яковлев – кандидат технических наук, профессор. В настоящее время в НГТУ не работает. В этой книге см. очерк о нем.

³ Ныне Крыловский государственный научный центр, один из крупнейших в мире исследовательских центров в области кораблестроения и в смежных областях.

а мы сделали аналоговую. Наше устройство обнаруживало взрывчатые вещества с вероятностью 0,5: когда мины нет – прибор ничего не показывает, а когда есть – в половине случаев сигнализирует о ее наличии, а в половине – нет. Что ж, неудовлетворительный результат работы – тоже результат... Но самое интересное, что цифровая система обнаруживала мины ровно с такой же вероятностью! Это выявилось на испытаниях, которые мы проводили на Ладожском озере. Результаты нашего математического моделирования подсказывали, что цифровую систему можно довести до безошибочной работы, а физики из ЦНИИ нам не поверили и готовы были закрыть этот проект как бесперспективный. Мы уговорили их разрешить нам поработать с их установкой. Это был октябрь 1979 г. Нам разрешили позаниматься два дня – субботу и воскресенье. А перед этим мне посчастливилось побывать на стажировке в Институте неорганической химии, где впервые в СССР применялась установка на базе американского процессора Intel 8080, и я научился работать на языке Assembler с машинными кодами. И вот мне пришлось за субботу и воскресенье освоить отечественную машину 15BCM-5 – освоить систему ее команд и запрограммировать наш алгоритм.

А потом пришла комиссия во главе с адмиралом. Нужно было обнаруживать мины в пластиковом корпусе, закомуфлированные под камень. Это была более сложная задача, чем обнаружение мин в металлическом корпусе. Оказалось, что наша система работает наоборот: мины нет – показывает, что есть, мина есть – показывает, что нет. Мы поменяли ноль на единицу, единицу – на ноль, и система стала работать без ошибок. Но невозможно за два дня написать абсолютно правильную программу! Одним словом, она в процессе испытаний сама себя стерла, но все видели результат, и нас попросили продолжить работу до ее завершения.

Еще интересно: я там, на Ладоге, простудился. Мне принесли лекарство – три литра спирта, сказали: “Лечись!” Мы посмеялись...

Был конец октября, еще тепло, мы были в войсковой части. Рядом лес, море грибов и оружейный арсенал, где кругом таблички “Стреляем без предупреждения”. Мы из команды вдвоем остались работать, а остальные пошли на территорию арсенала, и мы привезли домой в Новосибирск к 7 ноября це-

лый мешок свежих грибов! А в Новосибирске тогда уже лежал снег, были сугробы. Мы пригласили гостей, удивлялись и радовались этим грибам...

Прошло всего два года, как я закончил институт, и для меня было важно, что научная работа приносила действительную пользу, воплощалась в реальное, работающее устройство. Я тогда написал свою первую научную статью, и ее сразу приняли в центральный журнал. Эта удача во многом определила всю мою последующую жизнь, и я решил, что буду заниматься наукой».

* * *

Следующий большой этап – подготовка кандидатской диссертации в аспирантуре ЛЭТИ⁴. Алексей Геннадьевич вспоминает: «Мне повезло: тема кандидатской диссертации тоже была связана с решением реальной и интересной задачи. В ЛЭТИ тогда под руководством профессора Вениамина Алексеевича Богдановича (моего научного руководителя) проводились исследования по созданию математического обеспечения для системы поиска, обнаружения и сопровождения подводных лодок. Система использовала сбрасываемые с самолета радиобуи. Их задача – слушать и передавать данные на самолет, на котором стоит специальный вычислитель, определяющий наличие или отсутствие подводной лодки. Мы разрабатывали алгоритмы для этого вычислителя. Меня поражало, что такой радиобуй был в СССР, он стоил 70 000 рублей, работал два часа и потом затапливался...

На испытаниях курировавший нас подполковник рассказывал, как еще в советское время на Дальнем Востоке над нашими подводными лодками всегда висели-слушали американские самолеты, а над американскими лодками – советские, и все радисты и пилоты друг друга знали. Он рассказывал, что летят два самолета, советский и американский, и экипажи разговаривают:

- Ну как? Слышишь нашу лодку?
- Слышу. Хорошая лодка – плохо слышно.

⁴ Ленинградский электротехнический институт. Ныне Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ».

...А наши испытания проходили в Крыму, в Феодосии, в августе и сентябре. На такие испытания всегда напрашивались некоторые коллеги, которым там особенно нечего было делать. Они все были старше меня, люди с научными степенями, солидные. И вот я на испытаниях в части, а они к моему приходу обед готовят или место на пляже занимают – так сказать, повышают мою значимость в моих же глазах... Это было забавно, из этого возникла большая дружба. И она помогла мне приблизиться к докторской диссертации, продолжать свою работу, но уже в гражданских сферах.

В НЭТИ на нашей кафедре развивалось два направления: технологический контроль и оптимизация систем контроля. Мы делали это совместно с производственным объединением "Вега" в городе Бердске. Там стали впервые в этой отрасли появляться роботы, делавшие корпуса и платы, автоматическая логистика между цехами. В 1990-е гг. "Вега" начала выпускать плееры и магнитолы. Часто был брак, и наша система технологического контроля должна была его выявлять и идентифицировать. Тогда появились IBM PC 286, они делали нужные нам вычисления спектра за 30 минут. Мы предложили систему на базе отечественной микроЭВМ "Электроника-60", я написал для нее программу на Assembler, и она справлялась с теми же вычислениями меньше чем за одну минуту. Нам сначала не поверили, но испытания доказали, что система работает. Это был прорыв.

Потом мы для них же делали систему контроля эквалайзеров. До нас каждый аппарат тестировался 12 минут, мы запатентовали систему, которая полноценно тестирует аппарат за несколько секунд. Самое интересное, что мы эту разработку осуществили еще в советское время, и она не была внедрена, нам тогда сказали: "Если мы внедрим вашу систему, мы должны будем уволить 16 работников. А куда они пойдут?" И на этом автоматизация проверки тогда закончилась... Эта тематика стала основой моей докторской диссертации, которая была отмечена ВАКом как лучшая диссертация среди защищенных в 1997 г. по специальности 05.13.14 "Системы обработки информации и управления"».

* * *

Алексей Геннадьевич рассказывает и о недавних проектах: «В последние годы мы работали с АО «ВНИИРА»⁵. Он занимается разработкой и изготовлением радиотехнических систем ближней навигации.

Всем известно, как в 2010 г. разбился Ту-154 с польским правительством на борту. Он садился на военный аэродром, оборудованный системами, обеспечивающими всепогодную посадку, в том числе посадку в условиях ограниченной видимости и при отсутствии визуального контакта с землей. ГОСТ предполагает, что эти системы могут давать небольшую, незначительную погрешность. Используемые системы навигации в лабораторных условиях действительно соответствуют этому ГОСТу, но в реальных условиях погрешность почти всегда оказывается больше, и в 2010 г. ее хватило, чтобы самолет пошел на посадку мимо полосы. Надо сказать, что эту погрешность дают и отечественные, и аналогичные зарубежные системы. Сейчас самолеты летают и садятся только в условиях визуального контакта с землей. А посадку самолета на палубу авианосца посреди моря обеспечивают 10–15 операторов с локаторами, и мастерство пилота при этом должно быть высочайшим.

С 2005 г. мы разработали алгоритм, который позволяет в 10 раз сократить погрешность навигационных приборов. ВНИИРА семь лет добивался финансирования этой работы. В 2013 г. наконец финансирование получили, работы выполнили, осталось провести летные государственные испытания. Для них выделили пустой самолет, из которого предстояло сделать лабораторию. На оборудование этой лаборатории нужно было примерно 30 миллионов рублей. Так вот, этих денег до сих пор нет, и вызывает горечь ощущение, что это направление нашей работы, вероятно, закроется.

Еще у нас было одно научное приключение – мы пытались участвовать в антидопинговых мероприятиях. Однажды мне позвонил директор Национального антидопингового центра

⁵ Акционерное общество «Ордена Трудового Красного Знамени Всероссийский научно-исследовательский институт радиоаппаратуры» (АО «ВНИИРА»). Находится в Санкт-Петербурге.

Украины, он прочитал нашу с В.А. Богдановичем книгу и заинтересовался: нельзя ли созданные нами алгоритмы применить при масс-спектрометрии⁶? Его слова меня потрясли до глубины души. Он сказал: "Сегодня все мировые спортивные рекорды ставятся только при наличии допинга, надо лишь подобрать дозы, которые бы не фиксировались масс-спектрометрами. Можно ли сделать устройство, чтобы мы видели наличие веществ, а стандартные аппараты – нет?" А это задача, очень похожая на ту, что была, еще когда мы миноискатель разрабатывали.

Это было еще до всех трагических событий, до войны. Мы приехали в Киев, нас поселили рядом с Майданом в шикарной гостинице. За окном слышен бой барабанов, в номере +7 °С. Нам принесли три-четыре обогревателя... В Киеве к русским было очень доброжелательное отношение, люди говорили друг с другом попеременно по-русски и по-украински, и это было обычно...

Мы начали разработку. Возникла еще одна проблема: если обнаруживается допинговая проба, то ее остатки в камере чистить очень долго и сложно. И всегда есть шанс, что при следующей пробе устройство среагирует на след от предыдущей пробы и выдаст ложноположительный результат. Мы создали алгоритм обработки масс-спектрометрических данных, который этого не замечает, а реагирует только на приростное поступление данных о наличии допинга. На основе этого алгоритма мы разработали программное обеспечение, которое повысило чувствительность американского масс-спектрометра VARIAN почти в 10 раз. Стандартный масс-спектрометр допинг не видел, а с нашим программным обеспечением – видел... Из-за политических процессов мы так и не смогли подписать с украинской стороной договор на установку нашего программного обеспечения на их масс-спектрометры... Но мы опубликовали по результатам работы статью, и мне на электронную почту буквально повалили письма с приглашениями к сотрудничеству со всего света. В отечественной спортивной среде

⁶ Масс-спектрометрия – метод исследования и идентификации вещества, позволяющий определять концентрацию различных компонентов в нем.

перспективных откликов на эту нашу разработку не было: многие не могут поверить, что такое можно сделать только за счет математики».

* * *

Алексей Геннадьевич рассказывает и о жизни за пределами лабораторий, говорит: «Больше всего я люблю сидеть за рулем, и, если бы не был профессором, стал бы, наверное, дальнобойщиком. Я ездил на Байкал, в Астрахань, в Набережные Челны, Волгоград, Нижнекамск, Казань, катался по германским автобанам... За сутки проезжаю обычно 1000...1200 км.

Запомнилась поездка в Астрахань. Дельта Волги, лето, рыболовная база, питание там готовилось из пойманной постояльцами рыбы. Там есть лotosовые поля – фантастический вид!.. Мы поехали посмотреть на них с егерем, и я был просто ошарашен: лодка идет, а за ней тянется кровавый след – лодочный винт просто рубит рыбу... Причем это, конечно, не во время нереста...

Потом поехали к родственникам в Волгоград. Ой, никогда я не думал, что в европейской части такие дороги! Скорость больше 40 км/ч развить невозможно, мотелей нет, жара, асфальт плавится, идут перегруженные фуры с фруктами, огромная колея... Наконец нашли мотель, а в нем белье грязное. Мы обратились к администратору, у нас в номере сменили белье на чистое... Поест там более или менее нормально было нечего... Самое обидное – на следующий день поехали дальше, увидели прекрасные мотели.

По дороге назад в Астраханской области попали на раскопки. Там копали городище, которое отапливалось под полом, и дым шел под полом... Там прямо в домах были туалеты и мусорки трехметровой глубины. Там столько битой посуды, других бытовых предметов! Настоящие клады!»

* * *

Алексей Геннадьевич говорит: «Что-то я хотел сказать еще из жизни личной...

Мой прадед воевал в Первую мировую, попал в плен. Туда разрешали слать посылки. Прадед не курил, но всегда просил прислать ему табак, он менял его на еду и благодаря

этому выжил. Потом он жил работником в немецкой семье. Он вернулся домой в 1916 г., привез бритву, семена проса, которые не проросли, и швейную машинку Zinger, которая до сих пор жива и одинаково хорошо шьет и одеяла, и шелк.

У прадеда моего было 22 ребенка, из них 8 выжили, все сыновья. Вместе с ними, желая обеспечить себе безбедную старость, он построили в Болотном целую улицу домов, чтобы их сдавать. Когда случилась революция, прадед стал коммунистического мировоззрения. Сыновья уехали, а он отдал эти дома советской власти. Сам он жил в самом большом доме в Болотном, где-то чего-то начитался, организовал с односельчанами в этом доме коммуны. Ему выделили самую холодную комнату в этом доме, в остальных комнатах поселилась болотнинская гольтьба, которая толком никогда не работала. Потом коммуна распалась, и семья прадеда еще долго не могла вернуть себе свой же дом.

Прадед трудился на маслозаводе. Случилось так, что директор завода украл машину масла, а прадеда за это отправили на лесоповал. Когда он через несколько лет вернулся, как и прежде, его любимой книгой был «Краткий курс ВКП(б)».

А деда моего репрессировали в 1937 г. за то, что он опоздал к педсовету перед началом учебного года. В селе директор школы был мошенник: когда случился в школе пожар, он сказал, что его документы сгорели, и ему восстановили даже то, чего не было, – диплом о высшем образовании. И когда мой дед опоздал, он возьми да скажи: «Я опоздал не по своей воле, задержался поезд, а некоторые высшего образования не имеют, а командуют». Директор пригрозил ему, что доложит, куда следует, будто мой дед антисоветские анекдоты рассказывает. Ну и доложил. А в деревне же все друг друга знают! Приходит НКВДшник к деду и говорит: «Вам лучше уехать, потому что завтра за вами придут». Дед спрашивает: «Кто за мной придет? Меня советская власть учила!»... Пришли, дали ему 10 лет. От него бабушке приходила потом записка: «Про меня тебе много наговорят, но ты ничему не верь. Здесь невозможно не сознаться даже в том, чего не было». Через 7 лет он погиб. Потом его реабилитировали и бабушке как вдове дали однокомнатную квартиру, она подарила ее нам с супругой на свадьбу. Так дед своей жизнью будто бы благо-

словил нашу семью. И я хотел посмотреть в глаза тому человеку, который оговорил моего деда. Нашел, и оказалось, что через два года после того, как деда арестовали, он утонул в озере...»

* * *

Алексей Геннадьевич говорит, что больше всех книг любит «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, и еще в школьном возрасте прочел каждый из 19 томов полного собрания сочинений Достоевского. В школе Алексея Геннадьевича одно время даже звали в шутку Достоевским.

Еще он любит фантастические рассказы Роберта Шекли и «Непрерывность парков» и «Выигрыши» Хулио Кортасара, роман «Короли и капуста» О'Генри и его же сборник рассказов «Благородный жулик»...

Алексей Геннадьевич признается: «С детства не могу заснуть, пока не почитаю художественную книгу».

ГИБИН ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ

**Выпускник НЭТИ 1968 года,
факультет автоматики
и вычислительной техники
(АВТФ)**

Доктор технических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института автоматики и электрометрии СО РАН. Научный руководитель – главный конструктор филиала «Урал-Сиб НИИОС» (с 1992 года директор Сибирского НИИ оптических систем) при ОАО «ПО «Уральский оптико-механический завод им. Э.С. Яламова»». Лауреат Государственной премии РФ (2000).

«Ищу дальних корреспондентов»

«Меня возили в пионерский лагерь в Ельцовке по полевой дороге, в кузове, со знаменем, на «студебеккере»¹!» – рассказывает Игорь Сергеевич.

* * *

Его родители как молодые специалисты были направлены в Новосибирск с Поволжья перед войной. Мама была учительницей, а отец окончил Казанское военное авиационно-техническое училище. Игорь Сергеевич вспоминает: «На елке висели самодельные игрушки из фольги, конфетки... Мы жили на первом этаже в одной комнате: я, папа, мама, бабушка.

¹ «Студебеккер» (Studebaker US6) – американский грузовой автомобиль, поставлявшийся в СССР в годы Великой Отечественной войны в качестве союзнической помощи и поэтому распространенный в СССР в послевоенные годы.

Жили очень бедно. Помню, что у нас не было даже шкафа. Дом был от чкаловского завода², в нем жили летчики-испытатели. Каждую неделю кого-то из них хоронили. Это была эпоха освоения реактивных самолетов. Папа всё время был на работе...»

* * *

Отец Игоря Сергеевича – Сергей Васильевич Гибин – с началом войны просился на фронт, но его оставили на заводе. К концу войны он стал начальником цеха. За это время под его началом успели недолго поработать легендарные авиаконструкторы П.О. Сухой и О.К. Антонов, приезжал А.С. Яковлев. Кстати, именно в Новосибирске Антонов создал знаменитый АН-2³... «Отец строил ЯКи. На войне каждый второй самолет был ЯК», – говорит Игорь Сергеевич.

Потом реактивные самолеты начали летать. Отца Игоря Сергеевича, несмотря на то что он любил самолеты, назначили парторгом ЦК КПСС⁴ на прожекторный завод⁵. «В результате у него резко упала зарплата, но зато он стал парторгом на заводе», – вспоминает Игорь Сергеевич. – Завод делал зенитные прожекторы, на завод поступали «студебеккеры», их надо было обкатывать, поэтому за всеми руководителями домой приезжали «студебеккеры» и возили их на работу».

Постепенно семья перебралась в жилье побольше, потом еще побольше. «Жили мы как все советские люди. Я пошел в школу», – рассказывает Игорь Сергеевич. Его отца назначили секретарем Дзержинского райкома партии, при нем был построен горбатый мост с трамваем между проспектом Дзержин-

² Новосибирский авиационный завод им. В.П. Чкалова.

³ АН-2 («кукурузник», «Аннушка») – легкий одномоторный самолет, широко использовавшийся в пассажирской, грузовой, спортивной, сельскохозяйственной авиации; срок службы некоторых машин превышает 40 лет. Самолет экспортировался в 26 стран мира. В настоящее время выпускается в России и Китае. Занесен в Книгу рекордов Гиннеса как единственный в мире самолет, выпускающийся на протяжении более 60 лет.

⁴ Парторг ЦК КПСС – лицо, назначавшееся партийными органами для усиления руководства на отдельных участках производства (практика существовала с 1933 по 1961 г.).

⁵ Ныне ОАО «Электроагрегат».

ского и Учительской. Следующей карьерной ступенью стала должность секретаря новосибирского горкома партии, после которой, высказав несогласие с линией Н.С. Хрущева, отец Игоря Сергеевича вернулся на прожекторный завод главным инженером, потом работал в совнархозе, потом возглавлял завод «Труд», потом был приглашен в качестве заведующего отделом оборонной промышленности по Новосибирской области.

«Вот такой у меня был отец, – говорит Игорь Сергеевич. – Три инфаркта. Дома не был, всё время занимался работой. При нем темпы роста оборонной промышленности области были 18 процентов».

* * *

Техникой Игорь Сергеевич увлекся в школе, записался в авиационный кружок – строил модели самолетов, ходил в фотокружок, в радиотехнический кружок. В последнем на станции юных техников ребята собирали приемники, передатчики, любительские радиостанции. Занятия эти были столь серьезными, что у ребят было право, как это тогда называлось, «работать в эфире с международными операторами» – то есть выходить в эфир и общаться с радиолюбителями мира. Правда, общаться можно было только по техническим вопросам: у кого какие лампы, какова мощность передатчика и т. д. Игорь Сергеевич говорит: «И тогда я хорошо выучил английский язык. Сам. Надо же было по-английски общаться».

* * *

В начале 1960-х гг. выдающийся советский радиоинженер и кибернетик Аксель Иванович Берг (1893–1979) выступил с заявлением о необходимости создания карты СССР, на которой были бы отмечены области, соответствующие степени поглощения землей радиоволн. Он предложил всем радиолюбителям страны заняться разработкой соответствующих приборов и принять участие в экспедициях. Официально говорилось, что это было необходимо для измерения электропроводимости почвы. На самом деле данные были необходимы для навигации космических аппаратов. В те времена высота измерялась с помощью радиовысотометров, и их показания необходимо было

корректировать в зависимости от того, насколько земля поглощает и отражает радиоволны.

Кружок, в котором занимался Игорь Сергеевич, принял участие в этих работах. Они проводили измерения в Новосибирской области и Алтайском крае. «Нам выдали верительные грамоты. Мы обратились в ДОСААФ. Нас было 15 пацанов и руководитель. Нам выделили вездеход ГАЗ-63, мотоцикл, 15 велосипедов, радиостанцию, электростанцию, снабдили продуктами. Нас везде принимали без вопросов. Мы два года подряд по три месяца занимались, объехали всю Новосибирскую область и весь Алтайский край. За это нам дали медали ВДНХ и почетные грамоты ЦК ВЛКСМ».

* * *

Закономерно, что после школы Игорь Сергеевич решил поступать в НЭТИ на факультет автоматики, математических счетно-решающих приборов и устройств, его привлекла специальность «Информационная измерительная техника». Игорь Сергеевич говорит: «Эта специальность универсальная, потому что сколько существует физических эффектов, столько существует и методов их измерения. Измерение необходимо везде: и в космосе, и на воде, и в военном деле, и в повседневной жизни».

Будучи студентом, Игорь Сергеевич понял, что хотел бы работать в Институте автоматики и электрометрии СО РАН. Так и случилось. Игорь Сергеевич вспоминает: «Я много слышал об ИАиЭ. Узнал, что его и кафедру информационно-измерительной техники (ИИТ) в НЭТИ основал один человек – член-корреспондент АН СССР Карандеев Константин Борисович. Я прочитал много статей об ИАиЭ и ряд публикаций научных сотрудников института. Особенно произвели на меня впечатление работы М.П. Цапенко о цифровых измерительных приборах. <...> Я узнал телефон М.П. Цапенко, набрался смелости и позвонил ему... Я представился, сказал, что я студент НЭТИ, учусь на старшем курсе кафедры ИИТ и хочу работать в ИАиЭ. Попросил его принять меня и поговорить. Боялся, что он откажет, но Михаил Петрович согласился, и я приехал к нему в институт.

На удивление, он выслушал меня очень внимательно и доброжелательно, расспросил, что я знаю о научном направ-

лении и работах ИАиЭ. По-моему, ему понравились мои комментарии о работах по методам цифровых измерений, кодированию информации, о поразрядном уравнивании цифровых мостовых систем. Мне показалось, он был удивлен тем, что какой-то студент так информирован».

Позднее Игорь Сергеевич работал в Межотраслевом конструкторском отделе (МКО) при ЦКБ «Точприбор», который вскоре перерос в Научно-исследовательский институт оптических систем (СНИИОС). Много лет он возглавлял этот институт.

Под руководством Игоря Сергеевича и при его участии в 1993 г. в институте был создан первый отечественный цифровой тепловизор на смотрящей КРТ-матрице разработки НПО «Орион». В 2001 г. группой предприятий оборонной промышленности на основании этих работ был создан первый отечественный тепловизор для ВВС, для которого в СНИИОС под руководством Игоря Сергеевича был разработан модуль электронной цифровой обработки информации. Этот тепловизор сегодня применяется при оснащении самолетов и вертолетов ВКС.

* * *

Игорь Сергеевич вспоминает: «В 1977 г. дирекция ИАиЭ предложила мне возглавить работы по ГЗУ⁶ в МКО и занять должность начальника НИЛКОУ⁷. Я долго раздумывал и колебался. Но тут пришел добрый волшебник Вольдемар Петрович Коронкевич⁸. Он сказал мне: «Сколько можно сидеть в тишине академического института, не видя конкретной практической жизни? Ты молод и у тебя всё впереди. Смело берись за эту работу, и ты получишь огромный опыт и большие практиче-

⁶ ГЗУ – голограммные запоминающие устройства.

⁷ НИЛКОУ – научно-исследовательская лаборатория когерентно-оптических устройств. Работала в составе МКО.

⁸ Коронкевич В.П. (1927–2009) – «крупный ученый, первопроходец в области лазерной оптики и ее применений, внес выдающийся вклад в разработку и создание первых в стране принципиально новых образцов высокоточной лазерной измерительной техники и лазерных технологий мирового уровня для науки и промышленности» (из кн.: Вольдемар Петрович Коронкевич. В фокусе жизни / под ред. Ю.В. Чугуя. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 345 с.).

ские знания". Коронкевич меня убедил, и я пришел в отраслевую систему. В моих руках оказались огромные финансовые и людские ресурсы. Очень скоро были разработаны и созданы уникальные образцы систем архивной голографической памяти "Эвридика", "Эвридика-1", "Ника"». В этой же лаборатории создавались электронные процессоры обработки и распознавания космических снимков «Процессор» и «Основа» для автоматизированных наземных специальных комплексов.

* * *

В 1990-е гг. денег в бюджете страны не хватало. С предприятиями, выполнявшими государственный оборонный заказ, государство рассчитывалось казначейскими обязательствами, но их нельзя было выплатить работникам в качестве зарплаты. Тогда на государственном уровне были назначены уполномоченные банки, которые при предъявлении государственных обязательств выдавали бы наличные деньги. При этом банки за свои услуги требовали "дисконт" – до 40 % от обналичиваемой суммы. Эти банки располагались в Москве. Игорь Сергеевич вспоминает: "Мы с моим главным инженером, бывшим директором завода "Сиблитмаш", поехали в Москву. Пришли в банк, отстояли очередь, нам выдали два чемодана денег – зарплата на весь коллектив. Пятница, Москва, жара. Я говорю своему товарищу: "Борис Васильич, а ведь у нас два чемодана денег... Как-то волнительно на выходные идти в гостиницу". Он отвечает, что у него знакомый работает в Администрации Президента. Мы ему звоним, спрашиваем, есть ли у него сейф на работе и можно ли в нем до понедельника пару чемоданов денег оставить. Он отвечает: "Приезжайте, не забудьте только коньячку и лимончик". Мы приезжаем к нему, на проходной капитан просит нас открыть чемодан. В чемодане – коньяк и деньги, деньги, деньги... Он спрашивает: "Кому взятку несете?" Мы объясняем ему всю историю. Он говорит: "Мужики, я двадцать лет работаю, а такой чепухи в жизни не слышал..." Потом это всё разрешилось. В аэропорту при досмотре нас с этими деньгами не пустили на самолет, пока не разобрались, в чем дело. Я напарнику своему в самолете говорю: "Борис Васильевич, вы чемоданчик поставьте и не спите", но он тут же захрапел...

А еще однажды вызвали в прокуратуру. Мы выполнили тогда оборонный заказ, документы подписали, а денег нам еще не заплатили, и мы не могли выплатить рабочим зарплату. Меня следователь спрашивает: "Почему?" Я ему объясняю, показываю документы. Потом проверка началась... Пока она длилась, деньги пришли, долга по зарплате осталось сто тысяч рублей. Я всем выплатил, кроме самого себя. Это осталась моя зарплата за несколько месяцев... Мне и это вменили в вину, я ведь тоже трудящийся, и получается, что сам себе задерживаю зарплату...»

* * *

О перестройке Игорь Сергеевич вспоминает: «Это было трудное время. В министерстве говорили: "Нам не нужно 'в принципе', нам нужно – в ящике". Я считаю, что тогда развалилась прикладная наука. ЦКБ "Точприбор" и СНИИОС перестали существовать – их присоединили к заводам. Когда-то в оптическом институте работало 10 000 человек, сейчас – 300–400... Мы потеряли электронную промышленность. Всё, что мы делаем в рамках оборонных заказов, вынужденно работает на американских микросхемах. Чтобы производить сегодня отечественные микросхемы, надо решить проблему сверхчистого кремния, надо создать высокоразрешающие установки для изготовления фотошаблонов для микросхем... В советское время для развития электронной промышленности планировалось выделить целый город – Зеленоград. Но приехали японские специалисты с фонендоскопом, послушали и сделали вывод о том, что "при таких вибрациях здесь ничего строить нельзя". Самые лучшие предприятия, которые выпускают микросхемы, находятся в горной местности: европейский центр находится в Гренобле, во Франции. У нас же замечательная фирма НПО "Восток" стоит на трамвайной линии! Приборостроительный завод стоит рядом с метро! Точность – это доли микрон! Вибрация не позволяет делать высококачественную продукцию! И в лаборатории должен быть чистый воздух – одна-две пылинки на кубометр! Вот что надо делать, вот чего добиваться, чтобы расцвела отечественная электронная промышленность!.. Надо разрабатывать собственное оборудование... Разорвана непосред-

ственная связь между фундаментальной наукой и промышленностью. Эту роль должна выполнять прикладная наука, но ее практически нет».

* * *

Дипломная работа Игоря Сергеевича была посвящена разработке и макетированию голографического коррелятора изображений (коррелятор Вандер Люгта). Позднее, уже работая в ИАиЭ под научным руководством П.Е. Твердохлеба, он активно занимался проблемами нелинейной регистрации фурье-голограмм, анализом, расчетом и выбором параметров оптических систем голограммных ЗУ, методами параллельной обработки информации в голограммных ЗУ. В 29 лет он защитил кандидатскую диссертацию. «Написал ее за два месяца, – вспоминает Игорь Сергеевич. – Мне было как-то просто, легко, интересно».

В те годы голография и оптическая обработка информации привлекали к себе большое внимание ученых во всем мире. В 1973 г. в новосибирском Академгородке прошла крупная международная школа, во время которой Игорь Сергеевич близко познакомился с американским профессором Дж. Строуком, автором одной из первых книг по голографии и когерентной оптике. Игорь Сергеевич вспоминает: «Прогуливаясь по морозному Академгородку [с Дж. Строуком и Ю.В. Чугуем], мы зашли в гости к П.Е. Твердохлебу и очень хорошо посидели. Дж. Строуку настолько понравилось, что он поклялся в ближайшем будущем организовать в США американско-советский семинар по оптической обработке информации. И действительно, летом 1975 г. такой семинар состоялся в г. Вашингтоне. В нем приняли участие ведущие американские ученые Дж. Строук, Дж. Томсон, Дж. Гудмен, А. Ван дер Люгт, Касасент, С. Ли. С советской стороны участвовали Ю.Е. Нестерихин, В.П. Коронкевич, П.Е. Твердохлеб, И.С. Гибин (ИАиЭ), С.Б. Гуревич (ФТИ, Ленинград), И.Н. Компанец (ФИАН, Москва). В 1976 г. в Новосибирске прошел ответный советско-американский семинар».

В конце 1970-х гг. Игорь Сергеевич принимал живое участие в организации Сибирского НИИ оптических систем (СНИИОС). Игорь Сергеевич рассказывает: «Не у всех эта

идея находила понимание. Всё внимание тогда было приковано к действующим предприятиям. Даже мой отец говорил: «Зачем ты тратишь время на эту живопырку?» – так он назвал идею института...»

Несмотря на трудности, СНИИОС организовался. В 1980–1990-е гг. его сотрудники в числе прочего активно занимались разработкой фотоприемников инфракрасного излучения, созданием современных систем цифровой обработки информации.

С 1979 г. Игорь Сергеевич читает лекции в СГГА (бывший НИИГАиК) и в НГТУ.

В 42 года Игорь Сергеевич защитил докторскую диссертацию. Он говорит: «Взял отпуск на месяц, сел, написал. Защита состоялась в ГОИ им. С.И. Вавилова – альма-матер всей оптической науки в СССР».

* * *

В 2000 г. Игорь Сергеевич совместно с сотрудниками ГНЦ «Гиредмет» и НПО «Орион» получил Государственную премию за работу «Твердые растворы теллуридов кадмия-ртути и фотодиоды на их основе для инфракрасной техники нового поколения».

В 2013 г. Игорь Сергеевич был удостоен стипендии Президента Российской Федерации за значительный вклад в создание прорывных технологий и разработку современных образцов вооружения и специальной техники в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства.

ГЛАЗУНОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ

**Выпускник 1992 года,
факультет приборных устройств
(ФПУ)**

Председатель Совета директоров ГК «Электрокомплектсервис», владеющей сетью магазинов «Планета электрика», Новосибирским электро-механическим заводом (НЭМЗ). Член правления Новосибирской городской торгово-промышленной палаты. Член управляющего комитета Российской ассоциации электротехнических компаний (РАЭК). Член Совета Российской ассоциации «Честная позиция».

«Конвертировать талант и интеллект в богатство страны...»

«Я инженер-практик, который стал менеджером. Мне важны четкие смыслы и структуры», – смеется Владимир Викторович, не совсем понимая, что именно нужно о себе рассказывать и кого этот рассказ вообще может заинтересовать. «Молодежь не читает, я же вижу. Даже если и читает, то не книги», – утверждает он и, пожав плечами, начинает историю.

* * *

Владимир Викторович говорит, словно проводит оси координат: «Новосибирск в середине 1980-х еще был мощным военно-промышленным комплексом. Отец работал ведущим инженером в НИИ измерительных приборов, мать – инженером-конструктором на заводе «Электросигнал». В голове была военная романтика, совмещавшая загадочность и практичность. Тогда было понятно, что военные технологии в то время являлись самыми передовыми.

Мы успели “зайти” в институт при социализме. Еще была жива комсомольская романтика, меня выбрали профоргом, я организовывал “внеклассную работу” – всякие мероприятия. Помню студенческие поездки в Дубровино на теплоходе на несколько дней! Там было столько творчества, энтузиазма, веселья! Для меня, молодого человека, в то время оторваться от дома было так же невероятно и волшебно, как в космос полететь!»

* * *

В то время еще шла война в Афганистане. В 1985–1986 гг. студентам очной формы обучения массово отменили отсрочку от армии. Призывали на два года даже тех, кто учился хорошо, в основном с первого и второго курсов. Владимир Викторович вспоминает: “Там было много ребят из НЭТИ. И среди призывников нашей группы был только один, который “косил” от армии, мы на него странно смотрели: казалось, что это неприлично, стыдно. Почти все считали, что в армии служить почетно, хотя уже через три первых дня армейской жизни мы поняли, что попали в “дурдом”.

Нас везли в ВДВ в Германию. Мы доехали на поезде до Омска, была перекомиссия, и почему-то на ней признали, что у меня и еще одного парня из нашей команды недостаточно хорошее для службы в Германии зрение, и нас оставили в Омске в “афганской” учебке. То есть в Германию, в глубокий тыл, с плохим зрением нельзя, а на войну – будьте любезны! Где логика?..

В Омске в распределительном центре новобранцев было в 10 раз больше, чем пропускная способность центра. Мы спали на полу в спортзале, завернувшись в шинели, зал был забит настолько, что спать там можно было только на боку. Буквально, без шуток. Ржали все. Хорошо еще, что тогда разговоров про толерантность не было... Я долго не выдержал, взял шинель, пошел спать на улице на земле.

...Кисель и картошка были наполовину недоварены, еще эти портянки...

Я попал в спортивную роту. Два месяца мы готовились к дивизионным показательным выступлениям. Бегать в сапогах и портянках – это отдельная история. У нас в восьмую спортивную роту собрали тех, у кого это получалось, а в седьмую –

тех, у кого не получалось. И вот восьмая рота ходит красивая, в сапогах, а седьмая – в шлепанцах с забинтованными ногами. Короче, много чего забавного можно повспоминать...

Через несколько месяцев первую партию стали отправлять в Афганистан. Я должен был быть в этой партии, но у меня в военном билете не была записана группа крови. Нас собрали, повели в город, в медсанбат, который почему-то в этот день не работал, и вместо этого мы пошли в кино... Первая партия ушла, нас записали в третью. Потом ребята из первой партии нам писали, что на войне очень страшно и совсем не так романтично, как нам представлялось».

25 февраля 1986 года на XXII съезде ЦК КПСС М.С. Горбачев заявил: «Мы хотели бы уже в самом ближайшем будущем вернуть на родину советские войска, находящиеся в Афганистане по просьбе его правительства... Наш жизненный, национальный интерес в том, чтобы со всеми сопредельными государствами у СССР были неизменно добрые и мирные отношения».

Владимир Викторович продолжает: «Вторая партия из омской учебки доехала до Узбекистана и остановилась недалеко от границы в городе Термезе, а наша, третья, партия попала в резерв Генерального Штаба. Потом посадили в эшелоны и повезли куда-то на запад. Оказалось, что в Московский военный округ. Сбылась моя детская мечта попасть в столицу, я служил в знаменитой Таманской дивизии. Стрельбы, полевые выходы, учения – всё удалось попробовать. Даже участвовал в параде: мы готовили боевые машины к параду в честь 70-летия Великой Октябрьской революции, я был командиром взвода связи – обеспечивал связь между машинами...»

* * *

После армии Владимир Викторович вернулся в институт. Он говорит: «И хотя армия многому научила, действительно превратила из "домашнего мальчишка" в мужчину, возвращение в институт стало сплошным расстройством. Мы многое забыли, мозг после армии тяжело адаптировался. Но зато армия научила не бояться тяжелой работы, как физической, так и умственной, и за следующие два года я совершил в интеллектуальном плане колоссальный скачок.

Знаковым событием для меня было то, как кто-то из ребят на курс старше съездил в Венгрию по комсомольской путевке и привез оттуда редкую по тем временам вещь – кварцевые наручные часы, и рассказал, что там другой, очень интересный мир».

Владимиру Викторовичу тоже очень захотелось путешествовать за границей. Он начал искать калым¹. Летом крыл крышу на Новосибирской птицефабрике, зимой с группой товарищей освобождал от снега кабельные трассы, чистил подвалы от строительного мусора... Он говорит: «Это была моя первая школа бизнеса. Я понимал, что инженером быть хорошо, но не понимал, почему тогда заведующий кафедрой с АВТФ организует группу на калым?.. Как-то я за праздники заработал столько же, сколько мой папа – за месяц. Купил себе норковую шапку, тогда иметь ее было верхом престижа. А папа смотрел на меня с уважением: сын начал зарабатывать... Тогда у меня и возник интерес к бизнесу. Мне понравилось работать в команде. Я узнал, что есть люди, которые организуют дело, несут за него ответственность и получают денег больше, чем те, кто просто работает. Я заработал столько, сколько нужно было на путевку в Венгрию, но не поехал – решил вложить деньги в собственный бизнес.

Потом мы создали бригаду, параллельно учебе в институте брали различные строительные подряды. Я заключал контракты, набирал на них знакомых и просто студентов из общаги, все вместе работали. Однажды сам работать не смог – у меня воспалился локоть. И вот я бегаю по объекту с забинтованной рукой и понимаю, что мне очень нравится организовывать сам процесс работы и что это тоже важная и сложная работа: то инструментов нет, то материалы вовремя не привезли, то заказчики непонятные указания дали, а подряд нужно выполнить в срок и качественно. Мы старались, и нас хвалили, так как часто мы делали работу гораздо быстрее, чем штатные строители. Зарабатывали хорошо: если средняя месячная зарплата была в стране от 120 до 200 рублей, мои студенты получали в день от 25 до 50 рублей. Добросовестные могли заработать за месяц 300...600 рублей. Такую работу можно было

¹ «Калымом» в СССР называли неофициальную подработку.

легко совмещать с учебой. Я чувствовал, что приношу людям большую пользу».

Но не только физический труд был востребован на таком рынке. Владимир Викторович вспоминает контракт на рытье траншеи: «Там канализация, вода, и где-то силовой кабель проходит – трактором и лопатой рыть опасно. Надо было как-то искать этот кабель. Наши ребята собрали прибор, который сигнализирует о месте, где проходит силовой кабель. Тогда еще не было подобных приборов, и прораб, помню, приезжал смотреть на нашу работу как на чудо. Работа была сделана со значительным опережением срока, и вся бригада заработала очень неплохие деньги. С тех пор я понял, что работать надо с хорошей командой, с думающими ребятами, которые не бегут от сложностей. У меня до сих пор более половины сотрудников на предприятии – выпускники НЭТИ. И очень важно, что предприятие в моей жизни тоже вышло из НЭТИ, здесь была благоприятная атмосфера для воспитания инженера, который может быть еще и хорошим менеджером».

Из молодежных студенческих объединений НЭТИ в 1989–1990 гг. организовалось два отряда – «Вузстрой» и «Сиб-академстрой». За сезон через них прошло около 1000 студентов. Молодежные объединения быстро стали своеобразным неформальным факультетом бизнеса, многие их участники позднее организовали свои предприятия.

О первых месяцах работы «ЭлектроКомплектСервиса» Владимир Викторович вспоминает: «Мы сидели в НЭТИ в первом корпусе, у нас был маленький уголок за ширмой – два стула и телефон. Это называлось “фирма”. Потом мы купили еще железный гараж во дворе института, это был наш склад».

* * *

Владимир Викторович рассказывает: «В 1990 г. я женился, и у меня родилась дочь. Стипендия была 63 рубля, надо было реально зарабатывать... Каждый день к восьми утра я шел в магазин. Когда он открывался, очередь в него врывалась так, словно там давали что-то чрезвычайно дорогое. А там были хлеб, сметана, масло, молоко, и больше ничего... Жилье снимали у знакомых. Квартиры тогда не продавались, можно было только ввязаться в дорогое кооперативное строительство. Я нашел выход: купил разрушенный дом, полгода его ремон-

тировал, а потом поменял на квартиру. Я учился тогда на четвертом курсе.

Интересно, что при этих приключениях у меня за всё время учебы был только один заваленный экзамен, и то это было по совершенно нелепой причине. Просто на лабораторных работах у нас в бригаде был один парень, который как-то ответил, что "свет – это светящееся тело". С тех пор вся наша бригада лабы с первого раза сдать не могла и за экзамены по этому предмету получала тройки. Тяжело, когда в команде оказывается случайный человек...»

* * *

В компании «ЭлектроКомплектСервис» сегодня работает более 1000 человек. Это производственно-торговое предприятие: магазины для населения и электромонтажников «Планта Электрика», оптовая торговля электротехническими материалами и собственное производство электрощитового оборудования – различных шкафов управления и комплектных трансформаторных подстанций. Это самое крупное из электротехнических предприятий в Сибирском регионе. Филиалы есть в Барнауле, Бийске, Братске, Ангарске, Красноярске, Кемерове, Новокузнецке, Иркутске, Омске, Бердске, Искитиме.

Владимир Викторович рассказывает, что компания вступила в объединение профильных предприятий – в Российскую ассоциацию электротехнических компаний (РАЭК): «Многим региональным компаниям она помогла выжить в ситуации жесткой конкуренции с федеральными игроками».

Он объясняет: «Мы научились обмениваться с коллегами из разных регионов России инновациями и культурой. Вместе у нас есть доступ к первой цене электротехнической продукции и динамичный рост технологического уровня. У нас теперь стало, как в Европе, где очень много профессиональных союзов. Они настоящие настройщики системы: создают этические принципы работы, координируют проблемы качества продукции, пропагандируют инновации.

В 1990-е гг. дешевая китайская продукция разрушила в России стандарт качества настолько, что электротехнические материалы стали пожароопасными и уже не могли обеспечивать безотказность и безопасность электротехнического оборудования. Еще несколько лет назад космический корабль с

космодрома «Восточный» не смог вылететь потому, что на нем кабель не соответствовал техническим условиям!

В 2015 г. на электротехническом рынке объединились все крупные производители и дистрибьюторы и появилась Ассоциация «Честная позиция». Благодаря ее работе был остановлен «беспредел» в падении качества электротехнических материалов в России, восстановлено понятие ГОСТа на кабель и другие виды электроматериалов. За последние годы нам удалось изменить в отрасли много понятий и ценностей. Естественно, компания «ЭлектроКомплектСервис» находится в первых рядах этого позитивного движения в электротехнической отрасли».

Владимир Викторович размышляет: «Перспектива развития нашего предприятия – не только чистая торговля, но и предложение эффективных решений для конкретного объекта. Наша ценность – в инженерно-технических навыках, которые многие из нас получили в НЭТИ. Иными словами, сейчас важно, например, не просто продать светильники, но и рассчитать, как территорию или помещение лучше и экономичнее осветить. Подобная работа – для инженеров, которые умеют мыслить порой шире, чем разработчики самих светильников.

Сегодня в России огромный человеческий потенциал не очень практично используется. Экономический строй пока молод – ему меньше 30 лет. Нам, к сожалению, многое приходится импортировать из-за границы: многие материалы, технологии, немало оборудования. Поэтому задача российских предпринимателей – думать о том, как организовать и конвертировать талант и интеллект россиян в богатство нашей страны и ее граждан».

ГРЕБЕНЩИКОВ ВЯЧЕСЛАВ ФЕДОРОВИЧ

**Выпускник 1969 года,
факультет электронной техники
(ФЭТ)**

Директор Брянского завода полупроводниковых приборов (1980–1987). Секретарь Брянского обкома КПСС (1988–1991). Заместитель губернатора Брянской области по промышленности, оборонным предприятиям, транспорту и связи (1995–2003). Публицист. Награжден орденами «Знак Почета» и Октябрьской Революции.

«Мне сегодня ничего ни от кого не надо»

В одной из своих статей в газете «Брянская правда» Вячеслав Федорович пишет: «Мысль о том, что прошлое, настоящее и будущее связаны неразрывной нитью... не нова. Но вот осмысливать эту связь через призму собственного жизненного опыта непросто... Когда за плечами имеешь этот самый опыт, и будущее воспринимается не как личное, сокращающееся до нескольких лет, а как будущее детей, внуков, страны... В этом определенный парадокс возраста: чем меньше тебе остается жить на этом свете, тем больше думаешь о том, что будет потом».

* * *

Рассказ о детстве он начинает так: «Одно из первых воспоминаний – 1953 г., смерть Сталина. Мы с дедом сидели у черного репродуктора и слушали репортаж с похорон. Дед плакал... Надо понимать, кем был мой дед по материнской линии. В молодости он был батраком. В Гражданскую войну его мобилизовали колчаковцы, но повоевать долго не пришлось:

за околицей он получил пулю от красных в колено. Он остался инвалидом. Стал крепким хозяином, у него было несколько лошадей, коровы... С началом коллективизации он перевез семью из деревни в город Татарск, работал там пекарем, конюхом, сторожем. Два его сына погибли в Великую Отечественную: старший – под Витебском, младший – на Дальнем Востоке... У деда не было ненависти к советской власти, а вот его жена, моя бабушка, была, так сказать, "с ноткой" – в наше время она наверняка стала бы успешным предпринимателем... У деда к Сталину было, несмотря ни на что, глубокое уважение. И еще тогда, мальчиком, сидя у репродуктора, я почувствовал какую-то тень страха, витавшую в обществе, потом это ощущение исчезло...»

Отец Вячеслава Федоровича учился в новосибирской партшколе, и в школу Вячеслав Федорович пошел в Новосибирске. Потом отца отправили парторгом на целину – в поселок Майский Новосибирской области. Вячеслав Федорович вспоминает: «С первого колышка... Мы приехали весной на ферму, нас поселили в школе. Мы жили там до осени, отец всё время работал и редко приходил домой. Однажды мама меня отправила его искать, потому что у нас кончились деньги и было нечего есть. Я ехал на попутке километров 15, нашел его в большой палатке на совещании, а дальше не помню... Потом построили первые финские четырехквартирные дома, и мы поселились в первом из них в однокомнатной квартире... Одно время у нас был теленок, и в самые лютые холода, чтобы он в сарае не замерз, мы брали его в квартиру.

Лет в 10 у меня уже были свои обязанности по хозяйству: принести угля, набрать сено для коровы... Помню, как однажды топором неделю долбил сучковатое сосновое полено. Я не о страданиях говорю, а о какой-то внутренней упертости, которая помогла мне тогда с этим поленом всё же справиться... Родители учили нас работать: играть в футбол не побежишь, пока не польешь огород. Говорили: "Работай. Не ври. Учись".

Никто со мной уроки не делал, никто меня не контролировал. Я рано научился читать, читал газеты, последние страницы, потому что передовицы уже тогда наводили тошноту...

Окончил я школу в селе Краснозёрском. Там я получил свою первую профессию – тракторист-машинист широкого профиля. Так что подростком я и пахал, и сеял...

Школу окончил с золотой медалью. Это было время физиков и лириков. В лирику меня не тянуло, и я обратился к изучению математики и физики».

* * *

Вячеслав Федорович рассказывает о студенческих годах: «Первое, что я понял про институт, – то, что это не школа, в институте до тебя никому нет дела, нужно самому организовывать свою жизнь и отвечать за свои решения... Год моего поступления, 1964-й, был сменой эпох. На следующий день после объявления об отставке Хрущева у нас подряд было две пары "Истории партии". И все две пары преподаватель с листа, как тогда говорили, "нес Хрущева по кочкам"... Преподаватель был ровесником века, он многое видел и понимал. Да и я своими глазами видел, что происходило на селе... Я тогда подумал о том, что Хрущев тут, может быть, иногда и ни при чем, что есть каста лакеев, которая пытается и за полярным кругом сеять кукурузу, тем самым дискредитируя того, в верности которому она клянется. Я понял: тот, кто лицемерно клянется тебе в любви, наверняка первым толкнет тебя в пропасть.

А вообще студенчество было интересным. В 1965 г. я был членом комитета комсомола НЭТИ, и мы небольшой группой поехали в МГУ встречаться с их членами комитета комсомола. Тогда многое в комсомоле нам не нравилось: формализм, начетничество... Мы хотели решить накопившиеся проблемы, но на этой встрече услышали такую фразу: "Положение в комсомоле является отражением положения в партии"... Я это запомнил.

Еще запомнил стройотряды. Мы работали и в Новосибирской области и даже за полярным кругом... Там в хантыйском поселке мы строили школу, бани, дома... В 1967 г. я ездил со стройотрядом в Чехословакию, там тоже строили, зарабатывали... Еще помню, как к нам приехала делегация американских студентов. Это была встреча в большом зале, и тогда казалось, что мы им ни в чем не уступали... А сегодня, к сожалению,

нию, многие талантливые молодые люди уезжают в ту же Америку, и у нас интеллигенция исчезает, вместо нее остается богема. Интеллигенция должна оставлять в обществе культурный след, а если она его не оставляет, то это не интеллигенция, а пена...

Я никогда не чувствовал себя ни "совком", ни несвободным человеком. Я всегда имел возможность думать и говорить обо всём, о чем я хотел. Я никогда не боялся говорить то, что мне подсказывала моя совесть. Может быть, это наивно и даже глупо, но жить так меня учили мои родители, они говорили: "Ты отвечаешь за всё". С чем-то я и до сих пор продолжаю воевать...»

* * *

Еще на третьем курсе Вячеслава Федоровича приглашали работать в НИИ физики полупроводников СО РАН, но он отказался, потому что женился, и возникли заботы, выходящие за пределы научной жизни.

Распределился Вячеслав Федорович в Брянск, он вспоминает: «Конечно, по сравнению с Новосибирском это была глухая провинция, но завод!.. Да и устал я от Новосибирска: он какой-то тяжелый, напряженный, а в Брянске лес ближе... Я пришел технологом в цех и работал, и никогда не думал специально о карьере. Мы жили, как в капсуле: большой завод был замкнутым миром, со своими ценностями, со своей моралью. Там время, как на фронте, казалось спрессованным. Элементы блага были там исключены, и над всеми – от директора до технолога – висела обязанность выполнения плана.

В 1980 г. меня утверждали на должность директора завода, и большое впечатление на меня произвела беседа с Сербиным Иваном Дмитриевичем¹, который заведовал оборонной промышленностью при ЦК КПСС. Это был человек, чью мощь собеседник мог почувствовать кожей. И он был не один

¹ Сербин Иван Дмитриевич (1910–1981) – партийный и государственный деятель, заведующий Отделом оборонной промышленности ЦК КПСС, кандидат в члены ЦК КПСС (1961–1981), депутат Верховного Совета СССР, секретарь Подольского горкома КПСС. Депутат Верховного Совета СССР VII, VIII, IX, X созывов.

такой, это было целое поколение руководителей! Они были не только политически, но и культурно грамотны! Вспоминая об этой беседе, я понимаю, как сегодня измельчали люди во власти. Копни любую актуальную проблему и увидишь, что сегодня свет в окошке – доллар... Именно руководители прошлого создали ту промышленность и тот ядерный и оборонный щит, на остатках которых мы сегодня существуем.

Когда я слышу сегодня о том, что выделяются большие деньги на развитие отечественной микроэлектроники, и при этом называется цифра, скажем, 142 млрд рублей, мне становится смешно. 142 млрд рублей – это примерно 2 млрд долларов. Да только один современный завод стоит 3-4 млрд долларов! Мы отстали в микроэлектронике, наверное, навсегда. И все эти миллиарды – это мизерные вклады по сравнению с теми, которые требуются для развития отрасли...

Завод, на котором я работал, БЗПП, был обычным, рядовым, таких заводов в стране было десятки. Он живет сегодня не благодаря, а вопреки. 95 % того, что он производит, – это оборонный заказ. Это страшно, так не должно быть. Это неэффективное производство, сумасшедшие затраты. Раньше оборонка занимала не больше 25...30 %, остальное – товары для населения, ширпотреб... Сколько бы ни было точечных успехов сегодня у отечественной микроэлектроники, важно помнить одно: воюют фронтами, а не отдельными направлениями».

* * *

«В конце 1980-х и в начале 1990-х гг., – рассказывает Вячеслав Федорович, – надо было создавать структуру, которая бы продвигала предприятия на биржу. Стиль жизни “купи–продай”. Чтобы выжить, надо жульничать, а я не мог этого делать...

Помню, такой эпизод был в 1990-е гг. Я был со своими сотрудниками на брокерских курсах в Москве при Академии народного хозяйства, была деловая игра, и мой коллега нарушил правила деловой игры. Преподаватель спрашивает: “Кто вам сказал, что в реальной жизни будут соблюдаться правила и законы?” Я понял, что этот мир не для меня, и что в таких эпизодах заключалась суть бизнеса в тот переходный период...

С 1987 г. меня вопреки моей воле выдвинули на партийную работу, я стал секретарем обкома партии. Когда начались забастовки, к людям посылали почему-то именно меня. Это приучило не бояться людей, разговаривать с ними, понимать их и принимать адекватное решение. Я многое видел: и завод, и партийные органы, и чиновничество, и бизнес – и это научило меня понимать разных людей... Этот опыт потом помог мне при работе в администрации области. И, может быть, поэтому я начал писать статьи».

* * *

Вячеслав Федорович резюмирует: «Мне сегодня ни от кого ничего не надо. Я занимаюсь тем, что для меня важно.

Четыре года я реанимировал память Александра Павловича Матвеева (1905–1946) – инициатора создания Брянской области, первого секретаря Брянского областного комитета ВКП(б), организатора партизанского движения во время Великой Отечественной войны. В 1965 г. ему был установлен памятник, но потом он оказался позабытым-позаброшенным... На Брянщине во время Великой Отечественной происходили страшные события. Там, помимо войны, шла еще и своя местная гражданская война... Я собирал материалов об этом на большой роман, но у меня писательского дара нет, а других, желающих заняться этой темой, пока не нашлось...

Я издал книжку стихов дочери моей школьной подруги, организовал выставку работ брянского художника, который мне нравится...

Еще у меня есть дача. Неподалеку от нее есть озеро. И я сейчас веду войну против крупной компании, которая построила на его берегу тепличный комплекс и сбрасывает в озеро неочищенную воду. Пишу письма в прокуратуру, в Росприроднадзор... Снимки озера, анализы воды... Так что занятий у меня сейчас хоть отбавляй! А статьи сейчас пишу редко. Иногда кажется, что проще и полезнее взять газонокосилку и покосить газон на даче».

ГУГУЧКИН ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ

**Выпускник 1965 года,
приборостроительный
факультет (ПСФ)**

Председатель Совета директоров АО «Экран – оптические системы», главный инженер, генеральный директор завода «Экран» (1979–2004). Кандидат технических наук. Заслуженный машиностроитель РФ. Почетный радист РФ.

Новосибирский завод «Экран» с 1954 по 2004 год был разработчиком и производителем кинескопов черно-белого и цветного изображения, электронно-лучевых трубок СВЧ-диапазона, фотоэлектронных умножителей, электронно-оптических преобразователей и систем. АО «Экран – оптические системы» было организовано в 2003 году в результате преобразования завода «Экран». Является разработчиком и производителем фотоэлектронных умножителей для медицинских, ядерных, космических исследований и производств, электронно-оптических преобразователей большой номенклатуры для техники ночного видения как военного, так и гражданского применения. Осваивает твердотельные технологии для микроэлектроники на основе молекулярно-лучевой эпитаксии.

***«Сложную технику можно делать, только если
вокруг богатая культурная среда...»***

— ...А как вы пишете стихи?

— При помощи всяких катушечек, конденсаторов.

Д. Гранин. Иду на грозу.

«Я родился 8 февраля 1942 г. в Алтайском крае в селе Новая Тараба в семье директора совхоза и учительницы местной школы. Отец в то время был на фронте... Мама преподавала

биологию и химию, она была выпускницей Томского педагогического института», – так Валерий Иванович начинает рассказ о себе. Спортивный, демократичный, он сидит у окна в кабинете Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ, подсвеченный еще холодным апрельским солнцем, говорит: «Я своих родителей любил, до сих пор их почитаю. Я благодарен им за гены и за воспитание. Не могу сказать, что в школе я учился блестяще, но у меня были стабильные успехи по математике, физике, химии. И вместе с тем я очень любил литературу и историю...»

В детстве Валерию Ивановичу прочили поступление в Литературный институт. Еще в начальной школе его стихотворение было опубликовано на страницах самой известной в СССР детской газеты «Пионерская правда». Будучи в старших классах, живя в семидесяти километрах от Барнаула, он ездил в город вести на местном радио юношескую программу. «Так что в детстве я считал себя великим человеком, – смеется Валерий Иванович. – Но границу здравого смысла я не перешел, чувство собственного величия меня захватило не полностью. Сегодня я понимаю, что многие в то время писали стихи лучше, чем я».

* * *

«...Приехал мой дядя, горный инженер, он тоже писал стихи. Он сказал: "Брось дурака валять. Получай нормальное образование. Если есть у тебя талант писателя, он от тебя не уйдет, будешь писать, как Даниил Гранин", – рассказывает Валерий Иванович. – И я поступил в НЭТИ на кафедру электронных приборов на специальность Даниила Гранина¹, чтобы стать инженером и писателем, как он».

В 1950-е – начале 1960-х гг. писатель Даниил Гранин еще не был признанным классиком отечественной литературы. В те годы только появлялись его самые значительные произведения: «Искатели» (1954), «После свадьбы» (1958), «Иду на

¹ В действительности Даниил Гранин учился в Ленинградском электротехническом институте им. Ульянова-Ленина по специальности «Электрические станции», затем перевелся в Ленинградский индустриальный институт (с 1940 г. Ленинградский политехнический институт, ЛПИ) и в 1940 г. окончил его по специальности «Гидроэлектрические станции».

грозу» (1962). Гранин говорил: «Я писал об инженерах, научных работниках, ученых, о научном творчестве, это была моя тема, мои друзья, мое окружение... Я любил этих людей – моих героев, хотя жизнь их была небогата событиями. Изобразить ее внутреннее напряжение... суть их страстей...»

Валерий Иванович и сегодня цитирует Даниила Гранина и рассуждает о том, что искусство и техника связаны, так как вместе в числе прочего составляют культуру.

Он начинает с того, что электронные приборы – чрезвычайно сложные изделия – не делали в маленьких городах. Он говорит: «Сложную технику можно делать, только если вокруг богатая культурная среда. Если высокотехнологичное предприятие окружает неинтеллектуальная публика, оно не сможет развиваться. Общество и производство органично связаны и совершенствуются вместе».

Новосибирск в начале 1960-х гг. был развивающейся культурной столицей. Вузов и студентов было намного больше, чем в Томске, традиционно называемом «студенческим» городом. В Новосибирске же работали институты СО РАН. История и география сделала Новосибирск центром притяжения умов и талантов. Один из главных вузов города – НЭТИ – был организован всего через пять лет после Великой Отечественной войны. «Эвакуированным в Новосибирск заводам нужны были кадры!» – резюмирует Валерий Иванович и продолжает: «Думается, какое великое мышление было у руководителей страны, когда они вкладывали ресурсы в развитие периферии!»

Вспоминается в разговоре и строительство Новосибирского театра оперы и балета: «1943 год! Тяжелейшее время! Академический театр!»...

Даниил Гранин однажды сказал: «Культурой... нельзя руководить. Культуру надо понимать, надо нести в себе». Для Валерия Ивановича это своеобразная заповедь профессионала.

* * *

«В НЭТИ я учился всласть! – рассказывает Валерий Иванович. – Тогда нам в числе прочих преподавали дисциплины, которые в сегодняшних программах по нашему направлению считаются «лишними»: «Теоретическая электротехника» (электродинамика, статика и теория магнитного поля), «Теория СВЧ», «Квантовая теория», «Физика твердого тела», «Сопромат»,

“Теоретическая механика”... И потом, в работе, знание этих дисциплин оказалось необходимым.

В те времена в нашем общежитии на нашем потоке действовал негласный закон НЭТИ: “Можешь пропускать занятия по научному коммунизму, но пропускать занятия по профильным дисциплинам – запахло”. Неудачников отчисляли нещадно. Стране, предприятиям, науке нужны были сильные специалисты, инженеры и научные работники».

Валерий Иванович говорит о том, что в НЭТИ его студенческих лет царил стремление быть первым, «студенты бесконечно гордились своей причастностью к НЭТИ».

В те годы большинство преподавателей были молоды, всего на три-четыре года старше студентов. Их профессионализм был выдающимся, хотя они еще не имели ученых степеней, были ассистентами и старшими преподавателями. Они были требовательны к студентам, воспитывали инженеров, способных и стремящихся мыслить неординарно.

«Г.П. Лыщинский был нашим флагманом», – говорит Валерий Иванович. И вспоминает, что молодой, энергичный, интеллигентный ректор был примером для многих студентов: «Мы наблюдали, как он ходит, как общается, даже как он ест. Он всё делал красиво, и мы, в большинстве деревенские парни, пытались это у него перенимать. Г.П. Лыщинский, входя в корпус, всегда снимал шляпу. С тех пор я, входя в помещение, даже в магазин, тоже снимаю головной убор. Вот таким он был для нас авторитетом. И остается им».

Валерий Иванович увлеченно рассказывает о создании в НЭТИ студенческого академического хора, о литературном объединении, которое официально заседало с пяти до семи вечера, а в реальности могло увлеченно засидеться до пяти или семи утра, «а потом все как один шли на лекции». Вспоминает о том, что в начале 1960-х гг. в НЭТИ прошел, вероятно, первый в СССР конкурс красоты, и Валерий Иванович как комсомольский активист был в жюри, и о том, как однажды в жаркий день Г.П. Лыщинского окатили водой из окна общежития, а он, взяв у вахтерши ведро, поднялся в комнату к хулиганам и окатил их в ответ.

«Понимаете, должна быть культурная среда, насыщенная, разнообразная, живая! Только в ней может осуществляться интеллектуальное развитие», – подчеркивает Валерий Иванович.

* * *

После окончания НЭТИ он получил приглашение поступать в аспирантуру, но отец ему посоветовал: «Иди на завод, поработай, а диссертация от тебя не уйдет, если у тебя есть голова. Тебе нужно понять, что такое производство, рабочий класс, мазут». Отец Валерия Ивановича, по образованию агроном, работавший сначала директором совхоза, потом директором межрайонного объединения «Сельхозтехника», мыслил «категориями мазута», не понимая, что сыну даже на заводе предстоит работать на «чистом» производстве.

Валерий Иванович пошел работать на завод «Экран», выпускавший электронно-оптические приборы, электронно-лучевые трубки для осциллографов и телевизоров. Там, посмотрев оценки в его дипломе, Валерию Ивановичу предложили работать в конструкторском бюро, но он отказался, попросился на производство и стал работать инженером в цехе по производству кинескопов: «Я попал в ад. Ни суббот, ни воскресений – скользящий график». Через год он решил поступать в аспирантуру в Сибирский НИИ метрологии, продолжая работать на заводе.

Валерий Иванович рассказывает: «Сначала я думал, что в цехе я самый умный. Через несколько месяцев работы я понял, что примерно 50 % людей умнее меня, а 50 % – глупее. Еще через несколько месяцев мне стало ясно, что 95 % окружающих умнее меня, а глупее – лишь 5 %. Только после этого осознания я начал по-настоящему узнавать производство. Я начал учиться у людей независимо от их возраста, образования и статуса».

В возрасте 27 лет Валерия Ивановича выдвинули на должность главного технолога предприятия, руководящего работой более пяти сотен инженеров и техников: «Разумеется, среди них были люди старше меня и опытнее. По работе они меня знали, и знали, что характер у меня несколько непримиримый. Я мог откровенного лентяя прямо назвать лентяем, а дурака прямо назвать дураком. Поэтому партийная организация и комсомол коллектива восстали против моего назначения».

В то время считалось, что руководитель должен быть органичной частью коллектива. Валерия Ивановича вызвал секретарь парткома и объявил, что претензий к нему как к специа-

листу ни у кого нет, но сказал: «Ты не умеешь работать с людьми. Можно быть жестким, но нельзя оскорблять личность». Главным технологом Валерий Иванович тогда не стал, сегодня он вспоминает: «Я вышел из кабинета другим человеком. И на следующий день пришел на работу другим человеком, но коллектив заметил это года через два-три».

В 42 года, пройдя все карьерные ступени, возможные на производственном предприятии, Валерий Иванович стал генеральным директором завода «Экран».

* * *

«Наступила эпоха Горбачева. Бездумная конверсия: перевод технического производства на гражданские рельсы. Мы остались без большого государственного заказа. Осваивать в сжатые сроки без подготовки и ресурсов производство стиральных машин на танковом заводе невозможно. Получится стиральная машина стоимостью в три танка», – говорит Валерий Иванович.

Вместе с генеральным директором Ростовского оптико-механического завода в номере гостиницы «Москва» он решает выйти с приборами ночного видения на гражданский рынок, фактически – создать этот рынок в России, производить приборы ночного видения для натуралистов, путешественников, охотников, любителей плавать на маломерных судах и проч.

Все технические разработки, касающиеся приборов ночного видения, имели грифы «Секретно» или «Совершенно секретно». Валерий Иванович рассказывает: «Я собрал чемодан и уехал на девять месяцев в Москву. Прошел КГБ (с самого низкого уровня до заместителя председателя), МВД, Госплан, Министерство электронной промышленности, Службу охраны ЦК КПСС, и в 1988–1989 гг. мы начали производство первых в стране гражданских приборов ночного видения». Оказалось, что в СССР покупать их некому, потому что нет денег и мало людей, заинтересованных в их покупке. Поэтому завод стал продавать приборы на рынки Европы: в Швецию, Норвегию, Финляндию, Германию, Испанию, Италию, Францию, Великобританию. Очень скоро уровень производства и объемы продаж сравнялись с доперестроечными. Но в начале 1990 г. уровень продаж в Европе упал и завод «Экран» вышел на рынок

США. «Когда производство отечественной электронной техники снижалось в десятки раз, мы смогли увеличить объемы производства и продаж в 4-5 раз! В России подобных примеров больше нет. Сейчас большую часть своей продукции мы продаем в США, а оттуда она продается еще в 37 стран мира, – говорит Валерий Иванович. – Мы даже смогли создать еще два предприятия – “Катод” и “Экран-ФЭП”... Если бы нам не удалось найти решение, сегодня не было бы подходящих кадров, оборудования, производственных помещений, и это направление в российской технике умерло бы так же, как умерли многие направления. Фактически нам удалось сохранить отрасль. До перестройки в стране было 26 машиностроительных заводов в сфере электронной техники, сегодня нет ни одного...

Новосибирск стал столицей России по производству электронно-оптических преобразователей и фотоэлектронных умножителей. А за границей наши партнеры говорят, что это и мировая столица».

В сфере производства фотоэлектронных умножителей завод «Экран» успешно конкурирует с известной японской фирмой Hamamatsu Photonics. 70 % фотоэлектронных умножителей, входящих в состав оборудования для наблюдения за дальним и ближним космосом, которым оснащены крупнейшие астрофизические полигоны Италии, Франции и США, произведено заводом «Экран». Крупнейшая в России Баксанская нейтринная обсерватория на 100 % оснащена фотоэлектронными умножителями, произведенными на заводе «Экран».

Сегодня «Экран» совместно с Институтом физики полупроводников им. А.В. Ржанова СО РАН занимается разработкой новейших элементов компонентной базы для СВЧ-диапазона. В ближайшем будущем они будут применяться в аппаратах мобильной связи, Wi-Fi, СВЧ-печах, в военных установках, использующихся для обнаружения целей и улучшения качества наведения.

«Вся работа, – говорит Валерий Иванович, – была мне интересна. Я работал со вкусом и сладостью. За это я благодарен НЭТИ, моим учителям и той особенной творческой атмосфере, которая помогла мне многому научиться».

* * *

Валерий Иванович женат. Жена и дочь – врачи. Сын по образованию экономист-международник, он сменил Валерия Ивановича на посту генерального директора.

Всю жизнь Валерий Иванович любил спорт. В юности профессионально занимался бегом, участвовал в первенствах Сибири и Дальнего Востока.

Еще он до сих пор катается на горных лыжах.

А еще Валерий Иванович девятнадцать лет ходил в горы. Был на Кавказе, Памире, Тянь-Шане. Поднимался на Ушбу (4700 м), Хан Тенгри (6995 м), Пик Коммунизма (7495 м).

На вопрос, почему перестал ходить в горы, Валерий Иванович отвечает так: «У альпинистов есть такое поверье: если упал два раза, третий будет фатальным. Первый раз я сорвался на леднике Федченко (самый большой на Памире), второй раз – на Эльбрусе (Кавказ)... 20 сентября 2002 г. я был в командировке во Владикавказе. Мы поехали прогуляться в сторону г. Казбек и ледника Колка. Выехали позже, чем планировали, поэтому не смогли углубиться в горы настолько, насколько хотели. Вечером, едва вернувшись в город, я услышал гром в горах, но не придал ему значения и следующим утром улетел в Москву... В тот день в Кармадонском ущелье погибла съемочная группа Сергея Бодрова... Сель не дошла 150 метров до источника, из которого мы пили воду. Мы разминулись с ледником на 30 минут».

А еще Валерий Иванович увлекается созданием на даче газона: «Я сравнивал свой газон с газонами Англии, с газоном у дворца королевы Елизаветы. Так вот, мой газон лучше», – говорит Валерий Иванович и смеется.

ДАНИЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

**Выпускник 1978 года,
факультет автоматики
и вычислительной техники
(АВТФ)**

Президент Федерации тхэквондо НСО с 1993 года. Судья международной категории по тхэквондо. Судья Олимпийских игр, чемпионатов мира и Европы. Старший тренер сборной РСФСР по карате (мужчины) с 1980 по 1984 год. Старший тренер сборной РСФСР по дзюдо (женщины) с 1985 по 1989 год. Главный тренер сборной РФ по тхэквондо (мужчины и женщины) в 1993 году. Председатель судейской коллегии РФ по тхэквондо с 1995 по 2011 год.

«Судья – это организатор боя...»

Сергей Алексеевич говорит, что любит читать книжки по военной истории, рассказывает: «Мой отец воевал, летал. Его два раза сбивали. Его призвали из школы в 17 лет, в 20 лет он стал капитаном. После войны, в 29 лет, он погиб... Дед мой по линии матери был репрессирован в 1937 г., в 1961-м посмертно реабилитирован...»

* * *

Сергей Алексеевич родился в Якутске, и уже в старших классах школы решил, что поедет поступать в НЭТИ, потому что там учились и старшая сестра, и много знакомых ребят. Сергей Алексеевич шутит: «Так сложилось, что раз в 50 лет я поступаю в университет. В 2018 г. поступил в педагогический на спортивный факультет, потому что вышел закон о профильном образовании...»

Первое, что он вспоминает об учебе в НЭТИ, – поездку на первом курсе на картошку в колхоз в Тогучинский район. Рассказывает: «Там сразу начались проблемы с местными ребятами, которые некультурно себя вели по отношению к девушкам из НЭТИ... Мы спим рано утром, а нам в окна из ружья стреляют... В НЭТИ тогда была опергруппа – дружинники – комсомольский оперативный отряд при комитете комсомола. Мы им позвонили, они приехали, навели порядок. Я тоже стал участвовать в работе опергруппы, я тогда боксом серьезно занимался. В 1972 г. стал командиром опергруппы... Тогда по вечерам было как-то беспокойно: шли драки улица на улицу, массив на массив, хулиганы какие-то ходили... Милиция не справлялась... С нашей опергруппой занимался тренер по самбо и боевому самбо из "Динамо"...»

Студентом Сергей Алексеевич был долго: дважды брал академотпуск, чтобы ухаживать за бабушкой, сходил в армию, вернулся и продолжил учебу на вечернем отделении, пошел работать на завод низковольтной аппаратуры. Пять раз на каникулах выезжал со стройотрядом по Новосибирской области, в Хакасию, в Магаданскую область.

С 1976 г. Сергей Алексеевич стал тренером по самбо, потом – и по карате. Сам занимался у одного из основателей карате в СССР, сотрудника КГБ Валентина Бучнева и Василия Волковского, начальника кафедры физподготовки на Высших курсах военной контрразведки в Новосибирске. Сергей Алексеевич вспоминает: «Мы начинали заниматься по книжкам. А потом наши друзья ездили за границу, привозили сведения... В 1978 г. в СССР официально разрешили карате. У меня тренировались опергруппы факультетов, появилась секция преподавателей, двое ребят из НЭТИ стали чемпионами СССР... Я разрывался между научной и инженерной работой на заводе и тренерством. Георгий Павлович Лыщинский тогда пригласил меня в команду НЭТИ, я перешел, ушел с завода, тренировал сборную команду РСФСР. А в 1984 г. карате официально запретили везде, кроме армии и клуба "Динамо". Я подумал о том, чтобы вернуться на завод, тем более что меня звали обратно, но так сложилось, что начал тренировать по дзю-до, открылось женское дзю-до, мы начали выигрывать соревнования. Конкурс среди тех, кто хотел тренироваться у меня,

доходил до 80 человек на место... В итоге я стал тренером сборной команды РСФСР по дзю-до».

В 1991 г. в СССР опять разрешили карате, Сергея Алексеевича избрали президентом Новосибирской областной федерации карате и вице-президентом Федерации карате РСФСР.

В том же году в Кургане прошел первый чемпионат страны по тхэквондо, Сергея Алексеевича пригласил туда друг, познакомившийся с этим видом спорта в Корее. Сергей Алексеевич привез с собой одного из своих учеников-каратистов, и он стал серебряным призером чемпионата по тхэквондо. Сергей Алексеевич вспоминает: «Я сам тогда только-только начал разбираться в этом искусстве». Уже через полгода Сергей Алексеевич возглавил Союз тхэквондо России. Еще через год он стал старшим тренером сборной России по тхэквондо, и команда впервые стала выезжать на чемпионат мира. В 1993 г. он проходил в Нью-Йорке, российские спортсмены заняли пятое место в одной мужской весовой категории и пятое – в одной из женских. Сергей Алексеевич говорит: «Мне стало понятно, что без “своих” судей на чемпионате мира нечего делать. И я начал учить английский язык. А в 1994 г. 10 человек от страны поехали на специальные курсы, чтобы получить статус судей международной категории, нас начали приглашать на международные соревнования. Тогда же Международный олимпийский комитет принял решение включить тхэквондо в программу Олимпийских игр с 2000 г. А я с 1995 г. стал попадать в число лидирующих судей мира».

В 1997 г. Сергей Алексеевич судил Кубок мира в Египте, чемпионат мира в Гонконге, в 1999 г. – чемпионат мира в Канаде... В это время начался отбор судей на Олимпийские игры. В мире в то время насчитывалось около 5000 судей международной категории по тхэквондо, каждому из них Олимпийский комитет отправил специальное письмо, 2000 судей выразили желание участвовать в играх, из них отбор прошли всего 24. Сергей Алексеевич вспоминает: «В 2000 г. я еще судил Кубок мира во Франции, в Лионе... За месяц до Олимпийских игр мне прислали билеты. В Сеуле был семинар, потом мы полетели в Сидней, жили там в Сиднейском университете, работы было столько, что мы спали по четыре часа в сутки».

После Олимпийских игр Сергей Алексеевич стал судьей первого класса, в 2011 г. – судьей высшего класса. А в 2015 г. чемпионат мира по тхэквондо впервые прошел в России. Сергей Алексеевич рассказывает: «Это были мои последние большие соревнования. Судья работает на площадке обычно до 55 лет, в арбитраже может быть до 60–62 лет... Я посчитал: оказалось, что судил соревнования в 48 странах. Я старший среди российских судей, и в силу возраста международные соревнования сейчас уже не сужу, возглавлял судейскую коллегию, подготовил около 500 внутрироссийских судей. Сейчас Россия в числе мировых лидеров по тхэквондо, корейские спортсмены едут к нам учиться».

* * *

Сергей Алексеевич размышляет: «Чтобы работать судьей, надо уметь входить в определенное психофизическое состояние, когда ты не думаешь, когда мыслей нет вообще. Не каждый спортсмен может стать судьей. Судья – это организатор боя, он отвечает за то, чтобы не было травм. Иногда я был вынужден буквально собой закрывать спортсмена от ударов противника. И я получал травмы...

Первым увидел во мне судью мой учитель Ли Чонг У, мастер девятого дана, он был генеральным секретарем Всемирной федерации тхэквондо. Я судил в 1987 г. Чемпионат мира в Гонконге, я еще многого тогда не знал и не понимал. Ли Чонг У меня заметил и сказал: «Этот человек чувствует спортсменов». А я тогда несколько травм в поединках предугадывал...

Ли Чонг У приезжал потом в Новосибирск, проводил семинар, рассказывал некоторые психофизические секреты тхэквондо... Вот бывает, что в природе два зверя вышли на поляну, посмотрели друг на друга – и всё, один выиграл, другой проиграл, и даже боя не было!.. Это очень важно понимать и применять в единоборствах.

А учеба в НЭТИ дала мне системное мышление. Ни один гуманитарный и ни один спортивный вуз не могут такого дать. Надо уметь анализировать поединки, просчитывать действия спортсменов, проводить факторный анализ...

Кстати, свои инженерные навыки я применяю теперь и на даче – у меня там все автоматизировано».

* * *

В жизни Сергей Алексеевич занимался самыми разными видами спорта. Еще студентом в летнем лагере НЭТИ «Шарап» освоил виндсерфинг, потом увлекся яхтингом. Он рассказывает: «У меня была обычная яхта – «Ассоль»¹. Однажды на ней случился взрыв по моей вине: я баллон с газом не закрыл. Я немного пострадал, в больнице лежал с ожогами... Яхта – это такое дело, на яхте надо жить. Я ее продал, когда появилась дача.

А вот еще интересный случай про студентов вспомнил! Это уже мои ученики. Отдыхали в «Шарапе», каждый вечер на баскетбольной площадке проходили танцы, спортсменов было много, и девочки боевыми искусствами занимались... Один раз кто-то из ребят себя повел как-то не так, девушка-спортсменка сделала бросок через бедро и воткнула парня головой в землю, а другой ее кулаком в лицо ударил. Но у меня еще одна девочка занималась, кореянка, так она вступилась за подругу и этого, с кулаком, тоже на землю в момент уложила... Через неделю снова танцы, смотрю: девчонки обиженные с площадки идут. Я их спрашиваю: «Что случилось?» А они отвечают: «Нас никто танцевать не приглашает»...

Горными лыжами давно увлекаюсь, в Шерегеш езжу. И на параплане много раз летал...

В детстве начинал осваивать охоту. И Виктор Степанович Медведко² меня вернул к этому делу. Сначала мы с компанией ездили на охоту, потом вдвоем. На уток, глухарей, косуль, лосей... Медведя раз поднимали из берлоги... В 2001 г. в Маслянинском районе медведь задрал корову, убил охотника. Деревенские жители медведя ранили, но убить не смогли, он заревел, они побросали ружья и убежали. Вызвали егеря, он отправился по следу, медведь на него выскочил, огромный, килограммов 200, он ему три раза в голову выстрелил и только тогда убил. После этого там выдали довольно много разрешений на охоту, потому что медведей много, кормовой базы им не хватает – и они идут в деревню. И мы поехали на охоту – два корейца к нам приезжали, захотели пойти на медведя...

¹ Прогулочная яхта «Ассоль» выпускалась в СССР в 1970-е гг. Была первой яхтой, доступной широким слоям населения.

² См. в этой книге соответствующий очерк.

Местные нашли берлогу... Мы на лыжах в ущелье, снега по грудь. Местные палку в берлогу начали толкать, будить медведя. Он палку у них выбил – и затих, не выходит. И дело к вечеру. Я подошел, в берлогу выстрелил. И пока я разворачивался – медведь встал, заревел... И мы договаривались, что корейцы стрелять будут. У них карабины, а они стоят, рты открыли и не стреляют. Я у одного пытаюсь карабин забрать, чтобы выстрелить, а он не отдает, от страха в него вцепился. Я ему по одному пальцу разжимаю... Убили медведя... Когда шкуру с него сняли, я подумал, что он выглядит в точности как человек. Абсолютно. И такое неприятное ощущение... Одним словом, я на медведя больше никогда в жизни не пойду...».

ДОБРЫНИН ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ

**Выпускник 1974 года,
физико-технический факультет
(ФТФ)**

Председатель Совета директоров АО «Новосибирский патронный завод» (с 2019 года). С 1990 по 2018 год – генеральный директор ОАО «Новосибирский завод низковольтной аппаратуры» (НВА), преобразованного затем в АО «Новосибирский патронный завод». Кандидат экономических наук. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

АО «Новосибирский патронный завод» – одно из крупнейших машиностроительных предприятий военно-промышленного комплекса России. Специализируется на выпуске боеприпасов для стрелкового оружия и является одним из крупнейших поставщиков этих изделий на российский и международные рынки. Производит также спортивно-охотничьи патроны различных калибров для нарезного оружия, травматические патроны для использования в целях активной самообороны.

«Чтобы оставить не разбитое корыто...»

Рассказ о себе Петр Яковлевич начинает так: «Мне очень повезло, что я не ходил в детский сад. Со мной сидела бабушка, мама отца, и всё детство я жил и воспитывался в ореоле ее любви. Она исполняла все мои детские прихоти. Она была малообразованной, но весь ее образ свидетельствовал о том, что мудрость – это не образование, а дар Божий».

* * *

Потом все было, как у всех: школа, о которой остались хорошие воспоминания, и толковые, как говорит Петр Яковлевич, учителя.

В школе был геолого-минералогический музей, созданный учителем географии Евгением Степановичем Аникиным. Петр Яковлевич рассказывает: «Евгений Степанович прошел всю войну, дошел до Берлина. Мы смотрели на него с большим уважением». И старшеклассники под его руководством ежегодно выезжали совместно с СибНИИ геологии, геофизики и минерального сырья в экспедиции. Петр Яковлевич вспоминает: «И вот мы двадцать дней в Хакасии, километров 150 от Богграда, искали окаменелости. Как сейчас помню: там сопки невысокие, силуэты брахиоподов¹ в породе... Жили в палатках. С утра до обеда мы долбили породу, отбирали образцы. Незабываемые впечатления! На сопку нас увозили на грузовой машине, а обратно мы спускались пешком, весело, быстро – час ходу. Вокруг грибов было! Мимоходом по ведру набирали. Нам было по 15 лет, смешные такие были. Ночью думаем, что Евгений Степанович спит, повылазили из палаток, подоставали тушенку, сгущенку... Интересно всё. Потом в обед кашу ели без тушенки и чай пили без сгущенки».

* * *

После девятого класса на летних каникулах во время практики, хозяйственных работ, стоя с друзьями на школьном крыльце, глядя на стоявших в стороне девчонок из параллельного класса, Петр Яковлевич указал на одну из них и сказал в шутку: «Вот видите – моя будущая жена!» В 20 лет они действительно поженились. Петр Яковлевич говорит: «Живем. Двое детей, пятеро внуков. Что-то такое, наверное, ведет нас по жизни, помимо нашего разума. Семья – мой тыл, моя надежда».

* * *

Петр Яковлевич окончил школу с золотой медалью, хотел изучать физику, планировал поступать «либо в НЭТИ на физтех, либо в НГУ на физфак». Он говорит: «Честно скажу, несмотря на медаль, я немножко растерялся. И хотя в НГУ экзамены были раньше, чем в других вузах (если не поступил, можно было спокойно потом сдавать экзамены в другой),

¹ Брахиоподы – морские беспозвоночные донные животные, имеют раковину.

я в НГУ не пошел. Мне еще кто-то посоветовал что-то вроде "если не поступишь, моральная травма может быть на всю жизнь"... И я подал документы в НЭТИ. Сдал физику на отлично. Поступил».

* * *

В 1969 г. еще были актуальны громкие споры физиков и лириков. В актовом зале НЭТИ показывали кино, организовывали концерты.

Петр Яковлевич вспоминает: «Я думаю, институтские годы красочнее проходят у тех, кто живет в общежитии... Но мы, городские, тоже заходили в гости к одногруппникам в общежитие: то к экзаменам готовишься, то пивка попьешь, пообщаешься, ребята что-то расскажут-покажут...»

Он учился на специальности «Микроэлектроника». Она была новой, сложной, в ней использовались передовые достижения науки. С четвертого курса студенты занимались в Институте физики полупроводников. Петр Яковлевич рассказывает: «Экзамены начинались в 9 утра и заканчивались в 9 вечера. Можно было использовать любые книжки и конспекты, всё равно тебя спросят о том, чего ты там не увидел и не успел вычитать. Был такой профессор Александров, он читал курс "Физика тонких пленок"». Придешь к нему сдавать, он даст билет, уйдет, придет, снова уйдет, потом побеседует, посмотрит, что ты написал...»

* * *

После окончания НЭТИ Петр Яковлевич 4 года по распределению проработал в особом конструкторском бюро при Новосибирском электровакуумном заводе (с 1975 г. – НПО «Союз»). В конструкторском бюро работало 1500 сотрудников, среди них 5 лауреатов Ленинской премии, они получили ее в 1960-е гг. за разработку металлокерамических ламп СВЧ, используемых в космической технике.

В 1974 г. бюро занялось разработкой новой темы – гибридными интегральными схемами СВЧ-диапазона. Петр Яковлевич попал в технологическую лабораторию, «думал, как придать разработке материальное воплощение».

Петр Яковлевич рассказывает: «Раньше на самолетах стоял ламповый высотомер, выглядел он как большой ящик. А с нашими разработками делали радиовысотомер размером со школьный пенал. И случилось так, что ламповые радиовысотомеры уже сняли с производства, а у нас беда: брак идет! Министр звонит директору нашего завода: “У меня самолеты стоят из-за вашей фитюльки!..”

Летом 1976 г. мы работали минимум до 8 вечера и по субботам. Однажды в субботу приходит главный инженер и говорит мне: “Петр, чтоб в понедельник был в Москве у начальника главка²!” А я тогда еще даже два года не отработал! Я ему говорю: “Вениамин Иванович, я пацан, старший инженер, что я ему скажу?” А он отвечает, что раз я этим занимаюсь, лучше меня никто проблему не знает и не доложит. И я поехал».

Начальником главка был Грудень Николай Евстафьевич – участник войны, с большой белой бородой, его кабинет был в районе Лубянки. Петр Яковлевич рассказывает: «Я приехал. Секретарь говорит: “Проходите”. Даже не было времени взглянуть приемную главка. Начальник главка звонил в НИИ “Пульсар” (ныне НПП “Пульсар”), где велись схожие разработки: “Сейчас к вам приедет молодой человек, покажите ему всё”. Коллектив там принял меня радушно». В Новосибирск из “Пульсара” было направлено два специалиста. Когда они прилетели, работа над радиовысотомером шла уже круглосуточно. “А ларчик просто открывался, – говорит Петр Яковлевич о проблеме. – Надо было делать так, чтобы минимизировать время технологического процесса, без межоперационных простоев. А мы часть операций делали вечером, продолжали утром...»

Работа была интересная, зарплата росла, коллектив был прекрасным.

В те годы Петр Яковлевич жил на окраине Ленинского района близ ДК «Сибтекстильмаш», а завод находился за площадью Калинина. Утром можно было доехать за полтора часа, а вечером «автобусы брались штурмом, и уехать было крайне затруднительно».

² Главк – крупная государственная организация, управляющая какой-либо отраслью.

* * *

В 1978 г. Петр Яковлевич перешел на Новосибирский завод низковольтной аппаратуры. В 1981 г. стал начальником отдела управления качеством. Петр Яковлевич вспоминает: «Каждое утро надо было ходить на планерки к директору завода. Мне было тогда 29 лет, ему – 66, он 26 лет руководил заводом. Я на этих планерках просто так сидел. Что я мог сказать? Как-то я зашел к директору и говорю, что мне как-то неудобно на этих планерках сидеть, чувствую себя не то мебелью, не то попугаем. А он мне ответил: “От тебя никто умных мыслей сегодня не ждет. Сиди, смотри, учись”. Сидел, слушал, учился».

В 1990 г. Петр Яковлевич возглавил завод.

* * *

В 1990-е гг. почти все предприятия были кому-то должны: налоги, отчисления в Пенсионный фонд, за тепло, за электроэнергию... Так называемая «галопирующая» инфляция привела к тому, что денег, вырученных от продажи произведенного товара, не хватало на организацию производства нового товара. Петр Яковлевич рассказывает: «Ноябрь. Отопление не развернуто. Утро. Иду по цеху, смотрю: мужики жгут деревянные ящики из-под патронов, греют руки, курят. Грубейшее нарушение техники безопасности! Патронное производство! Я подхожу к ним, говорю: “Ребята, я хоть и не курю, дайте закурить...” Зарплата тогда задерживалась до 9 месяцев. И в таких условиях мужики работали, не бастовали».

К 1998 г. завод погасил все задолженности по зарплате, потом они появились снова. С 2004 г., после реструктуризации, превратившись в Новосибирский патронный завод, предприятие не имеет долгов. Оно перешло на холдинговую систему управления, часть цехов стали самостоятельными предприятиями. Опыт реструктуризации завода Петр Яковлевич описал в кандидатской диссертации по экономике на тему «Организационно-методические основы реструктуризации оборонных предприятий». «В то же время, – говорит он, – на площадке завода шло формирование пула собственников и арендаторов, позднее объединившихся в индустриальный парк “Новосиб”».

* * *

В советское время около 50 % продукции каждого завода должны были составлять товары гражданского потребления. Когда предприятие называлось заводом низковольтной аппаратуры, кроме патронов, оно изготавливало мебельную фурнитуру, электровыключатели, миксеры, кнопки для одежды и проч. «Кнопка для одежды, – говорит Петр Яковлевич, – мы производили 90 млн штук в год... В Советском Союзе был специальный НИИ мебели с отделом мебельной фурнитуры, разрабатывались ГОСТы. По ГОСТу дверная петля должна была выдержать 100 000 циклов открывания-закрывания! Она должна была работать и не ломаться более 60 лет! Колесная опора кресла должна была накатать 5 километров и не отвалиться! В 1992 г. на рынок хлынули китайские товары гораздо худшего качества, но более дешевые. Мебельные фабрики стали закупать импортную фурнитуру.

Миксер, произведенный на нашем заводе, у меня до сих пор работает. Хотя он и не такой симпатичный, как импортные. Наше оборудование не позволяло тогда сделать пресс-формы с малыми зазорами, зарубежные пресс-формы имели более высокий класс обработки поверхности, обеспечивающий блеск поверхности изделия, ну и сами материалы использовались другие».

К 2000 г. завод прекратил выпуск гражданской продукции, кроме патронов.

* * *

Конструкция патрона проста: гильза, капсюль, порох, пуля. Технология же его производства очень сложна: необходимо несколько тысяч позиций инструмента, необходимо обеспечить геометрическую повторяемость и повторяемость характеристик для миллионов и сотен миллионов штук. Петр Яковлевич говорит: «Один хороший патрон можно сделать "на коленке", а технология для массового производства – большое искусство и сложная задача».

«А еще, – говорит Петр Яковлевич, – надо понимать, что Россия имеет свои стандарты. И колея железной дороги у нас шире, и стандарт для патронов отличается. Калибр 12,7: у американцев гильза 99 мм, у нас – 108 мм. Потому что в

СССР не смогли сделать пороха́ такой же энергии, как в США. Если бы у нас сделали гильзу 99 мм, порох, который был в СССР, не обеспечивал бы нужную скорость и пробивную способность, поэтому пришлось сделать гильзу длиннее. В калибре 7,62 у нас гильза 54 мм, американский стандарт – 51 мм по тем же причинам. Зато, если сравнивать схожие “Макаров” и Parabellum, наш патрон меньше. Он, конечно, немного слабее, но для своих задач он оптимален. По поводу качества патронов нам как-то один генерал сказал: “Да вы делаете патрон, которым даже застрелиться нельзя!” Я к нему приехал, говорю: “Мы сделали патрон. Теперь можете застрелиться”. Он на меня тогда месяца два-три дулся».

Завод поставлял и поставляет патроны в США, Турцию, Австралию, Канаду, Йемен, Германию, Египет, Индию. В 2017 г. около 90 % продукции завода, патроны для боевого и спортивного оружия, в том числе охотничьего, отправлялось на экспорт. В последнее время санкции привели к резкому падению экспорта боевых и спортивных патронов.

* * *

На вопрос о мечте Петр Яковлевич отвечает: «Сегодня на завод приходят много молодых ребят и девочек. Они приходят, мы их учим. Из десяти человек, пришедших на завод наладчиками автоматических роторных линий, хорошими специалистами будут только два-три. А еще у нас совсем не популярные условия труда: в цеху шумно, территория закрытая, в обед в город не особенно выйдешь... Но ребята приходят. Хорошие ребята!

Знаете, мне хочется оставить после себя не разбитое корыто. Сейчас опасений за предприятие стало гораздо меньше, чем в 1990-е, но до конца они не исчезли».

ДРОЗД ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

**Выпускник 1988 года,
факультет приборных
устройств (ФПУ)**

Основатель (1994) и генеральный директор ООО «Торговый дом «Калина»».

ООО «Торговый дом «Калина»» – оптовый продавец чая и кофе, а также пряностей на территории Западной Сибири.

«Счастье – это быть независимым»

Дмитрий Николаевич начинает рассказ о жизни не с детства, а с того, о чем думает сейчас. Он говорит: «Жизнь привела меня к пересмотру прежних взглядов. Я сейчас планирую закрывать свою компанию, потому что мелкому и среднему бизнесу очень тяжело существовать, и мне надоело бороться с тем, с чем бороться бессмысленно. А было время, когда я в Новосибирскую область поставлял чая больше, чем Новосибирская область потребляла. Недавно находились покупатели, просили продать им компанию. Но я решил, что «сам породил, сам и...». А занялся я этим бизнесом когда-то вообще случайно... Так что я не знаю, что о себе сказать сегодня, что написать в резюме. Кто я?..»

* * *

Дмитрий Николаевич родился в семье инженеров. «Папа всю жизнь был главным специалистом на военном заводе. После окончания института, после армии, как он говорит, «по-честному пошел на завод», где папа с мамой работали, хотя начиналась перестройка, друзья уже звали в какой-то бизнес». В двадцать шесть лет он стал начальником цеха, в его подчинении было больше двухсот человек. Дмитрий Николае-

вич вспоминает: «Когда потом уходил, меня старые мастера (Ну как старые? Такие как я сейчас!) со слезами на глазах провожали. Да и мне было немного странно уходить. Я всю жизнь готовился к карьере инженера, мечтал стать директором завода. Когда в двадцать шесть лет сидел с отцом на одних и тех же заводских совещаниях, хотел стать его начальником».

Друг уговорил Дмитрия Николаевича уйти менеджером в фирму на зарплату меньшую, чем была на заводе. Дмитрий Николаевич рассказывает, смеется: «Я ему показываю: “Паша, смотри, у меня свой кабинет, телефон, секретарша и цех, как футбольное поле!” А он, птица-говорун, уговорил... Впрочем, тогда было уже понятно, что ничего хорошего завод не ждет. Так неожиданно для себя я занялся торговлей, что в нашей семье было фактом... немного позорным. Одно дело – быть инженером, другое – податься в спекулянты¹. Поэтому сейчас, подумав о закрытии бизнеса, я почувствовал облегчение: я четверть века занимался не тем, к чему душа лежала, хотя и в бизнесе было много интересного. Бизнес – это агрессия, а агрессия – это не мое. У писателей говорят: “Можешь не писать – не пиши”. Я про бизнес сказал бы так же: можешь не заниматься бизнесом – не занимайся».

* * *

В Торговом доме «Калина» было до пятисот сотрудников, филиалы были по всей Сибири. Дмитрий Николаевич говорит: «Я знаю всех директоров российских чайных и кофейных фабрик, и меня знают. Я объездил больше сорока стран, привык жить по бизнес-классу. Было время – машины коллекционировал, как-то подумал, что уже не знаю, что с ними делать, – и два года их продавал. Пять машин было: Toyota Land Cruiser – подготовленный, для полного бездорожья, Porsche Panamera

¹ В СССР спекулянтами называли лиц, занимавшихся скупкой и перепродажей с целью получения дохода. В зависимости от объема деятельности спекуляция в СССР была административно или уголовно наказуема. В первые постсоветские годы, после отмены соответствующих административной и уголовной статей, слово «спекулянт» существовало в качестве негативного наименования лиц, занимавшихся торговлей.

GTS – красный, похожий на космический корабль, Mercedes-Benz GL... На протяжении двенадцати лет я каждый год покупал по новой машине. Жил с охраной. У меня было три водителя, три секретарши. Думал, чем всех озадачить, чтобы хоть чем-то занять. Одним словом, забавлялся как мог... А потом, после череды испытаний, стало видно, что жизнь не в этих машинах. Мне люди сами по себе всегда интереснее были... А из машин сейчас только Land Cruiser остался – жалко его продавать, думаю, может еще куда-нибудь поеду, может, сыну пригодится...»

* * *

Дмитрий Николаевич рассказывает, что его компания была непохожа на многие – принципиально не было строгой иерархии, не было четкой структуры. Он нанимал топ-менеджеров, работавших в европейских компаниях, и сотрудничество с ними было непродолжительным. Дмитрий Николаевич говорит: «Они не понимали, как у меня все работает. А в компанию приходили новые сотрудники – иногда это были люди, раненные жизнью, – и попадали в атмосферу уюта, комфорта. Смотришь: поработают с год, окрепнут, выпорхнут дальше на свою дорогу, расцветут. У меня было три секретарши, но в любой момент ко мне мог зайти любой сотрудник – хоть грузчик, хоть руководитель подразделения».

* * *

Дмитрий Николаевич рассказывает о своей жизни, смеясь, часто пожимает плечами и говорит: «Я не знаю». Говорит, что любит читать романы В. Пелевина. Еще кажется, будто бы он всегда пытается пройти мимо обладания властью и мимо необходимости кому-либо подчиняться, и ему это до сих пор удавалось.

Он служил в армии после института лейтенантом два года на Дальнем Востоке. Дмитрий Николаевич вспоминает: «Пришел командир батареи, попросил провести для личного состава теоретическое занятие: колебательные контура, закон Кирхгофа... Я еще подготовился, перечитал. Захожу в аудиторию – там двадцать человек, на три четверти – узбеки, без высшего технического. Понял, что надо начинать с закона

Ома, но так и не смог его объяснить. На этом наши теоретические занятия закончились.

А потом так получилось, что и командир батареи, и его заместитель, командир первого взвода, были в отпуске. Приехал из дивизии зам. командующего по вооружению проверять технику. Мы идем с ним и с командиром дивизиона, показываем ему всё, а он на наши пусковые установки тыкает: "Тут не так, это не эдак". А у меня всё "так"! Я еще заранее прочитал всё, где что и как должно быть. Ну и предъявил свои знания этому проверяющему. Командир дивизиона начал проверяющему мою дерзость объяснять, мол, "товарищ полковник, это студент, чего с него взять..." А полковник ему говорит: "Знаешь, капитан, нам именно такие и нужны". Так я поехал на боевые стрельбы в Казахстан вместо командира первого взвода.

Эта история не о том, какой я молодец, а о том, что, на мой взгляд, авторитет человеку не придают ни должности, ни звезды на погонах. Для меня всегда авторитетными были те люди, чей горизонт шире моего: академик Кулипанов, Лыщинский, Пелевин... Рядом с такими людьми понимаешь их масштаб. Интересно, что они видят, как они мыслят... Я и с завода-то когда-то ушел по большому счету потому, что директор завода не казался мне человеком, за которым стоит идти. Я много потом об этом думал и понял, что счастье – это быть независимым. Почему я должен кланяться идиоту, который надо мной кем-то поставлен?»

* * *

Дмитрий Николаевич рассказывает про детство: «Сейчас совсем другое детство... Я всё ждал, когда же мой сын начнет драться, а он не дерется – дети теперь не дерутся. А я дрался, сколько себя помню! До шести лет я жил на "Расточке"², потом мы переехали на Затулинку, потом на Западный жилмассив – мне через день приходилось драться. На Западный я переехал в начале третьего класса. И после уроков мы с пацанами пошли меня "прописывать" в лесополосу. Я успешно подрался с четырьмя – так сказать, "прописался", получил уважение. И класса до восьмого редкая неделя проходила без стычки. Я тогда занимался вольной борьбой, становился чемпионом

² Площадь Сибиряков-Гвардейцев.

области. Слава Богу, мои дети достигают лучших результатов, хотя сейчас, к сожалению, очень мало детской самоорганизации».

Старшая дочь Дмитрия Николаевича занимается спортивным фехтованием на саблях, учится в школе олимпийского резерва, летом участвует в экспедициях с поисковым отрядом кадетского корпуса. Младшая дочь учится музыке. Сын занимается борьбой и учится играть на гармошке.

* * *

Говоря о сыне, Дмитрий Николаевич вспоминает о своем деде Кондратии Андреевиче, погибшем в Великую Отечественную войну. О нем писатель Афанасий Коптелов написал очерк «Бесстрашный Кондрат» в книге «Наши земляки» (1944). К 70-летию Победы Дмитрий Николаевич переиздал эту книгу, говорит: «Только портрет деда вставил». И продолжает: «А тут еще вот какая штука... Когда мы с женой думали, как сына назвать, хотелось в честь деда. Но Кондратом – не очень современно, поэтому назвали Андреем».

Дмитрий Николаевич пересказывает: «Мы с моей мамой читали очерк в книге. Там есть эпизод, как Коптелов приезжает к деду в блиндаж. Входит дед, большой русский богатырь, берет гармошку, начинает играть «На сопках Маньчжурии», а бойцы переживают, как бы она не рассыпалась под его сильными пальцами... И когда мы это прочитали, мама поняла, почему ей ее мама, моя бабушка, говорила: «Люся, когда меня хоронить будут, пусть сыграют вальс «На сопках Маньчжурии»...» Никто не знал, как звали по отчеству дедушкиного отца. Я потом нашел в документах – оказалось, что отца деда звали Андрей Дмитриевич. Получается, что мой сын – его тезка. Так, желая назвать сына в честь деда, волей-неволей назвали в честь прадеда».

...В 6 лет сын Дмитрия Николаевича попросил у Деда Мороза гармошку, с тех пор с ней не расстаётся. Дмитрий Николаевич удивляется: «Откуда к нему пришло это желание – я не знаю. Где он эту гармошку подсмотрел?.. И имя, и гармошка эта... Откуда это пришло? Мистика или не мистика – не знаю».

Иногда говорят: «Сформулируй желание, произнеси правильное слово – и всё сбудется». Я в таком мире живу... Гово-

рят, что бизнес, основанный на честном купеческом слове, – это сказки. А я знаю, что это не сказки, что так может быть. Не всегда бывает, но так может быть. Все люди, которые что-то создают, производят, на моей памяти были порядочными людьми».

* * *

В 2007 г. Дмитрий Николаевич открыл для себя Алтай, побывал в альплагере «Ак-Тру», увлекся психологией. Он рассказывает: «Меня потрясло это место. В июне цветут эдельвейсы, текут ручьи и тают льды. А пещеры! Алтай произвел на меня большее впечатление, чем Арабские Эмираты. С тех пор бываю на Алтае по несколько раз в год. Когда ехал в «Ак-Тру» первый раз, случай интересный был... Ехали туристической группой на безобразно подготовленном автобусе, и на Семинском перевале что-то случилось с колесом. Водитель начал чинить, но «баллонника»³ у него не оказалось. Вечерело. А колеса особенные – не каждый ключ подходит, разве что от «Камаза»... И вот Семинский перевал, вечереет. Машины мимо проходят нечасто, и хотите верьте, хотите нет, откуда ни возьмись – идут два военных «Камаза»!.. Это смешно немного, но, наверное, иногда надо небесам правильно задачу формулировать... Таких случаев у меня в жизни было много, но как к ним относиться – я не знаю». Дмитрий Николаевич говорит о том, как в Москве познакомился с якуткой из шаманского рода, шаманкой, которая много лет работает настоящим врачом, и никакой шаманкой становиться никогда не хотела, но силы природы обмануть невозможно. Он рассказывает, как судьба свела его однажды с русской женщиной, «бабкой», которая сохранила старинное умение «шептать на воду»⁴... Дмитрий Николаевич резюмирует: «Реальность такова, что категорично судить о ней сложно. В человеке много всего... У меня был водитель, по образованию учитель труда, очень рациональный человек. Как-то спрашивает у меня: «Дай телефон бабки, которая на воду шепчет. Сын, 6 лет, что-то типа нервного тика –

³ Баллонный ключ – гаечный ключ, которым откручивают или закручивают гайки при работе с автомобильными колесами.

⁴ Распространенный на Руси старинный языческий целительский обряд, связанный с произнесением заговора над водой.

постоянно моргает. Врачи не знают, что делать”. Ну, я дал телефон. Месяца через три спрашиваю: “Ну как, сводил его к бабке?” Он говорит: “Сводил. Теперь не моргает”. Тик у ребенка прошел – это факт, а у бабки стоит табуретка, сделанная водителем в знак благодарности».

* * *

Одной из любимых книг Дмитрий Николаевич называет «Тайные виды на гору Фудзи» Виктора Пелевина. В ней есть такие слова: «Ребята, сказал бы я, мальчишки и девчонки – пока молодые, развивайте полный лотос, он очень пригодится вам в жизни. И ничего не берите в голову, кроме щебета птиц, шума ветра и плеска волн. Но и они вас не спасут. Вас предаст всё, на что вы смотрите дольше двух секунд. Поэтому отпустите всё. Если, конечно, можете... Но ведь молодежи такое не говорят...»

* * *

Дмитрий Николаевич размышляет: «Делать нужно только то, что идет изнутри. Все эти популярные мотивационные тренинги и книжки бесполезны, а “кнуты” и “пряники” работают, только если на кону стоит смерть или жизнь. Человек работает всегда так, как умеет, много ли ему платят, мало ли... И дело себе придумать нельзя, оно приходит само».

**ЕЛЕЗОВ
АЛЕКСЕЙ
БОРИСОВИЧ
(1946-2020)**

**Выпускник 1968 года,
самолетостроительный
факультет (ССФ)**

Основатель и генеральный директор АО «Синар». Почетный президент Межрегиональной ассоциации руководителей предприятий (МАРП), многолетний президент МАРП. Член-корреспондент Инженерной академии России.

АО «Синар» – один из крупнейших в России производителей верхней одежды, классического мужского и женского костюма, casual для мужчин, женщин и подростков, школьной формы. Основной дизайн – современная классика по фигуре. Ежегодный выпуск пяти новых базовых коллекций – весна, лето, осень, зима, школьный сезон. АО «Синар» имеет развитую сбытовую сеть – более 30 магазинов в восьми городах России и оптовых партнеров по всей стране.

«Я самолетчик, а тут какие-то тряпки!»

Алексей Борисович родился неподалеку от Новосибирского авиационного завода им. В.П. Чкалова. Домá на улицах Театральной, Авиастроителей (тогда она называлась улицей Жданова), О. Дундича, Народной, Учительской составляли, как тогда говорили, «соцгород». Большинство взрослых там работали на строительстве самолетов, а большинство детей мечтали или пойти по их стопам, или стать летчиками.

О своем послевоенном детстве Алексей Борисович вспоминает: «В школе после уроков я часто мыл полы, потому что много хулиганил, любил шутить. В те годы был популярный фильм “Великолепная семерка” – про ковбоев, и мы с друзьями стали называть себя “великолепная пятерка” – представля-

ли себя героями. Одним словом, школу я закончил "с большими успехами" – со средним баллом 3,2».

Он мечтал поступить на самолетостроительный факультет, но поступил на машиностроительный, заочно. После первого курса перевелся на самолетостроительный факультет, уже на дневное отделение, сам наверстал всё, что пропустил в школе, и окончил институт с хорошими оценками в дипломе: «За всю свою студенческую жизнь я не завалил ни одного экзамена», – рассказывает Алексей Борисович и дополняет: «Слава Богу, как говорится».

* * *

Отец Алексея Борисовича двадцать три года проработал на Новосибирском авиационном заводе им. В.П. Чкалова. Он пошел работать туда же, но при этом, подчеркивает Алексей Борисович, «устроился без всякого блата». Его приняли, или, как он говорит, «отправили», мастером в цех агрегатной сборки: «Собирали киль, закрылки и так, по мелочам еще кое-что...»

Полтора года он проработал мастером, полтора года – технологом. Участвовал в запуске производства бомбардировщиков СУ-24. «Это был 1971 г. До сих пор эти машины летают! Конечно, они прошли модернизацию, но они остались СУ-24». Потом Алексей Борисович стал старшим мастером, в 26 лет стал заместителем начальника цеха по производству, а в 29 лет стал самым молодым на заводе начальником цеха.

Алексей Борисович вспоминает: «Когда меня из технологов начальник цеха рекомендовал в старшие мастера на сборку фюзеляжа СУ-24, у меня в подчинении оказалось три мастера и 55 рабочих. Вот тут я через два месяца чуть не "сломался". Мы работали без суббот и воскресений. С работы я возвращался в девять-десять вечера. Я не знал, куда деваться. Я попросился обратно технологом, но начальник меня, что называется, "далеко-далеко послал по известным адресам", сказал: "Я не беру назад тех, кого порекомендовал выше. Я в тебя верю"...»

* * *

В 1983 г. бывший коллега, секретарь парткома завода, пригласил Алексея Борисовича стать его заместителем. Алексей Борисович вспоминает: «В то время считалось, в принци-

пе, что это – рост. На заводе – на производстве и в социальной сфере – работало более 20 000 человек». На этой работе прошли еще три с половиной года: «Секретарь парткома сменился – и я охладел к этой деятельности. Всю жизнь мне было интереснее производство, я хотел к нему вернуться».

Но судьба распорядилась по-своему. Другой коллега, Анатолий Васильевич Маслов¹, «был когда-то начальником механического цеха, а потом в обкоме партии отвечал за промышленность», предложил Анатолию Борисовичу возглавить Новосибирское производственное швейное объединение имени ЦК Союза швейников. Алексей Борисович рассказывает: «Он меня вызвал, я его выслушал, встал и сказал: “Ты что, смеешься? Я самолетчик, а ты мне какие-то тряпки предлагаешь!” В общем, я обиделся, хлопнул дверью и ушел. И так было раза три. Потом он мне посоветовал сходить к директору завода им. Чкалова посоветоваться. А я тогда как раз ожидал на заводе повышения, думал, что он мне сделает какое-то предложение – должность или зам. начальника по производству, или главного инженера. А он мне говорит: “Слушай, швейное производство – дело для тебя новое, должно быть интересно”. 10 октября 1986 г. я дал согласие Маслову, а через два года меня назначили генеральным директором производственно-торгового объединения области. В него тогда входило десять фабрик и новосибирский Дом моделей. 8500 человек в подчинении. Несколько лет у меня была сильная ностальгия по заводу, а потом горевать стало некогда».

* * *

Алексей Борисович говорит: «Началось потихоньку окончание Советского Союза, образование Российской Федерации, и мы стали никому не нужны. Раньше всем распределением нашей продукции занималось государство – были специальные базы “Росторгодежды”, ГУМы, ЦУМы, за каждой фабрикой одежды были закреплены свои текстильные комбинаты, поставлявшие сырье... Чтобы предприятия могли помочь друг

¹ Анатолий Васильевич Маслов – первый секретарь Советского райкома партии в Новосибирске в 1970–1980 гг. (территория Академгородка) и Новосибирского горкома КПСС (1988–1991).

другу, под эгидой ЦК комсомола в 1989 г. была создана Ассоциация молодых руководителей предприятий². Меня избрали президентом».

* * *

В 1993 г. швейное объединение распалось – все фабрики стали самостоятельными. И до наших дней из них сохранились только новосибирский «Синар» и «Шанс» в поселке Болотное.

Вспоминая середину 1990-х гг., Алексей Борисович рассказывает об инфляции, кредитах под 210 % годовых, августе 1998 г., когда курс доллара вырос в несколько раз: «У нас было много кредиторской задолженности – мы уже начали закупать ткани в Германии, Италии, Турции. А в России один за другим закрывались текстильные комбинаты. Их, кстати, и сейчас – раз-два и обчелся. Дошло до того, что драповые ткани в стране вообще перестали производиться! В Иванове осталось только хлопковое производство, а там делали такие шикарные костюмные ткани!»

В 1993 г. объединение было переименовано в ОАО «Синар», у него появилась своя сеть розничных магазинов в разных городах страны. Алексей Борисович говорит: «Работали да работали потихоньку. И даже разгул бандитизма почему-то обошел нас стороной. Иногда рэкет заходил в магазины, но всегда без последствий – никто нас не крышевал, как тогда говорили».

Сегодня ОАО «Синар» – одно из крупнейших швейных предприятий России.

* * *

Об отдыхе Алексей Борисович говорит так: «Рыбалку люблю. Охочусь обязательно – утка, косуля, заяц, лиса. Глухарь еще – шибко красивая птица... Далеко не езжу, только в Новосибирской области: Краснозёрское, Довольное, Кочки, Каргат.

За всю свою жизнь я построил собственными руками в начале 1980-х дачу маленькую, пять на шесть, с банькой,

² Ныне Межрегиональная ассоциация руководителей предприятий (МАРП).

и в начале 1990-х – вторую дачу. И очень любил еще в свое время заниматься деревом – мебель делал: табуретки, столы, двуспальную кровать сделал и двухъярусную – для внуков.

Многие директора рано коттеджи себе построили, а я свой домик, десять на десять, построил только лет десять назад.

Очень люблю землю. Огурцы всегда выращивала моя супруга, а помидоры – только я, причем начиная с рассады. Это целая песня! Семечку воткнул, крошечную, а вырастает вот такая ботва! Еще я селекционировал картошку – отбирал сорта, клубни...

Всё прошло, кроме охоты».

* * *

О путешествиях рассказывает: «Много ездил в командировки. Только в одной Италии было десять текстильных фабрик, с которыми мы работали! Я и в Таиланд в первый раз съездил – в командировку. Я тогда был шокирован их текстильными предприятиями. 40 000 рабочих! Все из деревень, на полном обеспечении. Мальчишки – в темно-синей форме, девчонки – в светло-голубой. Общежитие, еда. Отпуск два раза в год. Организация! Дисциплина! Объемы!»

* * *

О желаниях Алексей Борисович говорит: «Мечты у меня никогда не было. В детстве я жил в соцгороде³ около завода им. В.П. Чкалова, им мои мечты и ограничивались. А сейчас... – смеется Алексей Борисович, – сейчас хочется закончить жизнь благополучно, уйти в иной мир, как говорится, на своих ногах. Сейчас очень тяжелое время. Давайте запишем для истории, что я ни в 2019-м, ни в 2020-м не вижу возможности ни для каких улучшений. Я не верю, к большому сожалению, в национальные проекты. Я глубоко уверен: пока народ не начнет жить лучше, пока не повысятся зарплаты и, соответственно, не увеличится спрос, ничего не изменится к лучшему. Без этого могут быть только локальные успехи».

³ Соцгород – жилой микрорайон, комплексная застройка около завода.

* * *

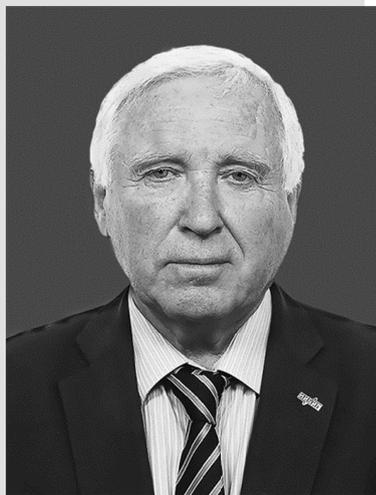
В конце беседы Алексей Борисович еще вспоминает истории из детства, говорит, что в детстве коллекционировал этикетки со спичечных коробков и вспоминает, как с одноклассниками буквально клали на стул учительнице кнопки, как вставляли в лампочки мокрые промокашки: «Встаешь на парту, выкручиваешь лампочку, засовываешь в нее мокрую промокашку, жеванную, вворачиваешь обратно. Свет включается, идет соединение. А там же нить накаливания! Посреди урока промокашка высыхает – лампочка гаснет! И в футбол я играл, и в волейбол играл, и коньками занимался. Не блистал, но в соревнованиях участвовал с удовольствием. Книжки читал до часу, до двух ночи, мать за это ругалась. А я прочитал всего Жюль Верна, всего Майн Рида, Чехова, Гоголя, Куприна! В институте увлекся Артуром Хейли...»

ЖИБИНОВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

**Выпускник 1963 года,
факультет автоматики
и вычислительной техники
(АВТФ)**

Заместитель генерального директора по научной работе – генеральный конструктор АО «НИИ измерительных приборов – Новосибирский завод им. Коминтерна» с 2011 по 2016 год. С 1987 по 2008 год заместитель генерального директора по научной работе – главный инженер НИИ измерительных приборов. Автор более 60 патентов в области радиолокации. Кандидат технических наук. Лауреат Государственной премии РФ за 1998 год. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники за 2012 год. Почетный радист РФ (1994).

АО «НИИ измерительных приборов – Новосибирский завод им. Коминтерна» – одно из старейших стратегических предприятий страны, являющееся крупнейшим научно-производственным центром радиолокации России.

«Чистое небо – моя профессия»

Валерий Анатольевич вспоминает, что в НЭТИ поступил со второй попытки, в первый раз не хватило всего лишь одного балла. Год проучился на физико-техническом факультете в Томске и перевелся на второй курс в НЭТИ. Валерий Анатольевич рассказывает: «При нас формировалась кафедра вычислительной техники, тогда она еще называлась по старинке, замысловато, – кафедрой счетно-решающих приборов и устройств. Кстати, много лет я на родной кафедре потом председательствовал в ГЭК...

Наша студенческая группа была очень дружной. Ее набирали дополнительно, из тех, кто недобрал баллов, и не в сен-

тябре, как все группы, а в декабре. Поэтому мы отмечаем ежегодно день группы 8 декабря. Мы окончили институт почти полным составом – отчислились только трое. Еще интересно, что трое из наших ребят попали служить на атомные подводные лодки, так что мы всей группой отмечаем еще и день Военно-морского флота.

В студенчестве я играл в баскетбол и в ручной мяч, как тогда называли гандбол, за сборную команду НЭТИ»...

* * *

После института Валерий Анатольевич по распределению пошел работать на «почтовый ящик 39» – так в обиходе назывался секретный НИИ измерительных приборов на улице Горького. Занимался разработкой радиолокаторов – «проектировал автоматизированные системы управления и обработки информации на основе специализированных ЭВМ». Испытания проходили на полигонах в Казахстане – у озера Балхаш и на реке Эмбе. Валерий Анатольевич рассказывает: «На Балхаше всегда была хорошая рыбалка, а рядом с Эмбой речка Темир – там тоже рыба была. И интересно так: на одном берегу выжженная степь, а на другом – начинается пустыня, барханы!.. По дороге с Эмбы на Темир мы проезжали одну деревеньку, которую основали сосланные декабристы, они организовали там просто оазис: грибная роща, березы, тополя!..

А радиолокаторы – это как бы “глаза” зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) и систем (ЗРС). Они дают информацию о местоположении цели. Мы делали радиолокаторы для ЗРС С-300, С-400, в 1975 г. начались испытания ЗРК “Бук”... После 2000 г. интерес к этим системам возник и у наших зарубежных партнеров: Китая, Алжира, Сирии, Египта, Венесуэлы.

При разработке мы старались закладывать такие характеристики, чтобы наша техника превосходила ту, что уже создана в мире. Особенностью наших комплексов являются станции кругового обзора: отечественные комплексы автономно “видят” с земли то, что находится вокруг. А у американцев, например, комплексы используют информацию, которую передают им спутники. Или вот у США есть известные ЗРК Patriot – они могут быть настроены только в одну сторону вероятного нахождения противника, а наши С-300, С-400 с ракетами

вертикального взлета могут запустить ракету в любом направлении, и у "Бука" башня тоже в любую сторону поворачивается.

Тут важно сказать, что в 1990-е гг. отечественная элементная база, конечно, отставала от зарубежной, но изобретательность российских инженеров помогала это преодолеть за счет системных и программных решений. У нас стояла задача с худшей элементной базой создать технику лучше, чем зарубежная. Я был на выставках военной техники в Абу-Даби, в Куала-Лумпур, и наша военная техника действительно вызывает интерес у специалистов из разных стран – все заинтересованы в чистом небе над своими странами. В 1990-е гг. была еще история, когда наши конкуренты, создатели американского ЗРК Patriot, приезжали к нам и предлагали начать совместные разработки, они приглашали нас посетить их производство или встретиться на очередной выставке Ле-Бурже¹, но у нас тогда не было денег, чтобы туда поехать, и на этом сотрудничество закончилось. У нас тогда сократилось финансирование и научно-исследовательских, и опытно-конструкторских работ, упало производство, мы одно время работали по три дня в неделю, но постепенно всё наладилось.

...Я всю жизнь создаю оборонительное оружие. Чистое небо – моя профессия. Мы защищаем свою страну от вероятного противника. Ни у одной страны мира больше нет такого огромного периметра, поэтому в России по всей стране создано радиолокационное поле».

* * *

Валерий Анатольевич рассказывает: «Я был в Сирии давно, когда там еще не было войны. Это была светская, цивилизованная страна, многоконфессиональная. В старой части города я видел мечеть, внутри которой стояла христианская часовня в честь Иоанна Крестителя... Близ Дамаска – гора, где, по преданию, похоронен убитый Каином Авель.

И в Китае я был. Там много того, что интересно увидеть: и Великая Китайская стена, и изделия из жемчуга, и керамика, множество памятников культуры и архитектуры, площадь

¹ Международный авиасалон во Франции.

Тяньаньмэнь, Запретный город, храм Конфуция... Я хотел бы это всё еще раз увидеть.

Я пытаюсь изучать мир. Был с семьей во Вьетнаме... Открываем для себя Крым: Керчь, Феодосию, Коктебель, музей И.К. Айвазовского, музей А.С. Грина...»

* * *

Валерий Анатольевич читает много книг по истории, ценит работы Льва Гумилева и исследования, посвященные Великой Отечественной войне. Говорит: «Отец жены воевал, был врачом из ускоренного выпуска Новосибирского медицинского института. И мой отец воевал, был минометчиком, участвовал и во взятии Кенигсберга, и в войне с Японией. 9 мая 1945 г. он приехал в Новосибирск, на площади Свердлова был огромный митинг, и, как мне рассказывала мама, наша семья там была, и отец держал меня, маленького, на плечах, и мы кричали "ура!". Что интересно, у отца день рождения был 9 мая... Теперь мы 9 Мая всегда собираемся всей семьей, выходим с дочерьми, с внуками в Бессмертный полк.

Скажу несколько слов о семье. С женой мы вместе учились в школе в одном классе. Сейчас она заслуженный врач РФ, онколог, много лет заведовала отделением в горбольнице. Дочки у меня двойняшки. Одна стала врачом, вторая работает преподавателем в торговом институте²... Любопытный факт: мы с женой учились в школе № 99 Центрального района, и наши дочери там учились, и внук в 2017 г. закончил эту же школу с золотой медалью, и внучка теперь там учится.

Человек ведь счастлив, когда в семье всё хорошо и на работе всё удачно – когда видишь результаты своей работы, изделия, выходящие с производства, нашу технику в войсках...

Еще важны друзья. Если человек в мире один, у него не может быть ни счастья, ни удовлетворения. С друзьями надо чаще встречаться. Мы с одноклассниками хотим написать книгу о каждом из нас, сейчас мы собираем материалы. Я инициатор этой затеи... Кстати, у меня есть друг Воронин Александр Сергеевич, капитан I ранга. Мы с ним в НЭТИ учились в одной группе, а знакомы мы с самого его дня рождения. По семейной

² Обиходное название Сибирского университета потребительской кооперации.

легенде, я в свои четыре месяца был на торжестве, посвященном его рождению. Еще один мой друг Косов Юрий Михайлович, мы знакомы с ним с детского сада, у нас родители вместе работали. Еще у меня есть друг со двора Аркадий Соколов, тоже всё детство вместе играли, в одной школе учились... С ребятами, с которыми я учился один год в Томске, мы тоже до сих пор дружим, ездим друг к другу в гости.

А еще у меня есть дача – дом в поселке Кудряшовском. Люблю барбекю, шашлык, рыбу на гриле. Иногда хожу на рыбалку, приятно посидеть на берегу при хорошей погоде. Самая удачная рыбалка была в студенчестве с ребятами из группы – мы бреднем на Оби выловили огромную щуку! Я боялся, что она из сетки убежит, схватил ее руками и крепко держал. А когда мы ее почистили и пожарили, было так вкусно! Опять-таки всё самое интересное происходит в компании друзей...

Я рос недалеко от кинотеатра им. В. Маяковского, в доме, в котором жили сотрудники завода “Сибсельмаш”. Мы с ребятами из школы и со двора были очень дружны, сами сделали хоккейную коробку, сами зимой заливали лед, играли, каким-то летом сами сколотили баскетбольные щиты... Помните двор в фильме “Покровские ворота”? Так же, как и там, у нас все всех знали, все со всеми разговаривали... Еще в детстве я окончил музыкальную школу по классу фортепиано. Играю я всё, что поется, и сам пою. Люблю играть вальсы из фильмов “Мой ласковый и нежный зверь” и “Маскарад”, Чайковского играю... Хоть в джазе и не играл, но люблю “Сибирский диксиленд” и биг-бенд Владимир Толкачева...

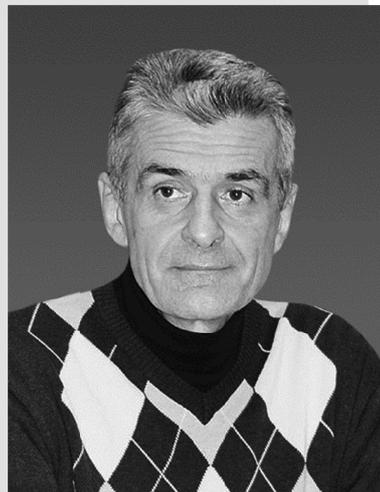
А вообще мне всегда хотелось заниматься техникой, и судьба сложилась в согласии с мечтой. Так что судьбой я доволен. Иногда только меня расстраивает вот что: бывает, сижу в ГЭКе, диплом читаю, и видно, что у студента такое плохое знание русского языка... Я замечание сделаю – обижаются. А мне так и хочется сказать: “Ты же инженером выходишь – ты русский язык должен знать в совершенстве”...»

ИСЮК ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

**Выпускник 1977 года,
факультет автоматики
и вычислительной техники
(АВТФ)**

Генеральный директор АО «Новосибирский завод полупроводниковых приборов с особым конструкторским бюро» (НЗПП с ОКБ), в состав которого в марте 2020 года вошло НПП «Восток»

АО «НЗПП с ОКБ» является одним из ведущих в России разработчиков и производителей интегральных схем, операционных усилителей, фотоприемных устройств и датчиков. В ближайший год предприятие наладит выпуск сверхбольших интегральных схем (СБИС) и биосенсоров для диагностики коронавируса.

«Я ушел спасать завод»

Повесть Юрия Германа «Дорогой мой человек» открывается эпиграфом из И.В. Гете: «Кто болеет за дело, тот должен уметь за него бороться, иначе ему вообще незачем браться за какое-либо дело». Владимир Ильич любил в детстве эту книжку, и еще роман Галины Николаевой «Битва в пути», и чью-то книжку с названием «Береги честь смолоду».

О себе он рассказывает неохотно, его дело – его завод. Он будто бы не создан для разговора по душам. «Путешествия? – переспрашивает он. – Я не люблю путешествия. Все эти экзотическая еда, прекрасные виды и архитектура не для меня. В Таиланде я ежедневно проплывал 10 километров, в Белокурухе катался на горных лыжах, погружался с аквалангом в Красное море – для меня это все тренировки. Важнее эмоций – физическое состояние».

Владимир Ильич никогда не занимался спортом профессионально, редко участвовал в соревнованиях, но всегда был

успешен: в детстве и студенчестве много катался на лыжах, получил разряд по плаванию, даже несколько лет занимался фигурным катанием.

«Я ни о чем не мечтаю, – говорит Владимир Ильич. – Живу рядом с зоопарком и отдыхаю только тем, что каждый вечер ухожу гулять в Заельцовский парк. Я люблю тишину». И рассказывает о том, как в одну из недавних зим отбил там от двух борзых белого зайца.

Он кажется сдержанным, неприступным, но потом увлекается воспоминаниями, шутит о себе: «Я монстр программирования!» – и громко рассказывает о жизни, полной любви к своему делу и к своей стране.

* * *

Владимир Ильич появился на свет в Томской области, в городе Колпашеве. Его родители были геологами. В раннем детстве они брали его в экспедиции. «Я помню, – рассказывает он, – эти геофизические городки. Жили в передвижных балках¹. Едешь в них месяц, то в одном месте, то в другом...»

Когда мальчику исполнилось десять лет, родители осели в Новосибирске, работали в Новосибирском геологоразведочном управлении. Владимир Ильич вспоминает: «В Новосибирске я с удивлением увидел, что молоко бывает в бутылках! До этого видел только в банках, в ведрах...»

* * *

С 5-го класса Владимир Ильич заинтересовался ЭВМ², его мама занималась их внедрением в производственные процессы. С 9-го класса он начал работать сам, сначала оператором, а потом и программистом. Работал в Новосибирском геологоразведочном управлении, в Сибирском институте геологии, геофизики и минерального сырья. Он управлял сначала БЭСМ-4³,

¹ Геологический балок – временное жилище геологов на время экспедиции. Были распространены балки передвижные (вагончики на колесах или на санях) и стационарные (удлиненные домики, напоминающие по форме вагон, чаще деревянные).

² ЭВМ (электронные вычислительные машины) – так в СССР называли компьютеры.

³ БЭСМ – серия советских больших электронных счетных машин.

потом БЭСМ-6. Владимир Ильич вспоминает: «Они были огромными, с перфокартами. Машинный зал для БЭСМ-4 был примерно 200 м², для БЭСМ-6 – примерно 400 м². Потом, уже когда работал после института на заводе, мы внедряли “Эльбрус”, под него надо было 600 м². Хорошо было, интересно, сидишь по ночам, машина пищит, считает, и ты по писку понимаешь, работает она или встала и надо ли перезапустить цикл».

* * *

После школы Владимир Ильич поступил в НГУ, считал, что университет престижнее. Но уже на первом курсе, недолго проучившись в университете, перешел в НЭТИ: «Я уже работал. Мне нужна была практика, а в университете преподавали всякие отвлеченные науки. НЭТИ больше отвечал потребностям отрасли. А я к первому курсу уже многое понимал в своей будущей профессии».

Запомнилась практика после 3-го курса, которую проходили в Киеве на заводе, на котором производили реле. Как после практики поехали в Алушту и неделю ходили по горам...

Запомнилось, как после 4-го курса призвали на военные сборы...

* * *

«Это было мое “прекрасное далёко”, – говорит Владимир Ильич. – Мы служили в Матьянге – аэропорту г. Колпашева. Получается, что я служил на родине. Я тогда припрятал гражданскую форму в лесу в обитом толем ящике из-под тушенки, а вместо нее на хранение сдал кирпич в чемодане. И из двух месяцев службы я половину, наверное, провел в самоволке: переодевался в лесу в гражданское, пробегал прямо через летное поле и оказывался в городе. Как-то смотрю: по улице мой майор идет. Я от него в магазин – и он в магазин, а магазин маленький, не спрячешься. И вот смотрит он на меня и говорит: “Исюк!” Я отвечаю: “Никак нет, обознались”. Он выбегает из магазина – и на автобус, проверять, есть ли я в части. На автобусе до части полчаса, а напрямую бегом через летное поле 10 минут. Он приезжает, делает перекличку, я уже в

строю. Он удивляется, говорит, что видел меня в городе. А я отвечаю, что родом я из Колпашева и что мой отец был большой шалун, и поэтому я имею сходство с многими ребятами в Колпашеве. Майор удивился: "Служишь на родине и ни разу не был в увольнении? Немедленно в увольнение!" Вот так я единственный раз вышел в город официально и в форме».

* * *

После института Владимир Ильич попал на Новосибирский завод полупроводниковых приборов. К 1992 г. стал начальником конструкторского бюро при заводе и в том же году «ушел с него на улицу»: «Я тогда активно воспринял демократическую волну. И тогда у меня родился ребенок. Чтобы купить ему молока, я должен был ехать через весь город куда-то, где было лучше снабжение и было молоко... Уходя с завода, я ничего не терял, кроме своей зарплаты. Страна была тогда на изломе, и каждый выбирал свой путь».

Постепенно Владимир Ильич создал сеть компьютерных магазинов «Арсиситек». Магазины были в Новосибирске, Томске, Кемерове, Новокузнецке... Объединившись с коллегами из Москвы и Санкт-Петербурга, он организовал оптовые склады, и дистрибьюторскую сеть.

В 1997 г. Владимир Ильич защитил кандидатскую диссертацию. В ее основу легли материалы и опыт, накопленные им за время работы на заводе. «Мне тогда доверили внедрять "Эльбрус" – мощную машину, которых в СССР тогда были единицы. Это была великая честь – участвовать во внедрении компьютеризации в научные и производственные процессы».

Оставив «Арсиситек» партнерам, Владимир Ильич заинтересовался строительством и вложил в постройку двух бизнес-центров – на ул. Фрунзе, 86 и Фрунзе, 88. «Здесь, – говорит он, – я заработал миллиард! Первый и последний. Сейчас у меня миллиарда нет, но я не жалею».

В 2006 г. он узнал, что Новосибирский завод полупроводниковых приборов находится в состоянии банкротства, и обратился в Министерство промышленности: «Я бывший... Я могу, хочу, есть опыт... Помните книгу "Битва в пути"? – рассказы-

вает Владимир Ильич. – Я тоже решил, что надо идти возвращать долги родине. Я пошел спасать свою “родную заводскую проходную”. Я знал всех на этом заводе и, в отличие от многих “красных директоров”, уже знал рынок и умел зарабатывать деньги”. С 2006 до 2011 г. ему удалось не только вывести предприятие из состояния банкротства, но и создать возможности для развития предприятия. После этого под его начала перешли еще два новосибирских и два томских завода. Владимир Ильич говорит: “Вообще-то они все еще с советских времен были объединены, как бы сейчас сказали, в холдинг – НПО “Адрон”».

* * *

Одна из его дочерей окончила Сорбонну, вторая – Гарвардский университет. Одна работает в Женеве в Национальном банке Бельгии, другая – пресс-секретарь Международного комитета Красного Креста на Филиппинах.

На вопрос о том, не хочет ли он поселиться в другой части мира, Владимир Ильич отвечает: «Я воспитан на других книжках. Не про покемонов. Для меня важны “моя заводская проходная”, которую я не отдал под чей-то нож, и участие в обеспечении обороноспособности страны».

А потом он говорит о тех, ради кого он сохранял завод: «На заводы в основном приходят те молодые ребята, которые тоже читали правильные книжки. И с патриотизмом у них всё в порядке. Хотя я далек от того, чтобы упрекать ребят, смотрящих с надеждой на Запад, это их позиция, это их выбор... Мои дочери хотели работать в России, и я бы хотел, чтобы так было. Они обе закончили бакалавриат в НГТУ, Сорбонна и Гарвард – это магистратура. Они приехали работать в Россию. Но Варя, она экономист, не смогла найти здесь работу, ее пригласили в Женеву, и она уехала. А Настя работала в России руководителем московского Красного Креста, но потом ее повысили, и она стала работать на международном уровне. Я восхищаюсь ее силой воли, когда она едет в Пакистан и вступает в переговоры с террористами с просьбой освободить захваченных заложников. Террористы требуют выкуп, Красный Крест выкупа не дает, и наутро ей привозят две головы, и

Настя опознает: "Да, это наши сотрудники..." В тот раз не удалось договориться, чаще договориться удастся... Я думаю, что она служит не только России, она служит миру».

* * *

А бизнес... Владимир Ильич признается: «Я перестал им заниматься, и его у меня "отжали". Но я ни о чем не жалею. Я родине служу. Заводы выполняют оборонные заказы. В составе любого современного российского оружия обязательно есть хоть одно наше изделие...»

КАПЛУН МАРК СОЛОМОНОВИЧ

**Выпускник 1977 года,
электромеханический
факультет (ЭМФ)**

Предприниматель. Кандидат технических наук. Основатель и генеральный директор ООО «АСК». Независимый предприниматель Amway.

ООО «АСК» – крупнейший за Уралом оптовый продавец детского и лечебного питания, предметов детской и женской гигиены, товаров для новорожденных, аксессуаров для беременных и кормящих, правообладатель торговой марки NATI.

«Сетевая структура – самая устойчивая»

Марк Соломонович говорит: «Я родился и всю жизнь прожил в Новосибирске, хотя много путешествовал. Мысль переехать куда-то меня, как это ни странно, ни разу не посетила».

* * *

До четырех лет он жил с бабушкой, сначала в своем доме, потом в первом жилом доме на проспекте Маркса. Марк Соломонович вспоминает: «Что интересно, на месте проспекта был лес. Стояло два дома – Карла Маркса, 3 и Карла Маркса, 1. И еще были красный корпус НЭТИ и водонапорная башня. Мы с дедушкой ходили в лес, сажали репку.

Потом родители получили квартиру в центре – на улице Депутатской. Мама врач, папа инженер, работал в Оперном театре. Я ходил в детский сад, который располагался в том здании, где сейчас Дворец бракосочетаний. Когда вырос, я там же женился...

Однажды, года в четыре, дедушка принес какую-то коробку, это оказались шахматы. И к шести годам я научился хорошо играть, хотя серьезно не занимался, ходил в кружок в Доме пионеров и до девятого класса всех обыгрывал. В институте стал кандидатом в мастера спорта. Несколько лет назад мы организовали Шахматный клуб Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ, там несколько гроссмейстеров, чемпион мира среди юниоров и председатель Федерации шахматного спорта.

После 7-го класса я съездил в лагерь «Артек». Когда оттуда уезжал, плакал. Там было так хорошо, что, уезжая, все плакали. Туда попадали только дети ответственных лиц. У нас был советско-чешский отряд, мы подружились, потом переписывались...

Учился я в школе, которая сейчас называется гимназией № 1, учился легко, хорошо. Любимым предметом была математика. Выступал на олимпиадах, занимал призовые места. В пятом классе учительница Дора Михайловна подарила мне книжку «Живая математика» Я.И. Перельмана. Я ее до сих пор иногда перелистываю, там очень интересные задачки. Кстати, что интересно, мой младший сын тоже занимался у этой же учительницы.

И химию преподавала удивительная женщина – Лилия Михайловна. Если она выходила из класса, мы никогда не начинали шуметь, а она никогда не повышала на нас голос. Когда я поступил в институт, я на первом курсе по химии ничего не учил и при этом получил пятерку и выиграл олимпиаду.

А вот физику я не знал. На пробном экзамене получил двойку, потом всё лето занимался физикой».

* * *

Тетя и дядя Марка Соломоновича окончили НЭТИ и преподавали в НЭТИ. Он говорит: «Дядя, Семен Львович Рояк, меня всего на одиннадцать лет старше, он всю жизнь был для меня примером. В сорок пять лет он без знания языка уехал в Америку, сделал кучу открытий, стал членом Нью-Йоркской Академии наук¹. Он поднялся до самого высокого технического

¹ New York Academy of Science – научная организация с платным членством, располагается в США, объединяет 25 000 членов из 140 стран.

поста в одной из крупнейших американских компаний. Когда я поступал, я пошел на ту же специальность, которую закончил он, – «Электропривод».

Марк Соломонович до сих пор помнит номер студенческой группы – ЭП-21, он рассказывает: «У нас была уникальная группа. Четыре года подряд она была лучшей в НЭТИ по успеваемости, средний балл за какую-то сессию был 4,67. В группе была одна девочка, ее звали Людой, но мы почему-то всё время называли ее Катей, через год она так к этому привыкла, что на Люду перестала откликаться. Мы до сих пор общаемся, так и зовем ее Катей... Однажды вместо стройотряда нас отправили в Ленинград, мы там месяц гуляли, жили в общежитии ЛЭТИ²... В другой раз со стройотрядом ездили в Чехословакию, три недели жили в Праге, участвовали в строительстве Карлова университета».

Потом были аспирантура, преподавание на кафедре... Марк Соломонович вспоминает: «Зимой иногда подрабатывали – сбрасывали снег с крыши Оперного театра, почтамта, филармонии. На нас была очередь каждый год! Мы брали серьезные объекты. За полтора месяца могли заработать годовую зарплату научного сотрудника. В 25 лет я купил на свои деньги первый автомобиль, в 27 – однокомнатную квартиру при зарплате 100 рублей, а стоила она 2500 рублей».

В 1988 г. при НЭТИ возник первый научный кооператив «Система», в него вошли В.Г. Каган³, С.Л. Рояк, Марк Соломонович и еще двое участников. Из него со временем и родилась компания «АС-Система комплекс». Из созданной В.Г. Каганом лаборатории электромеханических систем воспроизведения движения родилось в общей сложности три успешных компании.

² Ленинградский электротехнический институт. Ныне Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ».

³ Валерий Геннадьевич Каган – профессор, доктор технических наук, выпускник электромеханического факультета НЭТИ (1959), заслуженный изобретатель СССР, основоположник мехатроники. Подготовил 42 кандидата и 3 доктора технических наук. Создатель джаз-оркестра НЭТИ. Основатель кафедры компьютерной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки. В 1991 г. эмигрировал в США. Автор более 100 изобретений в СССР и 50 патентов в США.

В 1989 г. Марк Соломонович защитил диссертацию по теме «Высокоточный электропривод бестонвального лентопротяженного механизма с источником питания ограниченной мощности». Испытания установки проходили на Сахалине, этот механизм был основой подводного буя, который следил за вражескими подводными лодками, и три года подряд Марк Соломонович раз в квартал туда ездил. Он вспоминает: «Меня особенно удивляло, что с одной стороны Японское море, +14 °С, а с другой – Охотское, совсем холодное... Состоялось внедрение. Потом, в перестройку, я встретил генерального конструктора буя, он сказал, что на базе моего первого опытного образца сделали десять тех, что работают на благо родины».

В том же году дядя Марка Соломоновича уехал в Америку. Племяннику он сказал: «Уезжать надо не “туда” за лучшей жизнью, а “отсюда”, если здесь больше не можешь оставаться».

* * *

Через два года Марк Соломонович с женой и мамой поехал в гости к дяде в Америку. Он вспоминает: «Фирма-то у нас была, но денег еще совсем не было. Того, что было, нам хватило только на билеты, да и дядя тогда еще едва-едва там устроился. Помню, мы приземлились, а жена мне говорит: “Ущипни меня. Мы правда в Америке?” Здесь в то время не было ничего, были очереди, талоны, пустые прилавки. А там двести сортов колбасы, готовый суп продается, картошка почищенная лежит в мешочке! Куда-то мы там однажды поехали с дядей, а моя жена попросила: “Купите тесто, я пирожков напеку”. Мы зашли в Кливленде в какой-то магазин, тесто найти не можем, английский плохо знаем, вдруг случайная женщина у нас по-русски спрашивает, что мы ищем. Мы ей сказали, она показала нам холодильник, в котором лежали такие штучки из теста, похожие на сигары, по десять в упаковке. Я спрашиваю: “Что это?” Дядя говорит: “Тесто”. Понимаете! Заготовочки под пирожки, даже не слипшились!

На обратном пути мы встретились в Нью-Йорке с бывшим новосибирцем, который тоже жил в Америке и, как оказалось, был знаком еще с моим папой. Мы разговорились, он сказал: “Я вам что-нибудь пришлю, а вы продадите”. Денег тогда не было, но было доверие нам. Он жил в Лос-Анджелесе и при-

слал в Хабаровск какие-то майки, бижутерию. Нам это всё отправили в Толмачево, я поехал на своих “жигулях” забирать эти восемь коробок, привез их к себе в гараж.

Сначала мы торговали чем попало. Потом вдруг стала популярна жевательная резинка, и наш американский товарищ присылал нам ее. В один год мы продали восемнадцать 40-футовых контейнеров жвачки на 1 000 000 долларов. Мы оказались в тройке крупнейших игроков на рынке жевательной резинки в Новосибирске. Поэтому когда в Россию пришла компания Wrigley, она нас сама нашла, и мы долго сотрудничали.

В 1993 г. мы поехали в гости к друзьям в Израиль. Они там показали нам подгузники, и мы решили их тут продавать. Мне еще в Америке говорили, что есть такие памперсы: ребенок писается и остается сухим. Я тогда не поверил, подумал, что это какая-то фантастика. И вот, побывав в Израиле, мы первыми привезли за Урал контейнер подгузников, их никто тогда ни разу еще не видел, не понимал, что это такое, никто не хотел брать их на реализацию. Моя мама работала главврачом в больнице, она уговорила пять директоров аптек, чтобы они просто поставили эти подгузники на полку. И появился спрос: я продавал по два контейнера в неделю. Потом стали возить товары для женской гигиены. Мы работали с Procter & Gamble, Kimberly-Clark...»

В 1996 г. началось сотрудничество с компанией Heinz, производящей детское питание. Предприятие Марка Соломоновича стало специализироваться на детских товарах, он говорит: “У меня как раз родился младший ребенок, и он очень хорошо ел детские пюре Heinz”.

В 1999 г. по инициативе Heinz компания Марка Соломоновича инициировала проведение в Новосибирске большого международного симпозиума по детскому питанию, который собрал ведущих мировых специалистов в этой области – от президента Института питания компании Heinz доктора Янга до основоположника отечественной детской диетологии Калерии Сергеевны Ладодо. Первый симпозиум собрал около двухсот специалистов, второй – более четырехсот.

В 2008 г. у компании было десять филиалов в регионах, сейчас – четыре. Марк Соломонович говорит: «Сейчас рынок другой. Тяжелее стало вести бизнес. Раньше норма прибыли

была 8...10 %, сейчас около 2 %. Компания должна развиваться, и мы начинаем проект по производству в России детских товаров».

* * *

Еще одна сфера деятельности Марка Соломоновича – сетевая индустрия, сотрудничество с компанией Amway. Он говорит, что сетевая структура – самая устойчивая.

Всё началось в 1999 г., когда подруга семьи пригласила Марка Соломоновича с женой на семинар компании в Венгрию. Марк Соломонович вспоминает: «Мы решили заняться и с тех пор ни разу не пожалели. Amway входит в тридцатку самых крупных компаний в США. В ней я нашел возможность заниматься тем, что всегда нравилось, – преподаванием, так как в итоге мы создали в Amway свою, единственную российскую, школу обучения бизнесу. Я преподаю не хождение с сумками по предприятиям, а построение информационного бизнеса. Наши с женой имена висят на доске почета в главном офисе в Amway в городе Эйде в Мичигане. Мы попали в Совет основателей компании, в него входят всего 100 семей со всего мира».

* * *

Марк Соломонович размышляет: «Когда основным было сельскохозяйственное производство, главными игроками рынка были помещики. С распространением научно-технического производства им на смену пришли фабриканты, с появлением информационного производства выдвинулись его создатели, а XXI век можно назвать концептуальным. Здесь главная роль будет принадлежать тем, кто помогает объединить потребности людей и предложения производителей. Прекрасный пример Uber – компания, которая не владеет ни одним автомобилем. Побеждает тот, кто помогает купить, а не тот, кто продает. Компания Amway эту концепцию придумала давным-давно! А еще я понял, что франчайзинг – один из самых крутых современных бизнес-трендов. Amway работает в 100 странах на 60 языках уже 60 лет».

* * *

В заключение разговора Марк Соломонович вспоминает, как в первую поездку в Америку зарабатывал мытьем окон у знакомых: «Окно – 3 доллара. Мы намыли тогда на 300 долларов. Еще я там разок садовником работал и в булочной упаковщиком – 1000 булочек завернул за ночь, 32 доллара заработал. В сумме у нас собралось примерно 500 долларов, мы купили всем подарков, привезли из Америки 12 банок пива. Мы уехали, а дядя рассказывал, что даже спустя месяц ему на автоответчик приходили сообщения: “Просим Марка и Марину помыть нам окна по такому-то адресу”. Это тоже был своего рода сетевой бизнес».

КОЖЕМЯКО СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

**Выпускник 1994 года,
факультет энергетики (ФЭН)**

Генеральный директор ОАО «Территориальная генерирующая компания №11» («ТГК-11») с 2005 по 2018 год. Генеральный директор ОАО «Томскэнерго» (2003–2005). Генеральный директор ОАО «Хакасэнерго» (2001–2003). Заместитель генерального директора ОАО «Красноярскэнерго» (2000–2001). Председатель Совета Сибирской энергетической ассоциации (2009–2018). Член Высшего экономического Совета СФО (2005–2018).

«*Меня заметили...*»

Сергей Иванович родился в Болотнинском районе Новосибирской области в деревне Абрамовке, которой давно нет на карте. «Я родился девятым ребенком в семье. Деревня была – двадцать восемь домиков. На всю деревню два телевизора, все собирались их смотреть – как в кинотеатр! Когда была политика укрупнения сел, в Абрамовке просто отрубили свет, и все переехали в соседнее село Байкал... В Абрамовке была школа-трехлетка, потом стали ходить в десятилетку в Байкал за два километра. Пешком, мороз не мороз, слякоть не слякоть... Приходишь из школы – хозяйство: дрова, снег, уход за скотиной... С будущей супругой мы вместе с четвертого класса. Можно сказать, за одной партией сидели».

В старших классах Сергей Иванович увлекся лыжными гонками, получил первый разряд. После школы по примеру брата хотел стать милиционером, сдал экзамены и документы в высшее военно-политическое училище¹. Сергей Иванович

¹ Ныне Новосибирское высшее военное командное училище.

вспоминает: «А у меня там в казарме сосед был, ныл всё время: режим, зарядка, “курс молодого бойца”... Ну, и в начале сентября, когда уже учиться начали, мы с ним через забор убежали домой. Дома меня мать, отец, брат давай ругать: “Как ты мог бросить? Брат за тебя хлопотал. Чем ты теперь будешь заниматься?” А я решил, что всё равно скоро пойду в армию. А потом поговорил с другом и пошел в техникум физкультуры и спорта – меня туда без экзаменов приняли, только кросс заставили пробежать».

* * *

Весной Сергей Иванович ушел в академический отпуск и попал в армию на Тихоокеанский флот, в учебку на остров Русский. Служил три года (1981–1984) на авианосце «Минск»². Он вспоминает: «В учебке нас звали шпионами, из нас готовили радиоразведчиков. Мы учили английский язык, чтобы перехватывать вражеские телефонограммы. Гордость тогда была, что у нас есть такое мощное оружие, что за нами все подсматривают и нас подслушивают».

Служил Сергей Иванович хорошо, дважды получал отпуск, приезжал домой. «Отец у меня фронтовик, всю войну прошел, всю жизнь коммунистом прожил. Он учил, что если за что-то взялся, надо это закончить... Один раз во время учебного налета я даже перехватил вражеское сообщение!.. А командир корабля у нас был тоже из Новосибирска! Капитан первого ранга. Кличка у него была Винни-Пух, кепку носил, курил постоянно, и голос у него был, как у Высоцкого... Мы ходили по Тихому, Индийскому океану, ходили в Йемен, Индию, Сингапур, даже в Анголу. Самый длинный поход – четыре с половиной месяца...

У нас была хлопковая белая форма, она никогда не пачкалась. Помню, первый раз в отпуск пошел, сошел с корабля – казалось, что на земле все ходят какие-то грязные, пыльные.

² Тяжелый авианесущий крейсер «Минск» был принят на службу в 1978 г., эксплуатировался до 1993 г. В 1982 г. был признан лучшим кораблем Тихоокеанского флота. В 1995 г. «Минск» был продан в Южную Корею на металл, потом его перекупила китайская компания и превратила в музей. В настоящее время крейсер стоит на реке Янцзы при входе в город Наньтун (КНР).

А второй отпуск весной был, в самом конце марта, еще зимняя форма была – шапка, шинель... А летняя – с 1 апреля, красивая – бескозырка, бушлат, клёш... А у нас в деревне я один на флоте служил, остальные – то пограниц, то еще кто... Надо ж красиво прийти, в настоящей морской форме! Я пошел к командиру: мол, товарищ командир, еду домой в Новосибирск, разрешите сойти на берег в летней форме. Он не разрешил, хоть и земляк. Ну, мы с другом всё равно его обманули: сошли в зимней, а на катер отдали летнюю, на берегу переоделись. Только переоделись – патруль! Сначала привязались, потом начальник патруля предупредил: "Сильно не нагуляйтесь!", и отпустил».

Службу Сергей Иванович окончил главным корабельным старшиной. Он рассказывает: «Два с половиной года на корабле! Какой мне теперь техникум, спорт на лыжах! Подумал – и не стал восстанавливаться. К тому же меня девочка Татьяна ждала... Не до учебы было. Пришел, поцеловался с ней, понял, что надо жениться. Отец сказал: "Сын, я тебе здоровье дал, 10 лет учебы дал, дальше давай сам"».

* * *

Татьяна работала в Новосибирске на заводе конденсаторов. Сергей Иванович забрал документы из техникума и тоже пошел на завод. 1 сентября 1984 г. они поженились, жили в заводской общаге на ОбьГЭС. Сергей Иванович вспоминает: «Комната сначала была одна на троих: жили я, Татьяна и ее подруга. Потом нам дали отдельную комнату – 12 квадратов...»

Еще на службе Сергей Иванович вступил в партию, на заводе много занимался спортом – волейболом, лыжами, а в работе увлекся паянием плат. Вероятно, поэтому его заметил начальник цеха, позвал электромонтажником в СКБ при заводе, посоветовал поступить в НЭТИ на вечерне-заочное отделение. Сергей Иванович подал документы, но поступил только со второй попытки. «С первого раза без подготовки всё забыл, экзамены провалил, не набрал баллов. Потом год готовился. Ну и говорят же, что везет тому, кто везет... Поступил, в 1985 г. первая дочь родилась, в 1987 г. – вторая... Пошла перестройка... Главный инженер СКБ тогда сказал: "Ты такой молодой,

перспективный. Чего тут сидишь? У тебя двое детей. Тебе тут квартиру никогда не дадут"... Он с кем-то поговорил, и меня пригласили работать в Академгородок в Институт точной механики и вычислительной техники. Я пошел на собеседование, там понравился, тут уволился. Работал, учился, на меня вешали всю работу, какую только можно было. Молодой был, энергичный, всё тянул. На четвертый год работы мне дали трехкомнатную квартиру на девятом этаже, с одной стороны окна выходили на Обское море, с другой – на котельную. Это было чудо, счастье!

Жена сидела с детьми, я работал на трех работах. И тут один знакомый мне шепнул, что в ВЦ³ вот-вот освободится место главного энергетика. И тогда я принял одно из самых тяжелых решений в жизни. Только квартиру от института получил, за меня едва ли не все тогда ходатайствовали!.. Мне было и стыдно, и так жалко уходить, что плакать хотелось. Меня не отпускали... Я перешел, отработал в ВЦ около года, и рухнул СССР. И тогда я принял второе тяжелое решение – попробовать заняться, как и товарищи по институту, коммерцией, спекуляцией, или, как сейчас говорят, бизнесом... Чем занимался? И с барахолкой был связан, схемы всякие плели, куда какую продукцию возить. А потом пошли вексельные зачеты по энергетике...»

* * *

Рассказ о каждом карьерном этапе Сергей Иванович начинает со слов «меня заметили». Леонид Борисович Меламед⁴ пригласил его в свой холдинг. Сергей Иванович вспоминает: «Он сказал: "Развивай свой бизнес – развивай мой бизнес". Так я ушел в большую энергетику... А тут подкрался 1998 г., мы на рынке зачетов и бартерных схем уже собаку съели,

³ С 1964 по 1997 г. – Вычислительный центр СО РАН, ныне Институт вычислительной математики и математической геофизики СО РАН.

⁴ Леонид Борисович Меламед (1962 г.р.) – российский предприниматель. Выпускник НЭТИ (1987). В конце 1990-х был генеральным директором ФГУП «Концерн "Росэнергоатом"», с 2000 по 2004 г. первый заместитель председателя правления РАО «ЕЭС России», с 2009 г. генеральный директор холдинговой компании «Композит».

у меня 150 человек работало, и меня отправили в Красноярск в помощь Кузичеву Михаилу Васильевичу⁵. Года два я возглавлял одну из дочерних компаний "Красноярскэнерго". Потом меня начальство РАО "ЕЭС России" заметило». Сергей Иванович стал заместителем генерального директора "Красноярскэнерго", переехал с семьей в Красноярск. «Это был тяжелый переезд, дети учились в старших классах... Красноярский губернатор Александр Иванович Лебедь как узнал мою фамилию, пошутил: "Хохол приходит! Наш!" Я успел с ним познакомиться, застать его в живых».

А вскоре освободилась руководящая должность в «Хакасэнерго», и нужно было ехать в Абакан. Сергей Иванович рассказывает: «Абакан, 170 000 населения. Мы решили, что детям надо учиться либо в Красноярске, либо в Новосибирске, и я перевез семью обратно в Новосибирск».

* * *

В начале 2000-х начались большие реформы в энергетике, их целью была организация конкурентной среды и привлечение частных инвестиций. Сергей Иванович вспоминает: «Я отработал в Абакане два года. Как-то еду домой, и звонок от Меламеда. Я пошутил, спросил: "Опять надо где-то пенсионера менять?" Он ответил "да" и предложил мне перебраться в Томск: мол, и дом поближе будет, и система в Томске поинтереснее. Губернатор томский сначала меня настороженно принял: "Неужели у нас своих не было?" Я ответил: "Мне предложили – я согласился". Изучил регион, сделал предложения по реформе. И сложился конфликт интересов между энергетиками и теми, кто ЖКХ возглавлял... Мне из Москвы Анатолий Борисович Чубайс⁶ звонит и говорит, что надо решить проблему. А как я решу? Я новый человек, не местный! Возникла идея собрать всех руководителей на мой день рождения. Я пригласил губернатора, остальных, все собрались и поздравлениями, так сказать, открыли мне кредит доверия, приняли. В итоге

⁵ См. в этой книге очерк о М.В. Кузичеве.

⁶ Чубайс Анатолий Борисович (1955 г.р.) – политический деятель, экономист. Один из организаторов экономических реформ 1990-х гг., реформы электроэнергетики 2000-х гг. С 2011 г. председатель правления АО «Роснано».

всё благополучно решили. Я возглавлял и “Томскэнерго”, и “Томские коммунальные системы”. Было тяжело, я все просил на коммунальные системы исполнителем директором кого-то назначить. В конце концов нашли, назначили...»

В 2005 г. Сергей Иванович стал генеральным директором новой «Территориальной генерирующей компании № 11», объединяющей энергетическое производство Томска, Омска и Новосибирска. Сергей Иванович говорит: «Начали строить и модернизировать мощности».

* * *

Сергей Иванович улыбается: «Я счастлив, когда счастливы мои дети. У меня уже три внука. Одного зовут Сергеем – как меня. Второй родился через шесть минут после Дня энергетика! Помню, жена звонит, говорит: “Хватит праздновать, иди домой, будем переживать”... С третьим внуком у нас день рождения в один день. Дай Бог, чтобы всё хорошо было у нас в стране...

Я охотник, рыбак заядлый. На месте моей родной деревни Абрамовки теперь охотхозяйство, я его поддерживаю. Там есть глухарь, лось, косуля, пытаемся разводить кабана. Меньше берем, больше вкладываем. Стараемся чистить пруды, которые заросли, запускаем рыбу. А в селе, где родилась жена, я помог обустроить водопровод, помогаю школе.

От домика, в котором я жил когда-то, осталась только ямочка заросшая. Там стульчик и столик стоят. Я в детстве там с сестрами елку посадил, так что ей лет почти столько же, сколько мне. Я ее иногда навещаю».

КРУЧИНИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**Выпускник 2003 года,
факультет бизнеса (ФБ)**

Предприниматель. Представитель гос-компании «Интер РАО» в Республике Крым (2014–2016). Министр энергетики Московской области (2012–2014). Министр транспорта и связи Мурманской области (2009–2010). Заместитель председателя правительства Иркутской области (2009). Министр жилищной политики, энергетики, транспорта и связи Иркутской области (2008–2009 гг.). Директор ООО «Красноярское электросбытовое предприятие» (2005–2008).

«А зачем это – чувствовать себя взрослым?»

В белой футболке, на которой нарисована довольная круглая физиономия Шрека, Михаил Александрович входит в кабинет директора Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ, вокруг сразу становится весело. «Визит у меня сегодня, – говорит он, – совсем неофициальный». Он замечает на стене большую фотографию, которую альпинист Глеб Соколов сделал на Эвересте: лунка во льду, а в ней в глубине белой дымкой не то лик, не то ангел. «Похоже на Святого Франциска Эль Греко», – говорит Михаил Александрович. Что ему этот таинственный старинный гений, не любивший солнечного света?.. Святой Франциск говорил: «Там, где ненависть, дай мне приносить любовь, там, где обида, – приносить прощение, там, где раздоры, – приносить примирение...» Михаил Александрович спрашивает: «Помните еще, на капоте Rolls-Royce фигурка “Дух экстаза”? Так вот она и есть».

Ничто не появляется случайно в глазах смотрящего. Между Святым Франциском и «Духом экстаза» – летящей девушкой –

у Михаила Александровича полшага. Он похож на романтического пирата.

* * *

Михаил Александрович с семьей живет в Москве. Говорит: «К сожалению, в Москве», потому что детям нужно дать такое образование, чтобы перед ними лежал весь мир, в Новосибирске это сделать сложнее. «А сибирскому мужику лучше в Сибири», – говорит он и рассказывает, как в детстве жил в частном доме на улице Лермонтова недалеко от масложиркомбината, были собака в будке и кошка на диване, были «тополя – три штуки, и через дорогу тоже тополя». Когда ему было восемь лет, семья переехала в квартиру. Рассказывая о том времени, Михаил Александрович с ностальгией говорит об «уровне свободы», которая была у детей: «Мы ходили туда, куда физически могли пойти. Ареал наших детских игр был в радиусе 10 км вокруг дома! Мы уезжали на великах на площадь Калинина, в Мочище! Еще лазили по чердакам, яйца голубиные собирали. Кто знает, зачем?.. Тогда казалось, что Москва находится не на этой планете».

Был пионером: «Выбрали главным пионером школы, главным пионером района. Одним словом, приняли в пионеры, но не исключили. Так что я до сих пор пионер». Читал романы Агаты Кристи, любил «Королеву Марго» А. Дюма и «Робинзона Крузо» Д. Дефо.

* * *

Отец Михаила Александровича работал на заводе «Электросигнал» главным технологом, коммерческим директором, генеральным директором. Закономерно, когда в 1996 г. Михаил Александрович окончил школу, он выбрал факультет автоматизированного машиностроения. Потом, как он рассказывает, «жизнь внесла свои коррективы. Перспектив инженерной специальности тогда никто не понимал, кругом была повсеместная вынужденная торговля. Ко второму курсу у нас с друзьями была своя компания – мы торговали обувью. Сейчас этот бизнес вырос в известную компанию «Вестфалика», но я в нем давно уже не участвую. А в 2000 г. у нас было 26 или 27 магазинов по всей России. Я перевелся с потерей

двух курсов на факультет бизнеса. Время такое было – все зарабатывали деньги, всё фонтанировало, и бандитские времена на тот момент ушли в прошлое. К моменту окончания университета мы продали бизнес, появилось свободное время, и нас с другом пригласили поработать в администрацию Красноярского края».

В это время активно шли реформы в энергетике. Под руководством и при участии Михаила Александровича были созданы крупнейшая в крае электросетевая компания, потом – «с абсолютного нуля» – краевая энергосбытовая компания: «Все компании бизнес-отличники, все живы по сей день». Потом пригласили министром в Иркутскую область, а через восемь месяцев назначили заместителем губернатора. Михаилу Александровичу было тогда 29 лет. Он вспоминает: «К сожалению, это недолго продлилось. 10 мая 2009 г. разбился на вертолете иркутский губернатор Игорь Есиповский. Меня тогда спросили, буду ли я оставаться в иркутской администрации. Я ответил, что нет, не буду. Не хотелось предавать память товарищей, а в подобных структурах нередко перечеркиваются дела и репутация предшественников... И через месяц я был назначен министром транспорта в Мурманскую область».

В Мурманске Михаил Александрович проработал два года и был приглашен заместителем руководителя в МОЭСК (Московскую объединенную электросетевую компанию), которая ведет всеми электросетями Москвы и Московской области. Михаил Александрович говорит: «Это колоссальная компания. У меня только в прямом подчинении было около 4000 человек». А потом, как выражается Михаил Александрович, его «призвал Сергей Кужугетович Шойгу на позицию министра энергетики Московской области. К сожалению, долго проработать с ним у меня не получилось. Но впечатления от общения с ним остались очень хорошие: фантастический, светлой энергии человек, нереального уровня компетенции, производственник. Он предложил мне идти с ним в Министерство обороны, я не пошел – слишком уж далеко это от энергетики».

В 2014 г. Михаил Александрович был направлен в Крым для урегулирования проблем энергоснабжения Крымского полуострова, провел там два года – вплоть до строительства энергомошта. На вопрос о трудностях он отвечает: «Не для протокола».

С конца 2016 г. Михаил Александрович занимается своими бизнес-проектами, в основном в области недвижимости. Он говорит: «У меня маленькие ребятишки, трое, надо им уделить время. Так что сейчас, вдали от больших дел, я живу в семейной гармонии. Сейчас жену с дочерьми отправил на море, а мы с сыном, 8 лет ему, вдвоем на днях едем на Алтай, потом на рыбалку на север Красноярского края – в Бахту, на Подкаменную Тунгуску, вдвоем в тайгу с палаткой на лодке с мотором». За окном начало июля, до Алтая несколько сотен километров, в воздухе дождливого дня пахнет тайгой.

* * *

В детстве Михаил Александрович мечтал стать водителем автобуса «Икарус» – большого, желтого, красивого, с «гармошкой» посередине – и ездить по маршруту № 43 от Центрального рынка до ул. Сибиряков-Гвардейцев.

Сейчас он путешествует на мотоцикле, редко один, чаще с друзьями – небольшим мото клубом. У него BMW GS Adventure 2014 г. выпуска, на баке – красная звезда, по бокам – пулеметы от истребителя ЯК-9. Михаил Александрович рассказывает: «Я сделал этот мотоцикл и решил, что на нем “дойду до Берлина”. Когда ехал в Германию на фестиваль BMW Motorrad Days, меня на этом мотоцикле не пустили через немецкую границу. Я проехал 7 км, зашел со стороны Австрии и оттуда уже попал в Германию». Он проехал много континентов и стран. Средняя Азия: Узбекистан, окрестности Каспия, Казахстан, Приаралье, Киргизия – проехали 15 000 км за 10 дней. Много раз прошел традиционные мотомаршруты России: полуостров Рыбачий и Териберка, Монголия, Владивосток... Трижды проехал норматив «Железной жопы»¹, один раз – на зачет. Однажды за 26 часов проехал 2529 км из Москвы в Швейцарию, при том что 2 часа простоял тогда из-за тумана под Мюнхеном.

Самыми интересными были путешествия по Новой Зеландии и Северной Норвегии. В Новой Зеландии два острова – как весь мир: тут и ледники, и скалистые горы, и тропические леса, и родники у подножия перевалов. «Там рядом, – говорит Михаил Александрович, – и снег лежит, и попугаи кричат».

¹ «Железная жопа» (Iron Butt) – звание, которое присваивается байкеру, проехавшему 1000 миль (1610 км) менее чем за 24 часа.

А в Северной Норвегии мотосезон короткий – снег сходит поздно и ложится рано, зато красота невероятная. Там вдоль трасс часто установлены знаки «Осторожно, олени!» и «Осторожно, лоси!» именно около миграционных троп каждого вида животных; там на Лофотенских островах столь бесхитрый быт, что человек среди природы не виден: «антропогенный фактор сведен к нулю».

Об идеальном отдыхе Михаил Александрович говорит так: «На легком эндуро² на Алтай добраться до ледников. Да и вообще любая смена деятельности, когда обычный окружающий мир сменяется на все эти палатки, галюны, камбузы...»

Его влечет море. Когда работал в Иркутске – ходил с друзьями по Байкалу.

Однажды на 55-футовой (16,8 м) яхте в составе спортивного экипажа пересек Атлантический океан. «Это была международная ежегодная трансатлантическая регата ARC (Atlantic Rally for Cruisers). Мы плыли 15 дней с Канарских островов на Карибские острова. Экипаж 7 человек. Мы заняли первое место, на сутки опередили тех, кто пришли вторыми». В Атлантическом океане чем севернее маршрут, тем он короче, но чем короче, тем опаснее. 15 дней экипаж сопровождал шторм: «Всё время в лодке вода, глубина под тобой 5000...7000 м, и ты прямо видишь колебания лодки во всех плоскостях. Первые три дня ничего не ешь и пьешь "Драмину"³...»

Местом для идеального дома Михаил Александрович называет то, чего нет – землю, где «долгий мотосезон и океан, шумный, северный, с плотным ветром». Эдакий Неверленд из сказки о Питере Пэне.

* * *

Михаил Александрович размышляет: «Мы увидели разные эпохи и саму их смену. Мы многое видели, и это нас не убило – это большая удача. Говорят, что "сложно жить в эпоху перемен", но пережив ее, обрастаешь опытом. Я твердо знаю, что я бы никогда не хотел идти ни на какую войну.

² Эндуро – здесь тип мотоцикла, предназначенный для езды по бездорожью.

³ Драмина – медицинский препарат для лечения морской болезни.

Из таких важных вещей... периодически у меня бывает так называемый "испанский стыд" – стыд за чужие деяния, которых ты точно не делал, но тебе почему-то за них стыдно».

* * *

Во время всего разговора он крутит в руках часы, то и дело роняет их под стол, поднимает и в завершение разговора, опустив глаза, вдруг говорит: «Собаку хочу. Очень хочу собаку. В детстве были какие-то дворовые собаки, кошки, а моей собаки у меня никогда не было. Только с моими разъездами... Завести друга, чтобы потом его регулярно предавать? – Паскудство какое-то... Охотничью собаку хочу. Такая, знаете, ходолая охота, пришвинская – на птичек: куропадок, перепелов... Читал в детстве "Белого Бима Черное ухо" Гавриила Троепольского, плакал».

КУДРЯВЦЕВ МАКСИМ ГЕОРГИЕВИЧ

**Выпускник 1998 года,
факультет радиотехники,
электроники и физики (РЭФ)**

Депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII созыва (с 2016 года), заместитель председателя Комитета Государственной думы по информационной политике, информационным технологиям и связи (с 2020 года), член фракции «Единой России». Региональный координатор (по НСО) партийного проекта «Городская среда». Вице-президент ОАО «Ростелеком». Работал инженером, заместителем директора и директором Горно-Алтайского филиала ОАО «Сибирьтелеком». Возглавлял омский филиал ОАО «Сибирьтелеком» и ОАО «Ростелеком».

«Не изменять своим принципам»

Максим Георгиевич рассказывает о себе так: «Мои родители педагоги: мама – учитель химии, папа – учитель истории. Они работали в Бийском техникуме механизации и хозяйства, где в свое время учился Василий Макарович Шукшин. До десяти лет я прожил в сельской местности, в деревне, в доброжелательной атмосфере советской эпохи. Я помню прекрасную речку, к которой я ездил на велосипеде, помню огород – двадцать-тридцать соток картошки. С шести-семи лет у меня уже были обязанности по дому, за которые я нес ответственность. Зимой по выходным мы с отцом брали трехлитровый термос чая, лыжи и шли кататься. Потом отца повысили – он возглавил Горно-Алтайский совхоз-техникум, и мы переехали в Горно-Алтайск.

У отца была служебная «Нива», в ней была рация, а в багажнике всегда стояли болотные сапоги. Отец уезжал на рабо-

ту очень рано, а возвращался очень поздно. Он для меня всегда был непререкаемым авторитетом, учил не изменять моральным принципам, идти до конца. Он говорил, что в жизни, если хочешь чего-то достичь, надо прикладывать усилия.

В Горно-Алтайске я начал заниматься спортом – с четвертого класса увлекся самбо. В школе всегда учился хорошо, но в детстве мечтал стать спортсменом и планировал поступить в Алма-Атинский институт физической культуры, там была очень хорошая школа борьбы.

В старших классах я понял, что мне ближе физика и математика. К тому же мой старший брат учился в НЭТИ на факультете энергетике, а я заинтересовался радиотехникой. В Горно-Алтайске при филиале завода "Электросигнал", который собирал мониторы, были учебно-производственные классы, и я там, еще школьником, проходил практику, читал институтские учебники брата. Так что в десятом классе я уже точно знал, кем хочу быть. Я окончил школу с медалью и поступил в три вуза, но предпочтение отдал НЭТИ. И сейчас, идя по студенческому городку или мимо четвертого корпуса, я испытываю очень теплые чувства. Говорят, что лучшие годы – студенчество. С этим сложно не согласиться. Время тогда было непростое, но счастливое – середина 1990-х гг. На втором курсе я, помню, подрабатывал по-разному: и вагоны разгружал, и в коммерческих разработках кафедры участвовал. С третьего курса начал работать по специальности, держал в руках и паяльник, и напильник...»

Бывают люди, биографии которых похожи на десятки книг о чем-то крепком, добром, устойчивом. Такие истории, что начинаются как по писаному, будто бы аккумулируют в себе тысячи простых человеческих судеб. И кто знает, почему судьба несет некоторых из них поверх волн: благодаря ли их незаблестимости, благодаря ли их целеустремленности...

* * *

После окончания бакалавриата Максим Георгиевич сделал выбор в пользу науки – поступил в магистратуру. А после ее окончания, как он говорит, «принял решение уехать на родину». Четыре года Максим Георгиевич проработал инженером-измерителем в Горно-Алтайском филиале «Сибирьтелеком». Он рассказывает: «Огромные расстояния – от Горно-

Алтайска до Монголии. Ездил, мерял, настраивал аппаратуру... Плановые измерения, ремонт, пуск-наладка новой аппаратуры...» Потом, поняв, что знаний в области экономики недостаточно, Максим Георгиевич окончил еще один институт – новосибирский нархоз¹ – по специальности «Финансы и кредит» и стал в «Сибирьтелекоме» заместителем директора по коммерческим вопросам. Максим Георгиевич рассказывает: «Помню времена, когда рынок не был конкурентным. Были очереди за телефонами... Сегодня в каждом крупном городе – по тридцать-сорок операторов...»

За десять лет работы в компании Максим Георгиевич дорос до должности директора Горно-Алтайского филиала, потом стал управлять Омским филиалом, а в 2011 г. возглавил «Ростелеком» в Сибирском федеральном округе. Он вспоминает: «Хозяйство от Омска до Читы, двенадцать субъектов Федерации, четыре часовых пояса. Несколько лет подряд у меня не было отпуска, иногда приходилось буквально жить на работе. Но было интересно, был задор сделать лучше, усовершенствовать, создать новое. В 2012 г. мы на выборах налаживали онлайн-трансляцию с 14 000 избирательных участков по всей Сибири. Сроки были ограниченными, никто в мире такого не делал, было непонятно, как хранить такой объем данных... У меня 4000 сотрудников занимались только этой задачей. Потом был проект "Интернет в школы" и другие важные для общества проекты... Инженерное образование формирует системное мышление, без него сложно реализовать такие проекты. Я горжусь тем, что я инженер. Сегодня в России качество услуг связи ничуть не уступает мировому, порядка 30...40 % сетей строится на отечественном оборудовании – это кабели, системы передачи данных, узлы коммутации, системы доступа. Например, в Новосибирске есть завод ELTEX, который производит уникальное телекоммуникационное оборудование...»

* * *

После избрания в Законодательное собрание Новосибирской области в 2016 г. Максим Георгиевич получил предложение баллотироваться в Государственную думу и стал депута-

¹ Обиходное название Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ).

том, вошел в состав Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связям, является заместителем председателя Комитета Государственной думы.

* * *

Максим Георгиевич рассказывает: «Самый счастливый день, наверное, тот, когда я решил жениться. С будущей супругой мы дружили три месяца. Я как-то пришел к ней и сказал: "Бери паспорт и поехали, внизу стоит машина. У меня к тебе есть важное и ответственное дело". Мы приехали в ЗАГС, подали заявление и через месяц поженились. Рождение ребенка – тоже счастье. Счастье, когда ребенок достигает успеха. Дочь у меня отличница.

Я люблю проводить время с семьей. К сожалению, вижу ее реже, чем хотелось бы. Работаю в Москве, а семья по-прежнему в Новосибирске.

Каждое утро я бегаю по 5 км: в Москве возле Мосфильмовского пруда, в Новосибирске – в Центральном парке или на даче.

Люблю Горный Алтай: рафтинг, горные лыжи, верховую езду. Увлекался охотой, но сейчас на нее не хватает времени. Человеку, который вырос в горах, интересно посмотреть и на другие горы. Я особенно запомнил Непал: храмы XII века, вид на самые высокие горы планеты – Эверест, Аннапурна...

Когда я еду к родителям в Горно-Алтайск, я часто заезжаю в деревню, в которой родился, смотрю, как она меняется: здесь мы гуляли, здесь была высокая горка, теперь она кажется маленькой...

Я люблю читать книги о России, люблю фантастику, недавно перечитывал Тома Клэнси, перечитывал "Архипелаг ГУЛАГ" А. Солженицына. Приходится много читать по работе...

Я мечтаю осуществить большой, масштабный, федеральный проект – большое, полезное людям дело. Может быть, в области IT, или искусственного интеллекта, или обработки больших данных, или робототехники...»

КУЗИЧЕВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

**Выпускник 1978 года,
электроэнергетический
факультет (ЭЭФ)**

Заместитель губернатора и заместитель председателя правительства Красноярского края (2009–2016). Генеральный директор ОАО «Оптовая генерирующая компания № 2» (ОТК-2) с 2005 по 2009 год. Генеральный директор ОАО «Красноярскэнерго» (1998–2005). Награжден орденом Почета.

«На слонов охотиться я отказался»

К автобиографическим рассказам Михаил Васильевич относится скептически: «Мы свою жизнь прожили, а у детей и внуков – своя жизнь. Кто всё это будет читать? Да и зачем? Я родился в деревне, он родился в деревне, я кем-то стал, он кем-то стал. Кому всё это надо?.. Так получилось, что я был близок с Александром Ивановичем Лебедем¹. Он мне как-то сказал: “Я две книжки написал – больше не буду”. А я ему ответил, что я ни одной не написал, и тоже не буду».

* * *

Михаил Васильевич родился в Новосибирской области, в глухой деревне Федосово Коченевского района. Сегодня там живет около ста пятидесяти человек, нет ни школы, ни боль-

¹ Александр Иванович Лебедь (1950–2002) – государственный деятель, военачальник, участник путча 19 августа 1991 г., секретарь Совета безопасности РФ (1996), член Совета Федерации (1998–2001), губернатор Красноярского края (1998–2002). Погиб при катастрофе вертолета 28 апреля 2002 г.

ницы, один фельдшерский пункт и один магазин. А до революции в федосовской церкви числилось семь тысяч прихожан... Михаил Васильевич говорит: «Я искал в архивах документы, говорил со священниками. Я на месте старой церкви построил часовню».

О детстве он вспоминает так: «Во втором классе я пошел работать в совхоз копновозом, на лошади. Вставал в четыре утра, до десяти вечера работал. Потом работал на конных граблях, на тракторной сенокосилке... В сентябре мы не учились в школе – копали совхозную картошку. А кроме совхозной – еще своей тридцать соток... Я поэтому и говорю всегда, что крестьянские дети больше приспособлены к жизни. Все бывшие руководители – Горбачев, Черномырдин, Ельцин – деревенские!»

Окончив восемь классов, Михаил Васильевич поехал в Новосибирск, поступил в Сибирский политехникум² по специальности «Монтаж электрооборудования промышленных предприятий». После его окончания распределился в Челябинск-45³, но вместо этого попал в армию. Служил в Чехословакии. «Меня призвали в 1970 г., а в 1968 г. СССР ввел в Чехословакию войска⁴. Мы там служили за колючей проволокой, не было увольнений, отпусков, переводов, были запрещены посылки. И кормили там безобразно. Я понял, что ума там не наберусь, и решил набираться силы – занялся гиревым спортом, у меня было второе место в полку. Вернулся сержантом, устроился работать на ТЭЦ-3 и поступил в НЭТИ на вечернее отделение».

² Так с 1953 по 1992 г. неофициально назывался Сибирский политехнический техникум Минсредмаша СССР (ныне Сибирский политехнический колледж НИЯУ МИФИ).

³ Закрытый город Озёрск в Челябинской области. В нем находится предприятие атомной промышленности ФГУП «Производственное объединение "Маяк"».

⁴ Эти события 5 января – 21 августа 1968 г. вошли в мировую историю под названием «Пражская весна». Ключевой идеей «Пражской весны» было построение «социализма с человеческим лицом»: введение свободы слова, свободы перемещение, ослабление цензуры. Реформы не были одобрены СССР, после чего СССР ввел в Чехословакию войска для подавления манифестаций.

* * *

За двадцать лет на ТЭЦ-3 Михаил Васильевич прошел путь от монтера до заместителя директора станции и в 1993 г. был назначен директором «Энергонадзора», а в 1998 г. – генеральным директором «Красноярскэнерго». Михаил Васильевич вспоминает: «Тогда же губернатором Красноярского края стал А.И. Лебедь, а в Новосибирской области губернатором был В.П. Муха. Друзья тогда шутили: “Ты поднялся от Мухи до Лебеда!”»...

28 апреля 2002 г. А.И. Лебедь с сотрудниками своей администрации и журналистами отправился на вертолете на открытие новой горнолыжной трассы и реабилитационного центра в Саянах. Ми-8 разбился при посадке, зацепившись за линию электропередач. На борту был 21 человек, из них выжило 13, в том числе и Михаил Васильевич, судьба уберегла его тогда и от серьезных травм.

* * *

Спустя несколько лет Михаилу Васильевичу подарили пятьдесят летних часов на вертолете. Он закончил курсы, получил удостоверение пилота-любителя. Он рассказывает: «Я хотел об этом не говорить, но... когда мы падали в том вертолете, я сидел напротив Лебеда, нас разделял стол... Потом было очень тяжело, если нужно было куда-то лететь. Поэтому тут пришлось, так сказать, наступать себе на горло. Но нормально, нормально... А вот когда в первый раз один полетел – это да! Это мандраж. И взлететь-то проблем нет, а вот приземляться поначалу было страшно. А я еще такой мнительно-волнительный, да еще и трус приличный... Сейчас на даче у меня стоит четырехместный Robinson, я на нем летаю. Запросил у диспетчеров разрешение и полетел. Вчера что-то не получилось полетать: собрался с утра на рыбалку, а жена сказала, что надо ехать в город... А вертолет... 60 литров топлива – час полета, час полета – 200 км, вертолет позволяет улететь километров на 700». Михаил Васильевич говорит о том, что Красноярский край совсем не похож на Новосибирскую область, и Обь не похожа по характеру на Енисей. Описывает красоту сурового горного и таежного ландшафта, рассказывает о северной рыбалке: «У меня сын съездил в Норвегию,

вернулся, спрашивает меня: “Чего ты там комаров кормишь? В Норвегии все цивилизовано”. А мне эта цивилизация даром не нужна. Я хочу туда, где комары, где нет людей, где смотришь и думаешь, как бы в медвежье дерьмо не наступить...»

Михаил Васильевич рассказывает, что дважды был на охоте в Африке – в Танзании: «На слонов я охотиться отказался. Но на леопардов, буйволов охотился. Это тяжелая и очень опасная охота. Представьте огромное стадо буйволов в тростниковом болоте. Ты к ним подкрадываешься с одной стороны, а лев, может, с другой. И если лев ломанется на них раньше, это стадо тебя просто стопчет. А бегемот! Бегемот – это самый страшный зверь. Он напал на нас! Кое-как от него отбились». И продолжает про охоту: «А на медведя я летал на Камчатку. Дважды добывал и решил, что на медведя я охотиться больше не буду, если только он не нападет на меня. Однажды мои друзья добыли медведицу на берлоге, я подъехал, когда ее уже разделали. Смотрю: лежит без шкуры, человек человеком! Такие же пальцы, такая же грудь!..»

* * *

В 2006 г. Михаилу Васильевичу подарили мотоцикл BMW K 1200 LT. Он вспоминает: «И вот мы выехали группой и прошли Амстердам, Бельгию, Голландию, Францию, Испанию, Майорку, Барселону – 3500 км. А у меня до этого из мотоциклов, кроме советского “Восхода” в юности, ничего не было! А тут разгонялся по автобану до 170 км/ч. Всё время думал: доеду ли живой. Каждое утро садился как в последний путь. Потом привык, много еще ездил. Сейчас у меня в Таиланде есть трехколесный мопед: два колесика впереди, одно сзади».

* * *

О карьере Михаил Васильевич рассказывает так: «В 2005 г., когда началась реформа РАО ЕЭС, меня перебросили в Москву создавать ОГК-2, в которую входило пять электростанций, мощные ГРЭС. В 2007 г. мы объехали почти весь мир, продавая акции ОГК-2, чтобы привлечь инвестиции. В 2008 г. нашу компанию купил “Газпром”, а меня губернатор Красноярского края Александр Геннадиевич Хлопонин пригласил к себе заместителем губернатора и заместителем председателя прави-

тельства. Там я курировал промышленность и гражданскую оборону, поэтому много общался с Сергеем Кужугетовичем Шойгу. Все эти паводки, пожары, катаклизмы... Четыре закрытых города, Норильский промышленный узел... Территория Красноярского края – 14 % территории страны, второй по величине регион после Якутии».

Он говорит, что в любой работе главное команда и что, работая в Новосибирске на ТЭЦ-3, он знал всех слесарей, что в «Энергосбыте» долго и трудно формировал свою команду, что в Красноярске пришлось и команду создавать, и самому частью команды становиться. Михаил Васильевич иронично вспоминает: «В Красноярске меня приняли как чужака. К тому же тогда было модно иметь всякие звания и научные степени. Мой предшественник был доктором технических наук, его заместитель был доктором технических наук. Я пришел – и мне тут же тоже предложили стать доктором технических наук. Пришлось послать их подальше – покупного мне не надо. Но команда там была очень грамотная!» Михаил Васильевич говорит, что хорош тот руководитель, который приближает к себе людей, разбирающихся в вопросе лучше его, и что хорош тот работник, который приходит не с вопросом, а с предложением.

* * *

В заключение Михаил Васильевич говорит: «Никакой мечты у меня нет. Разве что здоровье сохранить как можно дольше, чтобы жить, радоваться. Стараюсь никуда не лезть, не смотреть телевизор, жить интересами семьи, помогать родным и близким. Прожив много лет, я понял одну мудрость: если вам не звонят друзья и родственники, значит, у них всё хорошо... Марк Твен, кажется, писал: "Не упускайте случая делать добро, если это не грозит вам большим ущербом". Уже несколько лет каждый четверг моя жена отправляет какие-то деньги в фонды, собирающие средства на лечение детей... Мы познакомились с ней случайно – в поезде, по путевке выходного дня в Шерегеш. С тех пор сорок лет вместе. Двое детей, четверо внуков».

Он показывает фотографии: часовню в родной деревне, себя в Мюнхене на Октоберфесте, пойманного тайменя, маленькую внучку у мотоцикла, песика в розовом жилете на белом снегу.

КУЗНЕЦОВ ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ

**Выпускник 1978 года,
физико-технический факультет
(ФТФ)**

Основатель и генеральный директор ООО «Наукоград». В последние годы развивает проект строительства гостинично-оздоровительного и рекреационного комплекса на 250 га земли в г. Геленджике Краснодарского края.

«Удовольствие решать задачи»

«Сегодня, например, я спал два с половиной часа», – рассказывает Виктор Викторович. Он не спит подолгу, всегда в движении. Кажется, будто он только что сошел с белоснежной спортивной яхты в южном порту.

* * *

«Мои «подвиги», – говорит Виктор Викторович, – начались с рождения: мама весила 47 кг, а я, когда родился, весил 5 кг 400 гр. Мама рожала меня трое суток. У меня врожденный порок сердца. Когда в 14 лет всем выдавали приписные свидетельства, оказалось, что я невоеннообязанный. Врачи сказали, что нужно или срочно делать операцию в НМИЦ им. академика Е.Н. Мешалкина, или я не переживу период полового созревания – сердце не справится». Это были 1960-е гг., в то время благополучный исход подобных операций был менее 50%. Виктор Викторович занялся спортом, это его и спасло.

Он рассказывает: «Сердце у меня в полтора раза больше обычного, бьется 38 ударов в минуту. Спорт для меня стал не просто необходимостью, – как говорят, “он бегал-бегал от ин-

фаркта, инфаркт его догнал”, – а образом жизни и большим удовольствием».

О детстве Виктор Викторович вспоминает: «Сплошные простуды и воспаления легких, из-за болезни я пропускал школу по два-три месяца в год. Много занимался дома сам, один, с книжкой, писать было лень, всё делал в уме. До пятого класса почти все задания списывал у одноклассников, потому что мне лень было думать. А с пятого класса полюбил математику – оказалось, что проще самому сделать, чем списывать и подглядывать. А так рос уличным мальчишкой, вокруг ребята из барачков, я научился драться».

Неожиданно для всех в девятом классе он стал призером городской, а потом и областной олимпиады по математике, хотя в школе за четверть была тройка. Виктор Викторович говорит: «Ничего не учил, но любил решать задачи». А физику он считал вообще самым простым предметом, потому что «если всё представить, почувствовать, то законы классической физики можно вывести самому». Рекомендацию для поступления в вуз с физико-математическим уклоном Виктору Викторовичу дал сам академик М.А. Лаврентьев¹.

На физико-технический факультет в НЭТИ Виктор Викторович поступил потому, что жил рядом. И когда с друзьями пошел по пути на пляж подавать документы в институт, в приемной комиссии очередь на этот факультет оказалась самой короткой. «Мне было всё равно, – вспоминает Виктор Викторович. – Я сначала подумал: пойду на электроэнергетический – ЛЭП в тайге строить, романтика. Подошел, а там народищу стоит! Мне пацаны говорят: “Долго, солнце садится...”, и я подошел на ФТФ, спрашиваю: “А от вас можно потом куда-нибудь перевестись?” Мне отвечают: “От нас хоть куда переведетесь”. Ну я и подал на ФТФ, хотя проходной балл там был существенно выше, чем на энергетическом».

Студенческой жизни за книжками он не помнит: «Улица меня не отпускала. Были прогулки, выпивка, девочки... Ничего никогда не учил, учить было лень, всё оставлял

¹ Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980) – математик, механик, основатель Сибирского отделения АН СССР и новосибирского Академгородка.

на последнюю ночь, но природная сообразительность и любовь к решению задачек позволяли мне при этом успешно учиться».

* * *

После университета Виктор Викторович распределился на НПО «Восток» – одно из самых высокотехнологических предприятий электронной промышленности СССР – и «в работу влюбился». Он вернулся к институтским учебникам, но теперь уже увлеченно читал книги по своей специальности. Уже был женат, уже была дочь, но вечерами после работы он оставался в лаборатории и изучал литературу. «Всегда меня удивляли и захватывали мир электронов и дырок, законы их взаимодействий, квантовые и туннельные эффекты в полупроводниках, азарт решать поставленные задачи и возникшие проблемы». В 1978 г. НПО «Восток» было единственным в стране предприятием, производившим большие интегральные схемы. Виктор Викторович освоил все этапы производственного процесса – более 200 операций.

Он быстро сделал карьеру. В 1987 г. получил звание «Лучший рационализатор Новосибирской области» по линии Министерства электронной промышленности.

* * *

«Я бы и сейчас с удовольствием занимался любимым делом, но тогда грянула перестройка, оборонная промышленность рухнула, у меня уже были две дочери – надо было как-то зарабатывать деньги. Какой смысл в умении решать задачки, если ты не можешь прокормить семью?»

Он принял решение уйти в бизнес, ничего о нем не зная, не слушая опасений близких и друзей. С восьмой попытки в 1989 г. ему удалось организовать свой кооператив, который занимался автобусными перевозками, брал в аренду автобусы государственного ПАТП, нанимал водителей, кондукторов и запускал их в те районы, где на остановках собирались толпы людей: в местах концентрации предприятий, в выходные дни – на барахолке.

«Через год после ухода с завода, – вспоминает Виктор Викторович, – мой заработок составил 6000 рублей. У нас директор завода получал тогда 600 рублей. Я купил квартиру, машины, организовал быт. Школа и НПО научили меня решать задачи, так что, наверное, в бизнесе я был обречен на успех. Я понимал, что как посредник долго не продержусь, тем более что мэрия тогда внезапно запретила заниматься коммерческими пассажирскими перевозками. Я с удовольствием принялся искать другие варианты».

Новую тему подсказала сама жизнь. В то время в стране был дефицит наличных денег, шахтеры подолгу не получали зарплату и бастовали. Виктор Викторович рассказывает: «Я поехал к ним и привез деньги, они мне стали грузить уголь по себестоимости, и по линии гортопов и райтопов² я стал самым крупным поставщиком угля в Новосибирской области. Большого ума это не требовало. Я тогда привозил сюда из Хакасии в день по тяжелому составу угля – 70 вагонов, 3500 тонн». Так в 1994 г. Виктор Викторович заработал первый 1 млн долларов. Тогда еще не было ни приватизации, ни множества олигархов... Свое новое предприятие он назвал «Восток» в знак ностальгии по работе на НПО «Восток». Виктор Викторович вспоминает: «Я позвал к себе работать своих бывших коллег. Они когда-то научили меня делать интегральные схемы, я теперь учил их бизнесу. Никакими из этих своих успехов я не горжусь сейчас и тогда не гордился. Во-первых, было много неудачных попыток и опасных эпизодов. Во-вторых, то, что получилось, получилось благодаря школе, которую я прошел, будучи инженером; мои успехи – это по большей части заслуги моих учителей... Это были, как сейчас говорят, дикие девяностые. На распространенные тогда “стрелки” и бандитские разборки я ездил самостоятельно, “крыши” никогда не было. Беспредел тогда творился полный, часто приходилось ходить по краю. Всё это делал как бы не я, а тот человек во мне, который научился чувствовать себя в море проблем как рыба в воде. Как азартный игрок, который

² Гортоп, райтоп – предприятия, ответственные за отопление в городах и районах. Жаргонное сокращение, образованное от выражения «топливный отдел городского (районного) исполкома». Исполком – сокращенное название исполнительного органа власти в советское время.

уверен, что всегда найдет выход из положения, я с удовольствием работал, искал, пробовал, ошибался, снова искал».

Потом он рассказывает, как хотел «взять коммерческую землю в Академгородке», но оказалось, что удобнее это сделать в Кольцово, как приехал к мэру Кольцово в кожаной куртке, в кожаных брюках и в кожаной кепке, «цепи, на каждом пальце по перстню», как тот рассказал о том, что в Кольцово надо достроить больницу и что-то еще, как мэр назвал большую сумму, как Виктор Викторович сразу согласился, как мэр потом вспоминал, что «это было, как в кино», как они поружились, как вместе ходили в горы, занимались спортом...

Подводя итог этого этапа жизни, Виктор Викторович говорит: «Всё было хорошо. Я сыграл в игру юности и выиграл. Я всего добился и пресытился».

* * *

Весной 1995 г. Виктор Викторович был с женой и младшей дочерью в Израиле. Там у Стены Плача он понял вдруг, что никаких больше желаний у него нет, и написал записку: «Желаю желать...»

25 ноября 1995 г. на пустынной трассе в машину Виктора Викторовича на скорости 120 км/ч въехал встречный автомобиль, у которого по трагической случайности выскочила шаровая опора. В том автомобиле погибли все, у Виктора Викторовича погибла маленькая дочь. «И тогда я понял: ты ничего не можешь в этом мире. Всё понты, гордыня... Это иллюзия, что ты можешь защитить самое дорогое. Ты не можешь ничего предвидеть, не сможешь ничего предотвратить. Какой смысл решать задачи по выживанию, если не нашел ответа на главный вопрос: "Зачем ты живешь?"»... На три года он словно выпал из жизни.

В 1998 г. большая часть капитала Виктора Викторовича была вложена в государственные краткосрочные облигации (ГКО). Когда 17 августа 1998 г. был объявлен дефолт по государственным долговым обязательствам, Виктор Викторович потерял свои деньги. Он вспоминает, что сказал тогда друзьям: «Друзья мои, поздравьте меня, я банкрот!.. Я тогда ожил. Деньги мне были уже мало интересны. Я уже знал, что счастье и деньги никак не связаны».

* * *

Виктор Викторович начал записывать свои философские размышления: «Я пытался ответить на вопрос “Кто я?”, потому что без этого ответа всё остальное не имеет смысла. И я нашел ответ. С тех времен я на себе не то что цепи и гайки – даже часов не ношу, и одежда чем мягче и легче, тем удобнее. После 1995 г. мне никакое самоутверждение не нужно». Виктор Викторович цитирует В.С. Высоцкого: «Я себе уже всё доказал...»

По просьбе друзей он собрал свои размышления в небольшую книгу: «В горы ходили, а там, на перевалах, что делать? Беседовать. Вот мысли свои из этих бесед и записал. Прошли всю Среднюю Азию (Киргизию, Узбекистан, Таджикистан), Индию, Кавказ...»

Виктор Викторович кратко описывает методологию поиска собственного Я. Он утверждает, что есть три основных пути: наука (психология, квантовая физика), собственные ощущения и мировой тысячелетний опыт великих ученых, писателей, поэтов и святых.

Он рассказывает о том, что в физике есть парадокс Эйнштейна–Подольского–Розена (ЭПР-парадокс): «Представим, что есть два фотона, и они разбежались на миллиард световых лет... И если у одного фотона спин меняется, то и у второго меняется тоже. Мгновенно. В 1920-х гг. А. Эйнштейн и Н. Бор спорили о передаче сигнала на расстоянии, о дальности действия. В рамках классической физики допустить связь между этими фотонами невозможно по причине того, что максимальной скоростью признается скорость света, но она не позволяет мгновенно передать сигнал на такое большое расстояние. Бор выиграл этот спор и сказал, что эти фотоны не взаимодействуют, что они одновременно находятся в состоянии бытия и небытия. Согласно его концепции, вакуум всё время рождает виртуальные частицы, существующие на протяжении кратчайшего времени, они одновременно и существуют, и не существуют. И вот, по мысли Бора, фотон исчезает и рождается с новым спином, и т. д. А связаны фотоны на огромном расстоянии через поле вакуума, которое никак не проявляется и, по сути, ничем не отличается от понятия духа в религиозных традициях...

В человеческом теле 50 триллионов клеток. То и дело каждая из них рождается и умирает, и каждая – вселенная! И все они живут по законам квантовой механики. Одновременно существуют и не существуют. Жизнь непрерывна возрождается и обновляется. Поток времени сам то и дело оживляет нас. Постоянен только поток, а форма всегда изменчива.

Кстати, Юнг с его “коллективным бессознательным” – это своеобразное открытие некоего подобия квантовой механики, но только в психологии. Люди похожи на архипелаг: над водой видно эго каждого, а под водой скрыто общее основание. Я не хочу упрощать сложные вещи, но христиане называют его благодатью, индуисты – нирваной, дзен-буддисты – сатори... Всё это – об ощущении своего фундаментального Я, которое было до рождения и будет после смерти. Бор как-то сказал, что для того чтобы дальше разобраться в квантовой физике, нам необходимы и Бог, и собственные ощущения... Мне становится интересно, когда я понимаю, что видение науки, видение духовной традиции и мои ощущения совпадают.

И спорт для меня, дающий гиперусталость, это тоже практика ощущения самого себя, он может открыть переживания, сходные с теми, что могут приходиться к человеку в монастыре или в горах... До 1998 г. мой интерес к миру основывался на гордыне. Я знал, что я могу решить любую задачку, а после я будто бы умер, а потом будто бы родился заново, и интерес к миру превратился в радость слушать и чувствовать источник самого себя. Я понял, что, чем больше отдаешь, тем больше в тебя входит. Это понятно и на примере спортивных нагрузок. Можно жить в “режиме аккумулятора” – взять побольше, отдать поменьше. А можно в “режиме солнца” – чем больше отдашь, тем больше в тебя войдет. Отдавать становится потребностью, необходимостью, похожей на дыхание. Отдавание дает неустанность и радость действия».

В своей книге Виктор Викторович размышляет: «Наука и мистицизм являются для меня дополняющими друг друга сторонами человеческого познания... Перефразируя древнее китайское изречение, можно сказать, что мистики понимают корни Дао, но не его ветви, а ученые понимают ветви Дао, но не его корни. Наука не нужна мистицизму, мистицизм не

нужен науке, но людям необходимо и то и другое... лучше всего для нас было бы объединение мистической интуиции и научной рассудочности, а не динамическое чередование».

В начале 2000-х он ездил в Валаамский монастырь, потом отправился на Кипр в монастырь в честь Святого Георгия Советника Христа. С тех пор каждый ноябрь Виктор Викторович проводит там в качестве послушника.

* * *

С 1998 г. он начал «отдавать и сеять».

В 1999 г. Виктор Викторович вместе с арабскими шейхами организовал в Кольцово один из лучших в России питомник элитных кречетов с самой большой в мире облеточной высотой 30 метров и диаметром 100 метров – местом, где птенцы учатся летать.

С 2000 г. Виктор Викторович участвует в организации научно-исследовательских и производственных работ по глубокой переработке углеводов: «Ребята обратились ко мне, я дал им денег. Они провели исследовательские работы. Сегодня строится масштабное производство. Совершенно сумасшедший проект! Небольшой черный ящик, на входе в него подаются низкокачественные дешевые углеводороды (солярка, печное топливо), на выходе – топливо, соответствующее экологическому стандарту “Евро 6”, соотношение объема на входе и на выходе один к одному».

* * *

«Я люблю родной город и родной климат, – говорит Виктор Викторович, – но зима здесь слишком длинная. Я решил построить второй дом на юге. Я искал лучшее место для дома. Я ездил несколько лет, объехал весь мир: Таиланд, Эмираты, Средиземноморье, Калифорния. Крым пешком прошел от Фороса до Феодосии, прошел пешком черноморское побережье Кавказа... Я взял 250 гектаров земли рядом с Геленджиком и решил построить там город-сад. Там будут филиал Валаамского монастыря, малоэтажная застройка, санаторно-курортная инфраструктура, спортивный манеж, ледовый дворец. Берег моря, лес, тишина...»

* * *

В заключение Виктор Викторович говорит о большом желании передать свои размышления и ощущения тем, кто приходит на смену. Печалится о том, что без вопроса, заданного самим человеком, ответы не имеют смысла. А в бешеном ритме нынешней жизни становится всё сложнее задавать глубокие вопросы. «Я думаю, в этом и заключается национальная идея – открыть людям радость действия. Нужны школы, где бы учили не информации, а осмыслению ощущений. Там, в своем городе, я открою такую школу. Я убежден, что это сократило бы путь к великим открытиям. Жизнь прекрасна, когда она не груз, а ликование, а ликования не может быть без опыта милосердия, сострадания, любви».

Каждое утро Виктор Викторович начинает с гимнастики. Говорит, что его любимое занятие – рубить дрова, что он умеет подтягиваться на одной руке и получил золотой значок ГТО. Рассказывает, что играет в бадминтон и хоккей. И подчеркивает, что источник самого себя открывается человеку в испытаниях и болезнях. Он говорит, что у него дома на кухне все стены завешаны плакатиками, на которых важные мысли: «Сказал слово – и жизнь закрутилась». Говорит о том, что его младшей дочери исполнилось 5 лет, а внук закончил университет.

Он улыбается и снова повторяет о непреходящем ощущении себя и Бога, о радости действия...

КУЛИПАНОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

**Выпускник 1963 года,
кафедра электронных приборов
приборостроительного
факультета (ПСФ)**

Академик РАН, доктор физико-математических наук, создатель научной школы по использованию синхротронного излучения. Советник председателя РАН. Директор Центра синхротронного и терагерцового излучения Института ядерной физики (ИЯФ) им. Г.И. Будкера СО РАН. Заместитель директора по науке ИЯФ им. Г.И. Будкера СО РАН с 1992 по 2020 год. Член Совета по науке и высоким технологиям при Президенте РФ с 2001 по 2004 год. Член научного консультативного Совета Сколково. Президент Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники 2006 года. Почетный доктор НГТУ (2010).

«Вот оно и будет, счастье... »

Геннадий Николаевич родился в одном из красивейших мест Казахстана – в поселке Боровое на берегу озера, образованного упавшим метеоритом. Сегодня там известный курорт Бурабай, который называют «казахстанской Швейцарией»: покрытые лесом горы с причудливыми скальными выступами будто обнимают маленькую бухту, вползают в озеро острыми мысами. Там пахнет тайгой, мокрыми камнями и лесными ягодами. Геннадий Николаевич вспоминает: «Я родился в 1942 г. Время было тяжелое. Помню, мне исполнилось четыре года, меня послали покупать хлеб по карточкам. Карточки я потерял, заплакал, и сердобольные женщины в очереди собрали мне и отдали свои хлебные довески. Я принес их домой, бабушка возмущалась, почему мне продавщица одних кусков

дала... Мне пришлось сознаться. Это пример того, как люди подружески относились друг к другу».

Потом семья переехала в город Кокчетав¹, там в шесть лет Геннадий Николаевич пошел в первый класс. Отдать его в школу на год раньше убедила учительница, жившая по соседству. Геннадий Николаевич рассказывает, смеется: «Гардероба не было, в классе была вешалка с крючками... Однажды осенью, когда солнце светило в класс, я пригрелся и заснул, а учительница прикрыла меня газеткой... В Кокчетаве я закончил первый класс, поэтому я с полным правом говорю сегодня, что у меня первоклассное казахское образование».

Во второй класс Геннадий Николаевич пошел уже в Новосибирске, куда семья переехала, чтобы быть поближе к родственникам. «Наша родословная, которую я знаю, началась с приезда моего прадеда Петра Потаповича из Бугуруслана на строительство Транссиба. Он строил станцию Чулым. У него было 9 детей... Когда мы приехали сюда, с жильем было совсем тяжело. Мы жили у родственницы в одной комнате: их пятеро человек и нас четверо. Потом переехали к другой родственнице, у нее тоже была комната в бараке... Потом мы получили комнату в Заельцовском районе... А с пятого класса я начал учиться в школе № 99 в центре». Геннадий Николаевич рассказывает, как недавно прогулялся по заельцовским дворам детства, как узнавал лица прохожих женщин, которые жили там и прежде.

Он рассказывает о том, что в школе было много хулиганов: «У ребят были прозвища: Черный Лапа, Белый Лапа... Есть было нечего... Был у нас один парень, Никитин, он почему-то в школу часто приходил с батоном, сидел на уроке, опускал голову под парту и кусал этот батон. Съедал его за урок... Нож в руках школьника в то время был частым явлением... Если у директора, Митасова Михаила Терентьевича, на уроках кто-то начинал своевольничать, он подходил, брал хулигана за шиворот, его лбом открывал дверь и выставлял нарушителя порядка вон из класса».

Геннадий Николаевич ненадолго задумывается и продолжает: «Михаил Терентьевич преподавал литературу, он прекрасно читал Маяковского и привил мне любовь к его поэзии.

¹ Казахское название – Кокшетау.

У меня был хороший голос, я до сих пор часто читаю вслух Маяковского...

А математик Михаил Иванович Голов преподавал еще в до-революционных гимназиях. У него был протез ноги... Он считал, что устный счет – это основа математики. Он заставлял нас устно переводить простые дроби в десятичные и наоборот. У него была своя система оценок: если ответ был правильным, он ставил тройку, если неправильным – “кол”, а потом как-то переводил их в обычные оценки. Он давал хитрые задачки, спрашивал:

– Кулипанов, равен ли тупой угол прямому?

Я отвечал:

– Нет.

Он опять спрашивал:

– А если я докажу, что равен, поставлю тебе двойку?

Я отвечал:

– Да.

Он на доске чертит, доказывает и говорит:

– Разберись дома. Не разберешься – все-таки двойку поставлю.

Я до сих пор помню три варианта его доказательства... Ему нужно было не просто решить задачу, но и красиво начертить, раскрасить...

У нас в школе был хор. Михаил Терентьевич считал, что школа должна была занимать первые места на конкурсах художественной самодеятельности, поэтому, когда уроки кончались, он перегораживал выход из школы, и все шли обратно в класс – петь.

Слуха у меня не было и нет, но я пел громко. Однажды руководитель хора Людмила Митрофановна Санталова, поняв, кто в хоре “врёт”, сказала мне: “Знаете, у нас так много кружков самодеятельности. Может быть, вы пойдете в другой?”... А через год в финале большого межшкольного смотра в Оперном театре она сидела у рояля. Объявляли: “Джо Хилл. Исполняет Геннадий Кулипанов. Мелодекламация на английском языке”, и я исполнял: “I dreamed... ‘I never died’... ‘I never died’ say he”...

Еще я в школе увлекался баскетболом и боксом. По баскетболу был в сборной команде Новосибирска. По боксу... Занимался у знаменитого тренера Отари Васильевича Гарган-

джии, но я понимал, что профессиональным боксером мне не быть. А однажды, когда я внезапно занял на городских соревнованиях третье место в каком-то весе (там всего четыре человека выступало, включая меня), Михаил Терентьевич мне сказал: "По голове тебя пару раз стукнут – дураком станешь"... Я его послушался».

* * *

В 1958 г. Геннадий Николаевич поступил в НЭТИ на специальность «Электронные приборы». В Новосибирске тогда активно развивалась оборонная промышленность, открывались новые специальности, строился Академгородок.

Геннадий Николаевич вспоминает преподавателей: «Мне до сих пор удивительно, как они в то время рассказывали: толково, правильно, понятно!.. Ректор НЭТИ Георгий Павлович Лыщинский понимал: для того чтобы развивать университет, надо обязательно взваливать на себя государственные задачи... Мы учились в атмосфере этого огромного становления».

И студенчество было интересным. Два года Геннадий Николаевич участвовал в театре сатиры. «Помню, ездили с агитбригадой перед праздниками на торжественные заседания, я был конферансье, читал стихи... Иногда подрабатывали – разгружали вагоны с углем, солью, фруктами, арбузами, баржи с лесом. Баржи! Это была хорошая, чистая работа на свежем воздухе. Свежеспиленный лес! Пахнет хорошо! Иногда оставались там ночевать, брали с собой шапочки и телогрейки... На разгрузке познакомились со студентами из НГУ».

Учился Геннадий Николаевич хорошо – был ленинским стипендиатом, получал повышенную стипендию, 80 рублей.

* * *

После четвертого курса Геннадий Николаевич поехал с друзьями в Институт ядерной физики (ИЯФ) на собеседование, был принят, и дипломный проект делал уже там. ИЯФ тогда только начинал работу в Академгородке: приезжали новые сотрудники, открывались лаборатории.

После защиты диплома Геннадию Николаевичу предложили остаться в НЭТИ секретарем комитета комсомола. Он отказался, решил продолжить работу в ИЯФе. В ответ на это некий комсомольский начальник сказал Геннадию Николаевичу: «Не плюй в колодец, из которого еще пить придется». Вместо вручения диплома его, ленинского стипендиата и круглого отличника, у которого в Новосибирске были уже работа, семья и ребенок, распределили на Северный морской подводный флот. Геннадий Николаевич рассказывает: «Это дело далеко зашло. ИЯФ писал командующему Сибирским военным округом с просьбой отменить решение».

В сентябре 1963 г. Геннадий Николаевич пришел в ИЯФ в лабораторию Александра Николаевича Скринского² стажером-исследователем. Он работал на ВЭП-1 – одном из трех первых в мире коллайдеров, исследовал динамику частиц в нелинейных магнитных полях. При его участии в 1971 г. запускался накопитель ВЭПП-3, велись работы по использованию синхротронного излучения. Под руководством Геннадия Николаевича разрабатывались излучательные вигглеры, в том числе первый в мире сверхпроводящий вигглер, создавались специализированные источники синхротронного излучения «Сибирь-1» и «Сибирь-2» в Курчатовском институте³. Он первым предложил в 2001 г. идею синхротронного излучателя четвертого поколения на базе ускорителя-рекуператора и является одним из авторов проекта Multiturn Accelerator-Recuperator Source (MARS). В 2000-е гг. руководил постройкой Новосибирского лазера на свободных электронах.

Геннадий Николаевич рассказывает: «Лет десять назад я говорил, что буду счастлив, если в Новосибирске появится новый источник синхротронного излучения. И вот наконец принято решение о создании СКИФа – сибирского кольцевого источника фотонов».

² Александр Николаевич Скринский (1936 г.р.) – доктор физико-математических наук, профессор. С 1977 по 2015 г. директор Института ядерной физики СО РАН. Создатель научной школы в области физики высоких энергий.

³ Институт атомной энергии имени И.В. Курчатова. Ныне ФГБУ «Национальный исследовательский центр "Курчатовский институт"».

* * *

И в заключение он говорит: «Еще в жизни важна семья: и жена, и дети, и внуки, и правнуки. Я всегда говорю, что условием нормальной жизни являются несколько составляющих: чтобы близкие любили, чтобы дети, внуки и правнуки чаще радовали, чем огорчали, чтобы друзья не предавали, чтобы начальство не подставляло... Чтобы здоровье было. Всё это собрать – вот оно и будет, счастье».

ЛОКОТЬ АНАТОЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

**Выпускник 1981 года,
физико-технический факультет
(ФТФ)**

С 2014 года мэр города Новосибирска. Работал инженером в НИИ электронных приборов (1981–1982), служил в армии. С 1984 по 1993 год работал в НИИ измерительных приборов, прошел путь от инженера до ведущего инженера-конструктора. В 1984 году вступил в ряды КПСС, в 1993-м был избран членом бюро Новосибирского обкома КПРФ, в 1994-м занял пост второго секретаря обкома КПРФ. В 1996 году был избран депутатом Новосибирского областного Совета депутатов, в 2000-м победил на выборах в городской Совет Новосибирска и возглавил там фракцию КПРФ. В 2006-м был избран первым секретарем Новосибирского обкома КПРФ. В 2003, 2007 и 2011 годах был депутатом Государственной думы IV, V и VI созывов, работал в Комитете по промышленности, строительству и наукоемким технологиям, заместителем председателя в Комитете по собственности, работал в Комитете по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, заместителем председателя комиссии Государственной думы по правовому обеспечению развития организаций оборонно-промышленного комплекса РФ, возглавлял комиссию по социальной политике, науке, культуре и гуманитарным вопросам Парламентского собрания Союза Беларуси и России. Инициатор 73 законопроектов. Награжден Почетным знаком Государственной думы за законотворческую деятельность.

«Я вернулся к вам работать»

Анатолий Евгеньевич говорит: «Первое, что я помню из детства, – наш двор в Ленинском районе. Я вообще всегда считал себя “ленинским”». Вспоминает, как родители рано утром возили его в детский сад: «Мороз сорокаградусный.

В трамвай набивалось очень много людей. И вот мы иногда ехали-ехали, а иногда не ехали, потому что в большие морозы рвались линии на коммунальном мосту. Тогда трамвай останавливался, и мы выходили в этот мороз и шли по дамбе через трамвайные пути. Несколько раз я обмораживал лицо... Так же часто вставали троллейбусы, и тогда автобусы собирали людей, шедших пешком... Я считаю, что у нас, сибиряков, чувство взаимовыручки очень высокое. В детстве, бывало, идешь по улицам в мороз, и тебе обязательно скажут: "Мальчик, у тебя нос белый или щека..." И это нормальная реакция людей, которые заботятся друг о друге, чтобы никто не попал в беду».

Анатолий Евгеньевич с детства занимался спортом, ходил в бассейн, сначала в «Динамо», потом в СКА в Октябрьском районе. Во втором-третьем классе ездил туда сам, «без провожатых». Он рассказывает: «Стоял я на Башне, опаздывал в бассейн... И автобусы идут не мои, и все переполненные. Вдруг высовывается рука из автобуса, из висящей толпы пассажиров, хватает меня за шиворот – всё, еду на тренировку... Всё детство мое – это сомкнутые вокруг меня куртки, пальто и ноги в переполненном общественном транспорте, я даже лиц не видел и не знаю, что за человек меня затащил в автобус, но просто чувство было у людей, что нельзя бросать своих, особенно детей, в сложной ситуации».

* * *

Выбор профессии для Анатолия Евгеньевича во многом определил пример родителей – они были инженерами. Первый в их доме телевизор отец собрал сам, Анатолий Евгеньевич вспоминает: «Он был такой, без корпуса, просто панель, на которой лежала трубка, в которую надо было смотреть, торчали трансформаторы, лампы, и весь этот "конструктор" был газеткой прикрыт...»

О студенчестве Анатолий Евгеньевич рассказывает: «Наше обучение было тесно связано с Институтом ядерной физики, поэтому нас коротко звали "ядерщиками"... Помню первые занятия. Еще молодой-молодой, с пышной шевелюрой, нынешний академик Геннадий Кулипанов, уже уважаемый ученый, проводил экскурсии для нас по институту, рассказывал про синхротронное излучение, световые пучки, ускорители и другие удивительные явления. Очень увлеченно, интересно рас-

сказывал. Мы, разинув рот, совсем еще дети, слушали. Но учиться было трудно. Мне сильно помогло то, что в школе у меня был математический класс...»

По части самодеятельности Анатолия Евгеньевича записали в хор, но ему было интереснее другое. Тогда на территории студгородка действовал комсомольский оперативный отряд дружинников, который отвечал за порядок на территории института и иногда даже помогал милиции. Анатолий Евгеньевич вспоминает: «Нам всё время хотелось, чтобы был порядок, чтобы улица Карла Маркса была самой безопасной. Для нас порядок в городе начинался со студенческого городка – нашей зоны ответственности за часть большого Новосибирска».

После окончания НЭТИ Анатолий Евгеньевич год проработал инженером в НИИ и был призван в армию. Вспоминает, что служить было интересно: служил в войсках ПВО, познакомился с новым оборудованием, решал интересные технические и командные задачи. В армии же решил вступить в партию. «Я идеологически, духовно с самого детства был на это настроен. Я считаю, что мои коммунистические взгляды были сформированы в общих чертах еще в школе... Учитель истории – фронтовик. До сих пор помню его первое занятие – о “Манифесте Коммунистической партии”. Я тогда его, вот честно, всю жизнь запомнил... В армии я служил честно, искренне, понимая, что защищаю нашу советскую Родину, страну. Были разные ситуации... В какой-то момент, помню, армия даже приводилась в режим повышенной готовности, и нам казалось: “а не война ли это?”... Нас же не ставили в известность, понарошку вводится этот режим или нет. Был приказ занять позиции – и всё, мы исполняем. Было ощущение единения, цельного организма, готовности к любым испытаниям».

После армии он вслед за отцом пошел работать в НИИ измерительных приборов, стал заниматься тематикой ПВО – принимал участие в модернизации комплексов С-300¹, в разработке и испытаниях комплексов С-400. Анатолий Евгеньевич

¹ С-200 «Фаворит» – семейство зенитно-ракетных комплексов (ЗРК), способных поражать различные цели на различных высотах и на дальностях: от нескольких километров до 75...200 километров. Принят на вооружение в середине 1970-х гг., эксплуатируется и в настоящее время.

рассказывает: «Институт напротив дома – окна в окна. Каждый день без пятнадцати восемь ты должен быть на месте... Это была творческая работа, потому что, как говорил один из моих первых руководителей, "созданная тобой система, она, бывает, живет своей жизнью, независимо от тебя и, случается, выдает какие-то результаты, которых ты не предполагал"... Так что такое случается не только у политиков, но и у инженеров...

Интересных моментов было много, но одним могу поделиться. Самое большое напряжение возникает при сдаче работы заказчику. И если брак где-то, или недочет в разработке, или подвела комплектация – параметр не выдается, загорается на табло "неисправность". Значит, не прошли испытания, заказчик составляет соответствующие документы, и всё. Работа нескольких месяцев насмарку... Мне как молодому специалисту был присущ авантюризм. Взял я как-то и "откусил" провода, ведущие к индикатору неисправности, – и привет! Всё сдал, все параметры в норме, но есть такое понятие – "визит-эффект". Когда приходят ответственные лица, всё вдруг по закону подлости перестает работать так, как нужно... Вот, грешен, был такой случай в жизни, но закончилось всё, конечно, хорошо.

Еще помню, как болезненно мы ощутили распад СССР. Наши полигоны были в Казахстане. Мы туда приезжали в командировки с рублями, а там как раз происходил переход на национальную валюту, и мы даже едой не могли себя там обеспечить. Ловили рыбу в озере... Когда пришла пора возвращаться домой, уже были разорваны прежние договоренности. И стало понятно, что мы даже не можем наше оборудование вывезти, изделия готовые вывезти не можем, секретные. Приходилось их уничтожать: в озере топили, жгли документацию... В результате всего этого люди инфаркты получали».

* * *

Анатолий Евгеньевич рассказывает, как по-разному после путча 1991 г. чувствовали себя члены партии: кто-то поспешил всё забыть, кто-то опасался за свою судьбу, кто-то скрывал свою партийность, ведь «было непонятно, чем дело закон-

чится». А о возрождении партии говорит: «Появилась у нас надежда на возрождение, и не только возрождение политической структуры, партийной, а возрождение тех взаимоотношений, которые начали ломаться, – советских взаимоотношений, советской системы ценностей и идеологии в целом... У нас было такое ощущение: мы не предатели, мы не предали себя. Мы тогда пользовались еще старыми партбилетами... Конечно, были уже совсем другие взаимоотношения – не аппаратные. Было ощущение единства, не идеологического, а духовного».

* * *

О начале политической карьеры Анатолий Евгеньевич говорит: «Первую свою избирательную кампанию я с треском проиграл. Это были выборы в областной Совет. Я не знал, не понимал сути политической игры...

И еще... Прошел 93-й год: расстрел Белого дома, смена конституции, конституционное собрание, легитимность происходящих событий вызвала большие вопросы. Мы думали, а надо ли в этом участвовать?.. И решили, что надо, потому что, не участвуя в политическом процессе, мы окажемся на обочине истории. Мы стали осваивать избирательные технологии, о которых прежде и понятия не имели. Первые поражения, первые победы, освоение нового управленческого языка».

Он рассказывает, как однажды в городском Совете тяжело решался вопрос о повышении тарифов ЖКХ, как фракция КПРФ выразила протест и, не добившись конструктивного решения проблемы, в полном составе покинула сессию. Анатолий Евгеньевич вспоминает: «Тем самым была остановлена сессия, потому что, хотя большинство было у оппонентов, кворума с нашим уходом не стало». Анатолий Евгеньевич говорит, что тогда это сказалось на здоровье: «У меня даже сохранилась видеозапись на старом носителе, где мой товарищ мне помогает встать, поддерживает меня...»

На сайте города Новосибирска указано, что позднее, будучи уже депутатом Государственной думы, Анатолий Евгеньевич «публично выступал в защиту дислоцированной в городе Бердске 67-й отдельной бригады спецназа Главного разведывательного управления, которую в рамках реформирования Вооруженных сил РФ решило ликвидировать Министерство

обороны. После войны в Южной Осетии выступал за признание независимости Южной Осетии и Абхазии. В соавторстве с другими депутатами выступал инициатором 73 законопроектов, связанных с вопросами местного самоуправления и обеспечением прав детей и пенсионеров. Один из самых известных законов авторства Анатолия Локтя – об амнистии фигурантов “Болотного дела”. Среди законопроектов, отклонения которых он активно добивался, – реформа РАН».

В интервью он еще вспоминает закон о копии Знамени Победы и борьбу, благодаря которой «знамени был возвращен исторический вид, и теперь оно выглядит точно так, как флаг подразделений, штурмовавших Рейхстаг»: «Ну, а в том виде, в котором коллеги-депутаты из других фракций хотели видеть Знамя Победы, оно превращалось в какой-то квадратик красный с белой звездой. Тогда смеялись многие, говорили, мол, “что это, вьетнамский флаг?” Конечно, хлесткие очень были дебаты в Думе по этому законопроекту. Главный аргумент, который против нас выдвигали оппоненты: “Ну мы же не можем себе позволить, чтобы на уровне государственного праздника присутствовала партийная символика!” То есть всё хотели сделать, чтобы вымарать, стереть из памяти народа один из главных символов Советского Союза...

А вообще работа в Государственной думе очень многое мне дала – прежде всего знакомства с интересными, замечательными людьми. Например, с Жоресом Ивановичем Алферовым, нашим лауреатом Нобелевской премии по физике. Он меня как-то спросил: “Ты что закончил – НЭТИ?” (с ударением на “и”). Я говорю: “НЭТИ” (с ударением на “э”). Он переспрашивает: “НЭТИ?” (опять с ударением на “и”). “Нет, – отвечаю, – НЭТИ!” (с ударением на “э”). Он говорит: “Я заканчивал ЛЭТИ², поэтому я и говорю НЭТИ”. Я опять за свое: “Нет, – говорю, – наш назывался НЭТИ, Новосибирский электротехнический институт”. Оказалось, что мы по специальности оба инженеры-электрофизики... Это я так говорю, хвастаюсь немного общностью нашей, совпадением небольшим. Потому что он ученый с мировым именем, и я благодарен судьбе за знакомство с ним...

² Ленинградский электротехнический институт.

Самый дорогой проект из тех, которыми пришлось заниматься в Государственной думе, мне кажется союз России и Беларуси. Я уже говорил, как тяжело переживал распад Советского Союза, развал державы. Этот раскол прошелся и по моей семье и наложил очень сильный отпечаток на мое мировоззрение. Поэтому я считаю, что этот проект оправдывает все мое депутатство. Мы организовывали взаимодействие государств в сферах патриотического воспитания, истории, культуры, кинематографии... Я полюбил белорусские города... До этого я был только в Бресте, очень давно. И когда теперь, уже взрослым, попал в Брестскую крепость, шел пешком и узнавал те места, где я мальчишкой бегал. И хоть немножко по-другому сейчас воспринимается увиденное, сила эмоционального воздействия остается прежней...»

* * *

Размышляя над своей работой на посту мэра Новосибирска, Анатолий Евгеньевич говорит: «Не может депутатство стать профессией. Потому что очень сильно отрываешься от земли – от людей, от реальности. Конечно, я в Думе получил огромный опыт, но чувствовал себя не в своей тарелке... Некоторые коллеги удивлялись, говорили: “Да что тебе муниципалитет? Это вроде как... Чего тебе, канализациями заниматься?”... Но законодательная власть – она ведь всё больше про разработку правил и условий, а исполнительная – это про реализацию и про ответственность. Когда знаешь, что можешь что-то сделать и не делаешь, это давит и на сознание, и – главное – на совесть. Да и, откровенно говоря, я устал, психологически устал быть в отрыве от города, от родной земли, от близких людей. Мне хотелось найти себе применение дома.

Когда победили на выборах мэра, вся команда радовалась. А у меня, честно говоря, не было сил радоваться. Была огромная усталость: тяжело постоянно находиться на публике, быть в центре внимания... Я очень благодарен тем людям, которые были рядом, помогали искренне, не за деньги, не за какие-то... не знаю... коврижки... Они были рядом, подставили плечи... И я понимал, что надо не продолжать борьбу “партия на партию”, а заниматься созидательным трудом, развитием города, отдавать этому все свои силы и знания. В своей инаугурационной речи я постарался донести всем, что пришел к руковод-

ству Новосибирском открытым: мундир партийный, каску или какие еще там можно представить атрибуты политического противостояния я оставил на входе, в фойе. Я сказал: "Я пришёл, вернее вернулся, к вам работать"...

И потом, когда уже начал работать, у меня долго ощущение было, что я в среде недружественной. Прижаться к стене хотелось, спину закрыть. Раньше ведь за спиной всегда были товарищи, партия, которые помогут, прикроют. А тут, конечно же, ощущения были другие. Это я сейчас понимаю, что вхождение в новый коллектив, да еще с моим этим вот желанием-лозунгом "сохраним хорошее, сделаем лучше", только так и могло ощущаться. Ведь не было у меня стремления рубить с плеча, увольнять, убирать всех подряд. Хотя кое-кого пришлось убрать сразу... Много слушал, мало говорил... Я слышал все эти слова, которые мне говорили чаще всего в спину: "Локоть ещё не мэр"... Я эти оценки воспринимал как вызов, вызов лично мне. Внутренне понимал, конечно, что не хватает именно опыта управления городом, но, с другой стороны, мои предшественники ведь тоже когда-то становились мэрами в первый раз...

Я пришел как представитель оппозиционной партии, я понимал, что надо теперь всем доказать, что меня избрали не зря. Теперь надо было не только и не столько протестовать, блокировать, сопротивляться, но надо было созидать, строить, развивать, ликвидировать прорывы трубопровода, пожары, помогать людям, оказавшимся в сложной ситуации... Я убеждал товарищей по партии, что нам надо не протестом заниматься, а работой. Я забыл, что такое суббота, воскресенье и праздники, задерживался на работе до полуночи. Потому что теперь я отвечаю за все кочки на дорогах, за дома, разрушенные и неразрушенные, за непостроенные детские сады и прочее, и прочее... И я понимаю, что по моей работе в конечном счете будут оценивать и нашу партию в целом. Мы, наверное, первые во всей России представители партии, которые на таком уровне сумели взвалить на себя ответственность за хозяйственную жизнь такого большого могучего организма, которым является Новосибирск. Взвалить и понести. И не уронить... А более подробно оценивать результаты нашей работы – не нам. Хвалить себя – это неприлично, как-то не очень хорошо... Но что бы ни было, я думаю, мы справимся, мы обязательно справимся, потому что иного выбора у нас нет».

ЛОКТИОНОВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

**Выпускник 1975 года,
факультет автоматизированных
систем управления (АСУ)**

Основатель (1988) и генеральный директор АО «КАТОД» (образован на базе ОКБ при заводе «Экран»). Автор 14 патентов. Награжден медалью «За заслугу перед Отечеством» II степени.

АО «Катод» является единственным в России серийным производителем электронно-оптических преобразователей (ЭОП) третьего поколения. Разработано и освоено в производстве более 280 модификации ЭОП. Кроме того, предприятие специализируется на создании высокоэффективных фотокатодов и разработке технологии производства новых типов фотокатодов, на разработке прогрессивной технологии и оборудования для производства ЭОП, на разработке и поставке оригинальных приборов ночного видения на базе выпускаемых ЭОП.

«Мы начали строить завод...»

Владимир Ильич родом из Курской области, из деревни Фентисово Золотухинского района. «В войну немцы у нас там были. Недавно сестра старшая вспоминала, как немцы у матери курей отбирали, а она так яростно им сопротивлялась, что немцы даже растерялись от такой ее храбрости... Отец воевал, дошел почти до Берлина, был ранен, вернулся.

По лесам после войны много всякого было. Окопы, каски, карабины, мины... Некоторые взрывались... Ребятишки находили патроны, бросали в костер, сами ложились на землю, пули над головой свистели... Некоторые погибали, калечились. Помню, из реки ящик с боеприпасами достали...

По реке мы зимой на коньках катались. Однажды поехали искать ее начало и ехали, пока река не превратилась в руче-

ек. Домой ночью вернулись, от родителей нам попало, конечно... Устраивали соревнования на лыжах, прыгали с трамплинов. Сколько я там лыж переломал! Отец за лыжи ругался... С тринадцати лет я работал в колхозе, за трудодни. У меня была упряжка – две лошади, я возил зерно от комбайна. Один раз лошади понесли, потому что их овод укусил... Не знаю, как я жив остался... Телят пас, лошадей выгонял в ночное, сам мог объездить коня... В тринадцать лет научился пахать сохой. Я иду за ней, меня туда-сюда кидает, а отец говорит: "Держись! Лошадью управлять не надо, она сама знает, как правильно идти..." Земля была плодородной: сажали очистки от картошки, и они прорастали, и хорошая картошка получалась...

У меня был старший брат Вовка, он умер в 1942 г. от воспаления легких. Поэтому, когда я родился, бабушка была против того, чтобы меня Владимиром назвали, говорила, что тогда я до тридцати лет доживу и умру. Но отец непременно хотел, чтобы сына звали Владимиром Ильичом. И вот живу, ничего...

В детстве я играл на гармошке – отец ее из Германии привез. Сам научился, на слух. На свадьбах играл. Тогда народу в деревне было много, много молодежи, весело! Электричества не было. Свет провели только когда я уже в третьем классе учился.

Радио тоже появилось не сразу. Помню, по нему в 1953 г. объявили, что Сталин умер. Все плакали – мать, отец, а мне было интересно, как радио устроено. Я подсоединил к лампочке два провода, подключил к радио. Радио говорило – лампочка мигала. Меня отругали.

Потом у нас ГЭС построили, речку перепрудили...»

* * *

Старшая сестра Владимира Ильича после техникума по распределению уехала в Кемеровскую область, в Междуреченск, работала там бухгалтером. И после 9-го класса Владимир Ильич был отправлен к ней, шутит: «Родители меня в Сибирь сослали». Учился в вечерней школе, работал учеником слесаря, слесарем, электриком, потом пошел в армию. Служил на Дальнем Востоке – во Владивостоке и в Советской Гавани – в морской авиации, обслуживал радиолокационные станции. Владимир Ильич вспоминает: «Полгода мы с восьми до восьми учились, разбирались, как всё это работает».

В 1968 г. пришел из армии, устроился на Чкаловский завод¹, там тоже занимался радиолокационными станциями, в числе прочего работал над самолетом СУ-24. Попробовал поступить в НЭТИ, но один экзамен провалил. «Меня это сильно задело. На следующий год все сдал на одни пятерки, поступил на вечерний. Каждый день после работы ездил на учебу. Поступил на радиотехнический факультет, потом перешел на новую специальность – АСУ».

В 1972 г. Владимир Ильич ушел с завода, потому что работа оказалась уже не по специальности, поработал на НЭВЗ, потом пришел в опытно-конструкторское бюро (ОКБ) завода «Экран». Владимир Ильич объясняет: «При заводе создавалась АСУ технологическими процессами. Меня специально отправили в Псков обучаться. Там на заводе делали ЭВМ. И мы ставили в Новосибирске первую автоматизированную систему производства кинескопов. Не ели, не спали. Очень интересно было!»

Перестройка началась с того, что на предприятиях была введена жесткая система контроля качества. «Военная приемка. Мы ночами заседали, боролись с браком. А потом постепенно всё начало разваливаться, заказов не стало, денег не было, кинескопы начали возить из Японии, мы внедрять ничего нового уже не могли... Меня избрали начальником ОКБ. Директор завода мне тогда сказал: "Забирай здание и кусочек земли, иди и делай, что хочешь". Пришел я от него, за голову взялся.

Мы отделились от завода. В ОКБ работало 350 человек, у нас осталось 180. Люди стали увольняться, многие пошли на барахолку... Постарался оставить самых умных ребят. Постарался, чтобы они мне поверили... Но заказам взяться было неоткуда, и я поехал в Тамань закупать там вино, чтобы здесь его разливать и продавать...

Никогда не забуду, как собрал своих разработчиков, и мы сели думать, что делать. Остановились на электронно-оптических преобразователях (ЭОП). А завод, к которому мы когда-то относились, стал делать бутылки, потому что отечественные кинескопы никому стали не нужны...

Потом пришел заказ. Приехали люди из Москвы, из Института ядерных исследований, говорят: "Нам нужен прибор для

¹ Новосибирский авиационный завод им. В.П. Чкалова.

фиксации нейтрино”. Они обращались до этого в Hamamatsu и в Philips, и там им ничем помочь не смогли, никто в мире не делал приборы с такими характеристиками, которые им были нужны. Мы тоже этого не умели делать, но у нас не было выбора. Не умирать же от голода!.. За два-три года мы сделали таких приборов полный комплект – около 300 штук. Они до сих пор стоят на дне Байкала и фиксируют нейтрино, летящие из черных дыр. Институт ядерных исследований получил за эту работу Государственную премию, но нас в число исполнителей проекта не включил. Ну и ладно, нам заплатили деньги, наши люди получили зарплату.

Параллельно мы разрабатывали ЭОПы. Сделали и поехали с главным инженером в Москву, в Кремль, показывать его военно-промышленной комиссии. Одновременно с нами ЭОПы разрабатывало московское предприятие. Им выделили 10 миллионов рублей, нам 300...500 тысяч. ЭОПы надо было производить, мы начали строить завод.

Сначала пригласили партнеров из Канады, из фирмы Newcon Optik. Мы им поставляли приборы, они продавали их в Америке, в Африке, учили нас красиво упаковывать, правильно представлять товар. Постепенно мы создали несколько поколений ЭОПов, не уступали американцам, которые были признанными лидерами мирового рынка. Потом в США ввели санкции: запретили ввоз нашей продукции, не пропускали платежи... Мы начали работать с Китаем, Турцией, Сербией».

Сегодня ЭОПы третьего поколения в мире серийно производят только ОАО «Катод» и два предприятия в США. На базе этих приборов создаются очки, монокуляры, прицелы, системы наблюдения, приборы ночного видения. Владимир Ильич говорит: «Их использует гвардия, полиция, на танки их ставят, на самолеты, на спутники. Приборы ночного видения работают на основе инфракрасного излучения – как в фильме “Терминатор”, помните?..

Эти устройства используются в составе системы защиты вертолета от ПЗРК². Наш датчик фиксирует пуск ракеты – прибор реагирует на тепло, чувствует нажатый курок ПЗРК и уводит ракету в сторону. Помните, в 2015 г. на границе Сирии был сбит СУ-24? Вот если бы на нем стояла такая система, его бы не сбили... Вот так потихонечку и работаем... Кстати, за всё

² ПЗРК – переносной зенитно-ракетный комплекс.

время мы брали кредит только один раз, и он был под 300 %, это было в 1990-е. Мы его отдали, и с тех пор я никогда не залезал в долги... А еще, из интересного, во Вьетнаме по нашей технологии работает государственный завод. Я не знаю, было ли еще когда-нибудь время, когда Россия могла продавать высокие технологии за рубеж?..»

* * *

Владимир Ильич с детства увлекается рыбалкой, каждый год весной и осенью ездит в Астрахань, называет ее «меккой рыбалки», рассказывает: «Дельта Волги. Я туда летаю с 1995 г. Тогда там было много любой рыбы. Как-то поймал сома 165 см, 50 кг. А сейчас трудно найти рыбу даже в этой «мекке»...

Однажды ездили в ЮАР на выставку, были на рыбалке на мысе Доброй Надежды – там, где два океана соревнуются... Тунца поймали. Там так страшно, такие волны!..

Люблю рыбалку на реке, на озере. Поймаешь сома, тащишь его, потом он тебя и лодку за собой тащит, потом опять ты его, потом – снова он тебя... Тайменя еще ни разу не ловил, собираюсь съездить в Горную Шорию, в тайгу, на быстрые сибирские речки... А есть еще такая рыба тарпон, в море водится, может прыгать из воды на три метра. Говорят, если поймал тарпона, ты настоящий рыбак. Это моя мечта – поймать тарпона.

Мечтаю еще на Кубу съездить, половить там рыбу. Как Хемингуэй».

* * *

Владимир Ильич говорит, что больше всего любит книгу «Старик и море». Кто знает, о чем он думает, когда иногда открывает том Э. Хемингуэя и читает: «Они поднялись по дороге к хижине старика и вошли в дверь, растворенную настесь. Старик прислонил мачту с обернутым вокруг нее парусом к стене, а мальчик положил рядом снасти. Мачта была почти такой же длины, как хижина, выстроенная из листьев королевской пальмы...»

МАТВЕЕВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ

**Выпускник 1981 года,
радиотехнический факультет
(РТФ)**

Основатель (1992) и генеральный директор ООО «Научно-производственное предприятие «Триада-ТВ». Кандидат технических наук.

ООО «НПП «Триада-ТВ» специализируется на разработке и производстве наукоемкого оборудования для телевидения и радиовещания. В данной отрасли это лидер в России, обеспечивающий большую часть федерального рынка профильным оборудованием; поставляет его также в Казахстан и Туркмению. Это единственное в стране предприятие, разрабатывающее твердотельные аналоговые ТВ – передатчики мощностью 25 кВт с жидкостным охлаждением. Предприятие разрабатывает и производит оборудование для сотовой связи (3G, 4G, TE), принимало участие в ликвидации последствий пожара на Останкинской телебашне в 2002 году.

«Я вернулся к теме отца...»

Рассказ о себе Сергей Юрьевич начинает шутя: «Начнем с того, чего я не люблю».

«Давным-давно, – говорит Сергей Юрьевич, – когда еще ходили мамонты, я занимался плаванием – по три тренировки в неделю. Вставал в пять утра, шел в бассейн. Надо было утром прыгать в холодную воду. С тех пор я не люблю плавать.

А еще, когда я после института остался работать на кафедре, меня в сентябре назначили главным по сбору урожая. Я выезжал со студенческим отрядом на поля бердского совхоза. Это было так странно, мы выглядели как военизированное

формирование: построение перед электричкой, под коммунальным мостом, 150 человек в стройотрядовской форме, я командовал... На полях лежало необъятное количество капусты. Шли дожди. С тех пор я ненавижу капусту».

* * *

Вырос Сергей Юрьевич в Новосибирске, он вспоминает: «Лог за стадионом "Сибирь" был основной позицией наших военных действий... Тарзанка висела над рекой Ельцовкой, которая текла из завода химконцентратов... Там, наверное, тогда встречалась вся таблица Менделеева».

Отец Сергея Юрьевича был физиком-ядерщиком, учился в Томске, работал на Новосибирском заводе химконцентратов и в проектно-институте. После 8-го класса он возил сына в Северск, однажды даже сводил его посмотреть реактор. Отец давал Сергею Юрьевичу книги об ученых, особенно ему нравились «Юность академиков» Л.М. Кокина, книги о П.Л. Капице, Л.Д. Ландау, А.Ф. Иоффе... Он мечтал стать таким же, пойти по стопам отца, заниматься ядерной физикой, но, как Сергей Юрьевич рассказывает сегодня, он всегда был человеком компанейским, «и дух коллективизма в школе проник в меня основательно. Поэтому я вместе с пятью друзьями-товарищами из класса решил поступать на радиотехнический факультет в НЭТИ. Это было стадное чувство в чистом виде. Поступило нас четверо, окончили двое, а по специальности "Проектирование и производство радиоаппаратуры" работаю я один».

* * *

Окончив институт, Сергей Юрьевич поступил в аспирантуру, защитил диссертацию, преподавал. Началась перестройка. Однажды товарищ по кафедре предложил взять заказ: разработать оборудование, чтобы провести кабельное телевидение в какой-то дом. Сергей Юрьевич вспоминает: «Сделали, смонтировали. Получили по тем временам большие деньги. Поняли, что можем приносить реальную пользу людям и себе. Тогда как раз возникли первые кооперативы, и у нас на кафедре организовался такой. К тому же я был, как мне тогда казалось, слишком молод, чтобы преподавать, с детства у меня был пиитет по-отношению к старшим... Так что я ушел с кафедры

и организовал предприятие «Триада-ТВ». На самом деле это была уже моя третья попытка организовать предприятие, и тогда мы не знали, что триадой называется китайская мафия... Уходить с кафедры мне было не страшно, а вот в семье была драма: по тем временам наличие семьи, двух детей, преподавание в вузе означало, что жизнь удалась, и моим близким было не совсем понятно, чего же мне еще надо. Я сказал, что всё будет хорошо, и пошел в свободное плавание, начал с нуля.

Тогда были сложные времена. Я не знаю в Новосибирске ни одного предприятия, которое бы не испытало бандитских наездов. Не миновала эта участь и нас. Мне самому приходилось дважды ездить на разборки. До стрельбы, слава Богу, дело не доходило. Мой хороший товарищ, тоже выпускник НЭТИ, помог решить эти проблемы».

* * *

Предприятие развивалось ровно, первый кредит был взят только в 2010 г. Все начиналось в 1992 г. с одного заказа на разработку оборудования, пришедшего от новой иркутской телекомпании. Сергей Юрьевич вспоминает: «В то время телекомпании появлялись в каждом городе, как грибы после дождя. Это дорогое оборудование, мы смогли организовать работу на аванс от первого заказа. Сделали одну работу, потом вторую... Рекламы почти не давали, заказы приходили сами: работало «обезьянье радио»». В 1992 г. в «Триаде-ТВ» работало 3 человека, сейчас – 150.

Судьбоносным для предприятия стал пожар в Останкино 27–28 августа 2000 г., признанный одной из крупнейших техногенных катастроф постсоветского времени. Сергей Юрьевич рассказывает: «Нам позвонил один из руководителей Останкино и спросил, можем ли мы за пару дней отгрузить столько-то оборудования. Он попросил в течение двух часов дать почасовой график работы над заказом, мы ему сделали график. У нас тогда как раз стояло готовое оборудование – делали большой заказ для Казахстана для телекомпании «Хабар», которой руководила дочь Назарбаева¹. Мы отправили оборудование в

¹ Нурсултан Абишевич Назарбаев (1940 г. р.) – президент Республики Казахстан (1991–2019).

Москву. Это были одни из первых новых передатчиков, которые заработали в Останкино после пожара. А потом уже собирали заказ для Казахстана, запас времени нам позволял так поступить. Помню, в Казахстан мы отправили две фуры с оборудованием, на границе нас встретили машины казахского ГАИ с мигалками и торжественно сопровождали до Алма-Аты. В Казахстане у нас потом был завод – совместное предприятие, но сейчас уже нет. Мы много работаем со странами СНГ, немного в Юго-Восточной Азии...»

Сергей Юрьевич рассказывает о смене аналогового телевизионного вещания цифровым и о том, как в 2009 г. его предприятие разрабатывало аппаратуру для вещания в цифровом формате, которой еще не было в России. Он говорит: «Сегодня порядка 50 % такого оборудования в России сделано нами. На нем работает ВГТРК... Сегодня в России единственным вещателем в цифровом формате является РТРС (Российская телевизионная и радиовещательная сеть), телекомпании покупают у нее эфиры и предоставляют свой контент. Это не подарок для частных компаний, но... наша задача проста – обеспечить людей нормальным оборудованием».

Сергей Юрьевич признается: «Я разработчик. И, несмотря на то что я генеральный директор, я много времени посвящаю собственно инженерной работе. У меня есть организаторы и управленцы. Мне нравится история о Генри Форде, который неожиданно созвал директоров своих региональных филиалов и повез их на три-четыре дня на пароходе по Миссисипи. Потом он запросил информацию о том, как в это время работали филиалы, и тех руководителей, чьи филиалы в эти три-четыре дня работали плохо, поувольнял. Он считал, что плох тот директор, который обеспечивает работу предприятия только своим присутствием. Так вот, я могу отсутствовать, а предприятие всё равно продолжит работу».

На НПП «Триада-ТВ» работает много выпускников факультета радиотехники, электроники и физики. Сергей Юрьевич рассказывает: «Я не чувствую разницы поколений. В любом поколении есть ребята, которым интересно работать и которые хотят построить жизнь, в которой интересно жить».

* * *

Сергей Юрьевич говорит о мечте: «На Эверест хочу. Вряд ли дойду конечно, но хочу. Перечитал все документальные книжки о восхождениях. Эта мечта из разряда несбыточных – как полететь в космос. Фантастику еще читаю. Для меня идеальная старость – это путешествовать, разъезжать по миру. Мы с дочерью даже составили список мест, куда надо обязательно успеть съездить: Мачу-Пикчу, геоглифы пустыни Наска...

Фотографировать люблю, но на обработку фотографий времени не хватает.

Еще очень люблю сноуборд. Меня мои дети лет десять назад увлекли, а теперь лучше меня гоняет только десятилетний внук. У меня даже собралась небольшая коллекция бордов. Больше всего люблю Шерегеш и Валь-Гардену, это Северная Италия. Мне нравится фрирайд, езда по снежной целине, общение с природой, с горами. Я думаю, что на сноуборд встать сложнее, чем на лыжи, но научиться ездить на нем проще.

Я люблю горы. Когда учился классе в пятом, меня возили к бабушке в гости на Урал, мне нравилось куда-нибудь забираться повыше. Однажды сорвался с небольшого утеса и набил большую шишку. Вот так. Я большой любитель гор, но в настоящем большом походе не был ни разу. Может быть, это даже хорошо: мечта должна оставаться мечтой, реализованная мечта – это уже проект...

Мы часто ездим на море. Семья большая: у сына уже двое детей, у дочери двое. Мы с женой вместе сорок лет, она тоже окончила радиотехнический факультет, работает вместе со мной – ведет финансы.

Как-то на день рождения мне семья подарила поездку в Коста-Рику на рыбалку в Тихом океане. У рыбаков там есть понятие "гранд-слэм". Это когда за одну сессиюловишь марлина, парусника, тунца и барракуду. У нас был такой "гранд-слэм". Мы их поймали, но всех отпустили».

* * *

В заключение беседы Сергей Юрьевич говорит о сотрудничестве с Институтом ядерной физики РАН, об ускорителях заряженных частиц, для которых необходимо создавать магнитное поле, о том, что НПП «Триада-ТВ» принимало участие в замене старых устройств на новые. В ближайшее время оборудование, производимое НПП «Триада-ТВ», заработает в составе синхротрона СКИФ в Новосибирске и в подобной установке на Дальнем Востоке. Сергей Юрьевич резюмирует: «Это сотрудничество началось с одного случайного разговора. Так наша небольшая наукоемкая фирма участвует в реализации больших научных проектов, а я неожиданно вернулся к теме отца – к ядерной физике».

МЕДВЕДКО ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

**Выпускник 1970 года,
радиотехнический факультет
(РТФ)**

Генеральный директор холдинговой компании ПАО «НЭВЗ-Союз» с 1987 по 2019 год. С 2020 года председатель Совета директоров. Заслуженный радист России. Избирался депутатом Государственной думы РФ 2-го созыва, депутатом Новосибирского областного Совета. Вице-президент Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Почетный гражданин г. Карасука.

Холдинговая компания ПАО «НЭВЗ-Союз» специализируется на выпуске электронных приборов специального назначения, в том числе вакуумных электронных компонентов керамических (металлокерамических ламп и модулей) для радиотехнических устройств СВЧ-диапазона, высокотехнологичных гибридных интегральных модулей СВЧ, полупроводниковых стабилитронов и других электронных приборов, а также изделий на основе технической керамики.

«Почетный гражданин маленького города»

Карасук – небольшой городок на юге Новосибирской области. Он лежит посреди Кулундинской степи, среди березово-осиновых колков, торфяных болот и солончаковых лугов. Весной степь покрыта яркими цветами засушливой земли, летом плещутся на ветру серые ковыли, и вокруг множество разноцветных озер – темно-синих, голубых, зеленых... Вечерами в них стекает закатное солнце, и степь тянется к человеку ярким густым светом.

Виктор Степанович родился в Карасуке. Он рассказывает: «В то время дети жили самостоятельно, все выходили на ули-

цу и играли, гуляли дотемна все вместе – мальчики и девочки разного возраста. У нас были свои правила: маленьких не обижать, не учить курить и т. д. Без взрослых большой ватагой ходили за три-четыре километра на речку купаться, присматривали там друг за другом. Там я научился плавать. Меня толкнули в воду – я поплыл».

Вокруг города были лесопосадки, и ходили слухи, что одна из них состоит из сосен! «Мы их не видели, – вспоминает Виктор Степанович, – но мы слышали о них! Мы пошли их искать! Настоящие сосны!» Дети взяли с собой картошку, хлеб и спички и неумоимо шли по степи восемь километров. Вечером они нашли сосны. Стемнело. Оказалось, что никто не взял с собой воды. В темноте они развели костер, пекли картошку, ждали рассвета...

Каждый год 9 мая Виктор Степанович ездит в родной Карасук. «Там могилы моих родителей, – говорит он. – Я учился по классу баяна в Карасукской музыкальной школе¹. Теперь иногда мои внуки выступают на ее сцене: старшая играет на пианино, младшая – на скрипке. Я люблю рок-н-ролл, но с возрастом понимаю, что классику всё же люблю больше. И этой любви меня научили в музыкальной школе. Еще я почетный гражданин Карасука – маленький почетный гражданин маленького города...»

* * *

Виктор Степанович уверен: «Любое учебное заведение формирует человека, если ему по душе, интересно то, чему он учится, если он хочет связать с этим свою жизнь».

Виктора Степановича радиотехникой увлек старший брат, который окончил радиотехнический факультет, был одним из первых выпускников НЭТИ и вдохновил его на сборку приемников, усилителей. Это было популярным увлечением подростков в то время. Виктор Степанович говорит: «Я любил и люблю брата. Он всегда был примером для меня, поэтому проблемы выбора профессии и вуза у меня не было. Я приехал в Новосибирск и ощутил, как накатывается на человека большой город – знакомства. друзья». В НЭТИ Виктор Степанович

¹ Ныне детская школа искусств № 1 Карасукского района Новосибирской области.

познакомился с тремя ближайшими друзьями, и их дружба длится до сих пор.

Виктор Степанович рассказывает, что учиться было «страшно интересно», перечисляет имена многих дорогих его сердцу преподавателей: Яковлев Альберт Николаевич, Борукаев Таймураз Бейбулатович...

Кроме учебы Виктор Степанович участвовал в самодеятельности и в работе комсомольской оперативной группы НЭТИ. Это была самая настоящая опергруппа, которая работала в связке с милицией: ребята патрулировали вечерами территорию института и ближайшие дворы, следили за порядком. В опергруппе было более 100 участников, она делилась на отделения. Виктор Степанович был командиром одного из отделений. «Иногда мы даже изымали оружие, складывали его в специальный сейф, потом всё передавали в милицию. Один раз мы изъяли настоящий американский кольт и, пока не сдали его в милицию, брали с собой в туристические походы».

Участие в опергруппе свело Виктора Степановича с будущей женой. Она готовилась поступать в НЭТИ, жила в школе рядом с бывшим кинотеатром "Луч"². «Нам позвонили, – рассказывает Виктор Степанович, – и сказали, что хулиганы девчонок обижают. Мы пошли, спасли их... Через полгода поженились, ей было 18 лет, а я тогда закончил 4-й курс».

* * *

В качестве участника туристического клуба НЭТИ Виктор Степанович исходил с рюкзаком всю Новосибирскую область, был на Красноярских Столбах, участвовал в группе, нашедшей в Горном Алтае место для знаменитого спортивного лагеря НГТУ «Эрлагол».

Виктор Степанович вспоминает: «Я прежде, кроме степи, ничего не видел. А тут – настоящие горы! Георгий Павлович Лыщинский сказал нам: "Лучше Алтая нет места на земле!" Нам купили веревки, рюкзаки, ножи, пошили куртки и брюки. Я специально съездил домой в Карасук, привез оттуда, чтобы взять с собой, ружье и патроны. Нас забросили, не помню, на

² Сейчас в этом здании находится храм Всех Святых (на ул. Новогодней).

вертолете или на АН-2... Мы искали место для "Эрлагола", нашли, закопали там бутылку с письмом, позвонили Лыщинскому, сообщили всё и отпросились задержаться на недельку – сходить на Каракольские озера. А было уже начало сентября – началась учеба. Он нас отпустил, прислал нам денег для закупки продуктов, мы где-то достали карту и пошли. И пришли не туда, вместо озер – белки, ледник... Скитались дня четыре, шли по реке, еда кончилась, из моего ружья стреляли куропаток, обдирали, ели, собирали опята, жимолость... Случайно набрели на дорогу, встретили лесорубов, они вывели нас в поселок, поселили в школе, принесли чистую постель, ведро вареной картошки, две трехлитровые банки молока...»

* * *

В те времена многое из того, что происходило в НЭТИ и вокруг него, сегодня кажется невероятным. В начале 1970-х гг. в НЭТИ приезжал с выступлением сам Вольф Мессинг³. Виктор Степанович смотрел его выступление с удивлением: «Он поделил аудиторию на тех, кто поддается внушению, и тех, кто не поддается. К сожалению, я попал во вторую часть. Это было очень интересно! Он делал так, что человек как бы висел в воздухе, касаясь спинки одного стула головой, спинки другого стула – ногами!»

* * *

После института Виктор Степанович распределился на завод «Электросигнал»: «Это была первая моя настоящая работа. До этого я, конечно, тоже работал – красили мы что-то со стройотрядом, я иногда ходил вагоны разгружать...»

В 1973 г. его призвали в армию офицером. Служить в г. Енисейск он уехал с женой и ребенком. «Там было интересно: тайга, староверы, бурный, быстрый Енисей. Мы служили с утра до вечера – обслуживали наземные комплексы, которые управляют спутниками. Тогда мы относились к ракетным войскам, сейчас эта сфера в ведении космических войск».

³ Вольф Григорьевич Мессинг (1899–1974) – советский эстрадный артист, выступавший с демонстрацией «чтения мыслей» и иллюзионистскими номерами.

* * *

После армии Виктор Степанович попал на Новосибирский электровакуумный завод НЭВЗ (это был первый в Сибири завод, занимавшийся электронной техникой), входивший в состав НПО⁴ «Союз». Виктор Степанович рассказывает: «Мне предложили поехать в мой родной город и построить там завод, назначили меня главным инженером. И я поехал. Мы построили на ровном месте в Кулундинской степи карасукский филиал НЭВЗа – за пять лет открыли сложное электровакуумное производство в сельскохозяйственном городке. В 28 лет я стал директором этого филиала. Там работали 1000 человек. Мы построили детские сады, жилье для сотрудников завода, открыли в школе кабинет профориентации, организовали техническое училище...»

А в 38 лет Виктор Степанович возглавил НЭВЗ в Новосибирске: «Там уже началась так называемая перестройка – поломка всего: науки, прикладной науки, производства... Я никогда не забуду 1992 г. Нас вызвали в Комитет по управлению государственным имуществом на беседу. Потом среди руководителей оборонных предприятий ходили слухи, что те, кто с нами тогда беседовал, были сотрудниками иностранных спецслужб... В 1977 г. на НЭВЗе работало 12 000 человек, в годы перестройки численность сотрудников падала до 400 человек».

В 1996 г. Виктор Степанович был избран в Государственную думу от партии «Яблоко», он был тогда ее лидером в Новосибирске. «Была такая романтическая пора, – вспоминает он. – Вокруг Григория Алексеевича Явлинского тогда собирались люди науки и культуры, образованные, думающие, честные. Тогда многие верили, что вместе с Явлинским можно восстанавливать утраченное и развивать существующее. Но, к сожалению, сам по себе очень приятный человек, он не обладает управленческими качествами, необходимыми для формирования крепкой партии. Много собирались, много говорили, но конкретных действий, к сожалению, не было. В Думе у меня возник вопрос: “Что делать? Если что-то настоящее делать, надо прощаться с заводом”. Завод бросить я не мог, поэтому оставил кресло в Думе.

⁴ Научно-производственное объединение.

Завод выпускал и выпускает технику, которая нужна государству. Мы за всё время великих потрясений не сорвали ни одного гособоронзаказа, хотя нам деньги могли не платить месяцами...»

О Межрегиональной ассоциации руководителей предприятий (МАРП), одним из основателей которой Виктор Степанович был 30 лет назад и в которой сегодня занимает должность вице-президента, он говорит: «Это настоящее директорское братство».

* * *

В 2011 г. «НЭВЗ-Союз» и РОСНАНО подписали соглашение о создании совместного предприятия «НЭВЗ-Керамикс». Оно начало работу в 2015 г. и занимается производством наноструктурированной керамики, броневых материалов для оборонного сектора, керамических изделий для электроники и керамики для имплантантов. Виктор Степанович говорит: «С нами работают институты СО РАН и ведущие мировые ученые. Мы освоили производство тазобедренных суставов из керамики, они поставляются в клиники и используются при операциях. Эти изделия производятся только в Японии, Германии и у нас. Надо сказать, что весь мир давно использует керамические имплантанты, они долговечны, только в России до сих пор ставят металлические. В Германии, например, металлические могут поставить только очень пожилым людям, когда срок службы имплантанта больше предполагаемого срока дожития. Мы делаем керамику дешевле, чем импортный металл, но российские клиники покупают импортный металл... Ежегодно Россия теряет 10 миллиардов рублей на закупке импортных тазобедренных суставов. Стране нужны программы не только для того, чтобы создать лучшее, но и для того, чтобы создать условия, позволяющие заменить устаревшее, худшее – лучшим».

«НЭВЗ-Союз» и «НЭВЗ-Керамикс» много работают с кафедрами МТФ и РЭФ НГТУ. В ближайшем будущем «НЭВЗ-Керамикс» планирует начать производство имплантантов коленных суставов.

* * *

Еще Виктор Степанович говорит о том, что каждый год с сыном и друзьями непременно выбирается на рыбалку, о том, как поймал однажды на спиннинг стокилограммового тунца в Средиземном море, о щуках и судаках, о том, какую вкусную рыбу умеет жарить жена. Рассказывает о Камчатке, о добыче чавычи (королевского лосося): «Камчатка – дивный край: белокрылые орлы, горы... Как-то к нам в лагерь пришел медведь. Мы жили в дощатых домиках. Перепуганная собака забила к нам в домик и просидела до утра. А медведь ходил-ходил под дверь... Неприятные были ощущения, зато теперь вспоминать приятно. В другой раз рыбачили на спиннинг, на противоположной стороне реки вышел медведь, пошел к нам, мы – спешно от него, сняли его на видео с “горячими” комментариями. Я долго не знал потом, как эти комментарии удалить, чтобы видео людям показать, но потом удалось... Как-то след медвежий видели ужасающих размеров – килограмм на семьсот, наверное, был мишка...»

Еще вспоминает, как однажды в степи на охоте разразилась гроза и вокруг палатки были молнии «размером с деревце», как забрался в палатку, лег и лежал не шевелясь, пока всё не кончилось.

«А главное мое увлечение, – говорит Виктор Степанович, – внуки. У меня их три: 15, 11 лет и 4 года. Они сейчас главные люди в моей жизни. Мы с ними ходим в походы, жжем костры, делаем чай, катаемся на лыжах в Заельцовском парке...»

МЕТЕЛЬСКИЙ ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

**Выпускник 1970 года,
факультет автоматики
и вычислительной техники
(АВТФ)**

Генеральный директор ГУП «Производственное объединение «Новосибирский приборостроительный завод» с 1999 по 2011 год. Награжден орденом Трудового Красного Знамени

ГУП «Производственное объединение «Новосибирский приборостроительный завод» (сегодня АО «Новосибирский приборостроительный завод») – многопрофильное объединение с мощным научно-техническим потенциалом, специализирующееся на конструировании и производстве высокоточных лазерных, оптико-электронных и оптико-механических приборов (оптические и оптико-электронные прицелы, системы управления огнем, приборы наблюдения и разведки).

«Я свое дело сделал...»

За окном – жизнерадостный июнь. Юрий Васильевич, стремительный, веселый, стоит у окна кабинета Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ, смотрит на университетский парк: «Ёлочки-то как выросли! При мне их сажали – были ниже скамеек!»

* * *

Юрий Васильевич родился в Красноярском крае на прииске Шаарган. В 1954 г. семья переехала в поселок Южно-Енисейск. Он рассказывает: «Туда люди по своей воле не приезжали. Мой дед по отцовской линии был выслан в конце XIX в. из Польши, бабка – тоже из ссыльных, из Виленской губер-

нии¹. Они поселились на юге Красноярского края, в Минусинской котловине. А в 1930-е гг. их раскулачили и сослали на север. Привезли в тайгу в марте, бросили в лесу: «Выживай...» Отец мой пытался бежать оттуда, его ловили. А брату его все-таки удалось убежать, он потом сменил фамилию...»

Через много лет Юрий Васильевич встретил его сына – своего двоюродного брата – начальника Военного авиационно-технического училища, главного инженера ВВС, генерал-майора Бориса Петрова: «Мы на одном совещании были, я не знал, что он мой брат, – говорит Юрий Васильевич. – А по линии матери мои предки, много поколений, коренные сибиряки, жили на берегах Ангары».

* * *

О школьных годах Юрий Васильевич вспоминает скромно: «Учиться я любил, но никогда не зубрил. Ходил на охоту, иногда даже домашние задания не делал». Школу он окончил с золотой медалью, в тот год это была единственная медаль в районе. Юрий Васильевич рассказывает: «Учили хорошо. Почти все учителя и врачи были ссыльными. Немецкий язык у нас преподавал Метельский Всеволод Георгиевич – выпускник Венского университета. В поселке был врач по фамилии Канделаки, говорили, что он лечил самого Сталина²... Классным руководителем у нас был учитель физики – фронтовик, офицер-артиллерист».

Юрий Васильевич вспоминает, как участвовал в спартакиадах в конце каждого учебного года, как в 16 лет впервые выпил водки. «Мы в футбол играли, заняли первое место. Директор школы дал нам 10 рублей, ну мы их и потратили, – улыбается Юрий Васильевич и продолжает: – Сейчас я себе такого представить не могу, а тогда почему-то были такие простые отношения, хотя директор и был человеком строгим, любил дисциплину».

¹ В настоящее время большая часть территории Виленской губернии входит в состав Белоруссии, остальная, включая бывший губернский город Вильна (ныне Вильнюс), – в состав Литвы.

² Вероятно, имеется в виду Сергей Петрович Канделаки (1895 г.р.), врач-терапевт (о нем в открытом списке жертв политических репрессий см.: [https://ru.openlist.wiki/Канделаки_Сергей_Петрович_\(1895\)](https://ru.openlist.wiki/Канделаки_Сергей_Петрович_(1895))).

* * *

Отец Юрия Васильевича работал драгером на драге Ангарского золотосурьмяного комбината³. У директора комбината было три сына, с ними Юрий Васильевич дружил. «Жили тогда просто. Тогда не было разницы, кто у тебя отец – директор или простой драгер... У их отца в столе пистолет лежал, без патронов конечно. Мы доставали, смотрели».

Старший из сыновей директора комбината поступил в НЭТИ, приехал на каникулы, рассказывал: «Учат там хорошо. И ректор нормальный, в спортлагере⁴ мы у него на животе в карты играли».

Но определяющими в выборе профессии для Юрия Васильевича стали слова отца. Он рассказал ему, куда поступает. Отец открыл справочник, посмотрел: «Улица Карла Маркса, дом 20. Хороший университет, улица хорошо называется» – и спросил тогда, на каком факультете сын хочет учиться. Юрий Васильевич заинтересовался радиотехническим. Отец был человеком проницательным и порекомендовал: «Не ходи. Там детали мелкие – тебе не подойдет». Юрий Васильевич рассказывает: «Он оказался прав. На комбинате кроме драг были шахты, в них добывалась сурьмяная руда, ее на поверхность поднимали с помощью транспортеров. Когда на ленте транспортера оказывались посторонние предметы – инструменты или части механизмов, звучал сигнал, мигал специальный фонарь. Мужики, которые работали там, называли эту систему телемеханикой. Мне тогда эта система и ее название понравились. Ну, я и поступил на специальность "Автоматика и телемеханика"».

Юрий Васильевич говорит о своем отце: «Для меня он самый уважаемый человек. Для него лучшая оценка человека была такая: "Этому два раза повторять не надо"».

* * *

Поступать в НЭТИ Юрий Васильевич приехал вместе с одноклассником, их поселили в общежитие. Ему запомнилось, что в холле II корпуса робот стоял и всех приветствовал. «Уу! Интересно было!» – вспоминает Юрий Васильевич.

³ Ныне частично входит в состав ЗАО «Прииск Удерейский».

⁴ Имеется в виду спортивный лагерь НГТУ «Шарап».

Как медалист, он сдавал только один экзамен и получил пятерку – поступил. Затем вернулся домой на рыбалку ходить хариуса ловить: «Тогда до нас добирались на самолете, летали десятиместный АН-2, трехместный ЯК-12. ЯК-12 забавные были: чуть кто большой чемодан возьмет – он уже не тянет, прямо над деревьями идет...»

* * *

В институте Юрий Васильевич учился хорошо, рассказывает, что «по ТОЭ одно время было трудно, но потом подпружинился, и пошло нормально».

Занимался спортом: лыжами, волейболом, футболом, стрельбой.

Однажды научный руководитель дал ему задание сделать стенд для лабораторной работы из деталей, списанных с самолета. Юрий Васильевич сделал, разобрался, появилось ощущение, что стал намного грамотнее в технике, пришла уверенность, началось творчество.

А другой преподаватель, Юрий Васильевич сегодня называет его «авантюристом», предложил ему заняться разработкой трехпозиционного триггера с целью модернизировать всю вычислительную технику и едва ли не претендовать на Нобелевскую премию. Юрий Васильевич вдохновился и потратил много сил и времени на эту работу, наконец сказал преподавателю: «У меня не получилось». Преподаватель ответил: «Я тоже занимался, и у меня тоже не получилось».

В то время в НЭТИ царило убеждение, что надо заниматься тем, что приносит человеку пользу: создавать, конструировать, усовершенствовать. Преподаватель Юрия Васильевича по экономике часто говорил студентам: «Не дай бог вам работать руководителями», не желая им участи административных работников.

Юрий Васильевич рассуждает: «Тогда в НЭТИ прививалось естественно-научное мышление. Оно кажется более четким, менее склонным к вранью. Законы природы всегда остаются законами природы. За пределами естественных наук ответственность за намеренные и случайные ошибки менее очевидна и наступает гораздо реже, чем за ошибки в физике, химии, математике... В естественных науках нельзя имитировать

работу, можно лишь работать по-настоящему. Это как будто бы делает человека более здоровым в моральном плане.

Еще мы тогда усвоили, что нельзя браться за ту работу, которую не сможешь сделать хорошо, что совесть – одно из важнейших качеств руководителя.

Нам говорили: «Если взялся руководить, дал задание, надо на 70 % понимать, как его выполнить. Если ты руководитель, надо предполагать, что тебе придется участвовать в работе. Просто руководить не получится». Сегодня я говорю: нельзя руководить целыми отраслями промышленности, ничего в них не понимая. Меня сегодня больше всего огорчает засилье эффективных менеджеров на производстве, у них нет базовых профильных знаний, нет естественно-научной базы, их пересаживают с места на место, из одной отрасли в другую. Основной принцип их руководства прост, примитивен: «Куда дал деньги, там и пойдет работа», а результат им мало интересен... И никто не помнит, что И.А. Крылов еще в XVIII веке написал в басне «Квартет», что надо «уши понежней», а не музыкантов пересаживать».

* * *

Вспоминая и оценивая последствия перестройки, Юрий Васильевич говорит: «Мне отец говорил: «Лежит чужое, не твое – не бери. Человек забыл, придет и возьмет». А тут заводы посхапали! И им хоть бы что... будто бы так и надо».

Он рассказывает, как в студенчестве проходил с однокурсниками практику на заводе «Сиблитмаш». Дали задание вымыть окна в литейном цехе, платили за это много, 30 рублей за день. «Я потом к отцу приехал довольный, купил что-то, рассказываю, что был на практике. Он спросил, сколько я заработал. Я ответил. Он посмотрел на меня и говорит: «Ну, это вы кого-то обманули». Больше мы об этом не говорили. Меня поразила тогда эта коренная, народная мудрость. Я понял тогда, что нельзя заработать миллиард».

* * *

После окончания НЭТИ Юрий Васильевич по распределению попал на Новосибирский приборостроительный завод и начал работать инженером-технологом.

...Этот завод был основан в 1905 г. в Риге как оптические мастерские Карла Цейса. В 1914 г. завод был национализирован и переведен в Петербург, затем много раз переезжал и в 1941 г. оказался в Новосибирске. Во время Великой Отечественной войны он был самым большим оптическим заводом СССР, обеспечивал приборами сухопутные войска.

К 1991 г. на заводе работало 11 800 человек. Среди рабочих прошел референдум, на котором более 60 % проголосовали за то, чтобы остаться государственным предприятием: «Что будет – то будет».

Объемы производства упали. Директор завода, при котором Юрий Васильевич пять лет был заместителем, умер на посту. В 1999 г. Юрий Васильевич стал генеральным директором. В то время зарплату на заводе не выплачивали 15 месяцев, а долги по налогам и сборам превышали годовой объем производства. Он говорит: «Я с 1970 г. на заводе. У меня одна запись в трудовой книжке».

За годы его руководства объемы производства выросли в 19 раз, были погашены все долги предприятия. Сегодня завод – акционерное общество с государственным участием, наряду с четырьмя заводами входит в государственную корпорацию «Ростех».

* * *

Рассказывая о судьбе завода, Юрий Васильевич сетует на нехватку людей с естественно-научной картиной мира: «Многие высшие руководители до сих пор не научились зарабатывать деньги, они могут только тратить бюджет, а способы его приумножения им неведомы. Многие увлечены цифровой экономикой, но не понимают, что она не может быть целью, она лишь средство, инструмент, а целью должно быть развитие производства!

Я пытался-пытался наладить диалог с управленцами, которые над нашим заводом стоят. А однажды мне сказали: "Хороший ты мужик, но сибиряк. Иди отсюда и не приходи больше". Потом не стали пускать в кабинет...

Вот дали тебе краски. Ими можно картину нарисовать. Скажем, "Девятый вал" Айвазовского. Но мало кто отважится сегодня рисовать "Девятый вал". Надо быть уверенным, что ты

эту картину потом продашь. Проще покрасить этой краской гнилой забор или перепродать краску подороже.

Когда я уходил с поста генерального директора, у завода были училище, приборостроительный техникум. Сегодня их нет. От Урала до Тихого океана больше не готовят инженеров-оптиков. Некому работать».

* * *

Кроме завода, еще одним делом жизни для Юрия Васильевича стало создание новосибирского планетария.

Его история началась в 1940-е гг. Приборостроительный завод тогда начал организовывать производство в Ленинске-Кузнецком. Тогда там жил будущий известный режиссер и автор научно-популярных фильмов, работавший на студии «НовосибирскТелефильм», – Леонид Леонидович Сикорук. В 1943 г. отец принес ему с работы два стекла, из них он сделал телескоп и стал смотреть на звезды, увлекся астрономией. Став взрослым, в 1973 г. он пришел на Новосибирский приборостроительный завод с идеей открыть в СССР производство любительских телескопов. С 1978 г. их начали выпускать.

О точности, которая требуется для производства телескопов, Юрий Васильевич говорит: «Если ты можешь изготовить зеркало для телескопа, никакие оборонные заказы не страшны».

Когда на приборостроительном заводе не было оборонных заказов, он успешно экспортировал телескопы в Англию и другие страны.

В 2006 г. завод организовал Сибирский астрономический форум «Сиб Астро». Говорили о профориентации будущих оптиков, о возвращении астрономии в школьную программу, приглашали космонавтов. С тех пор форум стал ежегодным. После первого форума Сикорук предложил идею постройки планетария. Юрий Васильевич доложил об этой идее на городском Совете, идея была поддержана.

В 2011 г. состоялось открытие планетария. Юрий Васильевич говорит: «С ним город приобрел новое качество. Там занимаются ребяташки – смотрят в небо. Я еду мимо планетария, смотрю – от него какое-то добро исходит. Много усилий было вложено в его создание, многие люди увлеченно участвовали в нем».

* * *

О досуге Юрий Васильевич говорит так: «Без работы я не грущу. Есть чем заняться.

Люблю охоту: утка, глухари в Караканском бору, козы. Люблю в палатке спать, смотришь: озеро, лебеди плавают. Или рыбалка – тишина, поплавок, мысли всякие.

У меня есть токарный станок, сварочный аппарат. Всё сам делаю: мебель, качели, турники, лесенки, баню. Это свобода. Понадобилось что-то – сам сделал.

Снегоход у меня есть.

Мемуары люблю читать».

МИЛЛЕР ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ

**Выпускник 1970 года, факультет
автоматики и вычислительной
техники (АВТФ)**

Заместитель министра культуры НСО (2005–2012). Начальник Управления культуры администрации НСО (2000–2004). Директор Новосибирской филармонии (1987–2000). Директор Дома культуры им. В.П. Чкалова (1985–1987). Инженер, руководитель подразделения НАПО им. В.П. Чкалова (1970–1985). Заслуженный работник культуры РФ.

«Я еще что-нибудь расскажу...»

«Мы люди косноязычные, – кокетничает Владимир Григорьевич, – будем говорить как умеем, а ты напиши хорошо!» И вдруг спрашивает: «А ты знаешь генерала Миллера? Был такой генерал в Гражданскую войну...» Что ему этот генерал?.. Что ему эта Гражданская война?.. На личной страничке в соцсети «ВКонтакте» у Владимира Григорьевича фотография, на которой он в казачьем мундире с медалями...

* * *

Родился Владимир Григорьевич в Забайкалье, в Читинской области, в городе Балее. Как он говорит, «там, где бродяги рыли золото в горах». Сегодня город Балей называют умирающим. За двадцать последних лет его население сократилось с 20 000 до 10 000 человек. В конце 1940-х Балей тоже был маленьким городом, райцентром: 30 000 жителей, золоторудное месторождение, исправительно-трудовой лагерь. Владимир Григорьевич рассказывает: «Я помню лагерь спецпересе-

ленцев. Помню, как эков возили на машинах на работу в шахты. Мне даже кажется, что мы с ребятами играли едва ли не на территории зоны. Иногда играли в чику и в пристенок¹, иногда дрались с какой-то шпаной... Одно из ярких впечатлений детства – 1953 г., смерть Сталина. У одних ребят при Сталине маму арестовали, Сталин умер – и она вернулась домой...

Помню еще в клубе было два портрета – Сталина и Ленина. Потом Сталина заменили на Ленина, и оказалось два Ленина...

Когда я через 40 лет после окончания школы вернулся в Бaley, я не увидел своих ровесников: этот умер, этого посадили, этого убили, этот память потерял – не узнает меня...

Вспоминая Забайкалье, я всё время думаю про Новосибирск: «Какая же это Сибирь?» Настоящая Сибирь – это Забайкалье: там зимой нет ветра, и снега действительно бескрайние что в ширину, что в глубину...

В пятом классе у меня обнаружилась проблема с сердцем – недостаточность митрального клапана. Мы с друзьями бродили по сопкам, лазили по снегу. Я простыл, заболел. У меня случился ревматизм, меня на месяц положили в больницу и давали таблетки для аппетита. Я съедал по три-четыре порции за раз и потолстел. Когда после болезни пришел в школу, учительница меня не узнала. Подумала, что я новенький.

Я был, наверное, самым тихим и воспитанным мальчиком в школе. Был там, как я считаю, «чемпионом мира» по эстраднему чтению. Читал, наверное, неправильно и не очень хорошо, но очень эмоционально. Народ слушал замерев, и всегда многие дамы плакали и аплодировали. Я специально выбирал жалобные стихи и прозу. В десятом классе я провалился на смотре самодеятельности, обиделся и больше не выступал. Вернулся к этому уже на третьем курсе. Я даже в студенческом хоре числился, но не пел там, потому что слуха не было, а читал стихи и вел концерты.

Когда я заканчивал школу, вместо 11 классов установили 10. Я закончил 11-й класс экстерном одновременно с 10-м клас-

¹ Дворовые игры на деньги, популярные у подростков первой половины и середины XX века.

сом и поехал поступать. Мой брат отправился учиться в Иркутск, а я решил рвануть еще дальше и оказался в Новосибирске. Искал специальность непонятную и привлекательную, в НЭТИ мне приглянулась "Автоматика и телемеханика". Ни одного из этих слов я не понимал. Думал, что когда закончу институт, то буду чинить телевизоры. В Балее я тогда телевизоров еще не видел, они казались волшебством.

Мы с другом пришли в приемную комиссию, "как фраера" – на рубашках значки первого разряда по баскетболу! Какая-то дама на нас наехала: "Как вам не стыдно! Значки нацепили! Хотите по блату поступать!".. Тогда как-то лояльно относились к спортсменам... Мы сдали экзамены, набрали приличные баллы, поступили. На втором курсе я стал капитаном команды НЭТИ по баскетболу, был членом сборной города и области.

Я участвовал в строительстве НЭТИ. Дело в том, что II корпус строили эки, и поэтому вокруг него был забор. Потом, когда корпус построили, мы этот забор разбирали. Мне было интересно, я залез на наблюдательную вышку – вышка упала. Слава богу, всё обошлось, но приземлился я вместе с этой вышкой буквально в нескольких сантиметрах от столба!..»

* * *

Первые полгода студенчества Владимир Григорьевич жил на квартире, потом переселился в общежитие, и началась веселая студенческая жизнь. Он рассказывает: «Как-то в воскресенье пили в комнате пиво и вспомнили, что 22 апреля – день рождения Ленина. Мы разбудили всю общагу и стали читать стихи, посвященные Ленину.

На 4-м курсе меня назначили председателем спортивного клуба. Там вечно недосчитывались то талонов, то спортивных костюмов, впервые решили поручить это дело студенту... Я был бестолковый, но честный: ни украсть, ни покараулить. Меня освободили от каких-то занятий, определили мне отдельный кабинет, и мы там с друзьями иногда пили пиво. Я чувствовал себя просто хозяином жизни! И однажды взял и выплеснул из банки остатки пива в окошко и попал на заведующего кафедрой физкультуры и спорта. Он, возмущенный,

через несколько минут к нам в дверь постучал, мы извинились, объяснили ему, что это всего лишь пиво...

Как-то мы организовывали спортивный вечер, думали – пара приветственных слов и танцы. А меня заставили написать идеологически выверенный доклад с цитатами из высказываний Генерального секретаря партии. Мне было неловко выискивать эти цитаты в материалах съезда, но я всё сделал, а когда читал доклад, выкинул из него все эти цитаты... Мы хотели эстрадный оркестр. Нам сказали: "Какой эстрадный оркестр! Возьмите баяниста и песенки хором попойте".

За годы учебы преподаватели не нарыли во мне ни инженерных, ни исследовательских талантов... Я всегда занимался общественной работой и самодеятельностью».

Владимиру Григорьевичу даже посчастливилось побывать в студенческом зарубежном стойотряде, сначала в Чехословакии, потом в Польше. Он рассказывает: «Меня на собеседовании спрашивают, умею ли я на гитаре играть. А я отвечаю, что брэнчать немного могу, а на самом деле не умел. Когда мы отрядом впервые собрались, оказалось, что толком играть на гитаре из нас никто не умеет... А я еще на тренировке ногу тогда повредил, и у меня был постельный режим, но я всё равно удирал из больницы играть в баскетбол.

И мы поехали! Это были незабываемые впечатления! Когда на границе в паспорте мне поставили отметку, я подумал: «Надо сохранить паспорт – показать детям и внукам, что я был за границей». Это казалось невероятным! Тот запах за границы я помню до сих пор: запах острый и вкусный, там даже железнодорожное полотно и магазины пахли не так, как у нас. Я там пиво научился пить. Чешское.

Мы там на стройке две недели рыли какую-то яму, потом приехал экскаватор и за пять минут всё выкопал...

Я привез оттуда две нейлоновые рубашки, спортивный костюм, кроссовки. Мне тренер сказал: "Ты в этих ботах ноги сломаешь". И вправду я в них голеностоп вывернул... А еще я привез женские перчатки, и они у меня были, к сожалению, переходящими: я с девушкой подружусь – дарю ей эти перчатки, расстаюсь – она мне их возвращает, а я их новой дарю. Последняя не вернула...

Иногда мы целой студенческой бригадой ходили калымить. Где и что только мы ни разгружали! Особенно мне понравилось ходить на пиввинкомбинат. Мы грузили там мешки с посудой и пили свежайшее пиво! Оно казалось божественным – прямо из трубы завода!

Ходили на танцы в ДК им. Клары Цеткин и в ДК “Металлург”...»

* * *

После института Владимира Григорьевича пригласили в первую профессиональную баскетбольную команду, которая создавалась на Новосибирском авиационном заводе. Ректор Георгий Павлович Лыщинский говорил ему: «Оставайся на кафедре», он ответил: «Не могу, я уже пообещал на заводе...» И пошел на завод. Владимир Григорьевич сегодня вспоминает: «Слава богу, мне тогда хватило ума отказаться от баскетбола, не таким уж и перспективным я был спортсменом. Я остался на заводе инженером, дорос до начальника лаборатории, потом стал начальником участка... Я работал в цехе входного контроля. Мы проверяли всё электронное оборудование для самолетов СУ-24, поступавшее с разных заводов.

На заводе меня избрали в бюро комсомола, я там спортивным отделом заведовал. Меня отправили в Институт марксизма-ленинизма на вечернее отделение. И так получилось, что в жизни я его окончил два раза: первый раз по направлению “Журналистика” – выбрал то, что полегче, а второй раз уже неважно по какому направлению, это было через несколько лет и для галочки...

Я проработал на заводе пятнадцать лет: двенадцать лет в цехе и три года конструктором.

К тому же я был председателем Общества книголюбов. Мы делали тематические вечера: изображали литературных героев, готовили сценки, делали костюмы, приносили белое сухое вино. Мы сдавали макулатуру, в обмен нам давали книжки... Мы стали организовывать на заводе Дни литературы и искусства: к нам приходили местные писатели, выступали в цехах, потом в ДК им. В.П. Чкалова проводились общие встречи. К нам однажды даже приезжал сам Анатолий Иванов,

автор романов “Вечный зов” и “Тени исчезают в полдень”, он был очень большим человеком – членом ЦК КПСС. Местный обком партии тогда стоял на ушах: “Как так! В город прибыл член ЦК КПСС, а мы ничего не знаем!”

В 1985 г. позвали директором ДК им. В.П. Чкалова. В партию я никогда не рвался, но для такой должности надо было быть партийным, и меня приняли без очереди.

В то время в стране был сухой закон, и меня как директора ДК обязали вступить в Общество трезвости, у меня до сих пор сохранились членский билет и специальный значок, который там выдавали. И я как честный молодой коммунист два года действительно совсем не употреблял алкоголь и противодействовал его употреблению в ДК. Как-то отмечали юбилей завода: на столах бутылочки пепси-колы, а в них спирт разведенный, и все пили, даже руководители и начальники, один я среди них был трезвый!.. Надо мной все шутили, смеялись. Потом уже я решил, что это, конечно, глупость моя...

А потом в 1987 г. предложили на выбор стать или директором филармонии, или директором нового Театра юного зрителя (это нынешний “Глобус”). Я выбрал филармонию. Мое первое впечатление было невеселым: здание старое, потолок падает, стоят для безопасности деревянные леса. Я подумал: “Ё-моё, куда я пришел!..”

Потом меня позвали министром культуры области, тогда это называлось “начальник Управления культуры”... А когда я вышел на пенсию, я вернулся в филармонию».

* * *

Владимир Григорьевич рассказывает, что всегда много читал, что внимательно относится к современной русской литературе. Прочел Владимира Сорокина и Алексея Иванова, и Евгения Водолазкина, и Захара Прилепина, и Михаила Елизарова...

Владимир Григорьевич сам пишет стихи и прозу. Называет всё это «миллерунчиками» по аналогии с «гариками» Игоря Губермана. Время от времени издает томик сочинений. В предисловии к одному из них сказано: «Читатель дорогой! Ровно десять лет назад вышла первая книжица моя, и вот уже

шестнадцатый том, всего-то за десять лет. От юбилея к юбилею. Плодовитый оказался сочинитель, не правда ли? Не пора ли остановиться, оглянуться? Пора, брат, пора. Тем более что обещал ведь в предыдущем томе, что ухожу в подполье, в стол писать начну... Впрочем, загадывать не будем, а пока – читайте и улыбайтесь. По крайней мере, автор сам всегда улыбается».

На прощание говорит: «Где бы я ни работал, что бы я ни делал, мне всегда было интересно. Меня всегда окружали такие люди. Сказка, а не люди! Я, наверное, изначально был больше управленцем, чем инженером. В сфере культуры очень интересно: люди “культур-мульти” все разгильдяи, тут нельзя управлять так, как это делают, скажем, на военном заводе... Ты заходи ко мне на неделе, выпьем хорошего коньяку, поговорим, я еще что-нибудь расскажу и книжку свою новую подарю».

МИНХ ИРИНА ЭДВИНОВНА

**Выпускница 1987 года,
электромеханический факультет
(ЭМФ)**

Баскетболистка. Заслуженный мастер спорта СССР. Чемпионка Олимпийских игр в Барселоне (1992). Многократный призер и победитель чемпионатов мира и Европы. Президент женского профессионального баскетбольного клуба «Динамо».

«Я всем докажу!»

Ирина Эдвиновна озорная, веселая. Она рассказывает о своей жизни так, словно ведет мяч по игровой площадке – уверенно, чуть иронично, рисует прихотливый орнамент траектории движения. Смеется: «Я думаю, за час мы справимся! Всё сделаем быстро – мы же спортсмены!» И мы действительно говорим ровно час, и за этот час главное оказывается сказанным.

* * *

Ирина Эдвиновна родилась в семье этнических немцев в городе Черепаново Новосибирской области. Ходила в детский сад, потом в школу, любила математику, физику и спорт. В Черепаново всерьез можно было заниматься только беговыми лыжами. Ирина Эдвиновна вспоминает: «Мне нравилось, но мерзли руки, ноги немели...»

Она говорит, что родители дома по-немецки разговаривали только тогда, когда ругались, – чтобы дети не понимали. Языку детей не учили, но отец просил после замужества сохранить фамилию «Минх». Ирина Эдвиновна вспоминает: «Самому простому немецкому языку нас научила бабушка. Она говорила:

“Komm zu mir!”¹, “Komm ein bißchen essen”², “Blitz und Donner!”³, “Scheiße!”⁴... Бабушка говорила: “Кип мир праут”, так на ее диалекте звучала фраза “Gib mir Brot”, что значит “Дай мне хлеб”... “Komm ein bißchen essen” она произносила так: “Ком писи эсэ”, а мы смеялись...

В седьмом классе я увидела объявление, что в школе открыта секция баскетбола, пошла туда вслед за старшей сестрой. Вместо заснеженной лыжни – теплый зал. Командный дух! Мяч! Игра! Я поняла, что создана для командного спорта.

Моим первым учителем физкультуры был Фисенко Петр Алексеевич, а первым тренером – Цибулевский Валерий Викторович. Я участвовала в соревнованиях школьников, бегала за команду Черепаново. Он увидел меня, потом рассказывал: “Смотрю – суматошная, бегают, как сайгак!” В девятом классе он пригласил меня на каникулах потренироваться с командой “Динамо”. Надо было встать в 6 утра, поехать на электричке в город. Я почему-то испугалась, а батя мне говорит: “Ну и езжай! А не хочешь – не езжай!” Я говорю: “Я хочу”. Села, поехала, реву, думаю: “Куда я еду? Одна! В какой-то огромный город”. Рыдала, наверное, до Искитима, потом устала рыдать.

Прихожу в “Динамо”, а там девочки, модные, в костюмах, выходят тренироваться. А я взяла с собой маечку и шортики, а в зале холодина! Я водолазку надела, стою в водолазке и в шортиках, а девочки надо мной смеются: “В чем приехала, в том и на тренировку пришла”. Я думаю: “Да ну вас всех!” Началась тренировка – я всё лучше всех делаю. Потом тренер меня похвалил и дал мне чью-то старую олимпийку.

Каникулы кончились, тренер вручил мне план тренировок, я вернулась домой. В школе появилась секция легкой атлетики, в школьном зале было по-прежнему тепло. Но через несколько месяцев, когда я заканчивала девятый класс, в Черепаново приехал тренер и пригласил меня учиться в десятом классе в Новосибирске, жить в спортивном интернате и поступать потом в институт по спортивной линии. А мой отец сидел, курил, слушал это и спрашивает: “А кто дома работать будет?”

¹ «Иди ко мне!».

² «Идите немножко поешьте».

³ «Гром и молния!»

⁴ Немецкое ругательство.

Матери тяжело, брат только во второй класс перешел...” И не разрешил мне ехать. Я так рыдала... Потом только, уже взрослой, поняла, что отец меня правильно тогда не отпустил: я получила образование, а те, кто учился в спортинтернате, были в большинстве своем двоечниками.

Мне повезло: я начала заниматься баскетболом в 14 лет, а через 4 года уже поехала на чемпионат Европы. Тогда, кстати, чемпионат Европы выиграть было проще, чем чемпионат СССР, на котором были представлены все республики».

* * *

Сестра Ирины Эдвиновны училась в НЭТИ. Каждый раз, приезжая домой, она рассказывала, «как великолепно учиться на РТФ, как классно жить в общежитии № 1 – как будто семьей, как пчелки в улье!». Твердила о веселье и дискотеках по субботам: «Мальчишек много! Я единственная девчонка в группе, мне все помогают!» Ирина Эдвиновна резюмирует: «И через два года таких рассказов у меня не было сомнений в том, где я хочу учиться. И я приехала и увидела огромный студенческий мегаполис! Мне было безумно страшно! Я думала: хорошо, что у меня здесь есть сестра... А потом училась, долго. Два раза оставалась на второй год из-за занятости в сборной СССР. Поступила на специальность “Электрические печи”, а заканчивала “Электрический транспорт”. Я обожала высшую математику, но больших успехов в учебе у меня, конечно, не было. Я была твердой троечницей, очень хотела учиться, но не успевала. Зато когда были межфакультетские соревнования по баскетболу, вот тут я всем показывала, что я звезда, а не печенюшка!

Преподаватели чаще всего меня понимали. Я вставала в 6 утра, вся общага еще спала, к 7 часам ехала на тренировку в “Динамо-Центр”, потом торопилась-опаздывала на лекции, потом переписывала пропущенные лекции, разбиралась в них. Мне повезло: в группе у меня была подружка, которая училась очень хорошо, она и школу с золотой медалью окончила. Она мне помогала, и ей нравилось меня учить, и мне нравилось у нее учиться. Мы до сих пор дружим. У нее педагогиче-

ский талант, она сейчас работает в школе преподавателем физики.

Учиться было очень тяжело, но я понимала: если ты взялась за дело, его надо закончить. Тем более что у меня был строгий отец, он мне после школы сказал: "Если не поступишь в институт – домой не приезжай"... Он был инвалидом и рано умер, когда мне было двадцать лет. И я всё студенчество думала: "Батя говорил, что я должна закончить институт, значит, я должна закончить институт"...

Когда училась на третьем курсе, приехала домой, отец мне говорит: "Всё, на следующий год диплом". Я призналась, что дважды оставалась на повторное обучение из-за спортивных сборов... Как он меня ругал! Как он на меня кричал: "Кому ты будешь нужна без образования!"...

На все сборы я брала с собой учебники, приезжала и доделывала лабораторные работы со студентами-вечерниками...

Мне нравилось жить в общежитии! Помню первый Новый год! Было так интересно, весело! Городские ребята прибегали к нам в гости, завидовали нам...

Моя сестра училась уже на третьем курсе, ей дали комнату на двоих, а мы жили вчетвером, так вот я уходила иногда ночевать к сестре, и она меня от дежурных два месяца прятала в шкафу. Мне дали место в четырехместной комнате с четырьмя кроватями. Я захожу – все кровати заняты, спрашиваю у коменданта, что мне делать, а она мне: "Пошли! Раскладушку дам". Так я и гремела каждое утро в 6 утра этой раскладушкой, но с соседками мы очень сдружились.

А еще тогда строили станцию метро "Студенческая": кругом грязь, грохот! Сваи забивают и в субботу, и в воскресенье!.. Тогда на это досадовали, а теперь думаю: "При нас метро строилось. Так приятно"...

В сентябре меня освобождали от поездок в колхоз, потому что мне надо было на сборы. А мне было жалко, я бы поехала! Ребята возвращались оттуда, столько рассказывали про костры, про песни под гитару! А я взахлеб слушала.

По субботам я ездила домой, родители давали с собой картошку и мясо... А в это время в общежитии была дискотека, все танцевали, и я ужасно завидовала, думала: "Какие же они веселые, им не надо ехать домой!"...

Производственную практику проходили в трамвайно-троллейбусном тресте. В книжках всё описывалось как чистенькое, а на самом деле там оказалось мрачно, грязно. Я один день сходила и больше не пошла, потом мне эту практику как-то зачли. Помню, немножко порулить дали трамваем – в депо, по кругу и на учебном макете...

С 1981 г. я занималась спортом профессионально. В 1983 г. на чемпионате Европы по баскетболу наша команда заняла 2-е место среди молодежи, это считалось позором. Я думала: "Сейчас приеду, вернусь, и меня отчислят из института, выгонят из комсомола, потому что Советский Союз нельзя позорить 2-м местом"... В 1984 г. были Олимпийские игры в Лос-Анджелесе. Меня пригласили на сборы, но по политическим причинам советские спортсмены на игры не поехали.

В 1985 г. мне исполнилось 20 лет. В Японии проходила Универсиада, мы заняли там 1-е место. Я вернулась, пришла в деканат, принесла золотую медаль и картинку, на которой поезд на воздушной подушке мчится над городом! Волшебство! А около деканата на доске висит моя фотография с поздравлениями, студенты читают и обсуждают:

– Ой, что-то мы не видели, чтобы она у нас училась!..

Мне так обидно стало, я говорю:

– Как это вы меня не видели? Постоянно на лекциях в большой аудитории!

Они оборачиваются и удивленно спрашивают:

– Ой, а это ты, что ли?..

Я отвечаю:

– Конечно я! – И, изобразив обиженную, развернулась и ушла. Чтоб знали!

Я помню, как с гордостью заполняла какую-то анкету, писала, что я из города Новосибирска, что я студентка Новосибирского электротехнического института! Я и сейчас люблю всем сердцем и стены НЭТИ, и город. Всегда с большим теплом думаю: вот мой край, любимый, родной, любимый Новосибирск, грязненький, пыльный, контрастный, родной. Я всегда возвращаюсь в него с радостью, всегда с ним здороваюсь. Когда уезжаю, думаю: быстрее бы вернуться обратно. Было время, я уезжала работать за границу, была там 12 лет –

в Израиле, в Австрии, в Германии. Но говорят ведь: "Сколько волка ни корми, он всё время в лес смотрит..."

Распределения после защиты диплома у меня не было. Я выступала за команду "Динамо", сначала числилась сержантом милиции, потом с каждой крупной победой присваивали очередное звание. После защиты диплома я стала младшим лейтенантом.

Когда получила диплом, подумала: "Всё, батя, я получила диплом, как ты и хотел..."

Всегда думала, что НЭТИ в Новосибирске – лучший вуз. Правда, в то время элитными считались еще нархоз и торговый. Там учились девчонки, которые носили самые красивые платья. Зато в техническом вузе, я до сих пор в этом уверена, учатся самые умные».

* * *

В 1989 г. у Ирины Эдвиновны появилась дочь. Она вспоминает: «Очередь за трехлитровой банкой молока. Стоишь с коляской, с маленьким ребенком... Ни продуктов, ничего. Нам, спортсменам, конечно, помогали с питанием, но хотелось жить по-человечески, хотелось кормить ребенка фруктами. И я уехала за границу. Кстати, почти вся наша команда так разъехалась в 1990-е гг. по разным странам.

В Израиле я играла за команду кибуца, это что-то вроде коммуны. Я жила, как будто в коммунизме: утром дочь отводила в садик, белье относила в прачечную, потом все шли на завтрак в столовую, потом у меня были тренировки, вечером забирала дочь из садика, а чистое белье, выглаженное, в стопочке, – из прачечной. Из всех хозяйственных забот мне надо было только пыль протирать в своем домике!.. Потом поехали в Германию. Я подумала, что всё-таки я немка, и мне предложили там контракт...

Когда работала в Бонне, забрала маму к нам, в Германию. Она умерла там и завещала похоронить ее в селе Карасёво Черепановского района, рядом с родителями. Так мы и сделали.

Дочь почти выросла в Европе, но я всегда учила ее русскому языку, дома мы говорили только по-русски. Когда мы вернулись в Россию, она училась в девятом классе. Директор Галина Павловна боялась брать ее в школу, говорила, что

успеваемость понизится из-за того, что в Европе совсем другая школьная программа... Но мы относились к этой школе по прописке, и мою дочь не могли не взять. Она сразу стала побеждать в олимпиадах по английскому и немецкому языкам, и та же директриса, которая не хотела ее брать в школу, сказала, что школа ею гордится. После школы дочь поехала учиться в США, в университет, по баскетболу. Через три года приехала на каникулы и говорит: "Мама! Как в России хорошо! А можно я здесь иняз закончу?..", и не поехала больше в Америку.

Перестройка позволила многим моим ровесникам продлить спортивную карьеру. В Советском Союзе конкуренция спортсменов была столь высока, что редко кто из баскетболистов играл после 28 лет. А когда множество республик стали отдельными странами, стал очевиден дефицит кадров. Мне повезло активно выступать аж до 40 лет.

В 1992 г. мы победили на Олимпийских играх в Барселоне. СССР уже не было, России еще не было. Мы выступали под белым флагом с олимпийскими кольцами. Назывались командой СНГ, командой, у которой не было страны и государственного флага... Поэтому так сложилось, что государственных наград у меня нет. Зато есть медали – моя гордость. К сожалению, эпоха больших побед нашей команды ушла, и я очень хочу, чтобы она вернулась. Я люблю тренерскую работу, верю в моих учениц и, как когда-то говорил мне отец, говорю им, что обязательно нужно получить высшее образование».

МИХАЙЛОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

**Выпускник 1981 года,
самолетостроительный
факультет (ССФ)**

Основатель и генеральный директор ЗАО «Интеграл» и ООО «Береговое». Кандидат экономических наук. Генеральный директор ОАО «Кузбассэнерго» (2000–2010). Генеральный директор банка «Алемар» (1997–1999).

Депутат Новосибирского областного Совета народных депутатов (1991–1996).

«Высаживались на острова с пингвинами...»

Детство Сергей Николаевич провел в городе с романтическим названием Тайга в Кемеровской области, в четырех часах езды от Новосибирска. После школы приехал в Новосибирск и прожил в нем до сорока лет. Когда возглавил «Кузбассэнерго», стал жить на два города, построил себе домик на берегу Томи в поселке Металлплощадка.

С детства Сергей Николаевич увлекался авиамоделированием, ходил в кружок, где ребята собирали самолеты, устраивали гонки планеров в полях за городом, собирали кордовые пилотажные модели. После школы Сергей Николаевич пошел на самолетостроительный факультет, говорит: «Думал даже, может, на летчика учиться, но мне взрослые говорят: "Ты же хорошо учишься, лучше что-то конструировать"». В НЭТИ он хотел пойти на «Самолетостроение», но в приемной комиссии так убедительно агитировали за направление «Динамика и прочность машин», что Сергей Николаевич сдал документы туда. Он вспоминает: «В общежитии подобрался очень интересный коллектив: один был выпускник ФМШ, другой – немец,

сын учительницы и любитель русской литературы, третий приехал с Дальнего Востока... У нас были диспуты, вечеринки, наша комната была центром притяжения компании. Студенческая жизнь меня захватила, поэтому домой я ездил редко, только на каникулы».

* * *

После института распределился в СибНИА, считавшийся тогда крайне престижным местом. Эту работу Сергей Николаевич вспоминает с удовольствием: «Было интересно». В двадцать четыре года он работал руководителем экспедиции, потому что «тем, кто старше, было лень по стране мотаться». Он вспоминает: «Мы собирали статистические данные по аэродромам, замеряли неровности взлетно-посадочных полос, полос для рулёжки. Жили в кунгах, еду на паяльной лампе варили. Так мы объездили всю Среднюю Азию и Прибалтику. Средняя Азия для нас была полна экзотики! Эти запахи на рынках! Баранинка! Шашлыки! Бутылочное пиво продавалось на улицах! А тут оно было в дефиците – за ним у ларька с трехлитровой банкой толкались... В Прибалтике подумал: “О! И так, оказывается, люди живут! Везде так чистенько, цивильненько, как в западных фильмах”...»

А потом в стране провозгласили перестройку. Сергей Николаевич рассказывает: “Появилась семья. Наука – это интересно, но надо было жить, содержать ребенка. А тут ни кола ни двора – жил в общежитии СибНИА. И меня подхватило движение МЖК¹. Я почитал, познакомился с ребятами, заразился этой идеей, стал участвовать в МЖК “Восточный”, потом меня внезапно на очередных выборах выдвинули на пост председателя оргкомитета... Я должен был ездить в Москву и выбивать деньги на строительство. Такими были мои первые командировки. Первый дом мы построили в 1989 г.

При МЖК мы стали создавать свое предприятие, собственную дирекцию стройки. Помню, был начальник налоговой инспекции Дзержинского района, такой сталинский старичок, он нам говорил: “Вы тут все жулики! Я вас насквозь вижу!” Пока он был в отпуске, мы зарегистрировались, получили статус

¹ Молодежный жилищный кооператив.

юридического лица, расчетный счет в банке. А тогда это всё только начиналось! Разрешали только комсомолу и научным организациям. А мы и не в структуре комсомола, и нигде. Было непонятно, в какую систему нас встроить. Я по возрасту был уже не комсомолец, так меня под это дело обратно в комсомол приняли.

Тогда же пошло движение по созданию центров технического творчества, которые делали разработки на заказ. Мы тоже организовали такой при МЖК, делали автоматизацию линий для заводов, окунулись в это дело. Сначала казалось легко, а потом договоры, сметы. Надо было всё это изучать...»

Встал выбор – оставаться в науке или уходить в хозяйство. Сергей Николаевич признается: «Я решил поставить крест на науке, хотя мой начальник за голову хватался: “Через год кандидатом наук станешь! И статьи уже есть!” А через год-два, когда мы с ним встретились, он сказал: “Наверное, ты прав...” В институте не было уже ни денег, ни заказов, а мы, наоборот, раскрутили свои предприятия. Я был председателем оргкомитета МЖК».

* * *

Создатели МЖК мечтали о том, что организуют жизнь микрорайона как-то по-новому: чтобы всё было и удобно, и полезно, и красиво, чтобы кругом царили дружба и порядок. Сергей Николаевич вспоминает интересный случай: «Однажды к нам обратились комсомольцы, на них вышли американцы, у них тоже есть такие поселения, коммуны. Они хотели бы породниться и пообщаться со строителями МЖК. К нам приехала парочка хиппи 1960-х гг., один председатель какого-то поселения, его звали Ховард, длинноволосый такой, интересный дядька. Он жил у нас, подружился с переводчицей. Помню, возьмет телефон, на пол ляжет и может почти час в трубочку: “Ла-ла-ла...” Потом мы отправили ответную делегацию в Америку...»

Много внимания на МЖК уделялось социальным вопросам, программе развития территории, создавались места для прогулок, сады, бассейн, турклуб... Сергей Николаевич выдвинул свою кандидатуру в областной Совет народных депутатов и

был по своему округу избран большинством – 70 % голосов: «На тех выборах я обошел даже директора какого-то большого завода, все удивлялись, кто я, откуда. А народ верил, что мы, молодежь, действительно что-то можем сделать для жилмассива. Мы смогли пробить решение, что часть налогов, которые платили наши предприятия, отправлялись в фонд оргкомитета МЖК. Это было уникальное решение, на эти деньги можно было заниматься благоустройством среды. Время было очень интересное! Я не представляю, чтобы сейчас кто-то добился освобождения от налогов на уровне местного Совета народных депутатов...»

В начале 1990-х гг. стали активно организовываться коммерческие банки. «Они росли, как грибы. Я подумал: я не банкир, но ничего страшного, разберусь. Пошел в нархоз², получил второе образование, вечернее, по специальности «Финансы и кредит». Закончилась моя МЖКовская жизнь и началась банковская. Тогда был создан банк «Алемар», учредителем его был Леонид Борисович Меламед, он был более опытным коммерсантом, чем я и мои товарищи по МЖК. Потом меня назначили председателем банка... Я ушел из банка, когда Меламед включился в реформирование энергосистемы вместе с Чубайсом³ и выдернул меня, говорит: «Банк маленький, ты его давно перерос. Займись большим предприятием 'Кузбассэнерго', оно сейчас в банкротстве, выводи его, восстанавливай».

С тех пор я «десантировался» в Кемерово. Мне тогда исполнилось сорок лет. Было обидно, что я себе офис строил-строил здесь, построил, трех недель в нем не отсидел, кабинет еще краской пах, а пришлось в Кемерово переезжать. Я окончил курсы управляющих по банкротству, познакомился с Тулеевым⁴. Он мне говорит: «Чубайс мне предложил три канди-

² Так в разговорной речи назывался Новосибирский институт народного хозяйства, ныне Новосибирский государственный университет экономики и управления.

³ Чубайс Анатолий Борисович (1955 г. р.) – политический деятель, экономист. Один из организаторов экономических реформ 1990-х гг., реформы электроэнергетики 2000-х гг. С 2011 г. председатель правления АО «Роснано».

⁴ Аман Гумирович Тулеев (1944 г. р.) – политический деятель. С 1997 по 2018 г. был губернатором Кемеровской области.

датуры. Из трех зол я выбрал меньшее – тебя. Давай работать”. Десять лет я там проработал, мне удалось вывести систему из банкротства через мировое соглашение – это был уникальный опыт. Поэтому “Кузбассэнерго” не распродан, а вышел из банкротства и через четыре-пять лет купил другую банкротящуюся систему – “Алтайэнерго”...»

* * *

Вместе с тем Сергей Николаевич создавал свое предприятие. Начал с лизинговой компании, потом занялся недвижимостью. «Покупали с аукционов бросовые объекты, доводили их до нормального состояния, потом продавали или сдавали в аренду. Потихоньку доросли до того, что начали строить в Кемерове и в Новосибирске. В Новосибирске наши крупные проекты – дом “Марсель”, достраивали массив “Театральный”...»

* * *

«Когда пришел в Кузбасс, – вспоминает Сергей Николаевич, – ребята заразили меня рыбалкой, катанием на снегоходе, горными лыжами. На лыжи я в сорок с лишним лет встал, раньше кататься не умел, но научился – и как-то потянуло, ребяташек на лыжи поставил, всю семью. Теперь уже катался и в Шерегеше, и в Альпах со всех сторон: и в Швейцарии, и в Италии, и во Франции, и в Австрии.

Но вообще лихими видами спорта не занимаюсь. Опять же возраст, суставы... Сейчас у меня хороший вездеход-амфибия Argo, который по болотам ездит. Мы с друзьями завели себе в Зеленогорске пасеку – десять ульев. Там старые рудники, горы, дикие непроходимые места, бездорожье... Как-то с друзьями пошли в тайгу. Они вперед ушли, а потом назад дернулись – мишка трехметровый! Получилось я, они, а между нами медведь. Потом мишка ушел, ребята мне говорят: “Мы думаем: что делать, там же Серега! Сидели, переживали”. Но я этого медведя не видел».

Самое запоминающееся путешествие – полет на Север, сплав по речушкам, которые с плато Путорана текут. Через Красноярск, самолетом до Туруханска, оттуда – на вертолете. Там ни жилья, ни дорог, сплавливались по притоку Нижней Тунгуски. Ловили тайменя, штук пять по десять килограммов,

самого крупного я поймал – тринадцать килограммов. Ночью спишь и снится, что ты его тащишь-тащишь, тащишь-тащишь...

В прошлом году был в Южной Америке, мы шли на круизном лайнере. В Буэнос-Айресе было +34 °С, а в Ушуае, это юг Аргентины, +6 °С, оттуда идут парусники в Антарктиду. Проходили мыс Горн, высаживались на острова с пингуинами и мимо фьордов Чили пошли опять на север, вернулись в лето, приплыли в Сантьяго... А пингины забавные такие: сами по себе, чудики, прыгают. Ты стоишь – он стоит, смотрит. Ты идешь – он за тобой бежит, потом по своим делам куда-то удаляется.

В позапрошлом году ходили на самом большом из сохранившихся парусников – на "Седове"⁵. Мы сели в Эмдене, должны были сойти в Гданьске, но не дошли до него и сошли в Росток, потому что попали в шторм конкретный. Парусник лег в дрейф, нас сутки болтало, мы как могли помогали команде. Я думал о том, как Магеллан океан переплывал на корабле, вдвое меньшем, чем "Седов". Мы-то в море были, а каково это – попасть в шторм в океане на суденышке!..

Думаю, что еще на Земле много неизведанных мест. Надо еще Африку пройти, Австралию с Новой Зеландией...»

* * *

Сергей Николаевич говорит, что часто слушает классику рока: «Аквариум», старую «Агату Кристи», «Машину времени», Deep Purple, Pink Floyd и многое другое. Из Pink Floyd любит песню Wish You Were Here, он переводит ее название так – «Вам бы здесь побывать...»:

*So, so you think you can tell
Heaven from Hell blue skies from Pain
Can you tell a green field
From a cold steel rail?
A smile from a veil?
Do you think you can tell*

⁵ Четырехмачтовый барк «Седов» – крупнейшее в мире учебное парусное судно. Построено в 1921 г. Принадлежит России.

ОСАДЧИЙ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ

**Выпускник 1980 года,
самолетостроительный
факультет (ССФ)**

Генеральный директор ООО «Новая лизинговая компания» (ООО «НЛК») – управляющей компании первого в России частного индустриального парка «Новосиб», созданного на территории, ранее занимаемой заводом низковольтной аппаратуры (НВА). После окончания НЭТИ был распределен на НВА, где прошёл путь от мастера до заместителя генерального директора – директора по экономике и финансам.

ООО «НЛК» обеспечивает развитие принадлежащей ей территории путем создания новых промышленных объектов с целью формирования кластера малых и средних предприятий в сфере металлообработки, обеспеченных развитой инфраструктурой, удовлетворяющей потребности в складских, производственных, административных площадях, оборудовании коллективного пользования и инжиниринговых услугах.

«Вся жизнь на одной площадке»

«Я закончил школу в Барнауле с почетной грамотой по физике, занимался дополнительно математикой, – вспоминает Александр Семенович. – У нас был хороший класс. Нас выпустилось 25 человек, из них 23 поступили в высшие учебные заведения. Таким был уровень образования в те времена! Помню, когда сдавал вступительный экзамен по химии в НЭТИ, начал даже о чем-то спорить с преподавателем. И он меня спросил, какую из новосибирских школ я окончил, или, может быть, физматшколу в Академгородке?.. И на экзамене по физике случился конфликт: преподаватель мне ставит “четыре”,

а я утверждаю, что этот предмет знаю на отлично, доказываю, объясняю, что в моем решении нет ошибки. Мне предложили с ходу решить без подготовки еще пять задач, я решил и получил свою пятерку».

В школе он мечтал о самолетах – планировал поступать в барнаульское «летное училище бомбардировочной авиации»¹. Об этом решении Александр Семенович говорит просто: «Летали над нами ИЛ-28. Я тоже хотел летать». Чтобы поступить, не будучи от природы физически крепким, он начал тренироваться: бегать, подтягиваться, отжиматься... Александр Семенович рассказывает: «С нашей улицы один парень поступил в НЭТИ на самолетостроительный, мы с ним поговорили, и я тоже решил, что делать самолеты интереснее, чем на них летать. Я тогда подумал, что летать, наверное, могут почти все, а вот делать самолеты намного сложнее».

Учиться было так сложно, что Александр Семенович сегодня признается: «Поначалу хотел бросить. Так нагружали, что ни вечеров, ни суббот, ни воскресений... Но первые два семестра окончил на отлично. Потом, правда, в академ уходил... Женился, работал дворником на НВА². Я закончил институт, когда у меня уже было двое детей, потом родился третий».

* * *

По окончании НЭТИ его приняли на тот же НВА мастером. Александр Семенович кратко рассказывает о своей жизни: «Больше я нигде и не работал. Дорос на заводе от дворника через должности мастера, начальника смены, начальника цеха и т. д. – до директора по экономике и финансам. Сегодня индустриальный парк «Новосиб» расположен на месте НВА, так что никуда я оттуда не уходил – вся жизнь на одной площадке. Ну и важно, что ни одного квадратного метра этого огромного советского завода мы не потеряли.

Вот так, я всю жизнь работал, воспитывал детей. Я считаю, что если воспитывать не своим примером, то воспитаешь под-

¹ Барнаульское высшее военное авиационное училище летчиков имени Главного маршала авиации К.А. Вершинина (Барнаульское ВВАУЛ). Закрыто в 1999 г.

² Новосибирский завод низковольтной аппаратуры. Производил боеприпасы.

лица. Нельзя же учить хорошему, а самому делать плохое, дети же это видят. Я считаю, что воспитание – это прежде всего пример.

Сегодня у меня девять внуков, старшего и младшего зовут Александрями. Сын и дочь учились в НГТУ. Сейчас в НГТУ учится старший внук на направлении «Математическое моделирование».

* * *

«Хотя и разгильдяем я был приличным, – почему-то говорит Александр Семенович и рассказывает историю совсем не о разгильдяйстве, а как однажды вопреки воле начальства он спроектировал роторные линии³ по-своему, заявив, что утвержденные линии работать не будут. – И непосредственный начальник мой вызывает меня с работы меня выгонять. Я на «Сибсельмаш» хотел уйти, а директор завода вызывает меня к себе и предлагает должность начальника тарного цеха. А там страшные недостатки. Там же дерево – деревянные ящики, а время советское. Рабочие строят дачи и воруют это самое дерево! Никак не удавалось наладить экономию материала». Александр Семенович придумал решение – написать на таре слово «возвратная». И получатели патронов стали обязаны отправлять ящики обратно на завод. «А еще каждый день производилось три с половиной тысячи ящиков! – вспоминает Александр Семенович. – Да еще со всей страны ко мне стали возвращаться пустые ящики! И мы упаковывали в вернувшиеся ящики, а в отчет писали, будто бы эти ящики были заново произведены. И у нас всё стало хорошо: и лес экономим, и ящиков хватает, и никого не обманываем».

За это остроумие Александр Семенович благодарит НЭТИ: «Что мне дало инженерное образование? Понимание того, что в любой проблеме главное – правильно поставить задачу. Правильное решение часто не самое очевидное».

³ Автоматическая роторная линия – комплекс рабочих машин, транспортных устройств, приборов, объединенных единой системой автоматического управления, в котором одновременно с обработкой заготовки перемещаются по дугам окружностей совместно с воздействующими на них орудиями.

Через год его, как говорит сам Александр Семенович, «перебрасывают на автоматизированное производство пластмассы, которое вообще “трупом” было». Он рассказывает: “Это была попытка внедрить в гражданском производстве такие же роторные линии, как в военном производстве. Для этого выстроили новый корпус, даже уже спустили план, а оборудование не работает, ломается, холодно, зарплат у людей нет! Рабочих 101 человек, из них 85 – из мест заключения. Через четыре года я набрал новый коллектив, предложил руководству (еще в советское время!): “Вы мне вопросов о количестве рабочих не задаете, но план я делаю”. Я собрал хороших наладчиков и сказал им: “Вы берете линию в аренду, зарплата ваша не ограничена: сколько произведете, столько и получите”. Коллектив сократился в несколько раз, зарплаты выросли, рабочие по собственной инициативе перевыполняли план, линии перестали ломаться, рабочие сами следили за исправностью оборудования и за качеством работы. Когда я принял цех, себестоимость одного рубля товарной продукции в нем была 2 рубля, теперь она доходила до 50 копеек. Это удалось сделать менее чем за год».

В числе прочего на заводе производился аппликатор Кузнецова⁴. Работами по его упаковке традиционно занимались бригады школьников и кооперативы незрячих – вручную составляли наборы по 32 штуки. Потом это задание передали в цех к Александру Семеновичу. Его коллеги придумали решение: завод им. Кузьмина выпускал эмалированные кружки, и если такой кружкой зачерпнуть колечки аппликатора, то в кружке окажется 33–34 колечка. Александр Семенович вспоминает: «Я подумал, что если в наборе колечек будет меньше, у потребителей будут претензии, а если больше, то никто из них претензий не отправит». Раньше на упаковке аппликаторов работало 140–150 человек, у меня в цеху прежние объемы аппликаторов упаковывали четыре женщины круж-

⁴ Аппликатор Кузнецова – приспособление для воздействия на биологически активные точки организма. Принцип работы основывается на методиках иглоукалывания, акупунктуры и рефлексотерапии, которые восходят к древнекитайской медицине и практикам индийских йогов. Представляет собой набор пластмассовых колец с иглами. Изобретен И.И. Кузнецовым.

ками. Мы же начали красить аппликаторы, чтобы они были красивее».

«Потом, – рассказывает Александр Семенович, – меня “нагрузили” держателями для штор. Мы их производили, а теперь должны были у себя же в цеху и упаковывать. Мы делали их из пластмассы повышенной прочности, она плавилась при высоких температурах, и изделие получалось “лохматое” – его надо было чистить, и каждый держатель отдельно! Механическая, медленная работа, с которой машина не справится. А у нас в цеху команда была творческая: мы придумали институт рабочих-надомников. Человек работает, а на работу не выходит! Это советское время! Выдаем каждому степлер, мешочки для фасовки и мешок держателей. Человек дома сидит, телевизор смотрит и, как семечки щелкает, зачищает эти держатели, фасует и получает зарплату. Так работало 200–250 человек. Но это ручная зачистка! Показатели у нас ухудшились! Мы пошли на завод “Луч”, он производил магнитофоны – тоже изделия высокой точности из пластмассы. Они чистили детали в жидком азоте: засыпали, замораживали, потом “лохмотья” обламывали. А материал, из которого мы делали держатели, при заморозке еще и увеличивает прочность! Тогда мы стали за копейки зачищать держатели в этих бочках».

* * *

Александр Семенович вспоминает: «Мой первый наставник на заводе говорил мне так: “Чтобы заставить человека что-то сделать, тебе надо потратить полчаса. Чтобы что-то сделать самому, тебе надо потратить 15 минут. Но если ты это сделаешь сам, ты никогда не будешь руководителем. Руководитель не должен заниматься сиюминутными вопросами, он должен мыслить стратегически. Рабочий видит всё, как пешеход, а руководитель будто бы смотрит сверху”. Построенная руководителем система должна работать сама, поэтому самое важное на производстве не машины, даже не технологии, а люди».

Директором по экономике и финансам Александр Семенович стал в середине 1990-х гг., когда госзаказ исчез и надо было создавать новую стратегию существования предприятия.

Александр Семенович об этом времени говорит кратко: «Короче, мы дошли до банкротства. Правда, стоит сказать, что всю задолженность по заработной плате мы погасили за год. Когда после дефолта 1998 г. Е.М. Примаков⁵ стал Председателем Правительства, появились условия, при которых можно было работать. Но это было недолго, в 1999-м Примакова сняли... Мы старались сохранить промышленную площадку, пытались сдавать здания производителям в аренду. Мы хотели привлечь не спекулянтов, а тех, кто хотел работать. Наша первая попытка не удалась, самостоятельно предприятия работать не смогли, все наши арендаторы загнулись.

Получилось, когда удалось создать питательную среду. И мы первыми в стране сертифицировались как индустриальный парк. Потом еще два года воевали за то, чтобы на генплане города наша территория, находившаяся в общественно-деловой зоне, приобрела статус промышленной зоны. Наконец добились. И тут же это требование по стране отменилось в связи с невозможностью его выполнить во многих городах...

Сегодня на нашей площадке работает крупнейший в стране производитель сельскохозяйственной техники «УНИСИБМАШ». Когда он пришел к нам, там работало 32 человека, теперь – 150».

* * *

«В жизни самая сложная работа – заставить себя работать», – размышляет Александр Семенович. – А самое большое счастье... Я не знаю, что такое счастье, но думаю, что я счастливый. Вот когда внук был маленький, смотришь на него и думаешь: вот это и есть счастье!»

* * *

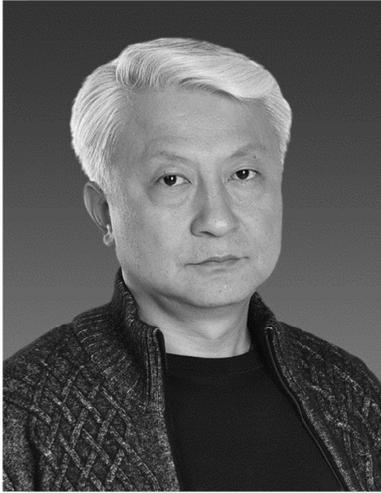
О путешествиях Александр Семенович говорит: «Решил посмотреть. О Европе и Азии что-то более или менее известно, а мне интересно увидеть бывшие советские республики». Даже в путешествиях он, кажется, наблюдает мир с позиции управленца. Он рассказывает о том, что в Грузии хорошо развива-

⁵ Примаков Евгений Максимович (1929–1999) – государственный деятель, экономист, известный ученый-востоковед. Доктор экономических наук, академик, член Президиума АН СССР.

ется туризм, аграрный сектор и гуманитарное образование, но получать техническое образование детей часто отправляют в Россию: «Один человек там мне сказал: "Если он поедет учиться в Россию, он останется грузинком. Если поедет в Германию – станет немцем". В Грузии тяжело развивается своя промышленность, поэтому инженерам негде получать практические навыки". Потом рассказывает об Узбекистане: «А там, наоборот, всё советское сохранено, за последние годы рождаемость населения выросла, а внутреннего рынка труда нет... Я хочу еще побывать в Украине, но пока как-то дороги туда не ведут. Я думаю, что меня туда и не пустят, потому что я бывал в Крыму...»

* * *

Александр Семенович говорит, что всегда любил читать фантастику: «В детстве я любил читать А. Беляева. И сейчас интересуюсь научной фантастикой, в ней описывается наше ближайшее будущее, новейшие технологии. А недавно прочел Р. Злотникова о восстановлении монархии в России. И как-то мне пришло в голову разобраться в том, что такое национальные проекты. Я принялся читать. И мне стало понятно, и почему НДС повысился, и для чего была проведена пенсионная реформа. Мне как производственнику это всё стало очень понятно. Нам бы еще лет десять спокойно развиваться, и можно будет Россию не узнать. И образование, и производство потихоньку поднимаются. Россия далека от убогости и слабости».

ПАК ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

**Выпускник 1983 года,
электроэнергетический
факультет (ЭЭФ)**

Президент Новосибирский областной федерации карате. Основатель и руководитель спортивного профессионального клуба «Успех». Мастер спорта СССР по карате. Трехкратный чемпион СССР по карате-до. Обладатель 6-го дана по карате-до и 4-го дана по тхэквондо WTF. Депутат Новосибирского областного Совета депутатов (2001–2010). Депутат Законодательного собрания НСО (с 2010 года по настоящее время). Председатель Комитета по культуре, образованию, науке, спорту и молодежной политике.

«Все зависит от человека...»

Через час после интервью он присылает сообщение: «Мне кажется, я рассказал не о том, о чем хотел. Если найдется время, приглашаю посетить наш клуб “Успех”. Про меня писать не нужно, клуб важнее меня». И при второй встрече, уже в клубе (на ул. Мира, 59/3), вместо рассказа о себе показывает каждый зал, каждый кабинет, каждый закоулок. «Мы начинали работать в 1989 г. в подвале 34-й больницы, половину занимали мы, половину – морг. Сюда переехали в 1991-м. Я больше половины жизни отдал клубу. Детей, которые здесь занимаются, я видел чаще, чем семью, хотя изначально всё в мире делается ради семьи...»

Вениамин Александрович рассказывает о венецианской штукатурке, которая не требует ремонта вот уже двадцать лет, о культуре раздевалок и душевых, о чистоте воздуха и освещении в спортивных залах: «Этот клуб – мое внутреннее

состояние. Если тут что-то нехорошо, то и у меня на душе нехорошо».

В столовой на стенах картины Андрея Маринова: извилистое дерево балансирует над туманным обрывом, застывшие круги на воде, и старец, и самурай, и хищная птица... Вениамину Александровичу больше всего нравится та, в которой переплетены восторг и трагедия: две руки связаны в восьмерку, одна ладонь обращена вниз, другая – вверх, одна держит ключ от смерти, другая – распускающийся цветок... Вениамин Александрович вспоминает: «На 30-летие клуба приезжал сэнсэй Тошиацу Сасаки, он сказал: “Надо уметь слышать неслышимое, надо уметь видеть невидимое, надо уметь предсказать, почувствовать то, что вот-вот случится”. Неважно, что изображено на этих картинах, – каждый видит свое. Всё зависит от человека. Всё, что происходит в его жизни, всё, что он видит, – его выбор. Мы в первую очередь воспитываем не чемпионов, а людей».

* * *

Вениамин Александрович рассказывает, что в семь лет он привел в клуб своего сына, и тот успешно тренировался до четырнадцати лет. А потом он спросил сына, хочет ли он заниматься карате и дальше, и сын ответил, что хочет. И тогда Вениамин Александрович рассказал ему историю из своего детства: «Я занимался скрипкой и пианино, и родители время от времени говорили: “Если не хочешь заниматься, скажи”. А я смотрел им в глаза и отвечал, что заниматься музыкой хочу, хотя на самом деле все эти занятия ненавидел. Мне просто неудобно было разочаровать их. Я видел, сколько сил они тратили на мое образование. Так я семь лет отучился музыке и после музыкальной школы ни разу не играл ни на пианино, ни на скрипке. Зато стал потом играть на гитаре, во дворе тогда все играли на гитаре, волей-неволей заиграешь...» Прослушав историю, сын сказал Вениамину Александровичу, что на год отложит занятия карате, а потом, если захочет, вернется. Вениамин Александрович признается: «Я обрадовался тому, что он принял решение. Я не хотел, чтобы он почувствовал отвращение к карате. А через несколько лет он вернулся. У каждого свое время: некоторые и в 50 начинают, и в 60. Карате можно заниматься в любом возрасте».

* * *

Вениамин Александрович рассказывает: «Я потомок тех корейцев, которые по своему желанию переселились в Россию 170 лет назад с территории Китая и из-под японского ига после II Опиумной войны. В начале XX века в Приморье корейская община насчитывала 100 000 человек. В 1937 г. многих из них депортировали в Среднюю Азию и в Казахстан».

* * *

Вениамин Александрович родился в Находке в День города. «18 мая – мой день рождения и день рождения Находки. Мне кажется, это красиво, но этого города я не помню, я был слишком маленьким. Потом отца перевели работать в Таджикистан, в Душанбе, и там прошло мое детство. Хороший, теплый, зеленый, маленький родной город... Я помню мой двор, все друг друга знали, двери на замок никогда не закрывали. Помню клумбы, фрукты... Вишни, черешни, яблони, сливы, персики... Этот двор мне часто снился. Я потом, уже в 2000-е, туда поехал, увидел, что там теперь всё по-другому: ни цветов, ни клумб, земля твердая, как асфальт. И с тех пор двор детства перестал мне сниться. Я думаю, зря туда съездил, лучше бы двор остался в памяти таким, каким был когда-то...

Учился я сначала не очень хорошо, много времени проводил на улице, мы играли в дворовые игры всех народов Советского Союза, начиная от лянги¹ и заканчивая ашичками²...

¹ Лянга – игра и предназначенный для нее волан из лоскутка козьей или овечьей шкуры с пришитой к нему свинцовой «пуговицей» диаметром 2 см и толщиной 2-3 мм. Лянгу необходимо было набить ногой определенное количество раз, не роняя на землю. Игра имеет соревновательный характер, распространена под разными названиями (в Осетии – чьопп, жошка, в Дагестане – лямга, в Европе – сокс, в Сибири – зоска).

² Ашички (альчики) – игра и предназначенные для нее маленькие бараньи косточки. Косточки расставляются в определенном порядке и выбиваются из строя более тяжелой косточкой-битой. На кон часто ставятся конфеты, карманные деньги и прочие детские ценности. Игра распространена в Монголии, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, была также известна в Древнем Египте и Месопотамии.

Когда я учился в девятом классе, умер отец. Я сидел, смотрел на него и за одну ночь изменил свое отношение к учебе. Получается, отцу надо было умереть, чтобы его бестолковый сын что-то понял в этой жизни. На следующий день я пошел в школу с целью не иметь больше ни одной тройки. И я этого достиг, и в дипломе потом, уже в институте, тоже не было ни одной тройки.

Специальность я выбрал в память об отце. Он был главным инженером треста «Центрэлектромонтаж», занимался электрификацией Таджикистана. К тому же мой брат поступил в Московский энергетический институт и тоже готовился стать инженером. Я испугался ехать в Москву, поехал в Новосибирск, в НЭТИ».

* * *

В институте Вениамин Александрович начал заниматься карате. В 1978 году этот вид спорта только-только начал масштабно развиваться в Советском Союзе, до этого существовали лишь любительские тренировки и небольшое количество секций. В 1980 г., через год после начала тренировок, Вениамин Александрович выиграл чемпионат области и вышел в финал РСФСР. А спустя еще год стал чемпионом СССР.

* * *

После института распределился, как он говорит, «в родное управление» – в Таджикистан, в трест, в котором работал отец. «В Новосибирске мне тогда обещали квартиру, просили остаться. В спорткомитете мне сказали: “Мы трехкратными чемпионами не разбрасываемся”. У меня уже были семья, ребенок... Квартиру, кстати, так и не дали... И я поехал в Таджикистан, к маме. А в 1981 г. в СССР запретили карате, после закрытия официальных секций заниматься там стало негде... Еще год мы прожили в Алма-Ате, а потом приехали в Новосибирск. Я нашел новую цель – поступать в аспирантуру. Пошел в НИИ энергетики... Помню, в НЭТИ мы шесть семестров проходили переходные процессы в энергетике! Шесть семестров! Но я почти ничего не помнил. За месяц всё заново выучил. Понял, как Ленин экстерном сдавал в университете экзамены...

Пришел на собеседование к научному руководителю. Он спрашивает:

– Молодой человек, у вас тема есть?

Я отвечаю:

– Нет.

Он спрашивает:

– А публикации есть?

Я отвечаю:

– Нет.

Он спрашивает:

– А что есть?

Я отвечаю:

– Огромное желание.

Осенью я поступил в аспирантуру.

Проучился полтора года, подрабатывал. Стипендия 90 рублей, двое детей, живем в комнате 9 м² на улице Дачной. Однажды остался последний рубль, я зашел с сыном за хлебом, и он попросил купить ему мандариновый сок за 28 копеек. А нам еще жить на этот рубль неделю... Я предложил ему купить яблочный за 12 копеек, и женщина рядом стояла, говорит: "Нельзя на детях экономить, им витамины нужны"... Я на следующий день пошел к руководителю и сказал, что ухожу из аспирантуры. Он меня спрашивает:

– Я вас чем-то обидел?

Я говорю:

– Нет. Я вам благодарен.

Он объясняет:

– У вас почти готова диссертация.

А потом посмотрел на меня внимательно и спросил:

– У вас денег нет?

Я попросил у него прощения и ушел. Потом долго было стыдно с ним встречаться, потому что я его подвел. Через несколько лет случайно встретились, поговорили...

Работать пошел в управление "Сибэлектромонтаж", стал получать 230 рублей. Год или два там поработал.

А потом пошло кооперативное движение. Друзья, с которыми я вместе тренировался, спрашивают: "Веня, ты вроде умный, а чего до сих пор в инженерах ходишь и копейки получаешь?" Я ответил: "А что я должен делать?"... Они показали мне, как за двадцать минут сшить штаны из бязи, дали мне

материал и фурнитуру на двадцать штанов. Я пришел домой и на старой швейной машинке стал шить. Помню, мама на корейском языке сказала: «Он от безденежья уже с ума сходит». Я шил эти штаны восемь часов, сшил. Мы открыли кооператив, где шили умелые люди, а мы сдавали штаны в комиссионные магазины на продажу...

Потихоньку подпольно занимались карате, пока в 1988 г. в СССР не отменили запрет, тогда мы и открыли наш клуб. Тогда о карате знали мало, легенды невероятные ходили, что те, кто серьезно занимаются, чуть ли не по небу пешком бегать умеют... До понимания философской базы карате было еще далеко...

А где-то в 1990-е один из старших друзей мне говорит: «Ты же всё, что начинаешь, доводишь до конца. Так допиши диссертацию». И я защитился, правда, уже по психологии, хотя и не был большим, серьезным специалистом. Я это делал, чтобы завершить начатое и чтобы задать планку для моих учеников».

* * *

В 2001 г. Вениамин Александрович пошел на выборы в областной Совет, говорит: «Это губернатор попросил. Я пытался отбиться, мол, я не политик, я спортсмен, я бизнесом занимаюсь, но губернатору-то не сильно откажешь... Ну, а раз уж взялся... Если что-то делать, то надо это делать основательно. Принципы карате – это принципы жизни, принципы организации семьи... Я работаю в Комитете по культуре, спорту и молодежной политике.

...Порой детям важно услышать кого-то со стороны и важно, чтобы этот кто-то был порядочным человеком, который может подтвердить ребенку слова родителей. Некоторые считают, что есть трудные дети. Скажу честно, я таких не видел. Некоторых из моих учеников многие считали трудными, для меня они трудными не были. Каждый человек в жизни делает ошибки, кто-то больше, кто-то меньше. Но сколько бы ошибок ни сделал мой ученик, он не перестанет быть моим учеником, так же как и дети никогда не перестают быть детьми своих родителей.

Если от меня требуется прощение, я всех прощаю, но с некоторыми не хочу больше близко общаться. При этом на

любую их просьбу всегда откликаюсь. Если кто-то сам не захотел порвать со мной отношения, я их никогда не рву...

В начале 1990-х, в эти трудные годы, когда и бандитизм процветал, и непонятно что, у нас тренировалось 2000 подростков от пятнадцати до двадцати лет. Когда я заметил, что некоторые идут не по той дороге, я сократил количество занимающихся до 300 человек, чтобы не было бесконтрольности, чтобы знать каждого ученика.

Надо понимать, что никто не рождается хулиганом. Дерзкие уличные пацаны – это часто ребята, которые многое в жизни видели, поэтому нет смысла читать им нотации. Как и все дети, они остро чувствуют, что есть ложь, а что идет от души, и то, что идет от души, они слушают. Не надо их ругать, надо их живую энергию в мирное русло направлять».

* * *

О принципах карате Вениамин Александрович может рассказывать долго, он объясняет: «Карате – это не “бить и защищаться”, это работа над своим духом и над своим телом. Кроме спортивного карате, есть так называемый “кихон” – база, основы. Это совершенствование своей техники, повышение квалификации. Например, существует прямой удар рукой – цуки. И вот ты стоишь, выполняешь его много раз и всё глубже его познаешь. Я сорок лет занимаюсь карате, и только сейчас начинаю понимать, что это вообще такое».

ПАНАСЕНКО СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

**Выпускник 1987 года,
самолетостроительный
факультет (ССФ)**

Заместитель генерального директора ПАО «Компания «Сухой» – директор филиала «Новосибирский авиационный завод им. В.П. Чкалова». Работал на заводе после распределения из НЭТИ, прошел путь от мастера до директора. Почетный авиастроитель РФ.

«На даче я посадил абрикос...»

«Награды, звания... Не спрашивайте меня об этом. Самому о себе в таком ключе говорить и неудобно... И вообще, зачем?..» – Сергей Николаевич встречает нас в своем заводском кабинете. Над столом российский герб на фоне флага, на стене байкальские пейзажи, а рядом стеллаж с моделями самолетов и большой аквариум с разноцветными рыбками, что неспешно плавают в руинах затонувшей Атлантиды. Сергей Николаевич рассказывает: «Этот кабинет был оформлен предыдущим директором завода. Я ничего сюда не привнес, кроме себя и своих бумаг. Дело же в том, что ты делаешь, а не в кабинете... Хотя рыбки иногда действительно как будто... успокаивают, что ли, как говорят...»

* * *

Детство Сергея Николаевича прошло в городе Прокопьевске Кемеровской области. Он вспоминает: «Это маленький город с грязным промышленным производством», кладет руку на пиджак, там, где сердце, и продолжает: «Я этот город, наверное... люблю. Когда думаешь о нем, появляется тут какое-то

такое...» – и показывает рукой что-то неопределенное, что-то, о чем говорить трудно, да и незачем. Он рассказывает о том, как дошкольником играл с друзьями в лесопосадках неподалеку от дома: «Хищных зверей там не было, но лося я один раз там видел... Эти елочки, наверное, были одного возраста с нами. Когда нам было по восемь лет, они были маленькими, а сейчас это лес – деревья метров пятнадцать высотой. Я, когда сегодня на них смотрю, понимаю, сколько мне лет». Он смеется и вспоминает о том, как в лесопосадки приходили хулиганы с соседней улицы, как делали рогатки и «поджиги»¹, как добывали из старых кабелей свинец и на костре плавил из него пули... А потом иронично резюмирует: «Изучали, так сказать, самостоятельную полевые основы металлургии... Мы часто ходили на рыбалку, грибы собирали...» Школьником Сергей Николаевич занимался и боксом, и самбо, и легкой атлетикой, и лыжным спортом, был чемпионом города по спортивному ориентированию, посещал авиамодельный кружок.

Мальчик из шахтерского города не хотел становиться шахтером. Услышав сегодня вопрос об этом, Сергей Николаевич мрачнеет: «Я видел, как в соседних домах и в нашем доме раз в неделю хоронили шахтеров. Это страшно. Как и большинство мальчишек, я мечтал стать военным летчиком. Я много читал военных романов, повестей. Очень нравилась «Повесть о настоящем человеке» про Алексея Маресьева». И хотя дело, о котором он мечтал, ничуть не менее опасно, чем профессия шахтера, есть, наверное, великая разница между подземельем и небом...

Сергей Николаевич поехал в Харьков поступать в авиационное училище², но не прошел медицинскую комиссию. Он вспоминает: «Для меня это было шоком. Я считал себя абсолютно здоровым... Не прошел по зрению». На обратном пути он остановился в Новосибирске, посмотрел город, и город ему понравился. Сергей Николаевич узнал о том, что в Ново-

¹ «Поджига» – так называлось простейшее самодельное огнестрельное оружие – одна из опасных забав советских мальчишек середины XX в., в наши дни не распространена.

² Ныне Харьковский национальный университет Воздушных Сил имени Ивана Кожедуба (Украина).

сибирске есть НЭТИ, а в НЭТИ – самолетостроительный факультет. Он поступил, учился и окончил институт с красным дипломом.

* * *

О студенчестве Сергей Николаевич говорит так: «Пять лет восхитительного обучения».

Как тогда было принято, на младших курсах ездили в сентябре в колхоз на картошку. «Я запомнил, что село называлось Федосиха, где-то недалеко от Новосибирска. Селили нас там в каком-то гараже. Мы убирали картошку. Вечером ели картошку с салом... Кстати, когда стипендия заканчивалась, в общежитии тоже часто спасало сало. Зимой, если холодильника не было, сало вешивали за окошко, чтобы не пропадало... Вообще я думаю, что картошка и сало – это продукты, которые не должны приесться».

Подрабатывать ходили на ВИНАП³. Сергей Николаевич объясняет: «Там деньги за работу давали прямо в конце того же дня. Еще и пива наливали. Некоторые умудрялись даже выносить пиво для друзей. Не через проходную конечно, а через забор перебрасывали».

Сергей Николаевич вспоминает, что учиться было трудно. Два курса будущие самолетостроители учились на территории НЭТИ, а с третьего курса стали ездить на занятия в корпус, который располагался около проходной завода им. В.П. Чкалова. Сергей Николаевич рассказывает: «Добраться до завода с левого берега было тем еще приключением! Ходил один-единственный автобус – 58-й, вечно полный. В него главное было попасть, а войти и выйти в середине маршрута было уже невозможно».

К третьему курсу мы считали себя абсолютно взрослыми людьми. На третьем курсе я женился. Жизнь устроилась. У меня и до сих пор в ней всё постоянное: завод один, жена одна, дело одно...»

³ВИНАП – известное в Новосибирске предприятие, производившее винно-водочную продукцию, пиво и безалкогольные напитки.

* * *

После института Сергей Николаевич пошел работать на завод им. Чкалова. «Для меня других вариантов не было, мне они даже в голову не приходили. В 1987 г. завод был одним из лучших предприятий авиационной отрасли в стране. 24 000 работающих! Выпускали по 100 самолетов в год!»

Вскоре начались тяжелые 1990-е. Было время, когда завод выпускал по одному самолету раз в три года... Задержка заработной платы рабочим доходила до 18 месяцев. Сергей Николаевич вспоминает: «Иногда выдавали продуктами. Нерезанными сигаретами – по обмену с другим заводом... Мясо тушами в цехах рубили...» Молодые сотрудники уходили, оставались в основном те, у кого был еще какой-то доход, – пенсионеры... Сергей Николаевич говорит: «Но надо отдать должное тогдашнему руководству завода. Они и в те непростые, беспросветные годы думали о будущем. Именно тогда они смогли пробить, поставить производство новых самолетов Су-34, которые обеспечили заводу сегодняшнюю жизнь».

Как и у многих молодых специалистов в 1990-е, у Сергея Николаевича была возможность уйти в бизнес, но он остался на заводе. «Родился ребенок, и ответственность за семью пересилила желание рисковать. Как говорится, лучше синица в руках, чем журавль в небе». Сергея Николаевича тогда перевели на работу в цех товаров народного потребления, на повышение. Завод производил детские санки, складные детские прогулочные коляски, алюминиевые канистры, лодки «Обь», гардины, светильники, наборы баночек для сыпучих продуктов... «Всё производилось с применением авиационных технологий и из авиационных материалов. Поэтому качество этих предметов было очень хорошим. Детских санок производилось до 20 000 штук каждый месяц, и всегда на них был спрос, и всегда они были в дефиците... Как-то продали в Японию канистры и лодки, и на вырученные деньги завод закупил первую вычислительную технику... У нас в цехе в 1990-е было ощущение, что мы помогаем предприятию выжить в этих жестких условиях».

* * *

Сергей Николаевич говорит, что никогда не хотел руководить заводом: «Но предложили – и я не отказался. Иногда думаю: «Зачем мне это надо? Ответственности во много раз больше, а зарплата – не во много... Я всю жизнь на этом заводе. Он уже давно не просто работа, он моя жизнь, мой мир... А с поста руководителя такого предприятия, как правило, две дороги – либо в тюрьму, либо за ворота... (Улыбается.)

Заводу 90 лет, и еще как минимум 90 лет он должен жить, развиваться, работать. Я думаю, что большую историю завода надо если не чтить, то уж точно не терять. В последние годы с территории завода была убрана часть экспонатов – образцов самолетов, которые здесь производились. Мы вернули их все, установили два новых. Они будут стоять в линейку – как на параде, чтобы люди, работающие сегодня на заводе, шли мимо них и чувствовали, что они продолжатели великой истории... Покрасили все корпуса не только внутри, но и снаружи, чтобы не было руин и запустения... Занимаемся озеленением территории, чтобы это был завод-сад... Мы изучаем историю предприятия, вспоминаем тех, кто работал на заводе, наших ветеранов. А то, бывает, проработал человек пятьдесят лет, в активистах не ходил, просто честно приходил и добросовестно работал, а у него от родного предприятия даже грамоты не досталось... Я думаю, это неправильно. У такого большого предприятия должна быть ответственность за людей, которые посвятили ему свои жизни, нам нужны и корпоративная культура, и династии рабочих. Но самое главное, что мы на заводе ценим и сохраняем, – это исполнение наших обязательств по гособоронзаказу своевременно и качественно. И это главная традиция чкаловского коллектива – ответственность за то, что мы производим, за наши боевые самолеты и различную авиационную продукцию в кооперации с другими предприятиями нашей страны. Сегодня у завода вновь есть уверенность в завтрашнем дне, и это радует как меня, так и каждого работника предприятия».

* * *

Сергей Николаевич говорит, что пытается распределять время для работы и время для семьи, но не всегда это получается: «В Москве минус четыре часа. У нас вечер, а у них, может быть, самое время для работы, и начинаются дистанционные совещания...»

Рассказывает, что долгое время не любил дачного отдыха, а в последние годы втянулся: «Я сад хочу вырастить. На даче я посадил абрикос, вишню, черешню, яблони необычные, виноград. Может быть, я их плодов и не увижу, но я хочу, чтобы вырос реальный сад, по которому могли бы гулять внуки и правнуки». Сергей Николаевич замолкает, улыбается, делает глоток кофе и продолжает: «А я на своей малой родине бываю редко. Маму я перевез сюда... Да и больно туда приезжать. Там не осталось ни одной работающей шахты. Всё добывается открытым способом. Огромные страшные карьеры – как раны. Пейзаж вокруг города за последние пятьдесят лет изменился до неузнаваемости, дошел до какого-то сюрреализма... А шахты?.. Там фильмы ужасов можно было снимать...»

Положив руку на подлокотник кресла, Сергей Николаевич подводит итоги разговора: «Детей я почти вырастил. Деревьев насадил. На построенный дом так иногда тоже смотришь, думаешь – и начинаешь чего-то делать, доделывать, переделывать... Что еще? В моей семье всегда есть животные, собака у нас была, свинки морские, хомяки, ежик жил. Сейчас две кошки и попугай, и они члены нашей семьи... Хочу с иностранными партнерами на равных говорить, английский язык подтянуть... Мечты есть, да что о них говорить. Пусть родители всегда будут живы и здоровы, дети счастливы и успешны».

ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ МИХАИЛ РУДОЛЬФОВИЧ

**Выпускник 1980 года,
физико-технический факультет
(ФТФ)**

Академик РАН, доктор физико-математических наук. Основатель и научный руководитель компании OCSEAL. Член Совета по модернизации экономики и инновационному развитию при Президенте РФ. Лауреат Государственной премии РФ по науке и технике за 2020 год. Заведующий лабораторией Института теплофизики СО РАН. Заведующий кафедрой нанокompозитных материалов НГУ. Член Президиума СО РАН.

Инновационная нанотехнологическая компания OCSEAL – единственный в мире промышленный производитель одностенных углеродных нанотрубок. Мировой технологический лидер в области создания и применения новых наноматериалов. Первый отечественный «единорог».

«У меня много лиц»

В кабинете Михаила Рудольфовича на одной из стен висит яркая мандала. «Она мне просто понравилась», – поясняет он. На другой стене картина, созданная австралийским аборигеном. Михаил Рудольфович говорит: «Подарили». Он встречает нас за длинным столом для совещаний, заваривает чай в крошечном глиняном чайничке и пьет его, улыбается: «Здесь нет никого, кто владел бы пониманием чая на таком же уровне, как я. Такой чай пьют в буддистских монастырях, это часть медитации. Это шен пуэр 1997 г.». Михаил Рудольфович ничего не хочет о себе говорить. Он столь загадочен и так молодо выглядит, что думается, будто он алхимик и в самом деле нашел философский камень. Это недалеко от истины: он создал первую и единственную в мире промышленную техноло-

гию синтеза одностенных углеродных нанотрубок. До компании OCSiAl были сотни компаний, которые граммами и очень дорого продавали нанотрубки. Разработка Михаила Рудольфовича более чем в сто раз уронила их рыночную цену. Алхимик и есть.

У него на столе лежат толстые тома – «Книга ЗОАР» Михаэля Лайтмана и «Искусство управления переменами» Бронислава Малиновского...

Он говорит: «У меня много лиц, с десятков – формальных и еще несколько человеческих».

* * *

Михаил Рудольфович рассказывает: «Я родился в Новосибирске. В школе я был троечником, рано начал курить. Я любил на гитаре играть, а учиться не любил. Родители были строителями, работали в Монголии, так что школу я заканчивал в городе Чойбалсане. Среди мальчишек я был там единственным, кто знал ноты, сам выучился играть на гитаре. Так что я там быстро стал первым парнем на деревне – возглавил ансамбль, играл в нем на бас-гитаре».

Со средним баллом аттестата 3,5 Михаил Рудольфович приехал поступать на физико-технический факультет в НЭТИ. Он вспоминает: «В приемной комиссии мне сказали, что шансов у меня нет».

Для поступления ему не хватило всего 0,5 балла. В приемной комиссии посоветовали пойти на другой факультет, а потом перевестись. Он пошел на электротехнический и прилежным студентом не стал. «У меня появились друзья. Однажды мы сидели в "Шайбе"¹ на ул. Блюхера, и кто-то пришел и сказал, что сейчас идет собеседование на физико-технический факультет. Я подумал тогда, что быть сейчас в "Шайбе" мне дороже». На такое собеседование он пошел через год и с потерей курса перевелся на физико-технический факультет на специальность «Лазеры и квантовые генераторы». На электротехническом он учился только на тройки, на физико-техническом стал учиться на отлично, не имел ни одной четверки: «Первую сессию "отжал" на все пятерки, а потом на автомате пошло...»

¹ «Шайба» – бар, популярный в те времена среди студентов НЭТИ.

* * *

Распределение он получил в Институт теплофизики СО РАН. «История у меня сложная, – рассказывает Михаил Рудольфович, – и из института меня выгоняли, и обратно звали...»

Однажды в институте был объявлен конкурс: для разработки самой перспективной темы будет организована новая лаборатория. Михаил Рудольфович выступил тогда с предложением и в 30 лет с должности младшего научного сотрудника сразу стал заведующим лабораторией. «В те времена, – говорит он, – это было невозможно, просто чудо какое-то. Через полгода мы в нашей области стали мировыми лидерами, что позволило пробить очень хорошее финансирование. И всё было хорошо, пока в конце 1980-х – начале 1990-х не кончились деньги. Я понял, что надо либо уезжать за границу, либо, если я хочу заниматься наукой здесь, я должен научиться зарабатывать».

Тогда казалось, что передовые технологии сами привлекут интересные бизнес-предложения. Но с предложениями никто не пришел. Лаборатория стала пытаться безуспешно продавать устройства, которые можно было создать на базе научных разработок.

Под руководством Михаила Рудольфовича был создан маленький алкогольный тестер, в разы меньше использовавшегося тогда французского прибора. Эту разработку предложили ГАИ², но у ГАИ не было денег на приобретение этих тестеров.

Прорыв наступил, когда директор института академик В.Е. Накоряков с одной из международных встреч привез задачу от фирмы Hewlett-Packard (HP)³: нужно создать устройство для производства интегральных схем, которое будет работать как струйный принтер, но печатать будет микрокаплями олова. Михаил Рудольфович вспоминает: «Ну, я такую штуку придумал за два дня, еще за неделю мы ее сделали,

² ГАИ – Государственная автомобильная инспекция. Ныне ГИБДД (Государственная инспекция безопасности дорожного движения).

³ Hewlett-Packard (HP) – американская компания, одна из крупнейших в сфере информационных технологий, существовала с 1939 по 2015 г. В 2015 г. разделилась на две компании: HP Inc (занимается производством и продажей компьютеров и принтеров) и Hewlett-Packard Enterprise (занимается серверами и услугами для корпоративных клиентов).

я поехал в Hewlett-Packard и продал ее от лица института за полмиллиона долларов. В конце восьмидесятых – начале девяностых это были очень большие деньги. Но главное – возникло понимание, что бессмысленно продавать научные замыслы, надо решать конкретную проблему, только при правильно найденной проблеме можно успешно выйти на рынок».

После этого он создал частную лабораторию, сотрудничал в качестве советника с компанией Samsung. «Они мне просто так платили, говорили: “За то, что вы думаете о наших проблемах”».

До разработок Михаила Рудольфовича не существовало плазматронов с большим ресурсом. Он создал плазматрон с бесконечным ресурсом. Потом разработал промышленную установку для уничтожения токсических отходов, включая ядерные. Он говорит: «И тут я понял, что надо заниматься не тем, что уничтожает, а тем, что создает». И резюмирует: «Какой бы проблемой я ни занимался, мы везде становились абсолютными лидерами».

Постепенно бизнес в области высоких технологий складывался и в России – это позволяло лаборатории держаться на плаву. «Но я всё время искал мощный проект, и им оказалось дело, которое позволило создать нашу сегодняшнюю компанию. Я был на выставке “Роснано” и увидел, что нанотрубки будут очень востребованными. Технологии производства качественных одностенных трубок тогда не существовало, у меня возникли идеи новой технологии. Тогда же я познакомился с Юрием Коропачинским и Олегом Кирилловым, которые поверили в перспективность проекта и вложились в разработку. Теперь компании OCSiAl уже 10 лет. И у нас нет конкурентов. Я думаю, это доказательство того, что не только автомат Калашникова можно сделать в России, и не проклята земля русская... Если ты знаешь, чего хочешь, и идешь к этому, то непременно дойдешь. Если ты идешь туда, куда не хочешь, то рано или поздно всё равно придешь к тому, чего на самом деле хочешь».

Михаил Рудольфович вспоминает, как в начале своего научного пути на конференции увидел фотографию сотрудни-

ков американской компании Bellcor, человек 30, и как они казались ему почти что людьми с другой планеты. О том, чтобы находиться среди них или среди людей их уровня, ему тогда даже не мечталось. «Даже думать об этом тогда было невозможно – как о Береге Слоновой Кости. В детстве читал, что есть такая страна, но она находилась тогда для меня как бы вне горизонтов моего существования – это было то, что не могло появиться в моей жизни никогда, просто никогда. Сейчас у нас в компании OCSiAl работает 300 человек, мы во многом мировые лидеры, мы круче людей с той фотографии».

* * *

Михаил Рудольфович размышляет: «Долгие годы в России идет дискуссия о фундаментальной и прикладной науке. Часто фундаментальной называют ту, за которую попросту не платят. Распространено мнение, что если за науку платят, то она прикладная. Эта дихотомия кажется мне искусственной.

Я считаю, что нет фундаментальной науки, есть фундаментальный результат. Человек может всю жизнь бесплатно в чем-то ковыряться, и об этом никто никогда не узнает. Так уж устроен мир, что можно изучать что угодно, есть бесконечное количество направлений, множеством из них занимается научное сообщество. Но через десять, сто или даже тысячу лет какие-то из их результатов забудутся, а какие-то останутся. Вот те, что останутся, они ближе всего к фундаментальным. Скорее всего, это будут результаты, которые можно как-то использовать. Ведь если что-то никому не нужно, об этом быстро забудут».

* * *

Михаил Рудольфович говорит: «Я достаточно глубоко знаю восточные учения. Я был в Тибете, ходил вокруг горы Кайлас⁴... Хотя, это, конечно, не про Восток, скорее про духовный мир: кто мы, откуда, куда? Из китайской культуры, кроме чая, меня интересует даосизм.

⁴ Кайлас – гора в Гималаях высотой, по разным данным, от 6638 до 6890 м. В традиционных религиях Индии, Непала и Китая эта гора считается священной, «сердцем мира», «осью земли». К ней совершаются паломничества с целью ритуального обхода.

Я много раз был в Китае, был в экспедиции к мастерам, делающим чай. Это целый мир. Для чая важны и возраст дерева, и то, как мастер делает чай. И важно, кто этот мастер, его духовные качества. Большинство мастеров – потомственные мастера. В Китае был еще в провинции Гуйлинь, где рыбаки ловят рыбу с помощью уток – удивительное древнее ремесло...

Видел места, где снимали фильм "Аватар", видел каскадные озера в предгорьях Тибета...

В Африке я не был, хотя приятель у меня в Танзании, шлет фотографии, говорит: "Приезжай".

На Алтай я часто езжу, был на Таймыре...»

* * *

Михаил Рудольфович признается: «Однажды меня спросили, чем я отличаюсь от остальных. Я ответил, что я единственный в России академик, который умеет садиться на поперечный шпагат. Я научился это делать в 55 лет, причем цели сделать именно это у меня не было, это побочный результат других, более важных практик. У меня никогда не было специальной цели, меня больше интересует сама дорога – не прошлое, не будущее, а настоящее. Жизнь – это ведь не цель, жизнь – это процесс. Вот, например, шел человек на север и оказался в каком-то важном месте, но он же не в это место шел, а просто на север. Так и я – просто всегда шел на север...»

ПУСТОВОЙ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

**Выпускник 1970 года,
самолетостроительный
факультет (ССФ)**

Президент НГТУ. Ректор НГТУ с 2005 по 2015 год. Первый проректор НЭТИ-НГТУ с 1990 по 2005 год. Доктор технических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ. Лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Вице-президент Российского союза ректоров. Председатель Совета ректоров НСО и СФО. Академик Академии инженерных наук и Международной академии наук высшей школы

«Я рисковал часто...»

В рабочем кабинете среди моделей самолетов, под картиной с алтайским пейзажем, мы говорим с первым президентом НГТУ. Николай Васильевич начинает рассказ: «Я сам новосибирец. Мой отец – фронтовик: в девятнадцать лет он пошел под Сталинград, участвовал в победных торжествах в Берлине. Был ранен. Наверное, поэтому рано ушел из жизни, прожив всего сорок шесть лет... Он был железнодорожником, поэтому я учился в железнодорожной школе. В ней, второй после Физико-математической школы при НГУ, появились математические классы.

В жизни важно встретить не педагога, а учителя. Мне и одноклассникам повезло. У нас был такой – преподаватель математики Иосиф Яковлевич Дорфман. Он пытался заниматься наукой в школе, был заводила, говорил нам: «Ребята, я такой задачник нашел! Советую его вам"... Мы устраивали соревнования, кто на каникулах решит задач больше всех...»

Все считали, что после учебы в математическом классе прямая дорога в НГУ, но судьба распорядилась иначе. Николай Васильевич вспоминает: «Я хорошо сдал экзамены по математике и физике, оставалось только написать сочинение. А я сочинений терпеть не мог, поэтому вместо экзамена ушел на пляж купаться. С тех пор об этом ни разу не пожалел. Теперь-то я понимаю, что всё-таки по характеру я не теоретик, а прикладник. И я пошел в НЭТИ, на самолетостроительный факультет. Прекрасно сдал экзамены, поступил. А мой учитель математики в это время сходил в НГУ, с кем-то там договорился, чтобы меня после первого курса перевели в НГУ. Но я уже решил строить самолеты.

В институте я встретил известного механика Льва Моисеевича Куршина. Он был большим ученым и великолепным преподавателем с индивидуальным подходом к каждому студенту».

За пять лет учебы Николай Васильевич не получил ни одной четверки, только пятерки. Для того чтобы выдвинуть его кандидатуру на Ленинскую стипендию, его привлекли к общественной работе – пригласили в состав комитета комсомола заведовать студенческой наукой. Николай Васильевич вспоминает: «Оказалось, что меня обманули – они не могли подобрать секретаря комсомольской организации... Втравили меня в бюро комсомола и вечером принялись убеждать стать секретарем комсомольской организации факультета. Деваться было некуда, пришлось согласиться. Это мешало заниматься наукой, отвлекало».

На последнем курсе Николая Васильевича несколько раз приглашали в СибНИА, но он хотел связать свою жизнь с наукой и с НЭТИ и перед защитой диплома получил от Льва Моисеевича Куршина¹ приглашение поступать в аспирантуру.

¹ Лев Моисеевич Куршин (1926–1981) – доктор технических наук, профессор, член Национального комитета по теоретической и прикладной механике СССР. Один из основателей новых направлений в исследовании прочности конструкций летательных аппаратов при высоких температурах в условиях ползучести материала, нелинейного поведения пластин и оболочек, прочности трехслойных конструкций, оптимизации форм упругих тел. По его инициативе в 1969 г. в НЭТИ была создана кафедра прочности летательных аппаратов.

О работе с ним Николай Васильевич вспоминает так: «Он был трудоголиком. Помню, говорит одному аспиранту:

– А ты почему вот это не сделал?

Тот отвечает, что времени не было, а Лев Моисеевич ему внушает:

– Запомни раз и навсегда: в аспирантуре рабочее время начинается после того, как рабочий день закончился.

Как-то накануне 7 декабря, это тогда был День Конституции, выходной, Лев Моисеевич говорит мне:

– Николай, приходи завтра. Посидим, поработаем вместе над темой диссертации...

Я ответил, что завтра выходной, а он мне:

– Вот и хорошо – никто мешать не будет...

В 1980 г. Лев Моисеевич тяжело заболел, и после его ухода из жизни, в 1981 г., я сменил его на посту заведующего кафедрой и помогал его ученикам закончить диссертации. Этой кафедрой я веду уже почти сорок лет».

В 1990 г., когда вместо Георгия Павловича Лыщинского на пост ректора избрали Анатолия Сергеевича Вострикова², Николай Васильевич был приглашен на должность первого проректора. Он объясняет: «Востриков мне предложил эту должность, я ответил, что подумаю. А через неделю он мне позвонил и сказал: “Приходи”. Я пришел, мы поговорили, я согласился. Кое-что в системе мне тогда не нравилось, многое было тяжело менять. Например, я придумал, что у факультетов должны быть собственные финансовые средства... Я понял: чтобы внедрить новые финансовые или управленческие идеи, не следует никого принуждать к согласию, но стоит потратить массу времени для убеждения коллег, а может быть, и противников – иначе идею утопят...

У ректората было много идей. Мы решили строить Центр культуры и Дворец спорта, потому что важнейший принцип воспитания студента – это лишить его свободного времени, увлечь. Мария Александровна Кувшинова с факультета бизнеса предложила создать премию “Прометей” для студентов за активную работу в разных сферах. Потом мы построили Инсти-

² Анатолий Сергеевич Востриков (1941 г. р.) – доктор технических наук, профессор кафедры автоматизации, заслуженный деятель науки РФ (1997). Был ректором НГТУ с 1990 по 2005 г.

тут социальных технологий и реабилитации – единственный в стране специализированный комплекс такого рода... Университет гордится факультетом гуманитарного образования и факультетом бизнеса, которые появились в 1990-е гг....

Конечно, большую часть университета создал и построил Георгий Павлович. Я думаю, многое ему удавалось потому, что он как руководитель был такой... отчаянно-рисковый. Есть такой фильм, кажется, называется "Директор". Там герой говорит: "Я имел тридцать выговоров и пять Орденов Ленина!" Думаю, что часто такой стиль жизни руководителя оправдан: если ты не будешь рисковать, ты многое не сможешь сделать. Именно этот стиль я всегда для себя принимал. Никогда не воровал, но рисковал часто. Ректор же несет на себе всю ответственность: проректоры посоветовали и уснули, а ректор не спит, принимает решение.

Сложно начинали строить библиотеку. Финансирование было выделено только на один год, никто не верил в успех этого проекта, но через 12 месяцев действительно сдали библиотеку (завершал стройку уже новый ректор – Анатолий Андреевич Батаев). Это хорошо, что получилось. А если бы не получилось, где бы я был, и что бы про меня говорили?..

Давно, в 1990-е гг. еще, мы с Анатолием Сергеевичем Востриковым как-то выплатили преподавателям премию. Приходят проверяющие и говорят: нецелевое использование средств... Мы им одни документы предъявляем – не то, другие – не то. Мы понять не можем, что надо. Потом, сколько-то времени прошло, одна из проверяющих говорит: мол, такую-то бумагу принесите, и я успокоюсь. Мы принесли, она успокоилась. Неужели сразу не могла сказать, что нужно?..

А пожар в пятом корпусе в 2005 г.! Я как раз отдыхал в "Эрлаголе". Мне звонят, говорят: "У нас тут маленький пожарчик", через десять минут еще раз звонят, говорят, что полкрыши горит. Потом, что вся крыша горит. Я сел в машину, поехал в Новосибирск... За лето восстановили крышу, нашли ресурсы из внебюджетных средств университета».

Николай Васильевич сетует, что работа на руководящем посту отнимает много здоровья...

* * *

О докторской диссертации он рассказывает так: «Ректором был еще Востриков. В университете защищали 10–12 докторских диссертаций в год. Я был кандидатом и считал, что кандидату руководить профессорами неприлично. По совету ректора в 1997 г. я сел за докторскую. Предлагали защищать докторскую диссертацию по совокупности научных работ. А один из коллег сказал: “Если есть река, зачем идти против течения? Напиши диссертацию, как все”. Я написал диссертацию на том же материале, защитил ее в СО РАН. В нашем совете не стал защищаться, чтобы не говорили: мол, начальник, по блату защитился...»

* * *

«Я считаю, что ректор должен со своего поста уйти вовремя. Один знакомый профессор, когда ему исполнилось шестьдесят пять лет, принес мне заявление с просьбой освободить его от заведования кафедрой. Я удивился, а он сказал: “Запомни, пока я в своем уме, надо написать заявление об уходе, а то потом все будут долго уговаривать, и никто не дождется и не допросится”... Меня это потрясло. Профессору сейчас за восемьдесят, он перестал заведовать кафедрой, но до сих пор преподает и занимается наукой.

Когда я решил оставить пост ректора, меня попросили стать президентом. Это что-то вроде почетной пенсии: я помогаю университету своими связями и занимаюсь общественной работой.

Для меня работа – это жизнь. Если в университете появляется что-то новое, хорошее, я счастлив. Я счастлив, что многие ребята хотят поступить в НГТУ».

* * *

Николай Васильевич рассказывает о путешествиях: «Я вообще автомобилист. К автопутешествиям меня приучил, будучи ректором, Востриков. Мы и сейчас с друзьями, с семьями, пять-шесть машин, выезжаем на Алтай. Все углы там уже облазили, вдоль и поперек проехали, но Алтай не может надо-

есть. Я люблю ездить туда весной, когда багульник начинает цвести. Да и где ты еще голубые горы увидишь?

Уймонская долина, Верх-Уймон – рериховские места. Я раньше, когда смотрел на картины Рериха, думал, что он странный человек, что не бывает в природе таких красок. А оказывается, он просто сделал природные краски чуть ярче. Его картины я видел вокруг своими глазами.

В Монголию ездил в составе целой команды автомобилистов из НГТУ: заходили через Улан-Удэ, прошли Монголию и выехали через Алтай, по Чуйскому тракту.

В России много мест, которые намного лучше Таиланда, Кипра... Я в Магадане был, рыбу там ловил. К сожалению, не был на Сахалине, всё собираюсь...

За границей я много бывал по работе, устанавливали связи с зарубежными вузами. Например, в Китай раз двадцать летал... Но это не так важно. Важно то, что ближе сердцу. У меня двое детей, три внучки, дача – дом на берегу Обского моря. Мы часто отдыхаем вместе – большой семьей.

Я спортом занимаюсь. Пятнадцать лет играю в большой теннис. У меня есть команда друзей, возглавляет ее Юрий Андреевич Афанасьев³. Нам всем уже лет по семьдесят, но в душе мы молодые.

Еще я, был период, много ездил на охоту, но бросил. Я считаю, что я не голодный. Да и современная техника такая, что это уже не охота, а убийство. Я однажды косулю убил и подумал: "Ну, и зачем я это сделал?"... Единственная охота, которую я понимаю, – на уток. Попасть в летящую цель – это спорт, но в нем я не особенно преуспел».

* * *

Николай Васильевич родился в Новосибирске. Он вспоминает, как в детстве бегали на берег Ини купаться, ловить рыбу. Вспоминает, как однажды отец купил ему двухколесный велосипед, целый день учил на нем кататься, а потом сказал: «Коля, если ты не научишься на нем кататься, я его продам»,

³ Юрий Андреевич Афанасьев (1941 г. р.) – кандидат технических наук, профессор НГТУ. Заслуженный работник высшей школы. Работал проректором по научной работе.

и как Николай Васильевич на второй день научился. Он говорит: «Должна быть в человеке какая-то целеустремленность».

В детстве Николай Васильевич окончил музыкальную школу по классу баяна. Рассказывает, что в четвертом классе ему надоело заниматься, хотел бросить. Но отец убедил: «Если взялся за дело, ты должен его закончить». Николай Васильевич говорит: «Раньше я пел, играл, много песен знал. А сейчас – так, иногда, балдежа ради».

* * *

Холодное ноябрьское солнце падает на картину с алтайским пейзажем – с видом от памятника В.Я. Шишкову, с окном в лето. На столе Николая Васильевича научный журнал со статьей о квантовых компьютерах. «Мне нужна актуальная информация, читаю технические журналы, люблю быть в курсе». И вдруг резюмирует о другом: «Я вот какую мысль хочу подчеркнуть, главную: любой целеустремленный руководитель в том или ином смысле ходит по лезвию бритвы. Эти нервы, эта ответственность... Я перестал быть руководителем и перестал рисковать. Теперь на многие проблемы смотрю с юмором».

РОЖКОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

**Выпускник 1979 года,
самолетостроительный
факультет (ССФ)**

Председатель первичной профсоюзной организации АО «Новосибирский завод химконцентратов» (НЗХК). Генеральный директор ОАО «НЗХК» (2009–2012). Заместитель главы администрации Калининского района г. Новосибирска (1990–1992). Заместитель генерального директора, первый заместитель генерального директора – главный инженер ОАО «НЗХК» (1992–2009). Награжден орденом Дружбы.

«Радость человеческого общения»

Владимир Владимирович начинает рассказ с вопроса о том, почему он поступил в НЭТИ: «Я родился в семье военного недалеко от города Кейла в Эстонской ССР. Мой отец был штурманом авиации дальнего действия Балтийского флота. Мы, дети, каждый день ходили на аэродром смотреть на самолеты. Я помню, как однажды эскадрилья отца шла на парад: черные морские брюки, кителя, голубые петлицы и кортик, у отца был орден Красной Звезды. Меня спрашивали: “Кем ты будешь, когда вырастешь?” Я отвечал: “Буду, как папа”».

В 1962 г. семья приехала в Новосибирск. Владимир Владимирович стал жить с бабушкой и дедушкой. «Мне было пять лет, бабушка с боем учила меня читать. А в шесть лет я начал читать сам, перечитал всё, что было, и, когда пошел в первый класс, оказалось, что зрение у меня портится, мне выписали

очки. Естественно, путь в небо был заказан. И я решил: раз уж не смог летать, буду строить самолеты, и поступил в НЭТИ».

* * *

В 1979 г. на Новосибирском заводе химконцентратов организовывалось новое производство – тепловыделяющие сборки для реакторов большой мощности. Завод искал и набирал молодых специалистов-машиностроителей и инженеров-конструкторов. Декан самолетостроительного факультета порекомендовал заводу несколько выпускников, в числе которых оказался и Владимир Владимирович. Так он получил распределение.

Владимир Владимирович вспоминает: «Предприятие тогда работало в закрытом режиме, называлось “почтовый ящик 80”... Когда я впервые пришел на завод, был яркий солнечный августовский день. Я должен был работать в цехе № 10, а на самом деле он еще не был построен, было только опытное производство по разным цехам. Меня отправили на опытно-экспериментальный сборочный участок № 5 цеха № 4. Я туда пришел, мне показывают цех: белый пластикат на полу, все люди в белом: специальные костюмы, чепчики, бахилы! Я до этого видел только машиностроительное производство, а тут – такое ощущение, будто попал в операционный зал! Этаким дворец труда! К моему великому разочарованию оказалось, что я не туда пришел, и меня отправили на другой участок. А там интерьеры были более прозаичными... Я тогда подумал: “За что ж?”... Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что это огромное счастье, когда ты попадаешь на новое производство и растешь вместе с ним».

* * *

Владимир Владимирович к слову вспоминает, как в честь 70-летия Новосибирской области снимался небольшой юбилейный фильм о руководителях предприятий и как журналист

его попросила сказать несколько слов о себе, и он ответил: «Я выпускник НЭТИ». Журналист тогда удивилась:

– Третий день беру интервью. Вы у нас в фильме пятнадцатый руководитель – выпускник НЭТИ. Вы мафия?

И Владимир Владимирович пояснил:

– Мы не мафия. Мы школа!

Владимир Владимирович размышляет: «Нас воспитывало особенное поколение – им было дело до всего. Помните, у Козьмы Пруткова: “Односторонний специалист подобен флюсу”. Это понимание было когда-то и за пределами НЭТИ. Я помню субботники, когда был на заводе молодым специалистом! Шла реконструкция улицы Богдана Хмельницкого. Эрик Николаевич Свечников, он был директором заводи химконцентратов, сказал: “Бетонных поребриков не будет, мы ведь на века делаем”. И привезли гранит! Сажали не тополя, а липы! Руководители выходили к людям и не указания давали, а дело делали, личным примером показывали...

В советское время у заводов были подшефные хозяйства – колхозы, села... Вы знаете, как это начиналось? Старики рассказывали, что примерно в 1956 г. директор завода химконцентратов Павел Семенович Власов встретил секретаря обкома партии по Доволенскому району, и тот пригласил его к себе в гости в село Довольное. Оказалось, что секретарь жил в землянке! Директор завода предложил секретарю помочь с постройкой каменного дома, но тот отказался: “Это неудобно. В селе есть семьи, которые больше нуждаются в улучшении жилищных условий”... После этого по инициативе завода химконцентратов появилось постановление новосибирского обкома КПСС о поддержке села. Вот такие руководители в то время были! Этим людям было дело до всего: до жилищных условий сотрудников, до школ, до детских садов, до больниц... И я старался быть таким же руководителем. Я убежден: гражданское воспитание достигается только личным примером.

Я руководил районной администрацией в то непростое и интересное время, когда территории сами отвечали за свой бюджет: сами зарабатывали и сами распределяли заработанные деньги, еще не были сформированы бюджет города и бюджет области в современном понимании. Тогда мы не жда-

ли, сколько денег и на что нам выделяют сверху, тогда мы определяли всё сами. Когда система реорганизовалась, я из нее ушел, мне было неинтересно ждать, "сколько дадут, выделят"... Был такой анекдот: "В японском магазине на входе стоит человек, встречает покупателей и говорит: 'Нисё у нас нету'. Люди его не слушают, идут в магазин, потом выходят ни с чем. Человек на выходе спрашивает у них: 'Убедились?'..." Так вот, мне было неинтересно чувствовать себя таким человеком».

* * *

Владимир Владимирович рассказывает: «У меня друг несколько раз ездил в Китай – они туда передавали производство тепловыделяющих сборок. Так вот, когда он приехал туда в командировку впервые, он увидел дурно пахнущую деревню с лачугами, через десять лет на ее месте возник многомиллионный современный город. Там на большом уличном экране с рекламой он увидел портрет человека, возникавший то и дело. Мой друг спросил переводчика, кто это. И переводчик ответил, что это "Человек месяца", который придумал, как снимать алюминий с конфетных фантиков и вовлекать его в повторное производство... Я к чему это рассказываю? К тому, что человеку важно чувствовать себя нужным. Когда я был студентом и молодым специалистом, чувствовал, что я нужен стране. Я мог прожить на свою стипендию, она была больше, чем зарплата моей бабушки, которая работала билетером в оперном театре...»

* * *

О жизни и досуге Владимир Владимирович говорит так: «Я не рыбак, не охотник. В 1990-е увлекался компьютерами, когда они только появились. Ночами играл в Doom, в Diablo прошел три части... В Diablo для меня неважно было, сколько я монстров убил, мне нравилось собирать всякие артефакты и их комбинировать.

Я люблю музыку – дома целая коллекция русского рока.

У меня трое ребятишек, внучки, поэтому семья, конечно, – важная часть моей жизни. Я и кризис 1998 г. помню как-то вне связи с работой или с проблемами. В июле и августе в том году мы с дочками были на даче. Это было прекрасное лето! Великолепная погода! Целый месяц никто не докучал!...

Что в жизни главное? Счастье измеряется не заработанными деньгами. Как говорят, в гробу карманов нет. Не славой, потому что сегодня кого-то помнят, а завтра забыли. А счастье – это хорошие люди, которых тебе выпало знать. Поэтому главное в жизни – это радость человеческого общения...

Я еще подумал сейчас, что счастье – это когда у человека ничего не болит ни физически, ни душевно, ни социально».

СЁМКА СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

**Выпускник 1988 года,
машиностроительный факультет
(МСФ)**

Заместитель губернатора Новосибирской области с 2014 года. Министр промышленности, торговли и развития предпринимательства Новосибирской области (2010–2014). Руководитель департамента развития промышленности и предпринимательства Новосибирской области (2005–2010).

«Мне до сих пор снится "Сибсельмаш"»

Сергей Николаевич говорит: «Самая сложная работа – с людьми. В железках можно разобраться, но в людях – очень сложно. Нужно всё время учиться слушать, слышать, уважать. Я всегда верю людям. Наверное, потому что меня мало обманывали в жизни».

* * *

Сергей Николаевич родился на улице Степной, потом жил на улице Станиславского в Ленинском районе Новосибирска. Он вспоминает: «Рос на улице, играл в войнушку. Нянькой моей была соседка, она курила папиросы, одну за одной. Потом пошел в садик, но садик не любил: одна воспитательница была веселая, а другая невеселая. Часто я домой убегал из садика, брал дома клюшку и шел играть в хоккей во дворе. Двери тогда не закрывались на замок ни у кого. На всем массиве жили только заводчане с "Сибсельмаша"».

Одно из ярких воспоминаний детства – АН-2 врезался в соседний дом¹. «Это было утро выходного дня. Он сбил на нашем доме антенну. Моя мама гладила белье, я уже проснулся. Вдруг удар, хлопок, стекла зазвенели. Мы, ребяташки, сорвались, побежали смотреть. Любопытные были, детям ведь страшно не бывает. Подъезд тот всё лето простоял затянутый брезентом, а к осени его отремонтировали и постепенно забыли».

* * *

Четвертый класс Сергей Николаевич окончил в Ираке – в Багдаде. Отца направили туда инженером. Сергей Николаевич рассказывает: «Большой красивый город! Мы, несколько семей, жили в трехэтажном частном доме для советских специалистов. Около дома был небольшой апельсиновый сад, два мандариновых дерева и два дерева с лимонами. Сад после дождя становился похожим на джунгли из мультфильма про Маугли. Мы играли с детьми арабских дипломатов – кидались друг в друга апельсинами. Они угощали нас крепким чаем с сахаром, после которого было впечатление, будто бы не то что-то слиплось, не то что-то онемело».

Детей советских специалистов возили в школу в центр города на противоположную сторону Тигра. Сергей Николаевич вспоминает: «В советском представительстве с нами провели беседу: просили не выпячивать принадлежность к советской пионерии. Но однажды машина, на которой нас возили в школу, сломалась. И я шел по Багдаду, гордо всем демонстрируя свой красный галстук.

К окончанию начальной школы нам устроили встречу со школьниками ГДР. Мы побратались с ними – обменялись галстуками. Мы дарили им свои красные, они нам – свои синие. Тот синий пионерский галстук у меня до сих пор где-то хранится.

¹ 26 сентября 1976 г. пилот Западно-Сибирского управления гражданской авиации угнал самолет АН-2 и, желая отомстить супруге, произвел преднамеренный таран жилого дома по адресу ул. Степная, 43/1. Летчик погиб. В стене здания образовалась двухметровая брешь, самолет загорелся, огонь перешел в подъезд. Погибли четверо жильцов дома, из них трое детей. Супруга пилота и ее родственники, проживавшие в этом доме, не пострадали: их не было дома.

А еще в Ираке не было зимы. Однажды вечером по городу началась стрельба. Мы вышли на крышу и наблюдали трассирующие пули над Багдадом. Это было очень красиво! В тот день иракская сборная по футболу выиграла у Кувейта со счетом 5:4. Мама спросила у папы: "А если попадут, убьют?" – "Конечно убьют", – спокойно ответил папа. Мама пыталась нас увести с крыши, но напрасно.

Это была интересная страна. Любого "бледнолицего", кроме русских, там тогда называли "английская свинья". Русских специалистов уважали не только за их знания, но и за то, что они имеют терпение и могут научить. Наши переводчики были в основном из Средней Азии – и они быстро находили общий язык с иракским населением».

* * *

А в пятом классе Сергей Николаевич учился уже на Украине, в Запорожье, и после вновь вернулся в Новосибирск. На каникулы ездил на родину родителей – в Краснодарский край.

В школе Сергей Николаевич много читал, он вспоминает: «Соседка еще до школы повела меня в библиотеку. В школе я перечитал всего А. Дюма, всё, что было "за макулатуру"². Перечитал все биографии полководцев из серии "Жизнь замечательных людей". На гитаре хотел играть, но научиться не удалось. В восьмом и девятом классах был секретарем комитета комсомола школы. Окончил школу с двумя четверками – по химии и по физике, остальные пятерки».

Сергей Николаевич много занимался спортом. «Сын соседки пришел из армии и повел меня в НЭТИ в секцию борьбы. Я начал тренироваться, увлекся, выступал в тяжелом весе. Там были легендарные тренеры, тогда там занимался Александр Карелин. Он хоть и моложе меня, но уже тогда был намного опытнее – он уже ездил на международные соревно-

² В советское время был период, когда в магазинах отдельные наименования книг продавались только в обмен на сданную макулатуру. В основном это были произведения зарубежной и отечественной классики, пользующиеся повышенным спросом.

вания... Как-то я прочитал в журнале "Наука и жизнь" о волевой гимнастике А.К. Анохина, которой Г.И. Котовский³ занимался, когда в тюрьме сидел. Я начал заниматься два раза в день и за полгода-год сбросил вес со 130 кг до 89,5 кг. И тренировался: день – футбол, день – борьба. И не ел после семи вечера».

* * *

Сергей Николаевич решил поступить в НЭТИ по примеру отца, который в 1967 г. окончил машиностроительный факультет. Еще три с половиной года занимался борьбой, а потом бросил. Один семестр проездил на соревнования, и пришлось выбирать между учебой и спортом. «Я ночами дома делал чертежи в полусонном состоянии. И тут папа заходит в комнату, говорит: "Сынок, пора выбор делать, кем ты хочешь быть – спортсменом или инженером." Я спросил его мнение. Он ответил: "Я думаю, что инженером". Я выбрал.

Мы до сих пор дружим всей институтской группой, встречаемся. Кого-то, к сожалению, уже нет. Сердце наших встреч – Костя с шикарной фамилией Поднебесный, хотя роста среднего. Костя умеет петь, шутить, играть на гитаре!.. Всем было весело учиться. Это были самые золотые времена – такой возраст, когда кажется, что ты всё можешь, когда желания еще не точит страх за последствия».

* * *

Распределился Сергей Николаевич на «Сибсельмаш»: «И папа там работал, и мама, и младший брат потом пришел, тоже машиностроительный факультет окончил».

Завод был гигантским – 25 000 рабочих, выпускал сельскохозяйственную технику, горно-шахтное оборудование, технологические части артиллерийского выстрела, запорную арматуру, некоторые товары народного потребления.

Получив специальность «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты», Сергей Николаевич пришел на завод мастером. Он вспоминает: «Ходил в черном

³ Котовский Григорий Иванович (1881–1925) – революционер, участник Гражданской войны, советский военный и политический деятель.

халате, иногда своими руками дорабатывал детали, всем помогал. Меня родители ругали, что я не такой мастер, как положено». Путь мастера к карьерным высотам был длинным: мастер, старший мастер, зам. начальника цеха, начальник цеха, зам. начальника производства, начальник производства, зам. главного инженера, главный инженер, заместитель директора...

На заводе Сергей Николаевич дорос до главы отдела товаров народного потребления. Завод выпускал знаменитые сумки-тележки, дверные замки-крабы, мебель (кухни, стенки, шкафы для спален). Всё это сопровождалось конструкторской и технической документацией, работало опытное производство, проводились испытания. Сергей Николаевич рассказывает: «Был 1993 г., всё только начиналось. Мои первые попытки самостоятельно находить заказы иногда даже удавались. Еще в институте нам два года читали "Экономику" и "Организацию промышленного производства". Это давало мне возможность понимать то, что происходит. Иногда даже спорил с планово-финансовым отделом. Нас сгубило то, что завод был огромным, и из-за общезаводских расходов сильно вырастала цена товара... Многие изделия дешевле было производить на маленьких заводах».

Он увлеченно рассказывает о том, как в его бытность на «Сибсельмаше» появилась очень полезная разработка: замок для сейфа увеличили в три раза, получился великолепный замок для гаража, который невозможно открыть. Сергей Николаевич говорит: «У меня до сих пор в гараже этот замок висит. Эти замки пользовались спросом. Еще мы делали насадки на шланги для полива... Что только ни делали, за что только ни хватались. Делали всякие изобретения, время заставляло искать всё новые и новые решения».

В 1992 г. случилось самое страшное, что только может быть в работе с людьми, когда ты не знаешь, что ты им закажешь и как ты им зарплату заплатишь... Первыми начали увольняться самые ценные специалисты. В 1993 г. меня впервые пригласили работать в областную администрацию, но я отказался, я патриот "Сибсельмаша"... Но в 1994 г., когда пригласили во второй раз, всё же ушел с завода. На "Сибсельмаше" было совсем тяжело: всех отправляли в отпуск без содержания, а у меня уже была семья, ребенок... Меня пригласил

человек, который когда-то работал в одном цехе с моими родителями, знал моих папу и маму...»

* * *

О себе Сергей Николаевич сегодня говорит: «Я государственный служащий, служу отечеству. Я никогда не переставал ему служить. У меня две записи в трудовой книжке. Я, наверное, больше ничего не умею. Я никогда не занимался бизнесом. Все мои опыты заработать или “срубить денег полегкому” ни к чему хорошему никогда не приводили. Я всегда даже в лотерею, “в колпачки” и в карты проигрывал... Даже за те гаражные замки я не получил ни вознаграждения, ни оплаты.

Я думаю, что весь успешный бизнес вращается вокруг человека: человек всегда будет рождаться, кушать, одеваться и, к сожалению, болеть и умирать... А все эти маркетинговые ходы... Ну их.

Очень хочется приносить больше пользы. Хочется, чтобы экономика и политика смешивались реже».

* * *

Об отдыхе он рассказывает: «В марте первый раз в жизни мы были с супругой в санатории на оз. Карачи. Там великолепно! Каждый год летом езжу в деревню в Краснодарском крае.

В прошлом году первый раз в жизни был в Таиланде. Там духота, грязновато, мягко говоря... В позапрошлом году был во Вьетнаме... Это, наверное, не мое. Приезжать сюда оттуда с вычурным загаром мне кажется неправильным».

* * *

В конце беседы, немного помедлив, он говорит: «Мне до сих пор иногда снится “Сибсельмаш”, что я работаю мастером 28-го механосборочного цеха. И запах этого масла, слегка подгорелой стружки, эмульсии...

Знаете, что меня поразило, когда я в первый раз пришел на “Сибсельмаш”? Шум! Первое время от него глохнешь. Он похож на звук, который издает СУ-34, когда на малых высотах показывает фигуры высшего пилотажа. Гул, из которого потом что-то рождается!»

СКАТОВ АРТЁМ ВЕНИАМИНОВИЧ

Выпускник 2006 года, факультет гуманитарного образования (ФГО)

Заместитель мэра г. Новосибирска с 2016 года. Депутат Законодательного собрания НСО с 2010 по 2016 год, заместитель председателя Комитета по культуре, образованию, науке, спорту и молодежной политике. Помощник депутата Государственной думы РФ (2012–2014). Пресс-секретарь мэра г. Новосибирска (2014–2015).

«Мы готовы взять ответственность на себя...»

Когда слушаешь Артема Вениаминовича, улавливаешь много знакомого, видишь наглядно, как история превращается в спасательный круг, брошенный современности, слышишь подспудное, несмолкаемое: «Мы последние советские дети»... Артем Вениаминович признается, показывая на сердце: «Книжечка Маркса по диалектике до сих пор вот здесь сидит, и до сих пор применяю. Ничего удивительного, что я со временем в КПРФ пришел». И это разговор не о возвращении в прошлое, а о проекте будущего.

* * *

«Моя жизнь, – говорит Артем Вениаминович, – доказывает, что судьбу человека строят случаи и люди, с которыми он пересекается. Как-то так сложилось, что в моей жизни самая значимая фигура – Анатолий Евгеньевич Локоть¹. Он мой

¹ Анатолий Евгеньевич Локоть (1959 г. р.) – мэр г. Новосибирска с 2014 г.

наставник, так сказать, учитель, в некотором смысле даже отец, он меня вырастил в профессиональном смысле. И еще в моей жизни очень важной оказалась учеба в НГТУ. Без нее я бы не оказался на том поприще, на котором сейчас работаю».

Артем Вениаминович родился в Казахстане в г. Семипалатинске. Он вспоминает: «Даже после распада СССР Семипалатинск с его атомным полигоном считался русским городом, и я всегда ощущал себя гражданином России. В 1990-е гг. мы жили так же, как и в Новосибирске, как и везде в России: родителям постоянно было некогда, они учились выживать, им пришлось торговать на барахолке. И мы тоже учились выживать: усваивали, что теперь каждый сам за себя, и сопротивлялись этому. Прежде казалось незыблемым, что коллектив всегда поддержит, что государство непременно даст то-то и то-то... В одночасье исчезло все, кроме товарищества и командного духа».

* * *

В 2003 г. Артем Вениаминович окончил в Семипалатинске Государственный университет им. Шакарима по направлению «Журналистика». На третьем курсе его заинтересовал предмет «Связи с общественностью», потому что, говорит Артем Вениаминович, «это предмет о двусторонней коммуникации, он дает инструменты для выстраивания отношений между людьми».

Планировал поехать в Москву, но младшая сестра решила поступать в Новосибирск, и Артем Вениаминович отправился вместе с ней. Поступил в НГТУ на третий курс на специальность «Связи с общественностью». Он рассказывает: «Мне надо было сдать сессию и закрыть академическую разницу в 12 предметов. Мне пришлось самому себе доказывать, что я могу это сделать, так как было стыдно не сдать и вернуться домой ни с чем. Я читал, учил. В Казахстане не преподавались в таких объемах ни естествознание, ни история России, там была совсем другая программа... За полгода я всё сдал.

Что интересно, в Семипалатинске мой курс был первым набором на «Журналистику», и в НГТУ я тоже попал в первый набор на специальность. Выпускающей кафедрой была кафедра истории и политологии, никто толком не понимал, чему

нас учить, практикующих специалистов среди преподавателей почти не было.

На практику я пошел на "Радио России", и начал там работать. Делал сюжеты для "Микрофорума"², сам монтировал аудио. Я читал книжки по политическому PR и политехнологиям, следил за политическими новостями, просматривал газеты – и обычные, и предвыборные. Летом были выборы в горсовет, я попросился в штаб листовки расклеивать, а к концу выборов вырос до заместителя начальника штаба, предложил ряд проектов...

И потом, на четвертом курсе, когда появились прикладные предметы, оказалось, что по специальности мы знаем больше, чем наши преподаватели. Нас учили очень хорошие, глубокие люди из академической среды, которые никогда не работали по этой специальности. Нас же стали интересовать вопросы не о том, что делать, а о том, как делать. Мы пошли на кафедру, поговорили, но нас не услышали. Пошли к декану, применили свои знания, организовали группу, заявили "мы требуем!". Нас моментально собрал ректор Николай Васильевич Пустовой, выслушал наши требования, и на следующий год была создана профильная кафедра социально-массовых коммуникаций. Нам старались дать в качестве преподавателей ведущих российских специалистов по связям с общественностью и в коммерческой сфере, и в политической. Получается, что в каком-то смысле наш курс – это создатели кафедры.

По одному из предметов к нам раз в неделю стали приглашать специалистов по связям с общественностью от политиче-

² «Микрофорум» – легендарная интерактивная утренняя радиопрограмма ВГТРК «Новосибирск», выходившая с конца 1980-х гг. по 2017 г. В эфире звучали мнения горожан по актуальным проблемам города, выступали ответственные лица. Автор и ведущий «Микрофорума» А. Нагуманов в 2017 г. сказал: «Мне было гораздо более важно, когда на следующий день поступили звонки от слушателей, которые сказали: "Вы знаете, мы жили в большом городе, сером, в чем-то неуютном и недоброжелательном. И впервые мы услышали город, который открыт для нас, он – мой, дружеский такой". Согласитесь, когда Индинок в 6 утра выходит играть на баяне – что это? Звездный час? Не знаю. Но мне понравилось» (источник: https://www.nsktv.ru/news/obshchestvo/radioprogramma_gtrk_novosibirsk_mikroforum_otmechaet_yubiley_230320171626/).

ских партий. Так я познакомился с Олегом Полетаевым, тогда он был председателем областного комитета КПРФ, сейчас он вице-президент Российской ассоциации по связям с общественностью. Тогда создавался сайт новосибирского отделения КПРФ, и Олег пригласил меня работать журналистом. Я учился, параллельно работал. Потом стал пресс-секретарем фракции в Законодательном собрании Новосибирской области и вскоре начал работать с Анатолием Евгеньевичем Локтем».

* * *

Артем Вениаминович вспоминает, что еще в школе, в девятом классе, увлекся дебатами, и они привели к пониманию того, какие политические принципы ближе. Он говорит о том, что государство должно нести ответственность за слабых, что слабым нужно помогать за счет сильных. Он рассуждает: «Принципы социальной справедливости в том и заключаются, что государство должно распределять ресурсы между богатыми и бедными».

Артем Вениаминович рассказывает, что в партию вступил сознательно, когда уже работал, в 2008 г. «Я сначала говорил Анатолию Евгеньевичу, что в партии с чем-то не согласен. Он отвечал, что если существует организация и ты с чем-то в ней не согласен, то ты как член команды должен рассказать другим о том, что, почему и как ты предлагаешь поменять. Но надо понимать, что остальные могут тебя послушать, а могут и не послушать. Критиковать организацию изнутри и со стороны – это разные вещи.

В 2008 г. я как помощник депутата стал вести прием населения на округе. Много людей тогда приходили и рассказывали о проблемах дендрологического парка. Я взялся за это дело и пришел в ужас: оказалось, что территория потеряла статус особо охраняемой, появились проекты по ее застройке. Сначала нас не слышали, потом мы создали общественное движение «Ботсаду – новая жизнь», начали проводить субботники, привлекать депутатов, управляющие компании... Эта общественная волна меня вынесла к необходимости баллотироваться в депутаты. В итоге мы смогли достучаться до губернатора, а в 2010 г. я стал самым молодым депутатом Законодательного собрания.

Надо сказать, что в команде КПРФ в Новосибирске есть пять-десять моих ровесников, некоторые из них, депутаты, – тоже выпускники НГТУ. Вместе со старшими членами партии и под руководством Анатолия Евгеньевича мы создали сильнейшую региональную политическую организацию с сильнейшим агитационным блоком. Мы выигрывали выборы с лучшими результатами по стране. Так что сегодня мы готовы работать и брать ответственность на себя».

* * *

Самым сложным из своих проектов Артем Вениаминович называет выборы, на которых А.Е. Локоть баллотировался на пост мэра на второй срок. Эта кампания в 2019 г. была признана, по версии Российской ассоциации по связям с общественностью, лучшей мэрской кампанией кандидата от оппозиционной партии. Артем Вениаминович рассказывает: «Избираться на второй срок всегда сложнее, чем на первый. К тому же я был в роли начальника штаба, вся ответственность – на мне.

НГТУ научил меня учиться, самостоятельно получать нужные знания, общаться с людьми. Сочинения К. Маркса научили смотреть на вещи не однобоко, обращать внимание не только на причинно-следственные связи. В политике всё надо видеть несколько глубже, планировать нестандартные шаги, руководствоваться не только логикой, но и интуицией».

* * *

Артем Вениаминович резюмирует: «Я считаю, что как к религиозному, так и к политическому выбору человек должен приходить в зрелом возрасте, когда этот выбор уже может основываться на сложившихся жизненных принципах».

СОКОЛОВ ГЛЕБ АНАТОЛЬЕВИЧ

**Выпускник 1975 года,
электротехнический факультет
(ЭлТФ)**

Альпинист. Многолетний президент Федерации альпинизма НСО. Мастер спорта СССР по альпинизму. Единственный новосибирец, покоривший Эверест (8848 м, 2004) и вторую по высоте вершину мира К2 (8611 м, 2007). Покоритель нескольких вершин в Антарктиде (2003). Рекордсмен скоростных одиночных восхождений на семитысячники Памира и Тянь-Шаня. Член Союза фотохудожников России.

«Мне нравится быть наедине с собой»

Глеб Анатолевич рассказывает о восхождении на пик Шварца (2510 м) в Антарктиде со стороны Земли Королевы Мод: «800 метров абсолютной вертикали, очень твердые породы, ураганные ветра». А потом показывает фотографию, которую сделал под Эверестом: черная глубокая лунка во льду, на ее краю застыла-вытаяла причудливая ледяная роза. Он показывает в черную глубину, запечатленную на фото, и спрашивает: «Ну-ка, что вы там видите?» Там в белой дымке видны очертания человека. Какого ответа он ждет? Что в ледяной лунке виднеются очертания ангела? Бога?.. Они ведь и вправду там видны.

Глеб Анатолевич начинает рассказ о себе с истории о том, как минувшим летом был в Москве и попал на выставку В.В. Верещагина: «Он же огромные батальные сцены писал. А еще – удивительно! – тысячи тысяч набросков! Мелкие! Грифель, карандаш!.. Потрясающе!»

* * *

Глеб Анатольевич родился в семье военного, поэтому приходилось часто переезжать. «Были и маленькие города, и большие... Мама была учительницей. В Москве мы жили в служебной квартире прямо в школе, мама преподавала, папа учился в академии. У меня оставалось много свободного времени, которое я проводил в школьной библиотеке. Библиотекарша прониклась ко мне симпатией и доверяла даже ключ от библиотеки, разрешала брать домой без записи любое количество книг...» К средним классам были изучены и научно-популярная литература, и классика приключений – всё, что могла дать мальчику школьная библиотека. Глеб Анатольевич говорит: «Образ человека, который путешествует, наложился на всю мою дальнейшую жизнь».

Окончить школу пришлось в Славгороде Алтайского края. Физику там преподавали слабовато, и Глеб Анатольевич провалил вступительный экзамен по физике в НГУ, вслед за однокурсниками подал документы в НЭТИ и поступил.

* * *

В студенчестве горы были лишь увлечением. «Пловца из меня не получилось, лыжник я был никакой. Надо было чем-то заниматься, а для серьезного спорта я был староват, – вспоминает Глеб Анатольевич. – Дальше больше. Занялся альпинизмом. Потом, когда уже работал, чем важнее становилась моя работа, тем сложнее становилось пойти в горы, меня не отпускали с работы. Я вступил в СКА¹, и тогда на сборы меня стали вызывать повесткой, и тут уж никто не имел права меня удерживать на работе. Потом, конечно, я возвращался и работал очень много, так что я успевал быть ответственным работником. Меня потянуло в высокие горы, я перебрался в Международный альпинистский лагерь. Но началась перестройка, перестали платить зарплату, пришлось искать другие занятия».

Глеб Анатольевич тогда работал в СКБ «Сибэлектротерм»², он вспоминает: «Я никогда не хотел заниматься только альпинизмом».

¹ СКА – Спортивный клуб армии.

² Ныне ОАО «СКБ СИБЭЛЕКТРОТЕРМ» (Сибирское специальное конструкторское бюро электротермического оборудования).

низмом. У меня была интересная работа, я занимался электроникой. Сидел паял непрерывно схемы приводов для управления плавильными печами... И если бы не перемены в стране, то я, вполне возможно, остался бы на заводе».

Какое-то время Глеб Анатольевич даже работал на радио – рассказывал про спорт, про горы. Потом паял компьютеры ZX Spectrum, или «Спектр-001» («штук сто спаял, наверное»)... В начале 1990-х гг. одно подобралось к другому: и на заводе зарплату перестали платить, и «потянуло в высокие горы»...

В 1996 г. Глеб Анатольевич впервые попал в Гималаи («друзья организовали экспедицию и пригласили») и решил, что должен увиденной красотой поделиться с близкими: «И купил фотоаппаратик простой, пленочный Olympus». В 1997 г. под Эверестом он сделал фотографии, которые отметили профессиональные фотографы, и Глеб Анатольевич увлекся этим искусством: «Когда ты просто смотришь на что-то, взгляд привыкает, а когда ты с фотоаппаратом – начинаешь всматриваться, и объекты наполняются смыслом... У меня нет большого таланта, но я бываю там, где многие потрясающие фотографии не бывают – они там просто умрут...»

С тех пор, говорит Глеб Анатольевич, «жизнь разделилась на высокие горы и домашнюю жизнь, которую я тоже люблю». Но его «домашняя жизнь» – тоже о природе. Осень «в южной части Васюганья» – болота, «миролюбивые, с протоками, деревьями, с утками, грибами, ягодами, чтобы пофотографировать, рыбу половить». Зима – Шерегеш – горные лыжи. Весна-лето: в мае-июне – Актру на Алтае, в июне-августе – «наши семитысячники» – Хан Тенгри, пик Ленина, пик Победы. Глеб Анатольевич рассказывает: «Каждый раз гора тебя встречает по-разному. Каждый раз скалы те же, а восходы и ветры разные. Но тоже вот... Мне предложили возглавить группу гидов на Эвересте, постоянно там весной работать. Я отказался, это будто бы ты становишься "рабом лампы". Ну раз, ну два, но если снова и снова – да пропади оно пропадом!..»

* * *

Первая гора была на Кавказе в 1972 году – вершина Большая Марка (3758 м), за нее выдали значок «Альпинист СССР». Глеб Анатольевич вспоминает: «Это была не гора,

а куча разочарования: она была рассыпная, и инструкторы нам сказали, что на вершину мы не пойдём. А в начале вообще не было никаких впечатлений: идешь-идешь, как ишак...

А сегодня, после того как уже и на Эвересте был, всё равно хочется сходить на многие горы. Во-первых, есть еще восьмитысячники, на которых я не был, во-вторых, есть не пройденные маршруты, в-третьих, есть маршруты, которые можно пройти только большим коллективом, где требуется осадная работа, и это всегда интересно. Хотя сегодня все простые пути на серьезные горы уже протоптаны. Лет тридцать назад Райнхольд Месснер прошел последний, относительно простой, путь на вершину Эвереста, но он шел не в сезон, это была опасная авантюра, у него про это есть книжка "Хрустальный горизонт"...

Восхождение на серьезные горы – это чаще групповая работа. На Хан Тенгри можно спокойно сходить вчетвером, а на Победу нужно уже человек шесть-восемь. В 2009 г. мы ходили на Победу вдвоем с Виталием Гореликом (к сожалению, он погиб в 2012 г. на К-2). Поднимались 8 дней, и каждый день думали, что умрем. Было очень холодно, из-за лавинной опасности нельзя было повернуть назад. Я потом месяц не мог мыть руки холодной водой, меня сразу трясти начинало... В 2018 г. пытались сходить на Победу, тоже вдвоем, но отработали только два с половиной дня, и стали спускаться. Всю ночь через нас летели лавины, и с утра прогремела целая куча лавин – мы спускались вниз, здорово рискуя. Нам повезло, что мы не успели высоко забраться, тем не менее на спуске мимо нас проскочила такая лавина, что если бы мы в нее попали, то всё...

Снег в горах – самая сложная субстанция. И еще у человека есть такая особенность: когда устаешь, начинаешь пренебрегать безопасностью, пытаешься пройти побыстрее, но с большей опасностью. Это все замечают. И гибнут чаще всего опытные: когда человек начинает рисковать автоматически, это ни к чему хорошему не приводит, к тому же каждый раз действуешь в новых условиях – всё просчитать нельзя.

В 2005 г. у меня в жизни всё было не просто, и я был в том состоянии, когда надо что-то в жизни переосмыслить и когда стихи пишутся. И, чтобы с этим справиться, нужно было сильное действующее лекарство вроде удара молотком по пальцу

как средства от зубной боли... Я поднимался в одиночку на пик Победы с флагом НГТУ. Время было неблагоприятное, я там и в лавине покувыркался, но, наверное, у Бога были на меня другие планы, поэтому я остался жив... А с другой стороны шла группа моих друзей из Кемерово и Новокузнецка, и мы планировали встретиться в районе вершины, они меня должны были там сфотографировать с флагом. Я поднялся – никого нет, подождал и стал спускаться. Оказалось, что у них из группы одного парня лавиной унесло. А я еще шел и думал: «Нафига надо мной вертолет летает?»...»

Об опасности горных восхождений Глеб Анатольевич рассуждает так: «Человек выходит утром из подъезда – и он может не вернуться домой. Как-то давно, я еще работал, стоял январь, прошел дождь – и всё замерзло. Я вышел из подъезда и сразу же грохнулся! До трамвая идти далеко, минут двадцать. Я – от кустика до кустика, за все держась, – опоздал на работу часа на три, а многие вообще не появились, потому что транспорт не ходил... Альпинизм не такой опасный, как в кино показывают, но бывает... У меня друзья на К-2 в лавине погибли: веревки лопнули, снегом унесло. Четыре человека. Но есть ведь целая куча других занятий, более опасных, чем альпинизм: бэйсджампинг, катание на велосипедах и мотоциклах с гор – это вообще фантастика!

Я всегда считал, что умирать надо так, чтобы не приносить окружающим людям страдания. Лучше всё-таки умереть в горах, чем прикованным к койке. Идеально – чтобы уснул и не проснулся, где-нибудь на высоте, чтобы тебя и снять не могли. Или в лавине – тоже нормальный вариант. Как в стихотворении: «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой»... Лет в сто, на Эвересте, выпив хорошего портвейна».

На вопрос о том, переживает ли за него семья, когда он в горах, Глеб Анатольевич отвечает: «А семья у меня сейчас – я и мама. Остальные не пережили – развелись. Дети выросли. А мама, конечно, переживает, друзья иногда переживают. Мама говорит иногда: «Мне бы тебя дождаться, если я вдруг помирать соберусь». Но мама у меня стойкая, не зря же она вышла замуж за военного, оба моих папы – военные.

Тот, который отчим, мне всегда говорил: «Нормальные люди строят карьеру, семью, дом, занимаются полезным трудом, а ты занимаешься ерундой». А мой первый папа был авантю-

рист по жизни. Он когда-то разочаровался в армейских порядках. Так случилось, что ударил вышестоящего офицера, и папу разжаловали. Он шутил, что он самый старый младший лейтенант в СССР. После дембеля он работал в Институте низких температур в Ленинграде, а потом стал водолазом, участвовал в разминировании Невы, был командиром катера. Когда он оттуда ушел, его списали на берег вместе с этим катером. У папы был дом в десяти метрах от Чудского озера, он строил там пирс, долгое время возил туда камни, но первый же мощный лед на озере этот пирс разметал... Папа говорил мне: "Ох! Какая у тебя интересная жизнь!"...»

* * *

Глеб Анатольевич признается: «А вот еще интересно: у меня все наручные часы останавливаются, любые, сколько мне их дарили, и сам покупал... Единственные, которые долго работали, – мне их в 1993 г. американский альпинист Алекс Лоу³ подарил, я с ними за 20 часов на пик Победы сбегал, у них через год батарейка села, а менять ее можно только в сервисном центре в США. Так они и потерялись... Были еще одни хорошие часы – в них на Эвересте камень попал, потом на руке долго был синяк в точечках-следах от винтиков... Эти часы мне руку спасли.

Впрочем, я не верю в мистику, хотя знаю, что горам надо время от времени делать подарки.

Когда я ходил траверс Победы, был ураганный ветер, мне ночью сломало палатку, и всё время по голове что-то било. Утром вылезая из спальника, из мешка, в который палатка превратилась, оказалось, что по голове меня снегоступом било, а второй снегоступ унесло куда-то. Ну, я и оставшийся снегоступ Победе подарил: хотела снегоступ – забирай!

Есть, правда, такое правило, что нельзя дарить ненужные вещи. На Эвересте я ледовый инструмент оставил.

В духов гор я не верю, но если многие люди какой-то объект обожествляют, значит, наверное, появляется вокруг него

³ Алекс Лоу (1958–1999) – альпинист из США. Погиб при восхождении на г. Шишапангама (8027 м) в Гималаях.

какое-то "коллективное самосознание", он будто бы становится субъектом. Тибетцы верят, что у каждого перевала есть свой дух, они его задабривают – делают ему подношения. Буряты верят в бурханов... Хочешь не хочешь, а всё равно это как-то влияет на человеческую жизнь, или мы думаем, что влияет... Вроде и не должно быть никаких духов, но мы их сами придумываем, и после этого они начинают существовать.

В Киргизии есть очень опасный ледник Семеновского, там ледопад, и в 1998 г. нас там чуть не засыпало. С тех пор я хожу, ничего не боюсь, потому что я с ледником заключил договор: я должен время от времени дарить ему подарки. Я дарю, и со мной никаких приключений не случается. Хотя я там два года назад попал в лавину, но, как видите, остался жив. Это такое напоминание от ледника...

У меня есть оберег – волчий клык на сыромятной нитке, который я нашел на Хан Тенгри. Когда хожу на Хан Тенгри, беру его. Однажды не взял – и обстоятельства не позволили подняться, зато в следующий раз надел – и всё было хорошо.

В 2019 г. друзья звали на Аннапурну (8091 м), но я не поехал, потому что мама уже старенькая. А вообще есть у меня должок сходить на эту гору. У меня там друг погиб лет пять назад.

Да, и иногда надо притормозить, особенно когда неудачи чередой... Несколько лет назад на Нанга-Парбате (8125 м), пока мы ходили наверх, на восхождение, на базовый лагерь напали террористы и убили всех, кто там был. Нам по рации об этом сообщили, и мы пошли вниз... Сейчас уже прошло время, и можно возвращаться к восхождениям».

* * *

Глеб Анатольевич рассказывает: «В школе я коллекционировал марки английских колоний. В десятом классе подарил весь альбом своему приятелю. Потом собирал значки, камешки с гор привозил, но всё всегда раздаривал друзьям. Так что коллекционирую я только впечатления.

Читаю непрерывно. Сейчас в основном всякую муру, потому что я сейчас в городе, и еще новости читаю. Дело в том, что серьезные книги хорошо идут, когда находишь баланс с миром, а когда вокруг всякая фигня происходит, общаться

с ними невозможно. Для чтения хороших книг надо быть хладнокровным. В горах я люблю читать что-то типа Льва Гумилева...

Кстати, давно хочу сделать фотоальбом "Сны Южного Иньльчека". Это большой ледник в Киргизии. Снег, озера голубые-голубые! Забросить бы вертолетом лодочку, парня с гитарой, девушку с красивыми платьями, музыкальный ансамбль, чтобы его на берегу посадить... Создать на леднике жизнь, которой там никогда не было. Легкий сюр...

В душе я до сих пор, наверное, инженер, только где-то очень глубоко. У меня дома полный стол радиодеталей, осциллограф стоит, но я о них редко вспоминаю... Когда я увольнялся, достиг уже такого уровня, что читал иностранные журналы типа "Популярная электроника", разбирал там схемы и, не находя нужных комплектующих, сам делал аналоги описанных устройств. К сожалению, это время закончилось. Теперь профессия стала хобби: когда поехал в Гималаи надолго, сам себе пытался сделать источник питания для ноутбука, но при заброске в базовый лагерь мой ноутбук, к сожалению, разбили, и на этом все мои упражнения в области электроники закончились...

А еще я люблю болота – это те же горы, только горизонтальные. По ним так же надо идти, идти, идти бесконечно, это такой же другой мир, одиночество и свобода. Красивые болота в Каргатском районе, мягкие, рядом Убинское озеро. У меня лодка резиновая лежит под кроватью, мотор на балконе... На болоте камыши желтые, березки белые, осинки красные, вода тяжелая!

Еще меня тянут к себе северные болота, мертвые – камыши и тухлая вода, мох, озера, и среди них избы, подворья. Люди живут там летом, держат скотину, собирают клюкву, чернику, голубику. На песчаных гривах – орех, в озерах полно рыбы, охота! В это путешествие надо уходить осенью, 1 сентября. Сейчас говорят о восстановлении Обь-Енисейского канала⁴...

Мне нравится быть наедине с собой. Одиночество меня не гнетет».

⁴ Обь-Енисейский канал – судоходный канал в Томской области, существовал с конца XIX века до середины XX века. Протяженность 8 км.

СТАРИЦЫН СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

**Выпускник 1984 года,
электроэнергетический факультет (ЭЭФ)**

Генерал-лейтенант ФСБ. С 2019 года заместитель председателя СО РАН по вопросам взаимодействия с органами власти. После окончания НЭТИ работал в конструкторском бюро. С 1987 года служил в органах государственной безопасности, прошел все кадровые ступени от оперативного сотрудника городского отделения до начальника управления. В разные годы возглавлял управления ФСБ России по Свердловской, Иркутской, Челябинской и Нижегородской областям. Награжден орденами Александра Невского, «За военные заслуги», Почета и медалями «За заслуги перед Отечеством II степени», «70 лет вооруженных сил СССР».

***«Жизнь связала и с наукой,
и с военной службой»***

«Давайте начнем "от печки", – говорит Сергей Геннадьевич. – Родился я в городке Карталы на юге Челябинской области. Тогда никто и представить не мог, что он однажды станет приграничным городом... От Карталов до границы Казахстана по прямой 30 км.

Сам город вырос вокруг крупной железнодорожной станции, и, когда я был маленьким, все дети вокруг хотели стать железнодорожниками. И я тоже хотел. Все мои близкие родственники были по профессии либо инженерами, либо экономистами. Тогда считалось, что получить высшее образование – это состояться по жизни.

После школы я решил поступать в НЭТИ, потому что там учился мой двоюродный брат и в Новосибирске жили род-

ственники. Я сдал вступительные экзамены и недобрал полбалла. Я понял, что судьба уготовила мне стать железнодорожником, уже хотел возвращаться домой, но неожиданно меня пригласили в деканат на беседу с деканом. Беседа началась с того, что он спросил:

– Сергей, ты почему такой безграмотный?

Я удивился, а он продолжает:

– Ты почему неправильно пишешь свое отчество? В слове “Геннадьевич” два “н”...

А я отчество писал тогда, кажется, второй раз в жизни...

Меня все-таки приняли. Я не подал виду, но на самом деле очень обрадовался. Никогда не думал, что у руководства большого вуза может быть такое внимательное отношение в какому-то мальчишке из далекого провинциального городка. Для меня это стало важным уроком отношения к людям».

А еще у Сергея Геннадьевича была детская мечта – стать военным летчиком. До НЭТИ он пробовал поступить в Оренбургское высшее военное авиационное училище, которое окончил в свое время Ю.А. Гагарин. Но не прошел медкомиссию. И теперь, отучившись один семестр в НЭТИ, Сергей Геннадьевич снова решил воплотить детскую мечту – стать офицером, но родители этого решения не поддержали.

* * *

О студенчестве Сергей Геннадьевич вспоминает с улыбкой: «Приключений хватало... Однажды мы с друзьями даже побывали в кабинете Г.П. Лыщинского. Набедокурили. Виноватых было много, но вызвали почему-то нескольких человек, и среди них – меня. На день Ивана Купалы водные процедуры шли по всей второй общеаге, да так, что текло с пятого этажа до первого!.. Доставалось и невинным прохожим. Естественно, всё закончилось личным знакомством с ректором. Хорошо, что не последним...

На втором и третьем курсах участвовал в студенческом оперативном отряде¹, мы следили за порядком в студенческом городке...

¹ Официально такие отряды назывались ОКОД – оперативный комсомольский отряд дружинников.

На старших курсах учеба стала важнее, да и предметы были непростыми. На нашей специальности «Гидроэнергетика» из 50 поступивших до окончания института дошли человек 20».

* * *

В КГБ работал один из родственников Сергея Геннадьевича, он и очертил перед ним однажды перспективы этой службы: «Сейчас твое дело – хорошо учиться, хорошо работать, дальше посмотрим».

После окончания НЭТИ Сергей Геннадьевич пришел в новосибирское отделение Центрального конструкторского бюро «Союзэнергоремонт». В середине 1980-х гг. это предприятие занималось модернизацией оборудования на тепловых электростанциях. Сергей Геннадьевич рассказывает: «Я работал в секторе, который занимался разработкой технологических процессов ремонта турбинных установок. Три года я ездил в командировки по всему СССР, от Харькова до Петропавловска-Камчатского, от Ленинграда до Фрунзе². Особенно впечатлила Камчатка. В мае в Новосибирске деревья зеленые, сирень цветет. В Магадане, через который пришлось лететь, – сугробы и только-только ручейки потекли. Я понял, насколько у нас большая страна!.. Прилетели в Петропавловск-Камчатский ранним утром, выхожу из самолета, а там солнце встает над дымящимися вулканами. Потом поехал в город. Выхожу из автобуса, вокруг тишина, все еще спят, и откуда-то доносится легкий звук «тук-тук-тук...» Смотрю: по бухте в сторону океана идет подводная лодка. Это необычное впечатление. В мирное время кто-то на боевом посту охраняет покой страны...

Апрель 1986 г., авария на Чернобыльской АЭС. Тогда мою кандидатуру уже рассматривали в качестве возможного сотрудника КГБ и по профилю профессиональной деятельности предложили дать свою оценку причинам трагедии. Информации было очень мало. Пришлось попробовать себя в качестве аналитика, поглубже познакомиться с атомной энергетикой».

² Город Фрунзе – столица Киргизской ССР. Ныне город Бишкек, столица Киргизии.

В 1987 г. Сергей Геннадьевич поехал в Минск учиться на высших курсах КГБ СССР. Вернувшись через год, начал работать в Искитимском отделении Управления КГБ. Сергей Геннадьевич рассуждает: «Основная задача сотрудника органов безопасности – пресечение преступлений... В 1989 г. в одном из регионов СССР задержали гражданина, который пытался продать 4,5 кг природного золота, шлиха³ и самородков. Выяснилось, что он работал горным инженером (маркшейдером) на месторождении в Маслянинском районе. Есть там такая артель – “Суенга”... В УК РСФСР была 88-я статья, по которой за такое преступление предполагалось наказание вплоть до смертной казни... Я вместе с коллегами расследовал это дело и впервые столкнулся с мыслью о том, что мы имеем дело не с формальной юридической практикой, а с судьбами людей. Я подумал, что как следователь несую ответственность за судьбу этого человека: наказание должно быть соразмерно преступлению, и эту соразмерность определить непросто... Насколько я помню, этот человек был приговорен к четырем с половиной годам лишения свободы. 4,5 кг золота – это, конечно, очень много, очень дорого, но, наверное, человеческая жизнь всё же с ним несопоставима».

* * *

Память Сергея Геннадьевича хранит множество интересных эпизодов, но говорит он лишь о нескольких: «В 2004 г. мы пресекли поставку в Новосибирск одной из самых крупных партий наркотиков – изъяли 237 кг героина, привезенного в вагонах со сборным грузом из Таджикистана. К нам поступила информация о том, что надо искать в конкретном вагоне, но на разгрузке мы ничего не обнаружили, долго искали и наконец нашли – в тетрапаках с соком. Это было похоже на кино...

В 2018 г. мы обеспечивали безопасность при проведении чемпионата мира по футболу в Нижнем Новгороде. В тот момент это было главное спортивное событие планеты, каждый день мы вели мониторинг обстановки, составляли отчеты о происшествиях за сутки... Могу с гордостью сказать, что ни одного сколь-нибудь серьезного преступления против болель-

³ Шлих – концентрат тяжелых минералов, которые остаются после промывки в воде природных рыхлых отложений.

щиков или с их участием в Нижнем Новгороде зафиксировано не было. Помню подданную Великобритании, которая обратилась рано утром в полицию с заявлением о том, что у нее украли все деньги и документы. Спустя три часа после обращения все ее вещи были найдены и возвращены ей. Она их, оказывается, забыла в вагоне...»

* * *

О досуге Сергей Геннадьевич говорит так: «Служба всегда занимала много времени, поэтому в отпуске я чаще всего занимался решением накопившихся житейских вопросов... В 2020 г. впервые поехали с супругой в Крым, познакомились с богатой историей этого перекрестка мировых путей. Через него в разные времена прошли греки, турки, татары... Эта земля полита кровью русских людей с XVIII века. Поэтому, я думаю, говорить, что "это не наша земля", неправильно... В Севастополе есть музей "35-я береговая батарея". Он стоит на краю пропасти над Черным морем – последний рубеж обороны Севастополя в годы Великой Отечественной войны... Когда видишь эти места, слышишь эти рассказы, иной мысли, кроме той, что Крым – это российская земля, не возникает».

* * *

В 2019 г. Сергей Геннадьевич закончил службу и был назначен заместителем председателя СО РАН по вопросам взаимодействия с органами власти. Он вспоминает: «Впервые я приехал в Новосибирск в 1973 г. Мне было 11 лет, мы приезжали к родственникам в Академгородок. Я тогда подумал, что попал в рай, что в Академгородке живут особенные, счастливые люди. И вот так случилось, что жизнь сама связала меня и с наукой, и с военной службой».

СЫСОЕВ АЛЕКСАНДР ВАДИМОВИЧ

**Выпускник 1983 года, факультет
автоматики и вычислительной
техники (АВТФ)**

Основатель, многолетний генеральный директор, а с 2020 года – председатель Совета директоров компании 2GIS.

2GIS – международная картографическая компания, выпускающая одноименные электронные справочники с картами городов с 1999 года. По версии Forbes, входит в число десяти самых дорогих IT-компаний России.

«Мы выели весь изюм и теперь переходим к булке...»

Рассказ о себе Александр Вадимович начинает так: «Я счастливый человек, потому что живу и работаю недалеко от места получения своего базового образования. Да я буквально всю жизнь провел в этом околотке», – он указывает на НГТУ и его окрестности.

Александр Вадимович учился в школе № 171 на ул. Выставочной (сейчас в этом здании располагается Инженерный лицей НГТУ) и, как он говорит, «всегда знал, что учиться пойдет в НЭТИ». В студенчестве он интересовался автоматикой и телемеханикой, потом увлекся вычислительной техникой, со второго курса начал работать на кафедре. Александр Вадимович вспоминает: «Мне нравилось удивлять преподавателей курсовыми работами, рассчитанными на компьютере, которых не было у нас и которые были на соседней кафедре. Так я с 1980-х гг. и живу где-то рядом с компьютерной графикой и программированием, хотя сам последнюю строчку кода написал где-то в самом начале 2000-х».

В 1980-е гг. в НЭТИ развивалось видеосопровождение лекций. Александр Вадимович иронично говорит: «Под камеру подкладывались бумажные таблички с изображением, которое транслировалось на огромные телевизоры, развешанные по аудитории. Тогда возникло желание поменять бумажки на слайды – и я написал программку типа современной Power Point, даже с анимацией».

Александр Вадимович рассказывает о том, как в 1980-е гг. на кафедре автоматики и телемеханики стали появляться первые «графические станции с большими экранами» новосибирской разработки, и сетует на то, что «Советский Союз выбрал элегантную стратегию развития вычислительной техники – копирование всего и вся, ведь это дешевле, чем создавать свое». Говорит о малоизвестных интересных советских разработках, которые, увы, не получили развития: «Я работал на компьютере “Электроника-60”¹, это был аналог американского PDP-11², и было забавно заказывать в библиотеке им. Ленина³ копию документации на английском языке с описанием устройства PDP-11 и программ для него...»

* * *

Через два года после окончания института Александра Вадимовича призвали в армию. «Я служил под Одессой, офицером, мне было очень хорошо, потому что я служил при компьютере, меня забрали не по военной, а по гражданской специальности. Я был уже женат, нам дали однокомнатную квартиру, сын с двух с половиной до четырех с половиной лет рос в военном городке. На юге тепло, красиво. Дети бегали гулять стайками, вечером родители такими же стайками бегали их искать, почему-то тогда это было очень весело. Я служил в инженерном подразделении: 80 человек и ни одного

¹ МикроЭВМ, производившиеся в СССР до начала 1990-х гг.

² Производился корпорацией Digital Equipment Corporation в 1970–1980-х гг. Постепенно серия PDP-11 была вытеснена с рынка персональными компьютерами, в основном IBM PC, Apple II.

³ Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина находится в Москве. Сейчас это Российская государственная библиотека (ФГБУ РГБ) – крупнейшая научная библиотека в России и континентальной Европе, одна из крупнейших библиотек мира.

рядового. За время службы я не потерял квалификацию, даже наоборот – приобрел. Потом меня пригласили остаться в армии: работа по специальности, квартира на юге... Но мне хотелось сделать что-то более интересное. В стране началась перестройка, было еще и не вполне ясное предощущение возможностей... Да и мы с армией не подходили друг другу. Помню, 7 Ноября вся часть марширует на плацу, а я, пользуясь тем, что мне не успели пошить парадную офицерскую форму, с женой собираю виноград, чтобы давить из него вино! Воинская часть примыкала к огромному винограднику...»

* * *

В 1988 г. Александр Вадимович вернулся на кафедру в НЭТИ и проработал там до 1992 г. «До распада СССР всё было хорошо, мы начали прилично зарабатывать: разрабатывали и продавали графические станции, делали их по заказу, поставляли в университеты, в НИИ, даже куда-то в Казахстан, организовали коммерческое предприятие при вузе. Специально для новосибирских предприятий, производивших микросхемы, мы создали тогда систему автоматического проектирования микросхем – идеологию позаимствовали у западных аналогов, а технику разработали свою... А потом развалился Советский Союз, и всё закончилось. Перед этим, в 1990 г., у меня родилась дочь – теперь в семье было два маленьких ребенка. А меня воспитывали не коммерсантом: я научился разрабатывать и внедрять, а продавать не умел. И в 1992 г. остро встал вопрос: “Куда нам девать наши инженерные знания?”»...

Александр Вадимович рассказывает о том, как его супруга решила начать бизнес – закупать в Ростове-на-Дону обувь и продавать в Новосибирске на барахолке: «Сапоги, кроссовки... Возили самолетом, ночью я их встречал, возил утром на барахолку, а днем работал инженером. Мы сидели на чердаке второго корпуса в аудитории 604, крыша там была плоской, летом накалялась, окон не было, и искали применение своим знаниям. Я разрывался между барахолкой и этим чердаком».

С 1993 по 1994 г. Александр Вадимович с коллегами работали над заказами предприятий энергетической отрасли –

делали систему диспетчерского управления для «Иркутскэнерго» и для энергоснабжения новосибирской дистанции железной дороги. Александр Вадимович вспоминает: «Тогда в моей жизни впервые появились карты. У них была большая картонная “Схема внешнего энергоснабжения Западно-Сибирской железной дороги”, на ней были нарисованы ГЭСы, ЛЭПы, железные дороги... Мы переводили ее в цифровой формат: можно было “ткнуть” в станцию, там раскрывалась информация о ней. Схема со всякими рубильниками, проводами, подстанциями, трансформаторами... На эти рубильники можно было “щелкать”, и что-то реально включалось, то есть мы делали фактически автоматическое управление... Больших мониторов тогда не было, мы через “НЭТУ”⁴ заказали два 20-дюймовых монитора. По тем временам это было чудо!»

В 1993 г. стало ясно, что перспективной сферой будущих разработок станет картография для ЖКХ. «В городе было еще несколько разработчиков, похожих на нас. Мы организовались в неформальную ассоциацию и решили, что создадим геоинформационную систему для управления коммунальным хозяйством – глобальное описание всех коммуникаций, зарытых в землю. К слову, мне кажется, что ее у города до сих пор нет. А раньше вся эта информация была только на бумаге у разных ведомств, неполная... Это было важно для управления городским хозяйством, для обслуживания коммуникаций. Мы ходили в мэрию, предлагали, все были согласны, всё было согласовано. Но, увы, эта идея так и осталась на бумаге, зато в итоге разные команды из нашей ассоциации нашли своих заказчиков. Кто-то стал заниматься теплосетями, кто еще чем... Мы тогда не вели переговоров только с “телефонистами”, они

⁴ «НЭТА» в 1990-е и начале 2000-х гг. была известна в Сибири как одна из крупнейших торговых сетей, специализирующихся на компьютерах, комплектующих, оргтехнике, климатическом оборудовании, программном обеспечении, сетевой интеграции. «НЭТА» являлась официальным партнером двадцати ведущих мировых производителей вычислительной и офисной техники. Предприятие было основано преподавателем НЭТИ Владимиром Михайловичем Сидоровым и просуществовало с 1993 по 2013 г. Долгое время один из магазинов компании находился на первом этаже второго корпуса НГТУ.

очень рано акционировались – стали частно-государственным предприятием – и казались нам слишком крутыми».

В 1994 г. супруга Александра Вадимовича съездила в Варшаву. В 120 км от нее находится центр польской текстильной промышленности – г. Лодзь. Александр Вадимович вспоминает: «Мы начали возить оттуда женские блузки, что-то еще... Что ни привези, всё пользовалось бешеным спросом. В 1994 г. я челночил⁵. Было страшно: кругом базар, рэкет, но глаза боятся, а руки делают. Тогда были специальные туристические агентства, которые организовывали такие поездки. Однажды мы летели в Брест на грузопассажирском АН-26, в грузовую часть салона загрузили вино, там была дискотека, там курили... Оказалось, что полет в Брест не был согласован, и нас посадили в Брянске, в 800 км до границы. Там наняли автобус, доехали до границы. Ребята из встречного автобуса нам говорят: “На трассе Брест – Варшава тотальный рэкет, останавливают и грабят все автобусы”. Мы там нанимали польскую вооруженную охрану... В Варшаве рынок был прямо на стадионе, автобусы подходили к нему через парк. Вокруг ходили бригады бандитов по 5-6 человек и отбирали деньги. Потом оказалось, что эффективнее и безопаснее ездить самим, человека по два... Я жил тогда так: в понедельник летел в Варшаву, в среду-четверг – обратно, к 7:00 на барахолку, до 12:00 продаем, к 14:00 я на своем чердаке, потом всё сначала... Часть заработка тратил на то, чтобы платить зарплату программистам. Потом в Варшаве сделали таможенную, жена с подружкой стали возить товар из Бишкека».

* * *

В том же 1994 г. у Александра Вадимовича и его коллег появился судьбоносный заказчик. «К нам внезапно пришли телефонисты и сказали: “У нас много картонных планшетов, каждый размером 1 м², нарисованы они тушью, на них телефонная сеть города. Каждые два года их надо перерисовывать заново. Эксплуатируются они так: каждый день на линии

⁵ Челночить – самостоятельно доставлять небольшую партию товара из-за рубежа для реализации на местном рынке (понятие употреблялось в 1990-е гг.).

случается поломка, приходит в техотдел ремонтник в телогрейке и перерисовывает с планшета на кальку схему нужного участка». Заказчики обеспечили разработчиков помещением, компьютерами. Александр Вадимович говорит: «Мы хотели сразу делать и внедрять систему. Нам сказали, что достаточно будет просто электронного архива. Нам платили “попланшетно”: принтер должен был успешно отпечатать картинку, идентичную изображению на планшете. Это сейчас легкая задача – сфотографировать картинку. А тогда компьютер был 20 МБ, а большой сканер стоил 15 000 долларов – немыслимые деньги даже для телефонистов... Да и где хранить столько отсканированных изображений?.. Мы придумали тогда специально векторный редактор... За полгода мы сделали один большой узел – несколько сотен планшетов. Экономический эффект был мгновенным, а инженер узла обрадовался: “Меня перестали дергать по выходным!” После этого нам заказали автоматизировать оставшиеся в городе три узла».

Александр Вадимович рассказывает о том, как важно было тогда видеть перспективу: «Я говорил, что архив картинок – это вчерашний день, что вскоре встанет задача искать что-то в этом архиве. Мне отвечали: “Нет, ничего не понадобится. Нам надо просто перерисовать планшеты”. Ну, мы их все перерисовали, и начался ужас – и для них, и для нас. У них случился перенос границ узлов. А раз мы перерисовывали планшеты по отдельности, не было даже общей схемы каждого узла. Решили сшить на каждом узле все планшеты в одну картинку: в городе 4 узла – 4 большие картинки. Я предложил: “Давайте тогда сразу на весь город делать!” Мне отвечают: “Не надо”... А беда в том, что планшеты были выполнены в приблизительном масштабе, это были не карты, а план-схема. Наконец понадобилась и общая схема. Надо было сшивать эти отдельные схемы, граница двух узлов проходила тогда по Красному проспекту, а Красный проспект пересекают тысячи телефонных линий, и на схемах разных узлов они не совпадают!.. И это не единственный пример. А на границе, которая проходила по плотине ГЭС, нестыковка была 4 километра! Стало понятно, что надо переходить на единый план города и размещать всё на нем».

Обращение к картографам результата не принесло: единого цифрового плана города не существовало. Были лишь картонные планшеты с планом, но они были секретными, велись разработки сверхточного плана города, тоже секретные. Александр Вадимович, участвовавший в этих разработках, сегодня шутит: «Я спросил: «Как будет осуществляться работа с этим планом в условиях такой секретности?» Нам ответили: «Мужики в телогрейках утром идут в секретную часть получать план под роспись, потом лезут с секретным документом в колодец, а вечером под роспись сдают»... Телефонистов это не устроило, нас – тоже».

Идею Александра Вадимовича и его команды спасла одна строчка инструкции по составлению планов городов от 1988 г.: «Для составления открытых планов городов можно использовать открытый космический снимок». Теперь надо было подходящий снимок найти, доступна была лишь фотография с циклонами, висевшая на метеобудке на ул. Советской... Родной брат Александра Вадимовича поехал в Москву, узнал, что есть организация «Совинформспутник», у которой есть архив космических снимков всего мира. За 300 долларов им прислали скан и копию пленки со снимком Новосибирска 40 × 40 см.

Александр Вадимович пошел в Инспекцию государственного геодезического надзора с заявлением: «Просим разрешить создать...» (тогда так полагалось), предъявил космический снимок, получил подтверждение того, что он открытый, и разрешение на создание цифрового плана всего города.

Космический снимок был не вполне качественным. Разработчики попробовали для повышения точности будущего плана соединить его с тем, что было известно из телефонистских схем, но это быстро обнаружилось, и инспекция запретила это делать. «Тогда, – говорит Александр Вадимович, – мы поняли, что надо всё делать по-честному».

В 1998 г., когда план был готов и представлен в инспекцию для лицензирования, его создателей обвинили в воровстве секретных документов, потому что слишком точным получился план. Считалось, что его невозможно создать по купленному космическому снимку. Обвинение звучало так: «Какие-то пацаны сделали цифровой план всего города и хотят его опубликовать». Александр Вадимович поясняет: «У кар-

тографов принято точками обозначать границы каждого объекта, а многие дома на снимке было плохо видно: то они маленькие, то их границы закрыты деревьями... Мы придумали сделать библиотеку шаблонов типовых объектов. И улицы мы наносили по снимку, они были видны, а дома – из шаблонов, ведь размеры типовых домов одинаковые». Среднеквадратическая погрешность получившегося цифрового плана города была в разы меньше той, которую могли представить члены экспертной комиссии, если бы план делался по имеющимся у них сверхточным секретным изображениям.

Через десять дней глава инспекции Федор Никифорович Гаврилов сказал Александру Вадимовичу: «Меня из-за тебя на пенсию убрали, сказали: “За то, что ты конкурентов остановить не можешь”, но пенсионером я буду завтра, а сегодня – вот», – и подписал разрешение опубликовать план города.

На основе цифрового плана, созданного Александром Вадимовичем и его коллегами, были созданы системы, использующиеся городским почтамтом, Управлением пассажирских перевозок, Пожарным управлением, риэлторскими компаниями.

Александр Вадимович рассказывает: «В августе 1998 г. мы как раз работали с Управлением пассажирских перевозок, и с нами должны были рассчитаться деньгами из собранных по городу налогов. Но в связи с кризисом у мэрии этих денег не оказалось. А еще я тогда занимал сумму в долларах... План города мы тогда выпустили на дисках, но он оказался не нужен людям. Кроме того, быстро появились пиратские копии, и мы не смогли почти никому его продать. Так мы остались ни с чем. В морозном январе 1999 г. родились слово “ДубльГИС” и идея создания швейной фабрики, так как возить вещи из-за границы стало бессмысленно. Фабрика кормила “ДубльГИС” года три-четыре. Доходило до того, что я там сам швейные машины настраивал, механика не было...Только лет через пять после создания “ДубльГИС” я понял, что мы открыли новый рынок. Картографические сервисы Яндекс и Google создавались с учетом наших ошибок и удачных решений. С 2008 по 2018 г. Яндекс нас упорно пытался купить. Оказалось, что с конкурентами работать гораздо проще, есть на чьих ошибках учиться».

Александр Вадимович рассуждает о том, что, оказалось, людям важна не просто карта, а справочник по городу. И «ДубльГИС» стал самым точным справочником, в котором люди ищут, что расположено в каждом здании, где находятся предприятия, поэтому в нем хорошо работает реклама. Яндекс и Google же ориентированы на «транспортный сценарий: навигатор, пробки», пользователи на картах там не ищут предприятия. Александр Вадимович говорит: «Два года назад мы тоже создали навигатор с голосовым поведением и уверенно «отъедаем» долю у Яндекс. Представьте себе булку с изюмом, где булка – территория страны, а изюм – города. Так вот, на сегодняшний день мы «выели» весь изюм и переходим к булке. Скоро по нашему навигатору можно будет ездить не только внутри городов, но и между ними. У мобильного приложения «ДубльГИС» сегодня 50 000 000 установок на Android, у Яндекс-карт – пока 10 000 000».

ТИХОНОВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

**Выпускник 1972 года,
физико-технический факультет
(ФТФ)**

Заместитель директора по научной работе ИЯФ им. Г.И. Будкера СО РАН. Член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники (1989). Один из авторов открытого в 2012 году на Большом адронном коллайдере (Церн, Швейцария) бозона Хиггса.

«Я родился в Курской области ...»

Юрий Анато́льевич решительно провозглашает: «Коротко!» и начинает рассказ: «Я родился в Курской области в селе Тарасово, в 60 километрах от села Калиновка – родины Хрущева. Мы в детстве ездили туда на экскурсию, там была будто бы другая страна: колхоз-миллионер, улицы асфальтированные. А у нас всё было просто. В войну моя родная деревня как раз была на линии фронта, несколько раз туда-сюда переходила. Мои мать, бабушка, дед, дядя жили в оккупации. У деда, Кирилла Абрамовича, жизнь сложилась трагически. Он воевал еще в Первую мировую, в 1914 г. попал в плен и был там до 1918 г., в Австрии, в восьмидесяти километрах от Вены. Он там выучил немецкий язык. С окончанием войны вернулся, женился на моей бабушке, выучил мою мать немецкому языку. Когда в Великую Отечественную немцы оккупировали село, дедушке было 57 лет. Узнав, что он знает немецкий язык, немцы назначили его старостой. После битвы у Прохоровки, когда немцев выбили и вернулись наши, деда арестовали и отправили в штрафбат. Он погиб на Украине у деревни Черниговка. А моя бабушка прожила 97 лет...

В деревне Юрий Анатольевич окончил школу-восьмилетку, а в старшие классы ходил в соседнее село Любимовка, за тринадцать километров. Он вспоминает: «Ходили пешком. Но учились мало: то грязь, то дождь, то снег, на первые уроки опаздывали, с последних уходили... Тем не менее я учился хорошо, по химии и физике были пятерки. Верхом моей мечты было поступить в электромеханический техникум в Курске. Я интересовался техникой, сам разбирался, строил детекторные приемники».

Сестра Юрия Анатольевича вышла замуж за новосибирского гроссмейстера Валерия Зильберштейна, ученика самого М.Н. Талья¹. Она рассказала брату, что в Новосибирске много институтов, и позвала его в Новосибирск. Юрий Анатольевич говорит: «Ну, я приехал, походил на консультации, посмотрел, какие тут умные все, и сказал: "Возьмите мне билет обратно, поеду в техникум поступать"...» При этом он всё же сдал экзамены в НЭТИ, поступил на машиностроительный факультет и проучился там год, а потом прошел экзамен, собеседование и перевелся на физико-технический факультет. Рассказывает: «Это было резкое изменение. Мы стали учиться в Академгородке, в ИЯФе, а на территории НЭТИ у нас были только занятия по военке и научному коммунизму. В общежитии НЭТИ мы жили по 6 человек в комнате: четыре кровати и две раскладушки, а тут нас поселили в общежитии ИЯФа. Все жили по двое, а я вообще жил один! Мы работали в лаборатории, нам даже стали платить зарплату. Сначала я занимался электронной моделью протонного ускорителя, потом проект был закрыт, и я занялся детекторами для экспериментов со встречными пучками. Тогда строили огромный детектор МД-1 для экспериментов на коллайдере ВЭПП-4 под руководством А.П. Онучина. По современным меркам это была работа для ста человек, а нас было пятеро. Результаты работы вошли в учебники: мы обнаружили эффект ограничения прицельных параметров, открыли целую главу в квантовой динамике. Был получен целый ряд других фундаментальных результатов, меня в составе коллектива авторов наградили медалью Академии наук и Государственной премией СССР».

¹ Михаил Нехемьевич Таль (1936–1992) – известный советский шахматист, гроссмейстер, чемпион мира (1960–1961), заслуженный мастер спорта СССР.

6 августа 1985 г. в здании ИЯФа случился пожар: ночью произошло короткое замыкание в вакуумном насосе на одной из установок. Пожар длился несколько дней, сгорели ускорительные комплексы ВЭПП-3 и ВЭПП-4. очевидцы вспоминают, что очаг был огромным, горело много пластикового кабеля, весь лес между НГУ и научными институтами был в дыму. В здании ИЯФа погибло три человека: один лаборант и двое пожарных. Сотрудник ИЯФа В.В. Анашин предложил тушить пожар жидким азотом, потому что он снижает температуру и вытесняет кислород. Несколько месяцев спустя этот новаторский метод использовали для ликвидации возгорания на Чернобыльской АЭС.

Началась работа по восстановлению ускорителей, ИЯФ включился в международный проект создания сверхпроводящего коллайдера SSC (Superconducting Super Collider) в Техасе (США). В ИЯФе были начаты работы над детектором «КЕДР» для экспериментов на фактически заново созданном коллайдере ВЭПП-4М. В рамках этого проекта разрабатывался калориметр на основе жидкого криптона, и эта концепция была принята для детектора на коллайдере SSC.

Многие российские физики переезжали тогда работать в США. В Америку и в Канаду уезжали работать его ученики. Приглашали и Юрия Анатольевича, но он ехать не хотел, говорит: «Никогда всерьез об этом не думал. Тут хоть и было непросто, но работать было можно. А за границу я время от времени ездил работать: с 1985 года ездил в ЦЕРН, в 1990-м там стал строиться большой адронный коллайдер, а американский SSC решением Конгресса США был закрыт, и тоннель засыпали той же землей, которую выкопали... В это же время я перестал работать в лаборатории своего учителя, для меня создали новую лабораторию, и я возглавил работу над новым детектором элементарных частиц «КЕДР», с нами работало еще несколько лабораторий, мы построили ускоритель ВЭПП-2000... Наши предложения были востребованы в Церне: мы упростили, улучшили, удешевили калориметр на жидком аргоне детектора «АТЛАС». Это самая большая в мире установка для физики частиц, среди ее авторов около 3000 человек... А в России в 1990-е гг. было загублено много проектов. Например, коллайдер в Протвино... ИЯФ в значительной мере сохранился и продолжает развиваться благодаря разработкам,

которые мы делаем для зарубежных ядерных центров (США, ЦЕРН, Япония, Германия и др.), а также для российских институтов (например, Курчатовский институт, Дубна, и др.). Жаль, что большинство разработок в итоге воплощается в зарубежных, а не в отечественных установках. В ИЯФ всегда приходила и приходит молодежь. Научный институт нигде в мире не может существовать как коммерческое предприятие – зарабатывать деньги и на них заниматься наукой, но у нас нет другого выбора...

Я полагаю, что науку в России в значительной мере поднял атомный проект, который невозможно было осуществить без развития фундаментальной науки – физики частиц и ядерной физики. Надо строить большие установки и вокруг них развивать науку».

* * *

В 2000 г. Юрий Анатольевич стал заместителем директора по научной работе и заведующим лабораторией, объединенной из пяти лабораторий физики частиц. Он рассказывает: «Помимо научных проблем, стало нужно решать вопросы с зарплатой, с жильем для сотрудников. Лет пять-семь назад этот вопрос жилья вообще встал ребром. Я в шутку предложил: “Давайте сами строить”. И неожиданно это сработало. На проспекте Академика Коптюга на месте большого леса мы запланировали большой квартал. Подключились все институты РАН, люди несли деньги под вексели, без всяких гарантий... Всё удалось, и мы продолжаем строить. Люди к интересной работе получили жилье, резко сократились отъезды молодежи за границу. У меня команда двадцать человек работает вахтовым методом в Женеве, а живут все здесь. Команда такова, что двенадцать человек из нее являются авторами открытия бозона Хиггса, которое состоялось в 2011 г. Наш эксперимент подтвердил теоретические предсказания сорокалетней давности, и через год после этого теоретики бозона Хиггса получили Нобелевскую премию. Также мы экспериментально подтвердили теоретические разработки японских физиков Макото Кобаяси и Тосихидэ Маскавы по эффектам несохранения комбинированной четности в стандартной модели, которые они сделали в 1970-х гг., а в 2008 г. они получили Нобелевскую премию».

* * *

Юрий Анатольевич говорит, что на досуге любит охотиться и рыбачить: «В свободное время могу уехать в лес или на болота, где не работает телефон. Люблю 9 мая ездить на рыбалку на озеро Чаны. Огромное озеро! Бескрайние камыши! В августе – горная конная охота под Белухой, там козерог, марал...

Еще всю жизнь держал собак: были легавые, гончие, сейчас есть такса и пудель...

Когда езжу в командировки в Корею или Японию, люблю ходить на рыбный рынок. Для рыбы самое главное – чтобы она была свежей! В холодильнике полежит – вкус уже не тот».

Он говорит, что любит читать. Рассказывает, как на первом курсе пришел в библиотеку НЭТИ, взял «Записные книжки» А.П. Чехова и не мог оторваться, многое из них выучил наизусть. У него и сейчас на работе в кабинете тома Чехова стоят. Читал «Атеистические рассказы» Я. Гашека, И. Ильфа и Е. Петрова, нашел много параллелей. Юрий Анатольевич рассказывает: «Недавно стал перечитывать “Анну Каренину” Л.Н. Толстого. Это же надо было до таких мелочей чувствовать жизнь! Как там описаны всякие ткани, шнурочки! Или как Облонский любил выпить и покушать! Эта его икра, эти перепела...

Я думаю, что инженер и ученый должны смотреть на мир дальше своих сегодняшних рабочих задач, но понимать границы своего и чужого. А то, бывает, разбирается человек в физике и считает, что он и во всём другом разбирается, а послушаешь его – такую ахинею несет, что стыдно. Но хорошо, когда человек смотрит на мир широко и глубоко».

К слову, Юрий Анатольевич восхищается студентами: «Многие твердят, что молодежь нынче уже не та. Я в НГУ читаю курс “Физика частиц при сверхвысоких энергиях”. Там очень сильные ребята. Есть такие, что даже я сегодня не додумался бы до того, до чего додумываются они». Рассказывает, что у него был блестящий аспирант, мастер спорта по шахматам, который в ЦЕРНе быстро стал одним из ведущих специалистов, написал диссертацию и просто решил ее не защищать, занялся программированием, потому что это ему тоже было интересно. А супруга этого аспиранта, талантливый физик, стала киносценаристом. Оба ушли из института, очень жаль...»

* * *

А потом рассказ Юрия Анатольевича возвращается к детству: «В школе не преподавали иностранный язык, но дедушка научил немецкому языку маму, и она учила меня дома так, что в городе я сдал на экзамен пятерку. Я до сих пор помню немецкие стихи, которые я тогда учил, понимаю немецкие газеты и немецкую разговорную речь...»

А потом вспоминает о семье: «Дед погиб в бою, поэтому, несмотря на то что он служил в штрафбате, бабушке платили пенсию по утере кормильца, а у простых колхозников зарплата и пенсий тогда вообще не было: работали "за палочки" – так называли отметки о трудоднях. С седьмого класса мы работали тоже в колхозе, помогали на уборке зерна. Потом, осенью, всем выделяли отруби, пшеницу или еще чего по количеству отработанных трудодней. Основной заработок давало то, что люди сдавали картошку оптовикам с Украины и из Донбасса... Мой отец прошел всю войну, был контужен, какое-то время он был председателем колхоза, потом бухгалтером. Помню, что жизнь была довольно тяжелой, три года отца не было. Он и председатель соседнего колхоза что-то не то на поле посеяли, не по плану, их исключили из партии и посадили. Помню, что дома было голодно, в начале лета всё время хотелось есть.

Отец умер в 1989 г. Я забрал мать к себе в Новосибирск, но потом она поехала жить к моей сестре в Брянск...

Наш дом купил какой-то современный фермер и сделал из него коровник. Этот дом построил еще до революции местный батюшка, батюшку репрессировали, потом сельсовет выдал этот дом моей матери как учительнице. А сейчас, я там был, – окон нет, стоят коровы. Неприятно.

В пятидесяти метрах от дома – речка. Лето в Курской области начиналось на месяц раньше, чем в Новосибирске, и на месяц позже заканчивалось. Там такие сады! Курская антоновка! Яблочки клали на зиму в сено, и они хранились всю зиму, делали по две-три бочки моченых яблок, они в сиропе становились прозрачными...»

ТИХОНЮК ВАЛЕНТИН ЕВГЕНЬЕВИЧ

**Выпускник 1986 года,
самолетостроительный факультет (ССФ)**

Генеральный директор (с 2019 года) ООО BookingBoard – одного из крупнейших в России агрегаторов рекламных поверхностей, объединяющего более 170 тысяч рекламных носителей (85 %) и более 450 операторов наружной рекламы. Генеральный директор ГК «Дизайн-мастер» – одного из крупнейших операторов наружной рекламы в России (2006–2020).

«Никогда ни о чем не жалею...»

«Четыре страницы – невыносимая задача, – шутит Валентин Евгеньевич, услышав о замысле этой книги. – Я столько о себе не знаю».

* * *

Валентин Евгеньевич родился на Украине, в Хмельницкой области. Школу закончил в Казахстане. Родители поехали туда, как тогда говорили, поднимать целину. Поступил в НЭТИ, потом работал в Ульяновске на самом крупном в стране авиационно-промышленном комплексе им. Д.Ф. Устинова¹. Валентин Евгеньевич вспоминает: «Первый самолет

¹ Ульяновский авиационно-промышленный комплекс им. Д.Ф. Устинова, основанный в 1975 г., после распада СССР был разделен на ряд предприятий, крупнейшее из которых – «Авиастар-СП». Производит пассажирские и грузовые самолеты: ИЛ-76МД-90А, Ил-78М-90А, МС-21, Ил112В, Ту-204. До 2004 г. также производил военно-транспортные самолеты Ан-124 «Руслан».

выпустили в 1986 г. Я пришел на предприятие, там еще забора не было. Работал инженером-конструктором, через несколько лет стал ведущим конструктором по производству и сдаче самолета Ан-124 «Руслан» и еще занимался самолетом Ту-204. Дорос до заместителя главного конструктора, а в 1996 г. по семейным обстоятельствам всё бросил и переехал в Омск. Началась другая жизнь... Так что с 1996 г. я занимаюсь всякой ерундой. Я бы и сейчас самолеты строил, если бы они были нужны... Вы представляете, какое чудо «Руслан»? 400 тонн! Это летающий железнодорожный состав! Когда я уходил, мы за год выпустили всего одну машину «Руслан», а мощности завода были рассчитаны на 4–6 штук, и до 2000 г. произвели еще три самолета. В 2004 г. «Руслан» был снят с производства. Ту-204 тоже делались штучно, а завод мог выпускать по два в месяц...»

* * *

В Омске Валентин Евгеньевич устроился рекламным агентом в маленькую компанию, которая занималась наружной рекламой. Он вспоминает: «Тогда наружная реклама только нарождалась. Тогда говорили: какие-то мальчики бегают, какие-то конструкции зачем-то в землю закапывают... Первые договоры на установку рекламных конструкций мы заключали с ЖЭКа. Сидит дяденька, у него заботы – то трубы текут, то с крыш что-то падает. А тут я с договором: «Разрешите установить на вашей земле». Многие договоры были бессрочными или на 50 лет, оплата аренды была копеечной, мы рассчитывались за много лет вперед и забывали друг о друге...» Через месяц Валентин Евгеньевич стал заместителем директора, через три месяца – директором. Спустя два года попробовал открыть свой бизнес, но что-то не удалось.

В 1999 г. Валентина Евгеньевича пригласили в компанию «Дизайнмастер». В 2000 г. он возглавил филиал в Омске, и с апреля 2006 по 2019 г. был генеральным директором компании. А потом, как он говорит, «выделил оттуда два бизнеса», и сейчас ими занимается. Валентин Евгеньевич рассказывает: «Это тоже наружная реклама, но уже интернет-бизнес. Сейчас ведущую роль играет не тот, кто продает, а тот, кто определяет стратегию развития. У «Дизайнмастера» около 200 экранов,

с помощью которых транслируется реклама в разных городах, мы управляем ими из Новосибирска, мы разработали необходимые программные продукты. Более того, с помощью этих продуктов мы можем присоединять к нашей системе любое другое цифровое оборудование, находящееся в любой части мира, где есть связь. Единственное, что мешает сегодня развитию, это привычка делить бюджеты по-старому, и рынок еще модернизировался».

* * *

Валентин Евгеньевич признается: «А самолеты всё равно невозможно забыть. У меня товарищ на аэродроме "Мочище", я ему много помогаю, он меня катает иногда. Как говорится, раз уж невозможно летать, так хоть возле самолетов потоптаться... Я и сам за штурвалом летал. В 1986 г. нас семь человек из НЭТИ в Ульяновск по распределению поехало, шесть красных дипломов. Мы организовали там авиационно-технический кружок, у нас было пять учебных самолетов Л-29. Мы занимались, и подростки, и другие взрослые».

* * *

Валентин Евгеньевич рассказывает: «Люблю бродить там, где нет людей, на рафтах по горным речкам кататься... У меня есть друзья, с которыми мы ежегодно ходим на яхтах. Были в Средиземном море, в Норвегии – 300 километров за Северным полярным кругом, во фьордах, – палтуса ловили. Июнь, холодно, дождь, вода +10 °С.

Однажды мы попали в шторм, настолько сильный, что из бухты никого не выпускали. Только мы, когда он начинался, ушли, потому что яхта арендована, перегон длинный, надо было успеть в срок. Волны начались по 6 баллов. Идем на мыс, ветер. Парус – хоп! – и в воду лег за долю секунды, нас вокруг мачты на 360° развернуло. Вынырнули, яхта встала – оказалось, что все на месте, крепко в яхту вцепились. Да мы бы в такой волне никого бы и не поймали, если бы унесло, даже не увидели бы, несмотря на то что у спасательных жилетов цвета совершенно ядовитые... Мы как-то в штиль тренировались, один из товарищей за борт прыгнул, так мы его

при прекрасной видимости и без волны 40 минут с воды поднимали.

Рафт – это другая борьба с водой. Главное, что я понял: никогда не бросай весло, оно тебя не спасет, но, если ты спасешься и его потеряешь, грести будет нечем. Мы сплавились на Алтае трижды, по нескольку дней. Утро, холодно, дождь, замерзаешь, вода +8 °С. Ночью кажется, что комар гудит, а это зубы в палатках стучат. Вечером сидишь у костра – лицу жарко, а спина инеем покрывается.

Еще на лошадях ходили и пешком в походы в советские времена, в комсомольские... Комсомольцем-то я полностью отбыл, это от партии уже отмазался... Хотя комсомольский билет у меня до сих пор открыт. Меня из комсомола никто не исключал, это он сам как-то из жизни исключился».

Валентин Евгеньевич смеется, называет комсомольский билет реликвией, размышляет: «Человеку кажется, что он создал цивилизацию: поезда ездят, самолеты летают. Но ведь человек еще даже близко не подобрался к той сложности, которой обладают творения природы. Человек просто повторяет за природой упрощенный вариант: гидравлическая система срисована с человеческого организма. Только созданное человеком ломается намного быстрее, чем то, что создано природой».

* * *

Еще он говорит о том, что в начальной школе плохо говорил по-русски, только по-украински, а его учительница была чеченкой, которая тоже своеобразно говорила по-русски, и, не снеся тягот коммуникации, он целую четверть прогуливал школу: уходил утром из дома, бродил по деревне, прятался в кустах. «А вообще, – говорит Валентин Евгеньевич, – я был прилежным учеником и учился хорошо. После школы хотел пойти в армию, поступал в летное военное училище в Барнауле. Помешало увлечение хоккеем в школе. Было несколько переломов, поэтому меня не взяли ни в летчики, ни в командное училище. Два года пытался поступить в военно-политическое училище² в Новосибирске. Но, наверное, не судьба. Конкурс был сумасшедший – 8 человек на место. В первый год

² Ныне Новосибирское высшее военное командное училище.

мне отказала медкомиссия, я устроился работать электромонтером в районный узел связи. На второй год сочинение провалил... Вернулся домой. А моя будущая супруга Люба как раз собралась поступать в НЭТИ, я поехал с ней и поступил. Вот так судьба распорядилась. Не попал бы в НЭТИ, воевал бы в Афганистане...»

* * *

Валентин Евгеньевич вспоминает: «У меня в детстве была одна машинка – деревянный самосвал. Мне ее сделал дедушка. У него было образование – три класса церковно-приходской школы, он работал механиком... Были такие стиральные машинки – “Славута”: слабый двигатель, ротор можно было пальцем остановить, под него всегда белье затягивало. На базе этого двигателя дед сконструировал пилораму, сам собрал редуктор, хотя понятия не имел о передаточном числе, опытным путем подобрал шестерёнки. Всё работало, он этой пилорамой огромные бревна распускал!.. Так что иногда думаешь: если бы современные люди меньше учились, может, умнее были бы?..

Когда сегодня ребята приходят ко мне устраиваться на работу, я их спрашиваю: “Зачем ты учился?” И, как ни странно, мало кто может на этот вопрос ответить.

Когда я сам пытаюсь ответить на этот вопрос, я думаю, что учился для того, чтобы быть полезным своей семье и, наверное, своей родине. Я хотел не существовать, а создавать, поэтому пошел не в технологи, а в конструкторы, чтобы разрабатывать то, чего до меня не было.

Я за гармонию, за последовательные связи. Из рваных цепочек сложно получить результат. Я и сейчас мечтаю самолеты строить. Но ни о чем не жалею. На кого я должен сетовать? На себя или на обстоятельства?.. Слова “жалость” в моем лексиконе нет. Что толку жалеть? Только себя изводить. Жалость – это унижительное чувство».

ФАДЕЙКИНА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

**Выпускница 1973 года,
факультет автоматизированных
систем управления (АСУ)**

Основатель (1993) и ректор Сибирской академии финансов и банковского дела (САФБД). Доктор экономических наук, профессор. Главный редактор, президент и председатель Совета учредителей научно-практического журнала «Сибирская финансовая школа» (с 1997 года). Президент Межрегионального института сертифицированных бухгалтеров и финансовых менеджеров. Советник председателя Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» по вопросам финансов и ценообразования. Член Общественного совета и Программного комитета по стратегическим проблемам устойчивого развития г. Новосибирска (с 2000 года). Президент Новосибирского территориального Института профессиональных бухгалтеров и аудиторов (с 2005 по 2010 год). Член Президентского Совета Института профессиональных бухгалтеров России, автор всех программ Института по бюджетному учету.

«Нельзя в России что-то создавать»

Наталья Васильевна так говорит о детстве: «В школе я была изгоем, дружила с мальчишками. Мои мама и папа были инвалидами войны, в семье – трое детей, и денег всегда не хватало. Мы жили в комнате 16 м². Жили скромно, но насыщенно, в 12 лет я уже умела делать всю домашнюю работу... Занимались спортом, я играла в волейбол за школьную команду. Брат поступил в музыкальную школу по классу баяна, я пошла по классу скрипки... Брат вставал в 6 утра, репетировал... Он вырос музыкантом. Я тянулась за ним... Когда я учи-

лась в пятом классе, мы переехали в двухкомнатную квартиру, и дедушка сразу купил нам пианино.

В восьмом классе в музыкальной школе на последней встрече с педагогом я спросила его, поступать ли мне в музыкальное училище. Он мне ответил: "Не надо. Великой скрипачкой ты не будешь, а с таким умом, как у тебя, надо идти в НЭТИ".

Я училась в физико-математическом классе в 127-й школе. Почти все мои одноклассники поступали в НЭТИ, и я поступила в НЭТИ. А еще в школе был оркестр, я в нем тоже занималась, и многие его участники, окончив школу, оказывались в академическом хоре НЭТИ. И я тоже стала его частью. Это было фантастическое время! И преподаватели, и студенты были увлечены наукой, культурой! Вокруг было столько талантливых людей!.. Мы выступали на каждом мероприятии в городе, дружили вузами. Ведь правильно говорят, что от того, чем будет насыщена молодость, зависит вся жизнь». На волне участия в хоре Наталья Васильевна даже окончила музыкальное училище и поступила на дирижерско-хоровое отделение консерватории, но учиться там не стала. Наталья Васильевна вспоминает: «На госэкзамене в училище я дирижировала хором НЭТИ и окончательно поняла, что это не мое. В то время я была уже известным программистом, внедряла новые разработки, преподавала, писала статьи... А в хоре я потом занималась еще много лет...

Мне нравилось программирование, было интересно работать с большими базами данных. Я занималась с целыми производственными программами заводов».

* * *

После НЭТИ Наталья Васильевна работала в проектом институте. «Помню, программировала электропечь. Тогда всё еще решалось на больших машинах, было много вычислительных центров... "Машинное время" для работы программиста в основном выделялось ночью. У меня тогда уже были муж и маленький ребенок...

Потом муж получил квартиру в Октябрьском районе, он был секретарем райкома комсомола. Я преподавала программирование в НЭТИ на вечернем отделении, потом в сельхозин-

ституте¹... Продолжала заниматься в хоре НЭТИ, писала сценарии для капустников, стихи, песни. Брат мне говорил: "Ты должна идти в журналистику".

В 1980-е гг. я работала программистом, автоматизировала банки. В то время всем нужны были компьютеры. Мы ставили на них разработанные нами системы и продавали...

Я знаю одно: если бы не НЭТИ, я бы никогда не стала экономистом. Специальность "инженер-экономист" вовлекает в исследование экономических процессов... Сколько себя помню, я всё время как-то всё успевала: и там, и там. Уставала, но делала, тянула на себе. Сейчас оглядываюсь и думаю: зачем так много всего тянула?

В науку я тоже пришла... Как-то по пути в ГПНТБ и встретила нашего бывшего декана из НЭТИ, который тогда был уже ректором нархоза², и он мне сказал, что надо писать диссертацию: "Будешь защищаться у меня"... Потом я поехала к брату в Питер, в самолете с женщиной разговорились... Она тоже была преподавателем, сказала мне, что новосибирцы часто защищают диссертации по экономике в Питере.

Я пришла работать в нархоз. Чтобы сделать пакет типовых задач для студентов, обратилась просто в банк, проконсультировалась, сделала задачи, чтобы ребята учились решать реальные проблемы, делали свои предложения по автоматизации... Однажды сидела в ГЭКе, познакомилась с одним из руководителей налоговой инспекции... Первая самостоятельная научно-исследовательская работа у меня была совместно с заводом "Сибтекстильмаш". Я без научной степени руководила группой из нескольких кандидатов и докторов наук. Почти всё делала сама. Еще были проекты с Омским моторостроительным объединением им. П.И. Баранова и с "Амурсталью". На каждом предприятии было внедрение разработки. Я собрала такой серьезный материал, что смешно было бы не защитить на нем диссертацию.

Так что, поступая соискателем на кафедру в Ленинградский инженерно-экономический институт им. Пальмиро Толь-

¹ Ныне Новосибирский государственный аграрный университет.

² В советское время так в обиходе называли Новосибирский институт народного хозяйства (ныне Новосибирский государственный университет экономики и управления).

ятти³, я приехала с практически готовой работой... Мне год не давали защититься. Было много борьбы. Я приезжала, меня научный руководитель не принимал по нескольку дней, меня консультировали докторанты в общежитии... Предзащита шла шесть часов... Потом я поехала в московский Финансовый университет, защитилась. Председатель совета пригласил меня в докторантуру, но тогда не было ни лишней копейки, ни времени, тогда стоял вопрос выживания».

В начале 1990-х Наталья Васильевна организовала аудиторскую фирму, которая существует до сих пор и входит в аудиторско-консалтинговую группу «СЭФ», одну из крупнейших в России. Наталья Васильевна говорит: «Я в составе первых групп сдавала экзамены по банковскому аудиту (в 1992 г.) и по общему аудиту (в 1994 г.). Никто еще тогда ничего не знал, специалистов было мало. Какое-то время я была единственным банковским аудитором за Уралом и проводила здесь конференции Центробанка... В 1990-е гг. мы аудировали строительство дорог, предприятия связи в шести субъектах Российской Федерации, авиационные компании, производившие самолеты СУ... Я знала все виды учета. Я взвалила за себя такой воз забот, что даже в театре засыпала». В 1995 г. Наталья Васильевна стала одним из двух первых докторов экономических наук в вузах Новосибирска, не считая институтов Академгородка. Научным консультантом был доктор экономических наук, профессор М.В. Романовский – один из самых крупных экономистов России. Наталья Васильевна вспоминает: «У меня было 36 внедрений, 7 из них – в финансовых органах, включая Центробанк и Министерство финансов».

* * *

Об идее создания своего вуза Наталья Васильевна говорит: «Я приняла страшное решение», а потом смеется: «Ни копейки никогда ни у кого не брала. Наоборот, кому могла – помогала. Всё, что мы зарабатывали аудитом, мы вкладывали в вуз, и всю жизнь были всем должны... В наше здание

³ Ныне Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет.

мы вошли после пожара, а еще там были склады. Мы оборудовали прекрасные аудитории...

Когда в 1991 г. я уходила из нархоза, я понимала, что так, как учили тогда там, финансистов учить нельзя. Вместе со мной оттуда ушла тогда декан финансового факультета... Не зная практики, нельзя учить! Не может финансист впервые видеть платежный документ только на четвертом курсе! Я убеждена, что учить может тот, кто проработал в профессии не меньше десяти лет, тот, кто может разрабатывать и внедрять в своей сфере новое, тот, кто уважает и знает профессиональное сообщество! И вообще тема финансовой грамотности в нашем обществе очень непростая, ее серьезное обсуждение только-только начинается.

Для оценки финансовой устойчивости нужно владеть серьезной методологией... Как-то была конференция «Сибирского соглашения»⁴, и меня на нее пригласили. Приезжали из Базеля представители Всемирного банка, мне удалось с ними познакомиться, и они мне прислали потом 12 томов документов с банковскими стандартами и большую коробку специальных книг на английском языке...

В 1992 г. частные вузы в России нужны были как воздух... «Сибирское соглашение» во многом помогло моему вузу состояться...

Мы смогли открыть первый за Уралом диссертационный совет в негосударственном вузе! А в стране до этого было всего два диссертационных совета по финансам... Мы начали выпускать первый за Уралом специализированный журнал в области финансов, который вошел в список изданий, рекомендованных ВАК. Доктора наук, специализирующиеся в сфере управления инновациями, защищались в моем совете... Что касается сфер производства и экономики, надо понимать, что нормативные документы, особенно те, которые касаются оборонных заказов, на инновационную экономику до сих пор не ориентированы. Организация производства сегодня не адаптирована к потребностям рынка».

Когда в 1993 г. Наталья Васильевна создавала свой вуз – тогда он назывался Сибирской международной школой высше-

⁴ Ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации.

го банковского дела, – большая часть его руководителей были выпускниками НЭТИ. Она вспоминает: «Так получилось, что я редко к кому обращалась за помощью. Может быть, если бы Г.П. Лыщинский был жив, это случалось бы чаще... С его дочерью мы учились в одной школе, и я относилась к нему почти как к отцу, он во многом помогал, многое советовал... Старшее поколение, родители и преподаватели, учили нас служить обществу, городу, области, своей профессии. И сегодня, когда с профессиональной точки зрения наблюдаешь за денежно-кредитной сферой, за культурой чиновничества, за отношением многих людей к своей стране и к будущему ее детей, становится печально... У меня два ВАКовских журнала, я много об этом пишу в статьях и ничего не скрываю.

У меня при вузе было и среднепрофессиональное образование, потому что финансовую специальность без среднего профессионального образования не освоить. До этого в Новосибирске банковских школ вообще не существовало, их было всего несколько по стране – элитное междисциплинарное образование...

В 2015 г. к нам пришел с аккредитацией “Рособрнадзор”. В числе замечаний упоминалось, что у нас физкультуры на два часа больше, чем полагается по стандарту... Их замечания не касались профессии, при других обстоятельствах их даже можно было счесть забавными... Я никогда никому не давала ни одной взятки. Мы потеряли аккредитацию, обратились в суд. Состоялось 11 судебных заседаний, 6 из них – в Москве. В сентябре 2019 г. после апелляций и двух микроинсультов мы выиграли все суды. Только пока выигрывали суды и возвращали аккредитацию, от нас ушли все наши студенты, я их сама пристраивала в другие университеты, и сегодня я закрываю вуз. Многие студенты хотели бы вернуться, но это всё не просто. Точка безубыточности – 4000 студентов, а они не могут появиться в одночасье... Я поняла, что в России нельзя ничего создавать. Частная инициатива всегда наказуема, ты сам себя наказываешь. Впрочем, я, наверное, изначально знала, на что иду. Негосударственный вуз – это постоянная война, в которой нельзя идти на профессиональные компромиссы и по большому счету не на кого положиться. Когда в 2015 г. стало ясно, что аккредитация у нас неспроста, несколько важных сотрудников просто ушли, несмотря на то что выросли и

получили степени благодаря моему вузу. Под моим руководством защитились около полусотни кандидатов и докторов наук, и у многих из них сложилась прекрасная карьера...

За все эти годы у меня не было ни отпусков, ни выходных. Я и сейчас лично редактирую все статьи, которые публикуются в моих ВАКовских журналах... Это возможно во многом благодаря моему мужу, который во всём помогал и помогает. То, что у нас было и есть, это в меньшей степени бизнес и в большей – благотворительность.

Я понимаю, что в будущем выживут только большие вузы и только большие издания. Сейчас я хочу кому-то передать свои журналы, один пристроила, второй – пока не получается, нет таких кадров, которые могли бы обеспечивать ему тот уровень, который есть сейчас. Говоря словами из известной песни, я думаю, что журнал "Сибирская финансовая школа" и еще мои книги – это всё, что останется после меня.

Сейчас я раз в месяц хожу в театр или на симфонический концерт...»

ФИЛИЧЕВ АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

**Выпускник 1984 года,
электромеханический факультет
(ЭМФ)**

Директор ФГУП «Управление энергетики и водоснабжения». Заместитель полномочного представителя Президента РФ в СФО (2011–2016). Заместитель губернатора Новосибирской области (2000–2010). Глава администрации

Калининского района Новосибирской области (1992–1995, 1998–2000). Кандидат экономических наук. Директор НЗХК по сбыту и социальным вопросам (1995–1998). Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского (2002).

«Я на самом деле веселый, певучий ...»

Андрей Григорьевич рассказывает: «Однажды в НГУ на экзамене по алгебре преподаватель, академик, мне сказал: “Академиком и ученым ты не будешь, а если устроишься учителем математики в сельскую школу, вероятнее всего сопьешься”... А у меня было еще третье желание – стать космонавтом. А еще я как-то очень хорошо сажал и копал картошку...»

* * *

Проучившись пять месяцев в НГУ, Андрей Григорьевич поехал поступать в Военно-космическую академию им. А.Ф. Можайского. Не хватило полбалла. Начальник училища посоветовал поступить в какой-нибудь другой ленинградский вуз. Андрей Григорьевич иронично вспоминает: «Пошел я по Ленинграду, смотрел в это облачное, чужое, тугое небо и понял, что никто меня там не ждет. Пошел на вокзал. Понял, что

подать документы в НЭТИ не успею, если на поезде поеду. Тогда я пошел в авиакассы, нашел настоящего полковника и сказал, что я один у бабушки, и если сейчас не улечу в Новосибирск, то она сильно расстроится, да и я ничем не смогу ей помочь. И, короче говоря, я добрался до Новосибирска в последний день подачи документов».

* * *

В институте Андрей Григорьевич учился на одни пятерки, легче всего ему давалась математика. Он рассказывает: «Я еще успевал калымить. Взял за правило ничего не брать у родителей. По ночам иногда ходил разгружать вагоны. Как-то раз пришли вагоны с луком. Легкая работа, и желающих разгрузить было много, даже дрались за эти вагоны, победили. Разгрузили, получили тридцать пять рублей. А еще как-то раз вдвоем с приятелем мы разгружали что-то для столовой на пересечении Блюхера и Геодезической, ее «крематорием» звали. Здание было из красного кирпича, и из трубы дым шел. Мы взяли три ячейки яиц и какое-то время только ими питались. Так вот я с тех пор жареные яйца как-то не очень люблю... А еще каким-то летом на сборах нам поручили с товарищем отремонтировать ракету для С-300. Я уцепился за кранбалку и с криком «э-ге-гей!» покачался на ракете... И больше у меня приключений не было, в остальном я был очень прилежным».

Андрей Григорьевич в институте возглавлял студенческую профсоюзную организацию, в нее тогда входило 1400 человек. Рассказывает, как следил за порядком у абитуриентов в студгородке, глядя в бинокль из окна четвертой общаги. «Я получал повышенную стипендию, окончил институт в числе лучших. У меня уже была семья, сын, профсоюз. Я работал на трех работах, дворником и электриком.

Помню, сдал экзамен по электроприводу, пришел домой, и мы с женой поехали на троллейбусе в роддом. Я ей для развлечения дал книжку с юмористическими рассказами А.П. Чехова. Родился сын Гриша, веселый, задорный. Из роддома я их забирал на трамвае.

Жили мы в общежитии. Тогда продукты были по талонам, комендант общежития нам выдавала две нормы талонов. На улице Новогодней был магазин, там было смертоубийство. Надо было в пять утра занимать очередь, чтобы хоть что-то получить. Сын был маленьким, он хотел есть... В пять утра я вставал в очередь за молоком».

При этом Андрей Григорьевич еще и пел в академическом хоре НЭТИ¹. Он вспоминает: «Тогда вокруг была уникальная атмосфера – единство технического образования и культурной жизни... На прослушивании я пел "Подмосковные вечера". Попел я в хоре недолго, в 1979 г. поступил, а в 1981 г. осенью ушел из хора, потому что папы не стало. Мне было уже не до песен, ни до чего... А с хором я даже успел съездить за границу: мы были в Болгарии, Венгрии, Румынии, в неразделенной-неубитой Югославии, в Чехословакии. Там был совсем другой образ жизни: идем в кино на фильм "Ленин в Октябре", а там эротические картинки показывают на каждую букву алфавита! Мы плыли на пароходе по Дунаю, пили чешское пиво, пели песни, чувствовали себя свободными!»

* * *

Распределился Андрей Григорьевич в Юргу, уже собирался туда переезжать, но что-то не срослось, и возник лучший вариант – Новосибирский завод химконцентратов (НЗХК). «Там был свой отбор молодых специалистов. От Урала до Дальнего Востока на такие предприятия принимали только отличников».

От завода ему с семьей выделили жилье в гостинице «Восток». Андрей Григорьевич рассказывает: «Будучи уже мастером цеха, я ходил к заместителю директора и просил перевести меня на какую-нибудь должность, где зарплата побольше. Однажды он мне говорит: "Ты же хотел повышение! Поедешь в совхоз 'Пашинский', это наше подсобное хозяйство". Я спросил, сколько там платят, он назвал просто баснословную сумму – в два с половиной раза больше моей зарплаты. Я ответил

¹ Ныне академический хор им. Ю.А. Брагинского.

ему, что мне надо посоветоваться с женой. А сам вышел, перекрестился и понял, что согласен со страшной силой». В совхозе Андрей Григорьевич был инженером по эксплуатации только что построенной газовой котельной.

В 1987 г. Андрей Григорьевич победил в конкурсе на должность главного энергетика завода. На НЗХК тогда работало 12 000 человек.

В 1990 г. Андрей Григорьевич стал депутатом городского Совета. Он вспоминает: «Получилось так, что мне, неоперившемуся главному энергетика, поручили возглавить комиссию по энергетике. Я там работал, изучил почти всё городское хозяйство, защищал интересы завода. Мне было интересно. В то время городской Совет во многом определял политическую повестку города... Через полгода мне предложили стать председателем райисполкома. А у меня в то время родилась дочь, я не очень хотел, но пришлось.

И наступили девяностые годы, когда уже никто ни о чем не спрашивал. Кругом была такая беда людская, такая проблема!.. На заводе давали талоны, по ним мы получали мясо, консервы, банки сухого кофе – и тут их разом отменили. У Ледового дворца спорта мы развернули огромную ярмарку – 440 торговых мест. У крестьян не было денег, а у заводчан – продуктов. Мы создали возможность обмена, пытались обходиться без присутствия бандитов, ментов в “гражданку” переодевали... Был один эпизод – с Усть-Тарки привезли целую “газель” мяса. Я пошел с дочерью на горку кататься, ко мне бледный парень от этой “газели” подбегает, говорит: “Всё. Скаты² ножом пробили. Жена сидит в кабине ни жива ни мертва. Вы обещали безопасность, а тут...”. Я ему отдал дочь: “Иди ее на горке покатай, а я пойду разберусь”. Подхожу к машине этих ребят, стучу в окошко, открывают, смотрю: накурено-надымлено, двое сзади, двое впереди. Я спрашиваю: “Чего ждем, кого?” Они мне, мол, иди, дядя, лесом. Я говорю: “Я пришел уже. Выходи строиться. Давайте обсуждать тему. Если вы проткнули колеса и ждете денег, то ничего не будет”. Они по газам – и уехали, номер замазан. Я начальнику милиции звоню, – светлая ему память, такой хороший был мужик, –

² Покрышки, шины.

он мне отвечает: "Ты случаем не тронулся? Тебя застрелить могли..." А я в тот момент и не подумал... Но ярмарка была, люди брали дешевые продукты. Из Довольного приходила машина – три с половиной тонны рыбы, ее за час-два разбирали. Продавали самый дешевый хлеб в городе... Мы в своем Калининском районе первыми в городе организовали доставку пенсий на дом... Ну и проблем много было: лютые морозы, нехватка угля, большой недотоп, приходилось спасать целые микрорайоны. Потом на 5-м микрорайоне ввели газовую котельную, стало легче».

В 1996 г. Андрей Григорьевич вернулся за завод заместителем генерального директора, занимался жилым фондом, электрическими сетями, участвовал в создании МУП «Электросеть». Через три года вернулся на пост главы района, потом баллотировался в Государственную думу и на пост мэра Новосибирска, в 39 лет стал заместителем губернатора НСО. Андрей Григорьевич вспоминает: «С 2000 г. я был заместителем губернатора по всем социальным ответам. И проработал на этой "расстрельной" должности целых одиннадцать лет».

* * *

Андрей Григорьевич размышляет: «Мегаполис может поглощать молодых людей, но он же делает их свободными. Я люблю Новосибирск. Это добрый город. Здесь родились мои дети. Здесь я в 17 лет купил в киоске мороженое, стоял под окном своего нынешнего кабинета в здании облминистрации, смотрел на фонарь, думал: что бы это всё значило? Даже не думал, что я буду работать за этим окном, рядом с этим фонарем». И продолжает: «О чем я мечтаю? Чтобы все близкие были здоровы, чтобы мама пожила как можно дольше, чтобы друзья оставались друзьями...»

* * *

Каждое утро он ходит в бассейн и на пешую прогулку 7 км, говорит, что «всегда надо оставаться самим собой», что любит читать В.М. Шукшина, что Библия – это книга «о том, как дальше жить и кого благодарить». Андрей Григорьевич

крестился в 2002 г., он говорит: «Когда я был в паломнической поездке в Иерусалиме, я многое понял: в жизни надо верить и уметь ждать». Рассказывает, что ему интересна старообрядческая традиция с ее извечной твердостью и мечтой найти лучшую жизнь: «Я был в старообрядческом скиту – этого не перескажешь».

А заканчивает свой рассказ так: «Если бы мне тогда хватило полбалла, я был бы космонавтом. Может, не самым лучшим, но был бы. Я упертый. В восемнадцать лет все девчата были мои, я и кроссы бегал, и на турнике подтягивался. Меня называли “каскадер”, я на самом деле веселый, певучий...»

ЦЕЛИЩЕВ ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

**Выпускник 1965 года,
приборостроительный факультет
(ПСФ)**

Директор Института философии и права СО РАН с 1997 по 2017 год, с 2018 года научный руководитель института. Доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой гносеологии и истории философии НГУ. Член редакционного совета научного журнала «ХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция». Писатель и переводчик.

«Моя жизнь в основном посвящена книгам...»

Виталий Валентинович вспоминает детство: «Я помню пионерские лагеря, 1949–1955 годы. И вот что по этому поводу скажу: хорошее дело лагерем не назовут. Как счастье я помню освобождение от повинностей детского сада, пионерского лагеря, школы, хотя я учился хорошо, школу окончил с золотой медалью. Большая часть детства, насколько я помню, проходила в условиях подавления свободы.

Я помню, на первом курсе в институте у нас были такие занятия – политинформация. Я спросил, зачем это, ведь мы все читаем газеты и журналы и следим за новостями. Меня вызвали на какую-то комиссию, и какой-то партийный товарищ кричал на меня: “Мы воевали!.. А эти единоличники!.. Этот их буржуазный индивидуализм!..” Я не знаю, как я отделался, как меня из комсомола не исключили...»

* * *

Поступление в НЭТИ было подготовлено семейной традицией – все родственники Виталия Валентиновича были инженерами. Только техническими науками он не ограничился. «Я жил на НИИЖТ¹, учился в НЭТИ. Учился, честно говоря, слабо, хотя всё выполнял, что требовалось. По пути в институт, на ул. Советской, был межбиблиотечный абонемент ГПНТБ. Я часто заказывал там из Москвы книжки по математической логике и по философии». А еще в годы его студенчества была распространена практика отправлять студентов работать на завод рабочими на полный рабочий день, кому-то выпало в этом участвовать полгода, кому-то – год. Виталий Валентинович работал на заводе полтора года параллельно с учебой в институте.

Он учился на радиотехническом факультете. В это время в содружестве с Институтом ядерной физики СО АН началось формирование физико-технического факультета. Виталий Валентинович попал в специальную группу, которая доучивалась в НЭТИ и участвовала в научных проектах ИЯФа. Сегодня он говорит: «Завлабораторией давал мне американский журнал и просил переводить статьи об ускорителях. Еще я делал математические расчеты на автоматическом арифмометре... Вот так меня использовали в качестве физика. Я оказался неуспешным инженером и неуспешным физиком. Физик из меня не получился, я ушел в Институт автоматики и электрометрии».

А потом Виталий Валентинович поступил в аспирантуру по философии, в Киев. Рассказывает: «Там вокруг были очень светлые люди, по-настоящему интеллигентные. Меня воспринимали как инопланетное явление. Мне было 25 лет, я был искренним, “диким человеком из Сибири”, мне всё сходило с рук, и мои резковатые высказывания порой даже приветствовались. Со мной там дружили люди, которые были большими функционерами. Там однажды в институте заболел кассир,

¹ Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта. Ныне Сибирский государственный университет путей сообщения.

и доверие ко мне было настолько велико, что меня без всякой охраны послали получать зарплату для 300 человек. Буквально огромный мешок денег, представляете?.. К тому же меня там оставили в институте научным сотрудником. Это было невероятно. Ведь чтобы принять в институт меня, русского, национальная политика в то время требовала создать еще два новых места – одно для еврея, второе для украинца... Мы жили там свободно, пили кофе, потом, немного возбужденные, шли на очередной семинар. Всё кончилось в 1968 г., когда советские танки поползли по улицам Праги. Это была катастрофа. Интеллектуальная катастрофа. Она заставила тщательно наблюдать мир вокруг, а не смотреть на него сквозь пальцы... Если советское мировоззрение называть "красным", то можно сказать так: я ехал в Киев "розовым", а там стал "белым" оппозиционером...

Я с юности усвоил, что основа философии – сомнение и скептицизм. Я очень много читал о подавлении восстания в Венгрии в 1956 г., анализировал, учился не быть частью толпы. Когда мне было 14 лет, сосед по коммунальной квартире принес книгу немецкого генерала Курта фон Типпельскирха, одного из военачальников вермахта, на русском языке. Это была одна из первых книг, которую можно было назвать признаком хрущевской "оттепели"... Еще одним моим соседом был военный прокурор. Мне было 17 лет. Однажды он увидел, что я читаю какой-то том "Документов внешней политики СССР", и сказал: "Брось ты всю эту конъюнктуру"».

Виталий Валентинович защитил диссертацию, вернулся в Новосибирск и год преподавал в Новосибирском государственном университете, стал работать в Институте истории, филологии и философии, вскоре стал заведующим отделом. Он вспоминает: «Когда я получил отдел, я набрал способных ребят, и мы ринулись серьезно заниматься философией. Мы сделали тогда очень много, вспахали те направления философии, которые в Советском Союзе вообще не развивались. Это удавалось, потому что мы были далеко от Москвы, далеко от руководящих органов. Я за шесть лет написал тогда семь книг, и выяснилось, что в СССР это никому не надо... Мы занимались философией логики. Есть такой замечательный амери-

канский философ – Сол Крипке. Я тогда написал ему письмо с просьбой прислать мне книгу. Он прислал мне статью на 100 страниц и письмо: “Никогда не думал, что этими вещами кто-то интересуется по ту сторону Атлантики”... Когда я в 1977 г. впервые поехал в США, в Калифорнию, на меня там все смотрели с удивлением и приглашали на философские диспуты».

В 1984 г. Виталий Валентинович был направлен в посольство СССР в Румынии советником, работал там атташе по науке и технике. Министерство иностранных дел тогда приглашало для работы за границей «настоящих пролетариев и крестьян из Сибири». Виталий Валентинович рассказывает: «Предложили две страны на выбор – Румынию и ГДР. Я выбрал Румынию, она была единственной из стран восточного блока, где тогда не было советских войск. Лидер Румынии Н. Чаушеску дружил со всеми, поэтому в Румынии, как на нейтральной территории, проходили встречи и переговоры арабов с евреями, американцев – с представителями СССР... Но всё равно это была почти армейская служба, я пробыл там четыре года и вернулся в институт, занялся переводами философских работ с английского языка. В 1990-е всё рухнуло, и, чтобы остаться при деле, чтобы кормиться, я занялся переводами».

* * *

Он перевел «Энциклопедическое изложение масонской, герменевтической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии» Мэнли Палмера Холла, «Теорию справедливости» Джона Ролза, «Философию и зеркало природы» Ричарда Рорти и двухтомную научно-популярную «Историю западной философской мысли». «Энциклопедическое изложение...» выдержало около 20 изданий. Виталий Валентинович говорит: «Это единственный мой коммерческий успех. Я увидел эту книгу в Москве, в библиотеке, еще до отъезда в Румынию. Это был огромный том в подарочном оформлении. Я поклялся тогда, что ее переведу... Моя цель – просветительство. После 1917 г. Россия в области философии колоссально отстала от мира, у нас почти не осталось философии, нами в XX веке не написано великих книг».

А в последние три-четыре года Виталий Валентинович переводил огромный роман одного из крупнейших современных американских прозаиков Томаса Пинчона «Против дня». Он уточняет: «Параллельно с работой над книгой Пинчона я работал в трех грантах, написал около 40 статей и переводил еще одну книгу, по философии... Книгу Пинчона издать очень сложно, вопрос с авторскими правами кажется почти неразрешимым. Ну да ладно, эта книга для меня не главная, у меня много других работ... Сам процесс перевода – это очень интересно, в нем происходит самоопределение. Я не просто чувствую себя переводчиком, я стараюсь быть внимательным читателем.

И, говоря о чтении, я, к сожалению, не могу не сказать о невежестве нынешней интеллигенции. Ведь это традиционно был образованный класс, в нем была продуктивная интеллектуальная среда, интеллигенция, в том числе и техническая, и медицинская. В XIX веке читали и понимали актуальные философские работы, а сейчас среды нет, и великие люди, даже если они появляются, ничего не могут сделать, если их не окружает питательная среда... Для того чтобы рождалась настоящая литература, нужен насыщенный литературный процесс... Знаете, мой возраст имеет свои преимущества: уже очень мало интересов, мешающих работе, так что времени хватает на всё. Я не сноб, иногда я спонтанно смотрю телевизор, сериалы, детективы, искренне восхищаюсь их глупостью, мне это и вправду интересно. Я думаю, это компенсация сложных занятий и размышлений.

С другой стороны, американский философ Рорти Ричард говорил, что по-настоящему философская книга та, что может захватить воображение. Так вот, иногда даже детективные сериалы могут захватить воображение, значит, и в них что-то важное есть. Один из величайших философов XX века Людвиг Витгенштейн очень любил беллетристику. Ему присылали грошовые американские детективы, и он ими наслаждался... И на лекциях я часто обращаюсь к широкому культурному контексту, потому что изложение деталей философских систем, как правило, не захватывает воображение...

Еще я люблю творчество Бернардо Бертолуччи, его фильмы "Мечтатели", "Ускользящая красота"...

Недавно в Интернете я встретил упоминание про себя, там было сказано, что Целищев "крут в философии математики, но больше известен как переводчик". Это забавно. Я много написал как ученый, но, наверное, то, что я переводил, более значимо. Я переводил действительно великие книги.

Был курьезный случай. Я ехал из Вены в Москву на поезде, моим попутчиком оказался очень просвещенный юноша, сын дипломата. И когда я проявил, с его точки зрения, невежество, он мне сказал: "Вам надо прочитать книгу Целищева" и назвал мою книгу...»

* * *

Виталий Валентинович много преподавал за рубежом: в США, в Австрии, в Японии. Он рассказывает: «В Японии было сложнее всего: там общество очень замкнутое, поэтому сложно стать частью общества. А проще всего было в Америке, хотя меня с первого же дня настигла там ностальгия, я думал: "Я русский. Я из другого теста"... Я преподавал в штате Огайо. И больше всего мне запомнились американские библиотеки. Я улетаю домой из Нью-Йорка, пошел дождь. Чтобы от него укрыться, я зашел в случайную дверь – оказалось что-то вроде районной библиотеки. Девушка там мне говорит:

– Может быть, вы хотите к нам записаться?

Я ответил, что я сейчас уезжаю. Она сказала:

– Ну и что? Это не помеха...

Я говорю:

– Как это "ну и что"? Я что, запишусь, возьму книгу и уеду?

А она отвечает:

– Ну да.

Они считают, что читатель может вернуть книгу по почте из любого уголка мира.

Я проехал по Америке и видел много библиотек. По наполнению они просто фантастические! И во все библиотеки давным-давно открыт доступ всем желающим: приходишь и сам копаешься на полках сколько хочешь, нужна помощь – биб-

лиотекари тебе помогут, но доступ ко всему книжному фонду открыт! И там в библиотеках полно народу, особенно в воскресенье! Даже в маленьких городишках!

Еще интересно: у меня в Америке на философском курсе был 72-летний студент. Он инженер, химик, скучает в отставке, поэтому пошел в университет учиться. Там очень гибкая система специальностей – можно прослушать только те курсы, которые тебе интересны».

* * *

Виталий Валентинович размышляет: «Сейчас моя жизнь в основном посвящена книгам. Раньше была собака. Было время – я много занимался с внуком, а теперь жизнь преимущественно... затворническая... Я почти всегда в жизнь делал то, что мне нравилось, и это не моя заслуга. Я думаю, мне просто повезло. В китайской философии есть такое понятие – “молчаливое дао”, у-вэй, его еще называют созерцательной пассивностью. Так вот, я отчасти сторонник у-вэй. Только надо понимать, что у-вэй – это отнюдь не расслабленность, это принятие спонтанности проявлений мира, оно требует дисциплины труда и характера. Что бы ни происходило вокруг и в тебе, надо сесть и работать.

Я думаю, что мое поколение не случайно много читало и продолжает читать. Мы родились во время войны, и, даже если мы не видели ее своими глазами, вокруг нас были те, кто видел ее. А еще вокруг нас было много заборов, запретов и охраны. Моя любовь к книгам – это эскапизм, бегство в культуру от войны... Одно время, в 1950-е гг., я жил в коммунальной квартире. У меня тогда украли прекрасное издание “1000 и одна ночь”, кому-то оно понадобилось...

Я сейчас говорю не о серьезности. Я тоже могу и слетать в отпуск на Пхукет, и дурака валять умею, но как-то осмысленно, что ли... Как персонажи Франсуа Рабле в его великом романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», как сам этот роман... В третьей части романа есть беседа Панурга с друзьями, это же шедевр, нечто величайшее!.. Для меня это книга номер один с детства.

Если вспоминать, что я прочел, окажется, что прочел очень много.

У меня есть друг, профессор из Томска, мы иногда с ним устраиваем своеобразные баттлы по книгам: на память фактология, даты, персонажи... Пока у нас равный счет, потому что он тоже всё читал.

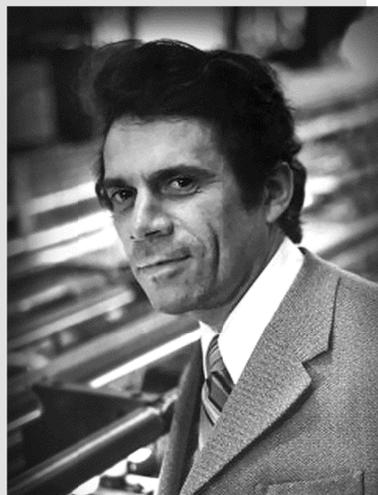
Я, конечно, не все книги люблю одинаково. Например, чтение Генриха Манна – «Молодые годы короля Генриха IV», «Зрелые годы короля Генриха IV» – для меня было настоящим подвигом. Такая же история и с Томасом Манном, и с Генрихом Гейне, и с Германом Гессе, не люблю их напыщенность...

И еще мне жаль, что я не нахожу, с кем можно было бы обсуждать прочитанные книги. Одни не читали, а с читавшими я боюсь наткнуться на разногласия. Слишком велико у меня желание не потерять друга».

ЧЕБОТАЕВ ВЕНИАМИН ПАВЛОВИЧ (1938–1992)

**Выпускник 1960 года,
радиотехнический факультет
(РТФ)**

Академик РАН, доктор физико-математических наук. Основатель и первый директор Института лазерной физики СО РАН (1991–1992). Заместитель директора Института теплофизики СО РАН (1977–1990). Лауреат Ленинской премии за цикл работ по нелинейным узким резонансам в оптике (1978). Лауреат премии Чарльза Харда Таунса за вклад в области лазерной метрологии, спектроскопии сверхвысокого разрешения и высокостабильных лазерных источников (1984).

«Его звали Биг Бен...»

«Первый раз я встретил Чеботаева в лаборатории, которая находилась на пересечении улиц Фрунзе и Мичурина, – вспоминает ученик Вениамина Павловича профессор Александр Капитонович Дмитриев. – Внешне он был цыганистый: выразительные глаза, черные волосы, кудреватый. Первое впечатление: я только приготовился слушать, а он уже всё сказал. Он быстро говорил, быстро думал. Взрывной! Мог негативно о ком-то отозваться и через пять минут об этом забывал. Для него наука была как спорт: побеждает тот, кто быстрее. Говорил: “Умных людей много. А умный и быстрый – большая редкость”. У него идей хватало на целый научный институт, и он ими щедро делился».

* * *

Кандидатскую диссертацию Вениамин Павлович защитил в 27 лет, докторскую – в 32. После защиты кандидатской диссертации ездил на стажировку в США. Александр Капитонович рассказывает: «Когда он полгода стажировался в Америке, его там звали Биг Бен. Вениамин – Бенджамин, сокращенно Бен, и “big” – большой, в знак уважения”... Его стажировка в США дала серьезный толчок для развития работ по спектрометрии... Когда он вернулся в Россию, его стали в шутку называть “сибирским американцем”. У него даже в картине мира что-то поменялось. Он будто бы заразился извечным американским оптимизмом, говорил: “Во всём, что кажется тебе плохим, надо найти хорошее”».

Вениамин Павлович занимался нелинейной лазерной спектроскопией. Он впервые предсказал узкие двухфотонные резонансы, предложил метод стабилизации частоты газовых лазеров – метод внутррезонаторной нелинейно-поглощающей ячейки, изучал резонансы в разнесенных оптических полях. В справочнике по биографиям ученых-физиков написано, что Вениамин Павлович «создал стабильные по частоте лазеры и стандарт времени, разрабатывал новые типы перестраиваемых лазеров и спектрометров инфракрасного и ультрафиолетового диапазонов»¹. Результаты этих работ использовались и продолжают использоваться в создании навигационных систем и систем наведения. Американскую научную премию Чарльза Харда Таунса Вениамин Павлович получил вместе с американским физиком Джоном Холлом, который в 2005 г. стал лауреатом Нобелевской премии по физике. Идеи Вениамина Павловича о двухфотонных резонаторах использовал в своих работах и немецкий физик Теодор Хенш, разделивший Нобелевскую премию с Джоном Холлом. Александр Капитонович размышляет: «Вероятно, Чеботаев тоже мог бы стать Нобелевским лауреатом вместе с ними, но, к сожалению, Нобелевская премия присуждается только живым».

Вениамин Павлович был одним из инициаторов открытия в НЭТИ физико-технического факультета на базе приборострои-

¹ Храмов Ю.А. Физики. Биографический справочник. – М.: Наука, 1983. – С. 294.

тельного факультета и его совместных научных работ с Институтом ядерной физики СО РАН. Благодаря ему в НЭТИ началась подготовка специалистов в области физики полупроводников и специалистов в области лазерной физики в тесном сотрудничестве с Институтом физики полупроводников СО РАН.

* * *

Александр Капитонович вспоминает о Вениамине Павловиче: «Он был самолюбив и болезненно воспринимал шутки в свой адрес. Только когда я виделся с ним в последний раз, в Германии на конференции, когда он уже стал академиком, он впервые при мне не отреагировал на шутку в свой адрес. А я еще тогда посетовал, что плохо знаю английский язык, он ответил: “Шура, если тебе есть что сказать, тебя поймут. Было бы что сказать”...

Он работал всегда – днем и ночью. В 8:30 утра он уже бывал на работе, а в 10 часов вечера прохаживался по кабинету и приговаривал: “Чего бы еще поделать?..”

В компании он с удовольствием смотрел капустники. Но было ощущение, что, чем бы он ни занимался, в каком бы окружении ни был, его мысли всегда были сконцентрированы на науке. Он, будучи в обществе, мог внезапно встать и пойти работать, если ему приходила в голову новая идея. Однажды он съездил на юг, и когда его спросили, как он отдохнул, он ответил: “Ой, хорошо! Никто не мешал работать...”

Он всё время торопился жить и работать: в тридцать лет хотел всё успеть до сорока, в сорок – до пятидесяти, говорил: “После пятидесяти лет какая уже работа?..”

После того как получил Ленинскую премию, он купил себе машину – “Волгу”...

Он любил грузинский коньяк, жарить мясо во время пикника, играть в футбол. Как-то в Новосибирске была большая международная конференция, приезжал ректор университета города Сан-Паулу (Бразилия) мы организовали дружеский футбольный матч между российскими и иностранными физиками. Мужчины бегали по полю, а женщины стояли на воротах...»

* * *

Вениамин Павлович скончался в США, где читал лекции в Техасском университете, похоронен в Новосибирске на Южном кладбище, в Академгородке. Александр Капитонович вспоминает: «Ему всю жизнь приходилось пробиваться в научное сообщество почти в одиночку. Серьезное признание за границей он получил раньше, чем на родине. У него была проблема с организацией Института лазерной физики. Тогдашний ректор МГУ Рем Викторович Хохлов должен был стать президентом АН СССР, он поддерживал идею Чеботаева об открытии института, но он был альпинистом и в 1977 г. погиб на Памире. И Институт лазерной физики тогда так и не открыли, он вошел в состав Института теплофизики. Мечта Чеботаева о своем институте исполнилась только в мае 1991 г., а 2 сентября 1992 г. он скончался.

Когда на следующий год во Флоренции на конференции была специальная секция памяти Чеботаева, известный американский физик Чарльз Беннетт, у которого Чеботаев стажировался, во время выступления плакал, вспоминая о совместных работах с ним.

А вообще Вениамин Павлович был человеком здоровым, спортивным. Можно было предположить, что он проживет долгую жизнь».

ШЕХОВЦОВ АНАТОЛИЙ РОМАНОВИЧ (1938–2020)

**Выпускник 1961 года,
электромеханический факультет
(ЭМФ)**

Первый заместитель генерального директора ОАО «Производственное монтажно-строительное предприятие «Электрон»» (ранее трест «Химэлектромонтаж») с 1985 по 2008 год. С 2009 по 2016 год – заместитель председателя Совета директоров. С 1976 по 1984 год – мэр г. Томска-7 (ныне Северск) – центра атомной промышленности России. Обладатель именного почетного знака «Инженерная слава России». Награжден орденом «Знак Почета». Заслуженный строитель России.

ОАО «ПМСП «Электрон»» – многопрофильный холдинг атомной отрасли России. Среди знаковых объектов все атомные электростанции России, стран бывшего Советского Союза, Индии, Китая, Семипалатинский ядерный полигон, НЗХК, ПО «Север», олимпийские объекты Сочи, Новосибирский театр оперы и балета.

Фрагменты географии

Осторожной, немолодой походкой Анатолий Романович входит в Научную библиотеку НГТУ. «Здравствуй, Георгий Павлович!» – говорит он портрету Лыщинского и комментирует: «Мы у него учились».

Жизнь Анатолия Романовича – целая эпопея. Она как нельзя лучше иллюстрирует, что инженер – это человек универсальный, он многое может и многое любит.

* * *

Анатолий Романович родился в поселке Тильбес в Горной Шории. Сегодня его нет на карте – он слит с соседним поселком Мундыбаш.

Между Тильбесом и Мундыбашем – 12 км по дороге или 8 км через горы. Когда-то дети дважды в день преодолевали этот путь пешком – в школу и обратно. Анатолий Романович вспоминает: «Кто мог, пристраивались на квартирках в Мундыбаше. Я жил у учителя».

В школе был большой оркестр народных инструментов. Анатолий Романович играл в нем на контрабасе. «Школяры учились играть с шести лет – на альтях, на мандолинах... А я-то уже большой пришел, не учился. Учитель на мои пальцы посмотрел (а я же с детства дрова рубил, воду носил) и поручил мне инструмент с самыми толстыми струнами».

Анатолий Романович рассказывает: «Нередко я ночевал в библиотеке – читал книги, протирал на стеллажах пыль. Библиотека в школе была прекрасная! Наверное, ссыльные их с собой привозили. Там были и Байрон, и Маяковский, и древние греки. Я уже тогда благодаря тем книгам понял, что Пушкин внимательно читал Байрона! Я узнал, что у Байрона была одна нога короче другой, но это не помешало ему пролив Дарданеллы переплыть...»

Тогда, чтобы поступить в НЭТИ, надо было сдать пять экзаменов на 24 балла, лучше – на 25. Я сдал. И меня, как и всех первокурсников, отправили в колхоз. Потом начал учиться».

* * *

Трест «Химэлектромонтаж» был огромным предприятием всесоюзного значения с филиалами в каждом центре ядерной промышленности, в городах с атомными электростанциями. Среди них секретные (или, как тогда говорили, закрытые) города: Красноярск-26 (Железногорск), Свердловск-44 (Новоуральск), Челябинск-65 (Озерск) и многие другие. В таком городе – Томске-7 (Северске), обнесенном колючей проволокой, с КПП на въезде, и начал свою карьеру Анатолий Романович. «С первой полочки, – вспоминает он, – я купил себе две банки

виноградного варенья. Вот это было верхом блаженства! Сразу съел с хлебом обе банки. Потом его терпеть не мог».

Он прошел путь от мастера участка до начальника северского управления треста, город строился на его глазах. В 1977 г. Анатолия Романовича избрали председателем горисполкома – и он возглавил город. В те времена это было закономерно. Градообразующие предприятия управляли не только своим собственным производством, но еще и отвечали за всю инфраструктуру поселения – за постройку школ, детских садов, больниц, магазинов. Закрытые города были своеобразными «государствами в государстве», ответственность за них нередко во многом возлагалась на руководителей градообразующих предприятий.

Анатолий Романович рассказывает: «Приехал к нам, в Томск-7, министр среднего машиностроения Ефим Павлович Славский, он был одним из руководителей советской ядерной программы. В первой половине дня он спустился к нижней части одного ядерного реактора, уран-графитового (сейчас таких уже нет), осмотрел кладку и увидел, что она не разрушилась за тридцать лет! А во второй половине дня он должен был осматривать Томский нефтехимический комбинат. И вот, лето, жарко, Славский устал. Ему было уже восемьдесят лет, а начальникам главков – только за семьдесят... Он сел на улице в беседке. Я ему говорю:

– Ефим Палыч, может, пивка?

И добавляю:

– У нас в городе свой пивзавод, пиво хорошее.

Он говорит:

– А что, можно.

Я приношу две кружки холодного пива. Он выпивает, я немножко пью.

Я спрашиваю:

– Ефим Палыч, как пиво?

А он отвечает:

– Да вроде похоже на пиво.

Понятно, он таких «пив» не пил. Очень хорошее у нас было пиво».

Восемь лет Анатолий Романович руководил городом. Вспоминать об этом он не любит. Говорит: «Я всё же инженер». И увлеченно рассказывает, как, будучи главой Северска,

добился воплощения идеи отопить город бесплатно: «Смысл такой: есть энергетические реакторы, которые созданы, чтобы вырабатывать тепло и электроэнергию. Есть оружейные реакторы, которые дают продукт, идущий на вооружение. Но и в том и в другом случае вырабатывается вторичное тепло. И раньше тепло от оружейного реактора сбрасывалось в протоку реки Томь – и Томь не замерзала на 50 километров вниз по течению. И вот ученые и практики вышли с таким предложением: обогревать этим теплом город, а не речку... Считай, дармовое тепло, ведь для его получения не сжигали ни грамма угля, ни кубометра газа. Мы этим теплом отопили половину Томска!»

* * *

Анатолий Романович говорит: «Я не могу представить, как ходить всю жизнь на работу по одному и тому же маршруту, работать с одним и тем же оборудованием, производить одно и то же. Моя жизнь не такая». И затем рассказывает «о своей географии».

Самые восточные точки – Забайкалье и Монголия. В конце 1980-х гг. он руководил монтажом ЛЭП, что тянется вдоль Вала Чингисхана¹ и вдоль железной дороги, связывающей Россию и Монголию: «125 километров по России и 125 километров по Монголии. У нас в районе Краснокаменска урановые рудники, а основные залежи уранового камня – на территории Монголии. В Монголии мы строили шахты, городок, сернокислотный завод. В то же время занимались работами на Челябинском комбинате “Маяк”. И я жил в таком режиме: месяц на востоке – месяц на западе».

Самая западная точка – Игналинская атомная станция в Литве. Ее построили в 1983 г., она обслуживала почти всю Прибалтику. Анатолий Романович говорит: «Я там руководил электромонтажными работами, дополнительно мы строили жилье, школы, детские сады».

¹ Археологический памятник, остатки древней стены, тянущейся на 700 км по территории России, Монголии и Китая. Его высота – до 1,5 м, ширина – до 15 м. Согласно мнению исследователей, сооружение было возведено задолго до эпохи Чингисхана.

Из южных точек Анатолию Романовичу более всего запомнился полуостров Мангышлак в Каспийском море в Казахстане. Знаменитый поэт Тарас Шевченко писал об этом месте: «Пустыня, совершенно без всякой растительности, песок да камень; хоть бы деревце — ничего нет...» В советское время Мангышлак иногда называли «полуостровом сокровищ» за богатые залежи нефти, газа и других полезных ископаемых, полуостров известен также своими целебными источниками и старинными мусульманскими некрополями. Анатолий Романович вспоминает: «Там мы делали атомный опреснитель. Появилась вода – появился городок». Рассказывает о том, что на полуострове были открыты ураносодержащие залежи, что палеонтологи нашли в тех местах множество ископаемых видов: «Когда я глянул туда, вниз, где копошатся гигантские экскаваторы, увидел, как они медленно по спирали выходят на поверхность... Глубина кимберлитовой трубки – 700 м! Ужас! Смотреть страшно. Нам тогда рассказывали, что по распоряжению министра водитель экскаватора, выработавший там миллион тонн породы, получает звание Героя Социалистического Труда».

Анатолий Романович руководил работами по монтажу системы технических средств охраны государственной границы на границе с Ираном, на советско-финской и на советско-китайской границе. «В Крыму работали над системой охраны дачи М.С. Горбачева, там же строили пансионат семейного отдыха в Алуште... Строили там пивзаводы, большой универсам... Там наездами я проработал два с половиной года».

География Анатолия Романовича этим не исчерпывается. Он перечисляет длинный список закрытых и незакрытых городов, в которых по долгу службы бывал, руководил монтажом, строительством.

С приходом перестройки трест «Химэлектромонтаж» превратился в ОАО «ПМСП "Электрон"», центр его управления находится в Новосибирске, а Анатолий Романович в нем первый заместитель генерального директора. «Электрон» занимается производством, монтажом и обслуживанием электротехнического оборудования. Среди объектов, на которых работали его сотрудники, все атомные электростанции России и других стран, входивших в состав СССР, станции Индии и

Китая, Семипалатинский ядерный полигон, олимпийские объекты в Сочи, новосибирские заводы НЗХК и ПО «Север» и даже Новосибирский театр оперы и балета.

* * *

Анатолий Романович путешествовал по Ладоге, плавал по Волге, четырежды пересекал с рюкзаком Кавказский хребет. Он бывал в Ницце и Барселоне. С другом и учеником Александром Николаевичем Абалаковым он задался целью побывать на крайних точках евразийско-африканской суши. Он глядел в Атлантический океан с мыса Рока в Португалии и с мыса Доброй Надежды в Южно-Африканской Республике. Едва оправившись от операции на сердце, он отправился на Камчатку, поднимался на сопки, любовался гейзерами, выходил на катере в Тихий океан... На вопрос: «А не страшно ли было за сердце?» Анатолий Романович, смеясь, отвечает: «Если на это оглядываться, незачем было рождаться».

ШИПЛЮК АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

**Выпускник 1990 года,
самолетостроительный
факультет (ССФ)**

Директор Института теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича СО РАН. Член-корреспондент РАН. Доктор физико-математических наук, профессор. Член Президиума СО РАН. Член редколлегии журнала «Теплофизика и аэромеханика». Член Российского национального комитета по теории машин и механизмов. Член Российского национального комитета по теоретической и прикладной механике

«Море далеко, а самолеты рядом...»

Александр Николаевич родился в маленьком городе Баранском на Транссибе, где вокруг степи, березовые колки, озера, болота и солончаковые луга. Он рассказывает: «Отец был железнодорожником, и мать тоже была железнодорожницей. Отец ко многому относился критически, и, по его разговорам, я еще в детстве понял, что на железной дороге не очень весело работать. Отец служил на Дальнем Востоке в морской пехоте, у него были фотографии тех времен, я их разглядывал и мечтал о море».

В школе был кружок моделизма. Александр Николаевич рассказывает, что клеил кораблики, катера, вместе с одноклассниками запускал их по озерам: «Правда, потом эти модельки трудно поймать было». Участники кружка читали научно-популярные журналы по технике: «Моделист-конструктор», «Юный техник», «Техника молодежи».

По причине того, что школа была железнодорожной, больше всего внимания в кружке уделялось моделям электровозов.

«В десятом классе были Всесоюзные соревнования в Донецке, мы туда поехали как представители Западно-Сибирской железной дороги. Модели были серьезные: электровоз с командным управлением, он мог ехать вперед и назад, на нем зажигались фонари, поворачивалась фигурка машиниста. Оценивались внешний вид, скорость и то, сколько он тянет. Мы заняли тогда второе место».

После 9-го класса Александр Николаевич участвовал в Летней школе ФМШ при НГУ, потом его приглашали учиться в ФМШ, но он не захотел уезжать из дома и жить в Академгородке в интернате. «Я тогда подумал, что заниматься наукой – это сидеть и писать формулы, это показалось мне неинтересным».

А после школы друг Александра Николаевича решил поступать на самолетостроительный факультет. И Александр Николаевич тоже решил: море далеко, а самолеты рядом. И поступил в НЭТИ. А отец в глубине души всё же хотел, чтобы сын пошел в железнодорожники.

Александр Николаевич вспоминает: «Мы жили в коммуналке. Я помню, когда был маленьким, отец с друзьями часто собирались на кухне, разговаривали, рассматривали схемы электровозов. А однажды папа даже брал меня с собой в поездку на грузовом поезде по маршруту Чулым – Татарская».

* * *

В институте был авиамodelный кружок, Александр Николаевич говорит: «Я год походил и бросил».

Выпускающая кафедра аэрогидродинамики была базовой для ИТПМ СО РАН и СибНИА. Часть недели студенты этого направления учились на территории авиационного завода им А.П. Чкалова, часть – в корпусах НЭТИ и часть – в Академгородке, в ИТПМ, работали в лабораториях института.

Александр Николаевич вспоминает: «После института я распределился в ИТПМ. У меня одна запись в трудовой книжке.

В науке в то время было очень тяжело с финансированием, но работать было интересно. Как раз появилась новая вычислительная техника – персональные компьютеры. Началась

автоматизация, стала активно развиваться обработка данных, графики начали рисовать не люди, а компьютеры. Помню 1992 г.: отопления нет, приходишь на работу – и первым делом обогревателем компьютер греешь, потому что он от холода не включается, а потом уже сам греешься... Потом договоры с иностранными предприятиями нас спасли, а здесь научные разработки никому не были нужны. Мы тогда делали всё подряд: один наш сотрудник создал аппарат для аэродинамической очистки гречки, другие проектировали расходомеры для дрожжевого завода... Фундаментальными исследованиями пограничных слоев интересовались Aérospatiale и Boeing...»

* * *

Так, сдавая выполненную по контракту работу, Александр Николаевич впервые оказался за границей – в Париже. Он вспоминает: «Я удивлялся, два дня ходил, как в сказке. У нас-то тогда, в девяностые, была разруха. Я подумал: в Москве грязно, а в Париже – красиво... Нас встретил француз, поводит по Парижу, предложил пообедать и привел в ресторан старинной французской кухни. Я ел тогда и вспоминал, как моя бабушка готовила в русской печке, какие-то ноты вкуса были теми же... Бабушка жила в глухой деревне Бергуль, ни разу из нее не выезжала. Школьным учителем ее и ее мужа, моего деда, был сам Павел Петрович Бажов. В 1918 или 1919 г. он, большевик, оказался в районе Ново-Николаевска, бежал от белых, но в Барабинске заболел, узнал, что за 180 километров от станции в селе Бергуль нужен учитель, и поехал туда. Мои прадеды ему истопили баню, вылечили его, и год он проработал учителем. Прадед был зажиточным, у него была мельница. Поговорив с Бажовым, он продал всё хозяйство своему работнику, зажил простой жизнью, потом вступил в колхоз».

* * *

В конце 1990-х Александр Николаевич работал по контракту в Гёттингене, в Германском центре авиации и космонавтики (Deutsches Zentrum für Luft- und Raumfahrt). Он рассказывает: «Я экспериментатор. У нас, в России, инженер при разработке экспериментального оборудования думает, как его

изготовить так, чтобы достичь нужного качества. А там – какой угол нарисован в схеме, таким в точности он и будет. Там оборудование было лучше, станки точнее. Я обратил еще внимание, что у них наука организована так, что ученый занят своей непосредственной деятельностью и ничем больше, там всех интересует результат. У нас же много времени уходит на планирование и отчеты, которые часто нужно предоставлять даже не по этапам работы, а за некий условный период...»

* * *

Александр Николаевич размышляет: «Наукой заниматься очень интересно. Всё, что делаешь, – новое, никто в мире никогда этого не делал. Идея появляется, ты ее проверяешь, она трансформируется, ты делаешь шаг – всё меняется, еще шаг – опять картина меняется... Это увлекает.

Сейчас у нас есть представление о том, что не стоит ограничиваться аэродинамикой, авиацией и космосом. Наши разработки нужны и в нефтегазовой отрасли (разделение газов, выделение гелия), и в сфере механики для медицины, мы сотрудничали с НМИЦ им. академика Е.Н. Мешалкина

Помню, в студенчестве у нас была практика на заводе в сборочном цехе. Я был учеником сборщика клепальщика, но уже тогда понимал, что мне хочется создавать что-то новое».

* * *

«Кроме работы, – говорит Александр Николаевич, – я люблю свою семью. У меня сын и дочь, студенты. Сын занимается аэрофизикой, газовой динамикой, дочь – востоковедением.

Зимой на беговых лыжах катаемся, на сноуборде. Дочери было лет десять, она сказала, что хочет на сноуборде кататься. Мы поехали, попробовали, научились потихоньку методом падения и вставания, теперь катаемся.

Летом люблю велосипед, нравится на дачу ездить. Травку подергаешь, посидишь...

Собаку люблю. У нас бигль – маленькая английская гончая, характер у нее покладистый, всех любит. Я гуляю с ней два раза в день.

Три раза в неделю хожу вечерами в тренажерный зал.

И институт наш люблю. Мечтаю, чтобы он был оснащен приборами на уровне мировых стандартов, чтобы ученые занимались не бумагами, а реальными научными проблемами. Ведь надо понимать, что наука развивается не отдельными проектами – есть непрерывность научного процесса. И науку нельзя планировать: может быть, что ученый пишет заявку на грант, получает деньги, а работа не идет, не удается, или, это бывает чаще, ученый пишет заявку на грант, получает деньги, работает успешно, деньги кончаются, он пишет новую заявку, а денег не дают, и он вынужден бросать направление, в которое уже многое вложено... Для отчетов нужны, с одной стороны, научные статьи, а с другой – конкретные разработки, а молодежи больше интересна жизнь: как, где и когда это новое в конечном счете будет работать? Я всегда радуюсь, если это удастся».

* * *

...У него за спиной портреты классиков аэродинамики – Е.Н. Жуковского, С.А. Чаплыгина, Н.Н. Яненко¹. На стене висят картинки с изображением военных самолетов СУ-24, СУ-34, МИГ-31... Александр Николаевич сетует: «Во времена СССР мы были на передовых позициях в науке, на русском языке был написан учебник С.М. Егера "Проектирование самолетов". Сейчас большинство актуальных исследований издается на английском...»

А в заключение разговора Александр Николаевич резюмирует: «Я со временем понял, что "научный труд – это не мертвая схема, а луч света для практиков". Это еще Чаплыгин сказал».

¹ Николай Николаевич Яненко (1921–1984) – директор Института теоретической и прикладной механики СО АН СССР (1976–1984).

ШПИКЕЛЬМАН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

**Выпускник 1980 года,
факультет автоматизированных
систем управления (АСУ)**

Основатель (1988) и директор ООО «Байт». Депутат Новосибирского областного Совета депутатов (2005–2015) и Законодательного собрания НСО (с 2015 года по настоящее время). Член правления Новосибирской торгово-промышленной палаты. Академик Международной академии реальной экономики (2001).

«"Байт" на иврите значит "дом"...»

Александр Михайлович рассказывает о своей жизни. Перед ним на столе тетрадь в кожаном переплете, страницы испещрены записями: мелко-мелко, аккуратно, плотно, идеально ровными блоками – великая поэма планирования. Александр Михайлович улыбается хитро и трогательно, его голос перекачивается мягко, будто бы по-кошачьи: «Человек я очень посредственный, самый посредственный из всех людей. Я родился в Болотнинском районе, в деревне. Всё, чего я достиг, я достиг трудом, который раньше приносил небольшую усталость, а теперь приносит удовольствие».

* * *

Он говорит: «Недавно я был в своей любимой школе в Болотном. На ее месте, к сожалению, мы общими усилиями построили новую. Глава Болотнинского района – человек более решительный, чем я. Он понимал, что без сноса старого здания никак не обойтись. Я ему говорю: "Витенька, пожалуйста, оставь только старую школу". И в тот же день к старой школе

подошли бульдозеры... Теперь новая! Красавица! Как теремок! Это что-то невероятное: вокруг все заасфальтировали, большой актовый зал, спортзал!.. Мне на какое-то время показалось, что я повзрослел, что мне уже много лет, меня называют Александром Михайловичем, но я приехал в свою школу, где моя старенькая учительница говорит: "Спасибо, Сашенька", и я понимаю, что как был, так и остался ребенком, который должен слушать учителей и старших товарищей».

* * *

О детстве Александр Михайлович рассказывает: «У меня были великие учителя. Прежде всего это мои родители. Я был поздним ребенком и боялся, что мама и папа уйдут из жизни. И поэтому я, когда учился в институте, с большой радостью три раза в неделю ездил домой. Электричка тогда ходила будто бы специально для меня – в 5:50, к 8:00 я приезжал в Новосибирск и как раз успевал на занятия.

Мне было хорошо там, где мои родители и где их домик. Папа был автодорожником. У меня есть два братика и сестричка. Старший братик Яша, ему сейчас 80 лет, – великой интеллигентности человек, он окончил НЭТИ. Сестричка Аня тоже окончила НЭТИ, она программист. А брат Валера открыл во мне предпринимательскую жилку, которой во мне от природы не было.

Помню, мне было лет 15, мы ездили в лес собирать орехи, клюкву, а потом продавали. Это тогда называлось спекуляцией, это было неудобно и некрасиво. Стыдно. Валера предложил: "Поедем продавать в Академгородок – там нас никто не узнает". А еще Валера был великого остроумия человек! Валера организовал столик, высыпал на него шишки и сказал: "Шишка – по двадцать копеек штучка. Учтите, уважаемые покупатели, что ровно через 15 минут она будет по 15 копеек!" Люди подходили, сами клали в коробочку деньги, брали сдачу и шишку. Валера организовал самообслуживание, когда его повсеместно еще и в помине не было! У столика очередь стояла, все ждали 15 минут, начинали брать шишки. А потом Валера говорил: "А через 10 минут шишка будет по 10 копеек!" И люди снова собирались в очередь... Как-то подошла девочка с подружкой, японки или американки, одна берет шишку, дру-

гая откусывает, первая спрашивает, вкусно ли, а Валера им отвечает: «Когда до ореха дойдете, совсем вкусно покажется». Они взяли по две и ушли».

Александр Михайлович признается, что его вклад в общее дело был меньше всех, так как он был младшим, но вся выручка делилась поровну. Александр Михайлович вспоминает: «Я нес маме свои большущие деньги, 15–20–30 рублей, и очень этим гордился».

Свой первый рубль Александр Михайлович заработал в двенадцать лет. Он ходил тогда в кружок радиолюбителей, как он говорит, «всё время собирал и разбираал один и тот же транзисторный радиоприемник». И как-то соседка попросила починить ей радиоприемник и заплатила за это рубль, новенький, большой, юбилейный, с профилем Ленина.

Александр Михайлович, смеясь, вспоминает: «Поездки в лес за орехами и клюквой были очень веселыми. С нами еще ездил мальчик Толя... У каждого в этих поездках было прозвище: Валера – Коминдор, потому что Валера был моряк и широкой морской души человек, меня за длинные волосы звали Бармалеем... Кстати, когда мне было четыре года, Валера привез мне тельняшку, матросочку и бескозырку, это была первая одежда, которую я запомнил... Так вот, о поездках. Однажды у Валеры в лесу сломался топор, и он никак не мог выбить из топора обломленное топориче. И он спросил: «Толя, можешь ли ты это сделать?» Толя ответил, что может. Он воткнул топор в пенек, отошел шагов на двадцать, потом подумал, отошел еще шагов на пятнадцать и выстрелил из ружья. Выбил топориче! С тех пор Толю стали звать Ястребиным Глазом, а американцы в честь него стали снимать такие сцены в своих фильмах про Дикий Запад».

Истории Александра Михайловича – это новеллы о самостоятельности сиюминутного, о ценности частного воспоминания, о яркости, которую придают всему любовь к жизни и чувство юмора. Он говорит: «Валера как Коминдор учил нас технике безопасности. Он спрашивал меня:

– Что ты должен делать, когда появится медведь?

Я отвечал:

– Кричать?

Валера говорил:

– Нет, ты должен снять верхонку и кинуть чуть выше головы медведя. Когда он поднимется, чтобы ее поймать, Ястребиный Глаз выстрелит ему прямо в сердце!

Я спрашиваю:

– А если он не встанет?

– Тогда кидай вторую! – отвечает мне Валера.

– А если и тут не встанет? – спрашиваю я.

А Валера смеется:

– Тогда доходит очередь до твоего красного берета. Медведь на красное точно встанет».

Кажется, что о братьях Александр Михайлович может говорить бесконечно, он рассказывает: «Я уже говорил, что Валера был широкой души человек, он всё делал с размахом. Если он покупал верхонки, то покупал их сразу сто штук, и они повсюду были в гараже у него разбросаны. Он говорил, что это очень удобно: не надо их искать, протянул руку – и взял... А брат Яша был другой, он был как папа, у него всё лежало на определенных местах и в определенном порядке. Яша всё записывал ровненько, в столбик... Однажды собирались за клюквой на северные территории, и Валера поручил Яше купить десять блоков сигарет – Валера курил – и свистки, манки, чтобы мы в тайге пересвистывались. Яша всё принес, Валера дует в свисток, а он выдает такую странную трель, как сирена на патрульных машинах, Валера говорит: "Есть манки на утку, есть на зайца, а это специальный – на милиционера". А сигареты Яша купил с фильтром. Валера посмотрел на них разочарованно и сказал: "Прима – вот лучшие сигареты..." Потом мы ехали на грузовике, в кузове, я смотрел на голубое небо, на облака...»

* * *

Собственное дело Александр Михайлович начал с крошечного проекта, он вспоминает: «Я еще учился в институте, съездил в Москву, купил там детскую шубку и сам пошел продавать ее на барахолке. Это было ужасно: меня чуть не исключили из комсомола».

А потом, в 1988 г., Александр Михайлович организовал кооператив «Байт». Александр Михайлович размышляет: «Я очень

нерешительный человек, но в жизни нас всегда кто-то ведет. Яша мне сказал: "Иди печатай устав". И я его отпечатал на печатной машинке. Когда Яша придумывал название кооператива, он даже не знал, что слово "байт" на иврите значит "дом"... А общаться и не стесняться я научился у Валеры...»

1989–1990 гг. ознаменовались падением "железного занавеса", евреям разрешили выезд в Израиль. Александр Михайлович рассказывает: "У нас тогда была большая еврейская компания, человек тридцать, общались, дружили, женились. Многие собрались ехать. Прощались навсегда, потому что с Израилем тогда не было дипломатических отношений. Я тоже приготовился ехать, оформил контейнер, позвал родителей. Папа сказал: "Какой Израиль? Я здесь работал, у меня здесь пенсия. Я никуда не поеду". А еще внезапно у нас в кооперативе появляется заказ: коммиссионный магазин захотел спрогнозировать спрос на их продукцию в течение года. Мы подписали с ними договор на 5000 рублей! Это были фантастические деньги! Мы сделали программу за неделю, на следующей неделе на счет упали деньги. Я подумал, что надо тиражировать эту разработку, мой друг объехал все коммиссионные магазины, мы продали разработку еще три-четыре раза, получили громадные деньги и стали делать автоматизацию учета. Я понял, что таких денег в Израиле не заработаю... А контейнер с вещами в Израиль уже отправил – и не поехал. И уехал мой багаж, и бился волной о берег, и потерялся. Жалею только о том, что там была трофейная гипсовая балерина, которую дедушка моей жены привез из Германии... Платье у нее было выполнено изумительно: полная имитация гипюра! И еще немного жалею, что тогда не уехал, потому что все, кто уехал тогда, устроились хорошо и живут счастливо не деньгами, а общением. А я остался в материальном мире...

Ну, а бизнес... Дальше – больше: стали покупать сами компьютеры, ставить на них ПО и продавать. У нас появился сначала магазин, потом сеть магазинов. Мы занялись оргтехникой, потом продавали телевизоры и видеомагнитофоны, и видеокамеры, и микроволновки, и кофеварки, и кофемолки, и утюги, и всё, что хотите... Однажды, к моему удивлению, нам предложили три вагона с бытовой техникой, и я не успел сказать "нет", а мой компаньон успел сказать "да, конечно". Это было удивительно, немного смешно и очень опасно, но не

возвращать же обратно. Мы продали эти три вагона за месяц, и нам это очень понравилось.

Некоторое время занимались даже туалетной бумагой. У нас была такая чудесная реклама по телевизору: белые рулончики бумаги, и диктор в строгом костюме говорил: "На рынке ценных бумаг мы не строим пирамид. Мы просто не успеваем", и рулончики все быстренько разбирались.

Наступил 1998 г., а у нас товарного кредита на 10 000 000 долларов! Я встретился со всеми поставщиками, мы договорились. За год смогли рассчитаться, и на следующий год начали бизнес без прибыли, с нуля. Главное и самое дорогое, что сохранилось, – это отношения со всеми поставщиками. Еще в 1978 г. в НЭТИ меня учил декан факультета:

– Шпикельман, ты почему на демонстрации не ходишь?

– Так я к родителям езжу, в Болотное.

– Ездишь и общение пропускаешь. А ведь программирование – это и общение тоже!..

Так вот, возвращаясь к 1999 г. ... Доверие было таким, что нашу компанию пригласили стать соучредителем банка "Абсолют". Это позволило возродиться из пепла и продолжить бизнес.

В 2000 г. мы создали предприятие "Плей-Байт", оно занялось разработкой детских игрушек-симуляторов, игровых автоматов. Это моя гордость, что настоящие спортсмены, горные лыжники, тренировались на наших симуляторах. В 2003 г. открыли ресторан "Блиндаж", потом сдали его в аренду другому ресторанному бизнесу... Со временем мы занялись и строительством, и недвижимостью, и перевозками. Наша компания "Байт-Транзит-Континент" зародилась в 1991 г., когда мы купили два железнодорожных вагона, и сегодня она флагман быстрых перевозок между Москвой и Новосибирском. А про строительство... Когда поедете через Димитровский мост на правый берег, посмотрите: рядом с Leroy Merlin бело-голубое здание. Во-первых, как флаг Израиля. А во-вторых, это просто красиво».

* * *

Про Израиль Александр Михайлович говорит с большой теплотой: про Красное море, про золотых рыбок... Рассказывает: «Мы приехали, я выхожу из такси и чемоданы сам из

багажника вытаскиваю. Я человек скромный, по-другому не приучен. Я в джинсах, в маечке, в кепочке. Заношу чемоданы в гостиницу, меня встречает молодой человек в идеальном костюме, а идеальной рубашке – ни капельки пота, несмотря на жару! Я ему говорю: “Номер на Шпикельмана заказан”. Он мне отвечает: “Заказан. Заносите вещи, его зовите”. И тут я понял, что не достоин жить в этой гостинице... В Израиле все перемешано. Миллиардеры, президент и премьер-министр ходят по улицам без охраны. Там материальное и духовное неразрывны.

Главное в иудаизме – изучать Тору, “Пятикнижие Моисеево”. Это называется “Закон”. Там всё написано, всё оттуда».

А на прощание Александр Михайлович говорит: «К сожалению, я мало сказал о своей депутатской работе, это целая история... Мы построили на округе детский сад. И вот если посмотреть на то, как там играют дети, будешь весь день ходить с улыбкой и не сможешь сделать ничего плохого, и всё будешь делать добросовестно».

ЯКОВЛЕВ АЛЬБЕРТ НИКОЛАЕВИЧ

**Выпускник 1959 года,
радиотехнический факультет
(РТФ)**

Профессор кафедры теоретических основ радиотехники (с 1975 по 1980 год – заведующий этой кафедрой). Автор десяти книг по истории НГТУ НЭТИ. Заслуженный работник НГТУ (2002). Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2003).

«Я счастлив в семье и счастлив в работе»

«Я родился до войны, – начинает с главного Альберт Николаевич, – на Первомайке (станция Инская) и хорошо помню военные годы. Хоть фронт и был далеко, мы всё равно по воздушной тревоге затемняли окна и выбегали на улицу смотреть, не просвечивает ли что-нибудь в щели. Всё, что могли, мы сдавали в помощь фронту: радиоприемник, самовар, велосипед... Отлично помню, как кончилась война. На Первомайке стояли эшелоны с людьми, которые вернулись с фронта и ехали в госпиталь. Кругом звучали пальба и радостные крики! Мы бросились на станцию. Люди стреляли в воздух, кричали “ура!” и плакали.

Еще одно сильное впечатление детства – как я пошел в первый класс: меня никто не провожал, и я дня три-четыре по ошибке ходил не в тот класс, в который меня записали...

Мой папа работал на железной дороге машинистом, водил на фронт эшелоны с техникой, а обратно – эшелоны с ранеными. Мама тоже работала. Я оставался с маленькой сестренкой, которая родилась в 1943 г. Мама говорила, что придет с

работы к пяти часам. Часы висели в коридоре на стене, и я ставил стул, на него – табуретку, лез и сам подводил стрелки часов к пяти, чтобы ускорить мамин приход.

Помню новогодние каникулы в четвертом классе. Мы катались на лыжах с гор по оврагам примерно там, где сейчас улица Учительская. Я неудачно прыгнул с трамплина, сломал ногу, и меня везли на санках в поликлинику. Нога болела очень сильно.

После седьмого класса все мои одноклассники должны были поступать на ФЗО – фабрично-заводское обучение¹. Я тоже к этому готовился. И вдруг отца вызвали в школу, он сначала подумал, что я что-то натворил. А ему сказали, что я седьмой класс заканчиваю с одной четверкой, остальные пятерки. Отцу выразили благодарность за хорошее воспитание сына, вручили ему книги, грамоту. Он пришел домой и сказал: “Наш-то, оказывается, хорошо учится! Надо, наверное, поднапрячься и дать ему хорошее образование. Пусть 10 классов заканчивает”... Так я продолжил учиться, а все мои друзья пошли на ФЗО.

Однажды отец был в гостях, вернулся и говорит: “Он простой машинист, такой же, как я. И у него дочка окончила школу с серебряной медалью! Простая девчонка – с медалью!”, и у отца были слезы на глазах, когда он это рассказывал. Мне это запало в душу, и я решил, что в подарок отцу тоже закончу школу с серебряной медалью, и мне это удалось. Отец сказал: “Пусть в нашей семье будет хоть один инженер. Наверное, надо поднапрячься и дать ему еще и высшее образование”. А я ходил тогда в радиокружок и поэтому поступил в НЭТИ на радиотехнический факультет».

* * *

На всю жизнь Альберт Николаевич запомнил первую личную встречу с ректором НЭТИ Георгием Павловичем Лыщиным

¹ Школа фабрично-заводского обучения – низший тип профессиональных учебных заведений в СССР. Существовали с 1940 по 1963 г. В эти школы принималась молодежь 16–18 лет с начальным и выше образованием. Школы готовили рабочих массовых профессий для разных отраслей промышленности. Обучение проходило на базе промышленных предприятий и длилось 6, или 10 месяцев, или 2 года.

ским: “Я учился на первом курсе, был в числе активистов, но в нашей группе были и отстающие ребята. И вот всех нас Георгий Павлович (ему тогда было всего 33 года) вызвал к себе, как мы поняли, чтобы “ругать”... Мы пришли с дрожью в коленках, а он с каждым поздоровался за руку, у каждого спросил имя, предложил сесть и сказал: “Я хочу с вами поговорить о том, каким наш институт будет через много-много лет”. И он стал нам рассказывать, как нам казалось, небылицы о том, каким будет НЭТИ в будущем... А потом он вдруг произнес: “А теперь я хочу с вами посоветоваться о том, как улучшить учебный процесс...” Мы вышли из кабинета пораженные его педагогическим тактом. В итоге мы все окончили институт без троек, а половина из нас – даже с отличием”.

Запомнил Альберт Николаевич и вторую встречу с Георгием Павловичем: “В то время все страшно осуждали стилияг. А у нас в институте некоторые ребята стали шить себе брюки поуже, хотя все они были морально устойчивыми людьми, преданными отечеству. Просто молодежи хотелось одеваться модно. Комсомольский секретарь гневно возмущался на собрании: “Надо бороться с этими стилиягами! С этими *жориками!*” Стилияг тогда жориками звали... А наш ректор и проректор в это время сидят в президиуме, одетые, как эти самые “жорики”, будто бы сошли с карикатуры на стилияг из журнала “Крокодил”. И вот Георгий Павлович в своих модных узких брюках, с ярким галстуком, в туфлях на платформе встал и пошел к трибуне. Мы замерли... А Георгий Павлович сказал: “Я надеюсь, что в нашем вузе отныне личность студента будет определять не ширина брюк, а широта мыслей, взглядов и устремлений, творчество и личный вклад во все институтские дела”. И действительно, в НЭТИ как-то быстро о стилиягах забыли, переключились на другие важные дела. У нас возникли оркестры, хор, проходили диспуты “Лирики и физики”, Дни поэзии и т. п. Неслучайно в городе стали в шутку расшифровывать аббревиатуру НЭТИ как “Новосибирский эстрадно-танцевальный институт”».

Знаковой для Альберта Николаевича оказалась и третья встреча с Георгием Павловичем. Он вспоминает: «Я уже жил в общежитии, мой друг и сосед был меня на шесть лет старше. И вот нас после второго курса отправляют на работы: его на сельхозработы в колхоз руководителем первого курса, а меня –

на городское строительство. Я пошел к Георгию Павловичу и попросился, чтобы меня тоже отправили в колхоз. Если уж не заработаю там, то хоть пропитаюсь это время. Жил весьма скромно, как и многие, если не сказать бедно. Георгий Павлович говорит:

– Хорошо, поезжай и тоже руководи группой первокурсников.

Я спрашиваю:

– А как руководить-то, если большинство ребят старше меня?

А он отвечает:

– А ты сам хорошо работай.

Он доверил мне, 18-летнему мальчишке, такую ответственную задачу! Нас отправили за 100 км от станции Каргат в райцентр Кочки, а от Кочек еще 100 км – в деревню Липовку. Это такая тмутаракань на границе с Алтайским краем. Там в те годы пожилые люди никогда в жизни не видели паровоза, жили при керосинках и лучинах, некоторые – при свечах. Работали мы еще в 10 км от этой деревни и, чтобы вечером с работы так далеко не возвращаться, мы вырыли землянки, накрыли их ветками и там ночевали. В итоге даже получили медаль “За освоение целинных земель”».

* * *

Дипломный проект Альберт Николаевич делал в НИИ автоматических приборов (НИИАП). Его, еще студентом, даже приняли туда инженером на полставки. Там он и хотел остаться работать, но Георгий Павлович пригласил задержаться на год на кафедре – попробовать себя в роли преподавателя. Альберт Николаевич говорит: «И я согласился. Вел занятия с четвертым курсом. Это было сложно! Большинство из ребят жили в общежитии и знали меня как приятеля... Потом я стал руководить практикой, занялся научной деятельностью и понял, что ни в какой НИИАП уже не пойду. Через год стал заместителем декана. Мать честная! Мне двадцать два года, и я замдекана! Не знаю, было ли это где-то еще в России?..

Георгий Павлович очень заботился о кадрах. Он отправил меня на стажировку в Германию, в университет, где работают специалисты по гидролокации. Я вернулся – меня выдвинули

на должность заведующего кафедрой. Большинство членов ученого совета были против моей кандидатуры, потому что я был беспартийный. Рассказывают, что Георгий Павлович тогда сказал им: «Он не член партии, но беспартийный коммунист. Я в этом убежден»».

* * *

О семье Альберт Николаевич говорит так: «Когда мой сын был маленьким, я дома часто что-то паял-собирал и научил его держать паяльник. Мы с ним делали маленьких роботов из радиодеталей... Когда он закончил десятый класс, он пришел как-то с другом и сказал, что они решили поступать на радиотехнический факультет. Я был шокирован, я ему сказал: «Получается, ты будешь учиться у меня! Как ты это себе представляешь? Поступай на другой факультет! Вот, например, на АВТФ». А друг сына отвечает: «Ну, вот Вы и переходите туда работать, а мы на радиотехнический поступим». И получилось, что я преподавал и сыну, и двум внукам, и их женам... Моя жена тоже радист, только она училась в Уральском политехническом институте. Правнук учится в школе, говорит: «Я тоже буду радистом»»...

Мне в жизни очень повезло на хороших людей: родители, Георгий Павлович, мои учителя и преподаватели, мои товарищи, с которыми я больше шестидесяти лет проработал на кафедре, мои лучшие студенты (два из которых стали проректорами: один по научной работе, другой по международным связям)... Мне повезло иметь крепкий тыл – понимающую жену... Мне повезло оказаться в нужное время в нужном месте... Я счастливый человек: я счастлив в семье и счастлив в работе».

* * *

Альберт Николаевич – один из тех ученых, кому посчастливилось еще в советское время выезжать за рубеж. Он вспоминает: «Я был почти во всех дружественных СССР странах, но не был в странах капиталистических.

В ГДР меня удивила пунктуальность коллег. Они всегда приходили ровно в назначенное время: прийти раньше – значит не уважать себя, прийти позже – не уважать собеседника.

Я тогда подумал: "Вот бы нам немножко этой педантичности!"... Ну, ГДР тогда была своеобразной "витриной социалистического лагеря", там были хорошие условия и жизни, и работы... Здесь у меня на кафедре не было своего рабочего места, да и сейчас я в комнате не один сижу, а тогда в ГДР я только приехал – и мне сразу выделили отдельный кабинет с полным и даже избыточным комплектом канцелярских приборов. Я первые дни изучал, для чего предназначена каждая штучка, я дома такого просто никогда не видел... Я приступил к работе: пошел в библиотеку, взял книги, начал читать. Потом пошел относить книги, профессор увидел и говорит мне: "А ты зачем сам в библиотеку ходишь? У нас есть специальный человек, который книги и принесет, и унесет". Тогда я взялся за чтение патентов. Профессор опять увидел и говорит: "А зачем ты это делаешь? У нас есть человек, который может тебе сделать патентное исследование и представить результаты". Я тогда взялся собирать схемы для исследований и чертить их для отчетов и статей. Профессор опять говорит: "У нас есть монтажники, техники и чертежники, они могут это сделать". Я тогда растерялся... Профессор пояснил: "Ты должен всё проанализировать и написать вывод о том, как совпала теория с экспериментом, а потом предложить направление для дальнейшего исследования"... Дома у меня на одну статью уходило год-полтора, в ГДР я за полгода написал две статьи и опубликовал их в лучших научных журналах... У меня дома сотни рабочих книг и учебников, я всю жизнь после рабочего дня работаю дома, а в ГДР я ни у кого дома не видел ни одной технической книжки, они заканчивали рабочий день и за пределами университета не работали, о работе практически не говорили... Когда профессор Ф.-Х. Ланге был у меня в Новосибирске в гостях, он опешил от моей технической библиотеки и сказал: "Как же так!.. Это же неуважение к дому, к семье"».

* * *

На вопрос об увлечениях Альберт Николаевич отвечает: «Увлечений у меня много.

Во-первых, с девятого класса люблю фотографировать. Куда бы я ни ехал, всегда брал два фотоаппарата: один для

черно-белой съемки, второй – для слайдов. И по сей день я этим увлечен. Плюс снимаю видеофильмы.

Во-вторых, я коллекционер. Коллекционирую марки, советские и зарубежные: космос, радиотехнику и живопись. У меня более десятка альбомов. Началось всё так: когда я поехал на стажировку в ГДР, я отправил оттуда домой письмо, оно пришло с красивой маркой, и сын попросил меня прислать оттуда такие марки. Так мы с ним начали коллекцию. Он потом это бросил, а я продолжил... Еще меня увлекают монеты: царские рубли, юбилейные советские и российские монеты и монеты тех стран, в которых я побывал. До 2000 г. я был заместителем председателя Общества коллекционеров Новосибирска.

В-третьих, люблю грибы собирать. Есть их не очень люблю, а собирать – люблю... Недавно ездил отдыхать в Речкуновку, собирал опята: у некоторых берез по полведра находил! Говорят же: на ловца и зверь бежит... У Владимира Солоухина есть книжка "Третья охота". Про грибы, про лес. Как он поэтично пишет!.. Кстати, я всегда перед сном стихи читаю»...

И в пору открыть книжку Солоухина и увидеть в ней: «Когда сосны растут близко друг к другу рощей или бором, каждое дерево тянется вверх, к солнцу, старается перерастить своих соседей, но и соседи тоже не отстают. Нижние сучки у таких деревьев отсыхают и падают на землю. Дерево вытягивается длинное и ровное, как струна или свеча, высоко вверх. Кажется, что под белые облака поднимают сосны темно-зеленые матовые облачка своих крон. Тогда говорят: строевой лес, а в пору полной зрелости – корабельная роща...»

Так и читаешь – не то о соснах, не то о тех, кто видел наш университет на заре его существования.

ОБ АВТОРАХ

Пономарев Владимир Борисович

Выпускник НЭТИ 1972 г., монтажно-электротехнический факультет (МЭФ), кафедра «Электропривод и автоматизация промышленных установок».

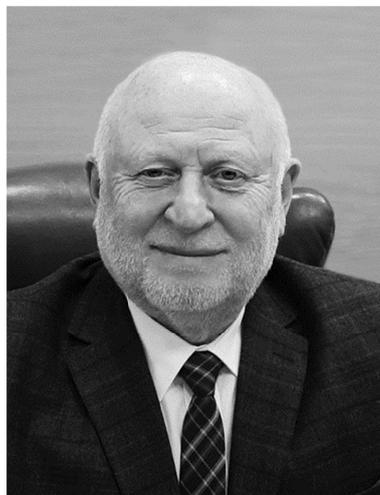
Кандидат технических наук, доцент.

Во время учебы в вузе был корреспондентом институтской газеты «Энергия», членом литературного объединения НЭТИ, участвовал в организации и проведении трех Дней поэзии НЭТИ (1969, 1971, 1977). Выступал за сборную НЭТИ по борьбе самбо, был чемпионом города. Активный участник студенческих строительных отрядов (1968 г. – Алтай, 1969 г. – Эстония, 1970 г. – Чукотка, 1971 г. – Забайкалье). Много писал в городских и областных газетах об этой важной форме формирования будущих командиров производства. Вместе с дипломом инженера-электрика получил рекомендацию в аспирантуру.

Трудовую деятельность начал в научно-исследовательском секторе НЭТИ.

В январе 1973 г. поступил в аспирантуру Сибирского научно-исследовательского института энергетики (СибНИИЭ).

С 1975 по 1980 г. работал в научно-исследовательском, проектно-конструкторском и технологическом институте комплексного электропривода (НИИКЭ), где возглавил работы

по созданию комплектных тиристорных преобразователей для золотодобывающих драг. Работы проводились по Постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР от 1975 г. и завершились постановкой на серийное производство этого сложного электротехнического изделия на заводе «Сибэлектротрансмаш» (затем «Сибстанкоэлектропривод», сейчас «Сибэлектропривод»).

С целью организации внедрения этого изделия на всех драгах Советского Союза, а также обеспечения предприятий цветной металлургии Новосибирской и Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай работами по монтажу, наладке и сервисному обслуживанию сложного электрооборудования и систем автоматики в г. Новосибирске был создан филиал Красноярского научно-производственного объединения «Сибцветметавтоматика», которое В.Б. Пономарев возглавлял с 1981 по 1986 г. Работы по автоматизации драг велись на Урале и Дальнем Востоке, в Западной и Восточной Сибири, Якутии, Забайкалье, в Магаданской области, на Урале, в Грузии и Монголии.

В 1983 г. без отрыва от производства В.Б. Пономарев защитил в родном НЭТИ кандидатскую диссертацию «Разработка и исследование автоматизированного электропривода черпаковой цепи драги с уменьшенным запасом кинетической энергии» в Совете, возглавляемом ректором, профессором Г.П. Лыщинским.

С 1987 по 1994 г. В.Б. Пономарев возглавлял кафедру «Электрооборудование судов и береговых сооружений» Новосибирского института инженеров водного транспорта, где по заданию Минречфлота организовал проведение работ по созданию современных отечественных преобразователей для оперативных лебедок землесосов и земснарядов. Эти работы завершились серийным производством на заводе «Сибстанкоэлектропривод».

В 1995 г. В.Б. Пономарев принял предложение руководства компании «Алмазы России – Саха» создать в Новосибирске и возглавить промышленно-финансовую компанию «НОВОМИР», в задачу которой входило проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и серийное производство в Новосибирске сложной электротехнической продук-

ции собственной разработки, а также поставка в г. Мирный всей номенклатуры оборудования и продуктов питания, производимых в Новосибирской области.

В этот период В.Б. Пономарев два раза побывал в США в составе делегаций от Новосибирска. В 1995 г. в течение месяца учился в Университете Святого Томаса города Миннеаполиса (штат Миннесота). С Миннеаполисом Новосибирск в те годы подписал побратимское соглашение. Во время учебы В.Б. Пономарев познакомился с деятельностью сообщества деловых людей города и формами организации их поддержки университетского образования.

В 2001 г. после празднования 50-летия НГТУ НЭТИ по инициативе выпускников было принято решение создать Ассоциацию выпускников НГТУ-НЭТИ. Ректор НГТУ проф. А.С. Востриков предложил ее возглавить академику Г.Н. Кулипанову в качестве президента и кандидату технических наук, доценту В.Б. Пономареву в качестве руководителя исполнительного органа – директора.

С этого времени всю свою энергию В.Б. Пономарев направляет на решение конкретных, нужных для университета задач:

- поддержка материально-технической базы кафедр, факультетов, университета;
- совершенствование ландшафтной среды учебного городка;
- проведение юбилеев факультетов и кафедр;
- поддержка культурных и спортивных инициатив;
- издание книг, CD- и DVD-дисков, флеш-карт;
- организация взаимодействия университета и предприятий, возглавляемых выпускниками, и т. д.

В 2002 г. на базе Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ был создан Народный факультет НГТУ (обучение лиц пенсионного возраста). В.Б. Пономарев возглавляет его с момента организации. Восемнадцать лет ведется эта непростая и важная для города Новосибирска работа. Более 2000 жителей нашего города пенсионного возраста с благодарностью вспоминают учебный год, проведенный в университетских стенах (ежегодный набор 130 человек, конкурс 2-3 человека на место).

С 2004 г. В.Б. Пономарев возглавляет Совет Инженерного лицея НГТУ, поддерживая подготовку для родного университета

абитуриентов высокого уровня. По его инициативе в мэрии г. Новосибирска и в правительстве НСО рассматривается подготовленный Ассоциацией проект строительства нового здания лицея.

В 2020 г. Ассоциация выпускников НГТУ-НЭТИ стала победителем конкурса грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества с темой «Электронная платформа по распознаванию и поддержке русского жестового языка» (руководитель проекта – слабослышащий инженер НГТУ Приходько Алексей Леонидович, размер гранта – 10 млн рублей, срок выполнения – два года, все исполнители проекта – научные сотрудники НГТУ).

В.Б. Пономарев – автор более десяти книг, более 130 научных трудов, семи внедренных в производство изобретений.

Гилева Екатерина Валерьевна

Выпускница НГТУ 2007 г., факультет гуманитарного образования (ФГО), кафедра филологии.

Кандидат филологических наук. В 2011 г. защитила диссертацию по теме «Мифопоэтические аспекты творчества В.С. Высоцкого».

Доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета, доцент кафедры социологии, политологии и психологии Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики.

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Участник Товарищества сибирских драматургов «ДрамСиб» (DramSib).

В качестве драматурга и писателя сотрудничала с Новосибирским государственным драматическим театром под рук. С.А. Афанасьева, с Государственным русским драматическим театром им. Н.А. Бестужева (Улан-Удэ), Молодежным театром Алтая им. В.С. Золотухина, Молодежным драматическим театром «Первый театр» (Новосибирск). В качестве киносценариста работает в сценарно-продюсерской компании Metadrama.

Участник ряда драматургических семинаров Союза театральных деятелей РФ, Международного гуманитарного проекта «Минская инициатива» Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ и проекта для молодых драматургов Восточной Европы и Азии Theatretexte aus Osteuropa (Next Stage Europe) в рамках книжного фестиваля LIT: Potsdam. В рамках последнего в 2017 г. на сцене Театра им. Ханса Отто в Потсдаме (Hans Otto Theater Potsdam) состоялась постановочная читка фрагмента пьесы «Дорога на Хохотуй» на немецком языке (режиссер Кристофер Ханф).

Автор четырех книг поэзии и прозы и одиннадцати научно-популярных брошюр по истории и нумизматике (издательство Albo Numismatico). Стихи, рассказы и пьесы публиковались в

журналах *Lichtungen* (Австрия, Грац), ЦОГ (Монголия), «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Ликбез», «Трамвай», «Речпорт», «Новосибирск», в альманахах «TERRA POETICA. Альманах молодой драматургии» (Украина, Киев), «Сюжеты», «Складчина» и др. Произведения переводились на немецкий, монгольский, белорусский и украинский языки.

Участник литературных фестивалей: «Поэты Сибири: диалог поколений» (2017–2018), «Поэтическая Сибирь» (Новосибирск, 2015), фестиваля экспериментальной поэзии EXPERIENCES (Новосибирск, 2013, 2012, 2011), литературной площадки Международного инновационного форума «Интерра» (Новосибирск, 2013, 2012), рок-фестиваля «Янкин День», посвященного памяти Янки Дягилевой (Новосибирск, 2014, 2013, в составе коллектива «Катя Климакова и группа "Крым"») и др.

Победитель литературных конкурсов: гран-при I Международного поэтического фестиваля «Своя колея» в рамках VIII Международного фестиваля авторской песни «Свой остров», посвященного памяти Владимира Высоцкого (Новосибирск, 2013); премьер-поэт Февральского поэтического слэма почти всея Сибири (Красноярск, 2012), лонг-лист Международного фестиваля русскоязычных писателей «Литературная Вена» (2011) и др.

До 2015 г. публиковалась под именем Екатерина Климакова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
АБАЛАКОВ А.Н. «Мне всегда везло на хороших людей рядом»	7
АЛЬТ В.В. «Природу надо понимать, ценить и любить...»	13
АРАНОВСКИЙ В.А. «Свою работу надо любить...»	21
БАЙБУЗА К.И. «Чем больше людей рядом, тем лучше...».....	28
БАТАЕВ А.А. «Я ни разу не отдыхал на море».....	35
БЕЗРУКОВ И.А. «У нас есть наработки мирового уровня...»	42
БЕЛЕНЬКИЙ В.Г. «Мне повезло...»	49
БЕРНАДСКИЙ Ю.И. «Вы рассказчика не троньте...»	57
БУКРЕЕВ Е.В. «У меня нет ностальгии по прошлому»	63
БУЧИК С.А. «Нужно делать то, чего никто еще не делает... »	68
ВАНДАКУРОВ А.Н. «Хочу посмотреть замки Шотландии»	73
ВЕРБА И.И. «Стройка похожа на оркестр»	79
ВОСТРЕЦОВ А.Г. «Если бы я не был профессором, стал бы, наверное, дальнобойщиком...»	86
ГИБИН И.С. «Ищу дальних корреспондентов»	97
ГЛАЗУНОВ В.В. «Конвертировать талант и интеллект в богат- ство страны...»	106
ГРЕБЕНЩИКОВ В.Ф. «Мне сегодня ничего ни от кого не надо»	113
ГУГУЧКИН В.И. «Сложную технику можно делать, только если вокруг богатая культурная среда...»	119
ДАНИЛОВ С.А. «Судья – это организатор боя...»	127
ДОБРЫНИН П.Я. «Чтобы оставить не разбитое корыто...»	133

ДРОЗД Д.Н. «Счастье – это быть независимым»	140
ЕЛЕЗОВ А.Б. «Я самолетчик, а тут какие-то тряпки!»	147
ЖИБИНОВ В.А. «Чистое небо – моя профессия»	153
ИСЮК В.И. «Я ушел спасать завод»	158
КАПЛУН М.С. «Сетевая структура – самая устойчивая»	164
КОЖЕМЯКО С.И. «Меня заметили...»	171
КРУЧИНИН М.А. «А зачем это – чувствовать себя взрослым?»	177
КУДРЯВЦЕВ М.Г. «Не изменять своим принципам»	183
КУЗИЧЕВ М.В. «На слонов охотиться я отказался»	187
КУЗНЕЦОВ В.В. «Удовольствие решать задачи»	192
КУЛИПАНОВ Г.Н. «Вот оно и будет, счастье... »	201
ЛОКОТЬ А.Е. «Я вернулся к вам работать»	207
ЛОКТИОНОВ В.И. «Мы начали строить завод...»	215
МАТВЕЕВ С.Ю. «Я вернулся к теме отца...»	220
МЕДВЕДКО В.С. «Почетный гражданин маленького города»	226
МЕТЕЛЬСКИЙ Ю.В. «Я свое дело сделал...»	233
МИЛЛЕР В.Г. «Я еще что-нибудь расскажу...»	241
МИНХ И.Э. «Я всем докажу!»	248
МИХАЙЛОВ С.Н. «Высаживались на острова с пингвинами...»	255
ОСАДЧИЙ А.С. «Вся жизнь на одной площадке»	261
ПАК В.А. «Всё зависит от человека...»	268
ПАНАСЕНКО С.Н. «На даче я посадил абрикос...»	275
ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ М.Р. «У меня много лиц»	281
ПУСТОВОЙ Н.В. «Я рисковал часто...»	287
РОЖКОВ В.В. «Радость человеческого общения»	294
СЁМКА С.Н. «Мне до сих пор снится "Сибсельмаш"»	299
СКАТОВ А.В. «Мы готовы взять ответственность на себя...»	305

СОКОЛОВ Г.А. «Мне нравится быть наедине с собой»	310
СТАРИЦЫН С.Г. «Жизнь связала и с наукой, и с военной службой»	318
СЫСОЕВ А.В. «Мы выели весь изюм и теперь переходим к булке...»	323
ТИХОНОВ Ю.А. «Я родился в Курской области ...».....	332
ТИХОНЮК В.Е. «Никогда ни о чем не жалею...»	338
ФАДЕЙКИНА Н.В. «Нельзя в России что-то создавать»	343
ФИЛИЧЕВ А.Г. «Я на самом деле веселый, певучий ...».....	350
ЦЕЛИЩЕВ В.В. «Моя жизнь в основном посвящена книгам...»	356
ЧЕБОТАЕВ В.П. «Его звали Биг Бен...».....	364
ШЕХОВЦОВ А.Р. Фрагменты географии	368
ШИПЛЮК А.Н. «Море далеко, а самолеты рядом...».....	374
ШПИКЕЛЬМАН А.М. «"Байт" на иврите значит "дом"...».....	379
ЯКОВЛЕВ А.Н. «Я счастлив в семье и счастлив в работе»	386
ОБ АВТОРАХ.....	393
Пономарев Владимир Борисович	393
Гилева Екатерина Валерьевна.....	397

**Гилева Екатерина Валерьевна
Пономарев Владимир Борисович**

**ВЫПУСКНИКИ – ГОРДОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА
к 70-летию НГТУ НЭТИ**

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Художественный редактор *А.В. Ладыжская*
Корректор *Л.Н. Киншт*
Компьютерная верстка *Н.В. Гаврилова*

Подписано в печать 21.04.2021
Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 32,57. Печ. л. 25,25
Тираж 600 экз.
Изд. № 16. Заказ № 482

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Издательство Новосибирского государственного
технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
Тел. (383) 346-31-87
E-mail: office@publish.nstu.ru

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20